

Александр ГЛАЗУНОВ

*Когда
обнажаются
корни*

Москва
2022

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.44
Г 52

Глазунов А.К.

Г 52 Когда обнажаются корни. – М.: Издательство «У Никитских ворот», 2022. – 380 с.

ISBN 978-5-00170-454-6

Эта книга о людях, героях своего времени, которое относится к периоду перестройки, лихих 90-х, жертвами которых, особенно в морально-нравственном отношении, стали десятки миллионов людей. И эти люди, состоящие на государственной службе, или чиновники, от министров до обычных инженеров достойны того, чтобы о них помнило общество, ради благополучия которого, – настоящего, а не мнимого, либерального, – они, не задумываясь, жертвовали личным и никогда не жалели об этом. Это те самые люди, кого сегодня унизительно называют «совками», но которые больше всех понимали опасность развала СССР и думали о будущем не только своего государства и народа, но и всего мира. И препятствовали этому разрушительному процессу, как только могли, в пределах своих профессиональных и человеческих возможностей. И не их вина, что они и им подобные проиграли...

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.44

ISBN 978-5-00170-454-6

© Глазунов А.К., 2022
© Оформление. Издательство
«У Никитских ворот», 2022

*Эту книгу я посвящаю Милене и Максиму
АНДРИАНОВЫМ,
моим любимым правнучке и правнуку
с надеждой, что они никогда не забудут
своих корней и останутся людьми
совести, чтобы ни случилось!*

От автора

«*Когда обнажаются корни*» – это книга о людях уходящего поколения, о тех, кто честно жил и работал на благо народа, строил свое социалистическое советское государство и искренне верил в его идеалы. Но на карте мира Советского Союза теперь нет. Однако это ни в коем случае не означает, что сборник очерков «*Когда обнажаются корни*» – книга об исчезнувшем историческом прошлом, обычная ностальгическая реакция мелких осколков канувшего в вечность. Да, события уходят, оставаясь сначала лишь в памяти тех, кто их вершил, потом в документах или в произведениях искусства. Но ведь должен существовать, и обязательно существует, в каждой цивилизации, у всякого народа тот нравственный стержень, те корни, которые объединяют людей и духовно направляют развитие национальной культуры, жизнь целых поколений, определяют судьбу каждого человека. Это совесть!

Почему-то понятие совестливости присуще только русским людям и содержится лишь в русском языке. Но это и говорит о многом. Потеря совести как нравственной категории, ответственности перед Богом, обществом и самим собой может привести разве что к разложению и гибели. Вот почему именно совесть является тем внутренним огнем, той живой энергией нравственного величия человека, даром Божиим каждого с момента его рождения и мерилom всей его жизни, что и определяет Человека. И пусть у одного эта искорка только тлеет, а у другого – полыхает пожаром, невыносимо жжет внутри от любой несправедливости или проявления зла, но она не дает жить спокойно, безразлично. Ни себе, ни людям!

О таких и книга «*Когда обнажаются корни*» – о людях с совестью в экстремальной ситуации, потому как перестройка в России и стала стихийным бедствием. Ураган реформ обрушился на честных и идейных, ломая и корежа их под натиском лжи и клеветы. Но буре удалось лишь обнажить корни могучих деревьев, но не вырвать их из земли.

Такие люди тихо уходят из этого мира. Да только может ли совесть стать пережитком прошлого? Разве не она является основой всего человеческого в человеке? Или России, как и русскому народу, сегодня уже не нужна защита? Хотя бы от тех «общечеловеческих ценностей», которые так упорно насаждаются на Руси не одно уже столетие? Злобой и кровью. Всего лишь за 400 лет, начиная с 1055 года, историки насчитали 245 известий о нашествиях на Русь и внешних столкновениях. Из 537 лет после Куликовской битвы до окончания Первой мировой войны Россия провела в войне 334 года. Против всяческих антирусских союзов и коалиций. Такое нашествие на Русь можно объяснить только превеликим страхом темных сил перед православной верой, чистотой и совестливой наивностью православных христиан, вера которых и делала их необоримыми. И что пытались поломать инородцы, погрязшие во лжи и насилии под лозунгом демократии и свободы, силой оружия. Не вышло! Сегодня Россию разлагают изнутри той же «демократией и свободой».

Да только кто сейчас в России свободен и от чего? Грабители от мук совести? Насильники от ответственности? Сегодня наглость и цинизм ставятся в ранг достоинств, а честность и совестливость – в пережиток советского прошлого. Развращенность называют раскрепощением духа, а секс – мерилom взаимоотношения полов. Любовь как светлое Божественное чувство – и за всю историю своего существования на Руси никогда «секса не было» – замусолили пошлой эстрадой и порнографической литературой. Зло и ненависть обозначили характерными чертами сверхчеловеков, которые, мол, и призваны вершить судьбами людей, а совесть и правдивость, святое чувство невинности, сострадания, помощи ближнему, когда «сам погибай, а товарища выручай», что и приводило всегда к победе русского духа и оружия во всех освободительных войнах, уже два десятка лет в нашей стране осмеиваются инородцами, подвергаются сарказму по той лишь причине, что им самим недоступно такое Божественное величие духа. Плоть поглотила их в стремлении урвать от жизни все. Да только не бывает обезличенных олигархов, имя им – миллионы обездоленных, бесстыдно ограбленных россиян. Так ведь Бог видит все!

Сейчас уже немногие и знают, что до революции население России росло такими темпами, которые незнакомы были ни одной стране в мире. Достигалось это именно за счет русских, когда в их семьях было вполне естественным делом иметь 10–12 детей. Жизненные условия это позволяли. По сегодняшним финансовым и иным меркам завести в семье и одного ребенка накладно. Но это лишь потому, что «Россия не есть государство русского народа», о чем сетовал Высокопреосвященный Иоанн, Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. А ведь именно костями русский людей на девяносто процентов усеяны поля сражений с нашей стороны и во время Первой мировой войны, и Великой Отечественной. К тому же в современной России 80% населения составляют тоже русские, чтобы ни утверждали чиновники.

Великий русский философ Иван Ильин среди врагов России особо выделял таких, которые «не успокоятся до тех пор, пока им не удастся овладеть русским народом через малозаметную инфильтрацию его души и воли, чтобы привить ему под видом «терпимости» – безбожие, под видом «республики» – покорность закулисным манованиям и под видом «федерации» – национальное обезличение».

И то, что «они» не успокаиваются, теперь хорошо видно всем. До перестройки ни я, ни мои знакомые как-то не очень-то и верили в троцкистов, в их террористическую и подрывную деятельность против Советской власти и народа. А Сталин, очевидно, просто придумывал все это для непонятных репрессий. Спасибо «новому мышлению», сегодня многое стало понятно, а главное, что троцкисты – не миф, их пятая колонна продолжает свое дело, работает, бесчинствует и сейчас.

Россия не просто поражена искусственно созданным экономическим кризисом и низвергнута во мглу хаоса, лжи и смуты, безверия и оголтелого эгоизма, Россия сегодня – над бездной. Вывести ее из гибельной зоны сможет только истинный проводник добра и света, но никак не «пьяный кучер». И кто поведет, чтобы среди русского народа такого не оказалось. Он есть, иначе враги святой Руси не ожесточались так против русских и православия. Как писал владыка Иоанн Кронштадский, «порыв к истине – вот единственный шанс преодолеть окружающий

хаос, рассеять сгустившуюся тьму. Невзирая на сопротивление тех, кто чувствует себя во мраке удобно и безопасно, кто сознательно и целенаправленно создает его, ибо находит в этом для себя прямую выгоду. О таких сказал Господь: «Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего... Нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи» (Иоанн. 8.44). Но тогда и тот, кто под видом смирения прячет голову в песок перед врагами святой Руси и православия, становится предателем веры и пособником темных сил. Таким не будет прощения на Земле, а на небесах Бог всех рассудит.

Вспомните Серафима Саровского или Сергия Радонежского. Он не только благословил на смертный бой великого князя Дмитрия Донского и русское войско с татаро-монгольскими полчищами Мамайя, но и вопреки всем существовавшим церковным канонам отпустил из монастыря монахов-иноков сражаться за Русь святую. И это была оправданная мера.

Только с XV по XVIII вв. татары и турки своими многочисленными набегами захватили в полон и обратили в рабство около 5 миллионов русских. Но если в 1480 году Россия имела население в два миллиона человек, то есть в 9 раз меньше, чем во Франции, то в 1648 году, когда русские первопроходцы открыли водный путь из Северного Ледовитого океана в Тихий, до предела раздвинув восточные границы России, ее население насчитывало уже 12 миллионов жителей – против 9 миллионов во Франции. В 1880 году число подданных Российской империи превысило 84 миллиона человек, уже в 2,5 раза превзойдя ту же Францию. Накануне Первой мировой войны Россия имела 190 миллионов населения. В 1912 году Президент Соединенных Штатов Тафт заявил на встрече с российскими дипломатами: «Ваш император создал такое совершенное рабочее законодательство, каким ни одно демократическое государство похвастаться не может!» Не будь социальных катастроф, искусно организуемых на Западе, уже к 1950 году в нашей стране проживало бы 300 миллионов человек. Не этого ли и опасались те вражеские силы иноверцев, которые развязали и Первую мировую войну, и Октябрьскую революцию, Гражданскую войну и Великую Отечественную?

«Посеяв в России хаос, – писал в 1945 году американский генерал Аллен Даллес, руководитель политической разведки США в Европе, ставший впоследствии директором ЦРУ, – мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих помощников и союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на Земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания. Из литературы и искусства, например, мы постепенно вытравим их социальную сущность. Отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением, исследованием тех процессов, которые происходят в глубине народных масс. Литература, театры, кино – все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых творцов, которые станут насаживать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства – словом, всякой безнравственности.

В управлении государством мы создадим хаос, неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу: все это мы будем ловко и незаметно культивировать...

И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратив в посмешище. Найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества».

Да разве такое признание американского генерала Аллена Даллеса более чем семидесятилетней давности не доказывает, что именно этой программы и придерживались архитекторы перестройки в России? Такие, как Горбачев, Ельцин, Яковлев, Гайдар, Бурбулис, Немцов, Березовский, Абрамович, Хадар-

ковский, Чубайс и иже с ними? Результаты их деятельности по сценарию с Запада в нашей стране сегодня у каждого россиянина перед глазами.

Как тут не вспомнить слова Государя Императора Александра III, на посмертном одре сказавшего наследнику-цесаревичу: «Знай, у России нет друзей. Нашей огромности бояться...»

«Огромности России» больше не существует. Да и русский народ раскатали по человеку, насильно пытаются лишить нас чувства коллективизма, соборности, взаимопомощи, соучастия и доверчивости друг к другу. Может, настала пора задуматься сегодня над словами владыки Иоанна Кронштадского: «Для тех, кто сжег свою совесть на костре тщеславных вожделений и сребролюбимых помыслов, он станет гласом Страшного Суда, предрекая неложно и грозно жалкий, бесславный конец нераскаявшимся страстолюбцам...»

Мы утратили духовную наполненность жизни. Мы поддались на приманку миражей материального благополучия, забыв пророческие слова о том, что «дух животворит, плоть же не пользует нимало...» Мы позволили низвести себя до уровня мыслящих животных – полускотов, полулюдей, отличающихся от первых способностью самосознания, но не принадлежащих к последним из-за прискорбного паралича духовных потребностей души».

Нет, сборник очерков «Когда обнажаются корни» – не воспоминания о прошлом, не книга о людях уходящего поколения, она – дань будущему. Ибо людям с чистой совестью и принадлежит будущее России. Низменное не созидает, черная полоса в российской истории обязательно сменится светлой. Поручику тому – не умирающая в русских людях совесть, тот душевный огонь, который и сегодня не погасить никаким сатанинским силам. Это не просто надежда, это – корни вечнозеленого дерева Православия и России.

«Две силы действуют в сердце человеческом, – писал Святой праведный отец Иоанн Кронштадский, – Сила первая – Закон Божий, незримо начертанный всемогущим перстом Его на скрижалях нашей души. Совесть – вот неусыпный страж и глашатай этого Закона. Сила вторая – мятежные порывы разрушительных страстей: гордыни и властолюбия, тщеславия

и алчности, похоти и злобы, зависти и лицемерия. Каждая из двух сил свидетельствует о себе приличным ей образом, пытаюсь склонить на свою сторону нашу свободную волю. Здесь – место брани духовной. Здесь решается индивидуальная человеческая судьба и определяется ход мировой истории».

И это происходит, когда обнажаются корни всего человеческого в человеке.

Не растратившие огонь

I

«... *А* вот как счас слышится – пелось в ней об тяжком вражеском иге на русской земле. Конями ее топтали, огнем жгли. Народ секли да резали, в слезах он захлебывался. И поднялся, значит, он, народ, на битву небывалую, да... Вышли воины на бескрайнее степное поле, все разноцветьем покрытое. И начали с басурманами биться. И полегли, почитай, все, но врагов побили, а остальных вспять повернули, да погнали... Ну, после вернулись на потоптанное, разрытое копытами поле. Врагов мертвых пособирали, в речку покидали, что во вражий стан текла. Получайте, мол... А своих похоронили. Могильных холмиков не стали делать, разровняли все поле, чтоб, значит, опять ромашки на нем выросли, другие цветы всякие, чтоб испокон веку было оно все так же солнечным брызгом обсыпано... Но чудная трава какая-то стала прорасти на этом поле – жесткая, стеблистая. А под осень каждая травинка выбросила белые волосы. Поседело, значит, все поле от горюшка... Вот так. И с тех пор повелось: погибнет человек за землю – в нее же и ляжет... И вырастет где-то еще одна седая травинка, стоит да плачет под ветром. Так и в песне той поется... Плакал мой отец, когда пел эту песню. Мне бы, дураку, слова-то все заучить... А я... Так вот и теряем свои песни...»

Эти строчки из романа Анатолия Иванова «Вечный зов» Алексею Ильичу запомнились накрепко давно. Но сейчас смысл их, тихое, но душераздирающее звучание откуда-то изнутри себя, словно из самого сердца, он воспринял настолько обостренно, будто и его, Зверева, есть вина в том, что теряют поколения вместе со своими русскими песнями и саму историю России. А может, так оно и было на самом деле? Жизнь-то не безупречно прожита, да и годы суровые не давали послабления. Но песни пели...

Алексей Ильич вдруг и в самом деле услышал откуда-то издалека рвущиеся, пробивающиеся как сквозь пелену голоса, нестройно поющие сибирскую песню о колодниках:

*Скрывалось солнце за степью,
Вдали золотился ковыль.
Колодников звонкие цепи
Взметали дорожную пыль.
Идут они с бритыми лбами,
Шагая вперед тяжело,
Лениво сгибая колени...
На сердце раздумье легло.
Динь-бом, динь-бом,
Путь-дорожка дальняя.
Динь-бом, динь-бом,
Слышно там и тут.
Динь-бом, динь-бом,
Нашего товарища
На каторгу ведут...*

Туман редел, уплывал куда-то, а за ним Зверев уже видел тайгу до горизонта, синий прочерк протекавшей речушки и приземистые избы села Большеречье. Именно там, в Сибири, он впервые услышал эту душещипательную песню, запомнив-шуюся ему на всю жизнь. А было это пятьдесят лет назад...

... – Нет, Алексей, за Сибирью – будущее. Этот край всем богатый, хотя и суровый. Но зато и народ характером крепок, душою щедрый. Как сама сибирская земля. И песни наши такие же...

Лица сидящих за столом виделись Звереву расплывчатыми – надымили-то здорово. Да еще брага оказалась крепкой...

– Места красивые здесь, – сказал Алексей вполне искренне. Ему нравилось, как его встречали здесь, в Сибири, что наконец-то он добрался до невесты своей Клавы, и что у нее такие хорошие товарищи-учителя. Немного вроде строг директор школы Смирнов, но зато Алексей Иванович Шебанов, секретарь партийной организации, веселый человек, и песен много знает.

– Места у нас, верно, душевные, – подхватил парторг школы. – В тайгу когда уходишь, время не замечаешь. В лесу не бывает скучно, да и как в глубине этой самой жизни скуке образоваться.

– Так что, Алексей, – улыбнулся директор, – поживи у нас, оглядись, красота наша сибирская, может, и тебе в сердце заглянет. Клава твоя уже точно сибирячкой стала. И мы ее так просто тебе не отдадим.

Молодые учительницы, сидевшие за столом напротив Зверева, приснули со смеху, а Клава закрыла вдруг запылавшее лицо ладонями. Завуч школы Редкусов заметил ее смущение и, подняв стакан, громко сказал:

– Мы ведь еще «горько» не кричали жениху и невесте.

Клава ойкнула, зардевшись пуще прежнего, с испугом посмотрела на Алексея, но тот быстро поднялся, обнял ее за плечи и поцеловал.

– Ну вот, теперь приезд отпразднуем, и свадьбу...

Однако Смирнов не поддержал общего веселья – Алексей, мол, такой путь преодолел по нашему бездорожью, что ему пора и отдохнуть. И это было действительно так...

... – Алексей Ильич, вам минеральной или фруктовой?

Зверев будто вынырнул из забвения. Одновременно в уши ворвался монотонный низкий гул. Он увидел улыбающуюся бортпроводницу с тележкой, на которой возвышались пирамидкой пластмассовые стаканчики, стояли разнокалиберные бутылки.

– Да все равно, Всеволод. Спасибо...

В салоне самолета было душно, и Алексей Ильич с удовольствием глотнул прохладной минералки. Глядя на своих соседей, он все еще изумлялся тому, насколько могут быть неожиданными повороты судьбы и в его возрасте. Две недели назад Зверев и думать не мог о том, что ему предстоит лететь в Новосибирск, да еще по официальному приглашению самого губернатора...

За несколько дней до Нового 2001 года Алексей Ильич получил ксерокопию вырезки из газеты Новосибирской области «Советская Сибирь». И, честно признаться, ждал он ее с не-

терпением. Утром ему позвонил из Новосибирска его давний хороший знакомый, бывший председатель Татарского горисполкома Николай Яковлевич Савченко. Правда, Зверев его сразу-то и не узнал, услышав в трубке взволнованный мужской голос со старческой хрипотцой по междугородной линии:

– Алексей Ильич? Вы меня слышите? Вы уже в курсе, что вам присвоено почетное звание гражданина двадцатого века Новосибирской области? Решением общественной комиссии... алло? Алексей Ильич? Вы меня слышите?..

Зверев попытался было у него выяснить, насколько это соответствует действительности, да и вообще в чем там, собственно, дело, но Савченко ответил, что официально свои слова ничем пока подтвердить не может, сейчас вот сидит перед телевизором, по которому и передают это сообщение.

Алексей Ильич не на шутку разволновался, хотя прекрасно понимал, что даже переданное по телевизору сообщение может оказаться ложным. Тем более, что поверить в подобное ему было довольно сложно. Алексей Ильич действительно работал когда-то председателем Новосибирского облисполкома, но с тех пор прошло чуть ли не тридцать лет, он давно уже на пенсии.

В тот момент Алексей Ильич и не подозревал, что фактически в течение всего декабря жители Новосибирска и области писали, звонили в общественную приемную губернатора, называя имена тех своих земляков, кто, как они считали, вполне мог быть удостоен почетного звания «Гражданин XX века» Новосибирской области. Лучших за прошедшее столетие. По распоряжению главы администрации Виктора Толоконского, была организована рабочая группа, совет экспертов, во главе с вице-губернатором Андреем Филичевым. Она и должна была отобрать 25 самых достойных своих земляков, прославивших и область и, значит, всю Россию, из тех, кого чаще других назовут новосибирцы. И это действительно был единственно верный путь, потому как лишь сами люди могли определить, оценить по достоинству тех, кто своими делами оставил в их памяти неизгладимый след.

Жители Новосибирской области назвали 240 кандидатов, и среди них не было, конечно, недостойных, они в той или иной степени и в разное время сделали немало для региона и стра-

ны. И все же среди достойных надо было выбрать таких, чьи имена назывались чаще других. Их и оказалось 25 – «Граждан XX века» Новосибирской области, самых ярких представителей столетия, кто всей своей жизнью, делами мог быть и стал примером для будущих поколений.

Обо всем этом Зверев узнал из газеты «Советская Сибирь», вырезка из которой ему была прислана вместе с официальным приглашением в Новосибирск на торжественную церемонию для вручения памятной медали и соответствующего свидетельства. Однако, когда Алексей Ильич ознакомился со списком избранных века, он еще долго не мог успокоиться. Его фамилия, которую он не сразу и нашел, стояла в одном ряду с теми, кто несомненно вошел в историю нашего столетия. Трижды Герой Советского Союза летчик Александр Иванович Покрышкин, Народная артистка СССР Лидия Ивановна Крупенина, академик, лауреат Нобелевской премии Леонид Витальевич Канторович, писатель, лауреат Государственной премии СССР Анатолий Степанович Иванов...

С Анатолием Ивановым Зверев был хорошо знаком. Когда писатель приезжал в Новосибирск, он обязательно заходил в Обком партии к первому секретарю Александру Павловичу Филатову, с кем дружил долгие годы. Алексей Ильич был в то время председателем Облисполкома, и втроем они просиживали за разговором длительные вечера. Не раз Анатолий Степанович просил Зверева рассказать о его работе главным агрономом и директором МТС в 50-е годы. И хотя жизнь той поры в селе писатель и сам знал неплохо – Иванов работал редактором районной газеты, однако ему интересны были люди, их жизненный опыт, человеческие качества. Алексей Ильич выкладывал Иванову все без утайки, ничего не приукрашивая, но больше говорил о тех, кто с ним рядом жил и работал, чем о себе. А как же иначе? Его жизнь – это и есть взаимосвязь людских дел и поступков, переплетение судеб. А какова она, судьба, зависит от того, что из себя человек представляет. Вообще-то Зверев был убежден, что жизнь не может быть несчастливой, если сам человек этого не захочет. Да, порой она способна гнуть немилосердно, испытывать на излом, как говорится, но ломается человек только сам, потеряв веру в

людей и высшую справедливость, а с нею и все человеческое. И сейчас, начав вдруг вспоминать свою молодость, окрепшую и возмужавшую именно в Новосибирской области, Алексей Ильич, образно говоря, как бы снова припадал к сибирской земле, слушал ее беспокойное дыхание, ее суровый голос, пытаясь понять и оценить ее сокровенное. Соки земли сибирской питали Алексея Зверева и Анатолия Иванова фактически в одно и то же время и из одного источника. Потому, наверное, и понимали прекрасно друг друга.

Однако теперь, читая список избранных новосибирцев Зверев буквально растерялся. Он никак не мог себе вообразить, за что же новосибирцы удостоили его такой чести. За какие-такие героические дела причислили вдруг к выдающимся личностям XX столетия? Чем он, бывший агроном, директор МТС, потом секретарь Кыштовского, Черепановского, Сузунского райкомов партии, а затем председатель Новосибирского облисполкома мог заслужить такую долгую память у людей? За что? Но ответа на этот вопрос Зверев так и не нашел.

Когда за новогодним столом собралась, как было принято у Зверевых, вся семья – четырнадцать человек, Алексей Ильич не без дрожи в голосе объявил, что по воле новосибирцев он избран «Гражданином XX века». Сначала наступила непонятная тишина, а потом раздался изумленный голос младшего сына Михаила:

– И за что же тебе, отец, такой почет?

В его словах сквозило отнюдь не сомнение в правильности выбора жителей Новосибирской области, а неприкрытое желание знать, что же такого героического совершил их отец и почему им об этом ничего не известно. Однако его вопрос так и остался без ответа, потому как пробило десять часов вечера, а это значило, что по новосибирскому времени Новый год там уже наступил. Все подняли бокалы с шампанским...

Так уж повелось в семье Зверевых, что Новый год они встречали дважды – по сибирскому и по московскому времени. Это была традиция, неписанный закон для всех, который установила память как дань самому дорогому и светлому в их жизни. А вскоре и звон курантов известил, что наступило новое столетие нового третьего тысячелетия. Однако вопрос сына

Алексей Ильич не забыл, он, честно говоря, просто не знал, что ответить Михаилу. Но именно в ту минуту Зверев понял, как необходимо в этом разобраться ему самому. Он еще не осознавал, зачем ему это надо – конечно же не для того, чтобы потешить собственное самолюбие, такого за собой он никогда не замечал. Алексей Ильич интуитивно чувствовал, что за ответом на этот тревожащий его вопрос кроется понимание для него очень важного, но чего пока обнаружить Зверев был просто не в состоянии. Он догадывался, что, очевидно, главное наступит там, в родной Новосибирской области, куда Алексей Ильич приезжал всякий раз с особым чувством прикосновения к молодости – трудной, порой до изнеможения жесткой, заставлявшей нередко выбиваться из сил, но в то же время необыкновенно счастливой. Тяжелые будни обостряли редкие праздники до фейерверка чувств, похожего на салют в честь долгожданной победы. Работали на совесть, горбатились и в МТС, и на полях, и в лесу, и на собственном огороде, потому как жили своим трудом. И если награждали председателя колхоза, то вместе с ним и десяток-другой колхозников, ибо труд был коллективным, и самых достойных представляли к государственным наградам.

Однако Зверев пока еще и не догадывался, насколько не просто окажется найти ему ответ на столь, казалось бы, простой вопрос: за что? Правда, жена Алексея Ильича эти его метания не одобрила, рассудив чисто по-женски:

– За что? А ты вспомни, как мы жили тогда? Как начинали? На частной квартире в селе. Ты же сутками с лошади не слезал, объезжая бригады, находившиеся за десятки километров от МТС. И так почти каждый день. Но нам люди помогали, всем миром, можно сказать, и мы им отплачивали тем же. Просто об этом мы никогда не думали, а так жили. И ты все эти годы принадлежал даже больше новосибирцам, чем мне. Там наши человеческие корни, оттуда и наше душевное начало. Мы так жили, и в этом наше счастье...

Клавдия Никитична, сама того не подозревая, и дала толчок к «ревизии» Зверевым своего прошлого. Алексей Ильич почему-то был уверен, что на свой «простенький» вопрос он так просто ответ вряд ли получит. И только одно успокаива-

ло – там, в Новосибирске, все тревожащие его сейчас вопросы наверняка найдут свое разрешение. Однако Звереву хотелось именно до этого момента если уж и не во всем разобраться полностью, так хоть приглядеться тщательно к прожитому, посмотреть на него как бы со стороны. Он должен найти, что сказать при встрече своим землякам новосибирцам.

«...Все люди вместе живут. Да поврозь часто думают. В этом все и горюшко на земле. Весь корень тут...

Человек от человека греется...

...В ее глазах, в ее лице и во всем облике этой старухи Наташа словно бы снова прочла все то, о чем она только что рассказывала: были у этой женщины невообразимые страдания и муки, но было и солнце, которое щедро грело ее в самые тяжелые минуты, были запахи свежей весенней земли, трав и цветов, которые волновали и заставляли свободно биться сердце, встречались и люди добрые, которые искренне делились с ней теплом своей души и скудно отпускаемой кем-то во все времена человеческой радостью...»

Поворот судьбы

Апрельское солнце расщедрилось на тепло. Деревья распустили листву, и лес сочно зеленел на фоне белесой голубизны неба. Алексей неспеша шагал по грунтовой дороге, уже просохшей, и лишь затвердевшая комьями грязь в выбитых колеях свидетельствовала о недавней весенней распутице. А ведь всего неделю назад именно по этой дороге ехал он из Кыштовки на кошеве, запряженной смирной пегой кобылой, вместе с Иваном Яковлевичем, завхозом Большереченской семилетней школы, петляя меж колок – лесных островков среди весеннего разлива, и радуясь предстоящей встрече с невестой своей Клавой. Все в их будущей жизни было для Алексея ясно и понятно, как вот эти клейкие листочки на деревцах. И уж в тот момент он никак не ожидал, что в скором времени так же пешком будет снова идти по этой же дороге, озабоченный только одним – как уехать вместе с Клавой в Белоруссию, куда

Зверев был направлен по распределению после окончания сельхозакадемии.

Вот почему сейчас Алексей мало обращал внимания на окружающую его красоту, отягощенный своими мыслями и заботами, которые, как ему теперь казалось, поставили его в положение почти безвыходное. И снова, уже в который раз, он прокручивал в памяти свой разговор в райкоме...

– Видимо, у нас вам здорово не понравилось, что вы так торопитесь уехать, – первый секретарь Кыштовского райкома партии Лопатин удрученно развел руками. – Может, люди плохие попались...

– Почему? – растерялся Алексей, не ожидавший услышать такое от первого секретаря. – Наоборот, Михаил Васильевич, и люди хорошие здесь, и песни душевные поют, и места у вас красивые...

– Ну вот, – улыбнулся Лопатин, вставая из-за стола и подходя к Звереву с таким видом, словно хотел ему доверительно сообщить нечто важное. – За Сибирью, дорогой мой, будущее страны, ее осваивать надо. И в первую очередь развивать сельское хозяйство. Вы же агроном с высшим образованием, Белорусскую сельхозакадемию закончили...

– Михаил Васильевич, – загорячился Алексей, не понимая, зачем ему Лопатин все это говорит, – я приехал за женой. Сами посудите, у меня направление в Западную Белоруссию работать главным агрономом совхоза. Меня там давно ждут. А Смирнов, директор школы, где Клава преподает биологию, говорит, что до конца учебного года отпустить ее не имеет права. Но я же не могу ждать здесь месяц, для меня плохо кончится, если я не приеду к месту работы в срок.

Лопатин внимательно посмотрел на него, отошел к окну и, глядя на пробивавшуюся по обочине дороги молодую траву, с чувством произнес:

– Ишь, как оживает все под солнцем. Для апреля такая теплая погода – редкость. Никак к вашему приезду расщедрилась.

Он отошел от окна и задумчиво проговорил:

– Значит, решили ехать один в Белоруссию? Что ж, если иного варианта не видите, придется. А жена к вам приедет попозже...

Попозже! Что же он зря за ней ехал из Белоруссии в эту далекую Сибирь? Пять суток добирался со станции Чаны до неведомой ему Кыштовки, чтобы потом таежной дорогой попасть в село Большеречье. Клава ведь и деньги ему на дорогу выслала, и вот на тебе – приехал! Правда, к секретарю райкома Зверев пришел, не очень-то и надеясь на его помощь. То, что учительницу Клавдию Тарабрину до окончания учебного года никто не имеет права отпускать, Алексей уже слышал и в Районо, и в Облоно. В общем-то они были правы, и вряд ли здесь так Клаву уважали, если бы она способна была бросить своих учеников и уехать. Да вот как ему-то быть?

После разговора с директором школы Алексей тоже сказал Клаве, что придется ему уехать пока одному, но не успел и договорить, как она сердито закричала:

– Я тебя одного не отпускаю, слышишь?

Последней попыткой как-то разрешить этот вопрос и был приход Алексея к секретарю райкома. Но, как видно, и здесь вышла осечка.

... – А условия у нас в Сибири, – снова услышал он неторопливый говорок Лопатина, – куда сложнее, сельское хозяйство здесь трудоемкое. Мы могли бы предложить вам должность главного агронома в Чекинской МТС. Дело серьезное и ответственное, а для молодого специалиста еще и большое доверие. Так что решайтесь, – усмехнулся Михаил Васильевич, – а то ведь действительно придется одному ехать. Хотя, по вашим словам, – он хитро прищурился, – вы этого не боитесь, так как семья у вас довольно крепкая...

Зверев неожиданно смутился. Три дня назад он был в Кыштовском районо, где добивался, чтобы Клаве разрешили с ним уехать. А в качестве неоспоримого аргумента своей правоты сказал, что нельзя разбивать молодую крепкую семью. И услышал в ответ:

– Раз вы уверены, что семья ваша крепкая, то ничего не случится, если жена к вам приедет позже...

Последние дни Зверев чувствовал в себе какое-то раздвоение личности. Честно говоря, в Большеречье ему понравилось, да и люди отнеслись к нему по-дружески, чужим себя он здесь не чувствовал. Но как раз это Алексея сейчас и удручало

больше всего. Ведь направление в Западную Белоруссию не отменит и первый секретарь Кыштовского райкома партии.

– Кстати, – заговорил снова Лопатин, вытаскивая папиросы и предлагая закурить Алексею, но тот мрачно отказался, – директор Чекинской МТС Петр Власович Бобров прекрасный механик, хотя и без высшего образования. И человек хороший, хозяйственник.

– Так ведь направление на работу со счетов не сбросишь, – буркнул, вздыхая, Алексей.

– А вы все равно подумайте...

О чем ему надо было подумать, Зверев так и не понял. Да и вообще разговоры все эти были какие-то странные. Создавалось впечатление, что никто не слышал, о чем он говорил.

В Большеречье Зверев возвращался, погруженный в невеселые думы. Он отмеривал километры, не замечая их, пока не оказался у небольшого мостка через прозрачную речушку, которую правильней было бы ручьем назвать. За ним сквозь деревья уже виднелись дома Большеречья. Название села красивое, видно, большой патриот этих мест его давал, или шутник, раз ручеек этот в половодье можно было в сапогах перейти.

Село открылось сразу, и Алексей ощутил одновременно и навалившуюся вдруг усталость, и радость оттого, что наконец-то пришел домой. Поймал себя на этой мысли и усмехнулся.

– Алексей Ильич, зайдика...

У сельсовета Зверев увидел секретаря партийной организации Большереченской школы Шебанова и председателя колхоза Андросова, с которым встречался только однажды. А он, улыбаясь в усы, спросил без всяких предисловий:

– Значит, надумал уезжать от нас? Почему?

– Да все потому же, причина вам хорошо известная.

– Знаю, – перебил его Петр Григорьевич. – Направление – дело, конечно, серьезное, кто спорит. Но я тебя не об этом спрашиваю. Ты мне прямо скажи – сам-то хотел бы у нас остаться?

– Так если бы это от меня зависело, – устало пожал плечами Алексей. – Потому и планы у меня несколько иные.

– Ну, планы для того и существуют, чтобы их корректировали под местные условия, – переглянувшись с Шебановым,

засмеялся председатель. – Тем более, что жена твоя в селе человек уважаемый, мы ее уже своей считаем.

– Это он потому так говорит, – пояснил Сергей Иванович, – что Клавдия его доверенным лицом была, когда мы выбирали Петра Григорьевича депутатом сельского совета.

– Доверенным! – многозначительно поднял палец Андросов и, видя, что Алексей достает кисет с табаком, вытащил сложенную газету, оторвал на закрутку себе и остальным. – Доверенным, а ты, Алексей Ильич, этого самого доверия нас хочешь лишить.

– Как это – лишить? – опешил Зверев, ничего не понимая.

Шебанов быстро чиркнул спичкой, давая им прикурить, и уточнил:

– Петр Григорьевич хотел сказать, что жаль хороших людей отпускать. Плохих мы не удерживаем.

– Ладно, пусть сам решает, – густо задымил Андросов и поинтересовался: – Ну а в райкоме-то что сказали?

– Предложили работать здесь главным агрономом МТС.

– Вот, видишь, – оживился сразу председатель колхоза, – тебе, молодому и еще неопытному специалисту сразу такое дело доверяют, а ты бежать надумал неизвестно куда и зачем.

Шебанов, внимательно поглядывая на хмурого Алексея, спросил:

– Что же ты ответил?

– Сказал, что подумую, хотя...

Однако председателя колхоза такой ответ, видимо, устраивал.

– Молодец, – воскликнул он, – вот и подумайте вместе с Клавдией хорошенько, прикиньте... До Первомайских праздников время еще есть.

Шебанов бросил окурок на землю, затоптал его и протянул руку Алексею.

– Петр Григорьевич прав, иди домой, отдохни с дороги, а там и придете к нужному решению.

Зверев действительно устал. Распрощавшись, он тяжело зашагал к дому, в котором Клава снимала комнату. В окнах уже горел свет, и Клавдия ждала его с нетерпением. Это он заметил сразу, как только переступил порог. Сбросив гимна-

стерку, Алексей умылся, потом сел к столу, на котором стоял ужин, прикрытый чистым полотенцем. Но он лишь съел кусок хлеба, запивая его молоком.

– Что в райкоме-то сказали? – не выдержала молчания мужа Клава.

– Работу предложили. Серьезную и ответственную, – невесело усмехнулся Алексей. – Я сказал, что подумаю, раз тебя не отпускают. Хотя от таких бестолковых разговоров голова уже пухнет. Ты-то что думаешь?

Зверев мог бы и не задавать этот вопрос, потому как ответ легко читался по выражению лица жены. Однако Клава осторожно заметила:

– Мне в школе все советуют остаться. Я ведь белорусского языка не знаю, выходит, мне все там придется начинать сначала – я же учительница. Тем более, – она замялась, словно не решалась сказать, – Шебанов мне сегодня разъяснил, что положение сейчас в Западной Белоруссии очень напряженное, коллективизация еще не завершена, ни совхозов, ни МТС, ни налаженного хозяйства...

– Потому и направляют туда специалистов, этим же должен кто-то заниматься, – со вздохом проговорил Алексей, прекрасно понимая, что от добра добра не ищут, и он бы, конечно, тоже остался здесь, но ведь и Клава хорошо сознавала – он не имеет на это права. Однако слова жены заставили его прийти к твердому решению – он поедет в Западную Белоруссию действительно один, а там будет видно. Здесь Клавдия права – положение в Западной Сибири не простое...

– Ладно, подождем майских праздников, – попытался было пошутить Зверев, мечтая сейчас лишь об одном – добраться до подушки. И с удивлением заметил, как обрадовалась его словам Клава. Он так и заснул, не понимая, почему все хотят, чтобы он задержался до майских праздников. Что могли решить эти несколько дней...

Утром Зверев поднялся, когда солнце уже стояло высоко. Едва успел сполоснуть лицо обжигающей водой из колодца, как прибежала Клава и потащила его в школу, по дороге сбивчиво объяснив, что ему надо срочно позвонить председателю райисполкома. А спустя минут десять Зверев услышал в телефонной

трубке неторопливый голос Жилеева, который буднично так объявил Алексею, что по просьбе райисполкома начальник Областного управления сельского хозяйства связался на днях с министром сельского хозяйства СССР Бенедиктовым, и вот вчера вечером пришла телеграмма из министерства. В ней сказано, что направление Зверева на работу в Западную Белоруссию аннулируется. Взамен будет выслан приказ Минсельхоза СССР о трудоустройстве молодого специалиста в Новосибирской области. Так что до майских праздников он получит все официальные бумаги.

На следующий день к ним заехал председатель колхоза Андросов и с порога, весело подмигнув Звереву, сказал:

– Выходит, планы свои ты все же подкорректировал? Вот видишь. Знай наших...

Третьего мая за Зверевым пришла машина из Черновки, где и располагалась Чекинская МТС. Алексей уезжал к месту постоянной работы один, Клава оставалась в Большеречье до окончания учебного года. Однако это Алексея уже не волновало.

II

– Алексей Ильич, а вы сами родом из Новосибирска? – спросил сидевший рядом Покрышкин.

– Да нет, – с улыбкой качнул головой Зверев. – Я в Новосибирской области проработал без малого четверть века. Сразу после окончания сельхозакадемии оказался там.

– Понятно, – поглаживая рыжую бородку, сказал Канторович, – по распределению, значит, угодили в Сибирь?

– Да как вам сказать... По распределению-то мне другое место уготовано было. В Сибирь я поехал за женой, а вышло так, что она меня там оставила. Выходит, судьба...

Сказал просто так, полушутя, и в следующую минуту вдруг с изумлением подумал: а так ли уж подобная мысль неверна? То, что Клава играла в его жизни главную роль, это определялось само собой и обсуждению никогда не подлежало. И то, что сейчас он задумался об этом, даже невольно рассмешило Алексея Ильича. Жена, мать его детей, спутница всей жизни...

Но не упрощает ли он этот момент? Да и в чем, собственно, хочет разобраться? И зачем? Однако мысль такая как-то сразу запала и, подобно пружине, стала раскручиваться как бы независимо от воли Зверева. Хотя, конечно, это было совсем не так. Очевидно, жизненная повседневность, личная жизнь, всегда у него отступала на второй план. Приученный с детства к самостоятельности, необходимости решать все вопросы самому, Алексей Ильич настолько к этому привык, что и семейное счастье он считал приложением или, вернее, результатом той же самостоятельности. Сейчас же, вспоминая свои первые годы жизни в Сибири, он вдруг с удивлением обнаружил, что Клава для него всегда была тем душевным фундаментом, без которого Звереву не удалось бы ничего выстроить из того, что им было создано за всю жизнь. И вроде бы подневольные были, не сами выбирали, куда ехать и где работать. Это уже райкомы и обкомы потом взвешивали, оценивали их возможности и способности, человеческие качества, которые они с большей пользой для страны могли бы реализовать. И направляя куда-то одного, всегда учитывали теперь и характер другого. Зверевы стали одним целым. Но они не прикрывали друг друга, а дополняли, уверенные, что счастье в том и состоит, чтобы приносить пользу людям и государству. Что, впрочем, одно и то же. А для такого дела разве можно жалеть сил? Личное разве главное?

Сейчас Зверев засомневался – это для кого как! У них в Черновке не было родственников, а яслей и детсадов тогда не строили, горячей воды и канализации в помине не было. Чтобы прокормить себя и детей, надо было держать скотину, и все хозяйство лежало на плечах жены. Уходя на работу или уезжая в командировку, Алексей Ильич даже помыслить не мог, что Клавдия с чем-то не справится или чего-то упустит. А ведь она еще преподавала в школе биологию, была классным руководителем, обрабатывала с учениками пришкольный участок, который вскоре стал лучшим в районе. И делала все не спуская рукава, а добросовестно, чтобы не стыдно было посмотреть людям в глаза. Как она все успевала? Сейчас Алексей Ильич даже не смог бы ответить на этот вопрос. Знал он лишь одно – иногда ей это обходилось очень дорого...

Зверев прекрасно помнил счастливый день рождения Наташи. После двух сыновей для полного семейного счастья не хватало только дочери, и она появилась. Для Алексея Ильича настоящая радость, а для Клавдии Никитичны еще и дополнительные заботы и тревоги. Буквально на третий день после возвращения домой из роддома, она взялась навести в запущенном доме чистоту и порядок. Но апрель – месяц коварный, вроде и солнце пригревает, да воздух стылый еще и опасный, и снег не везде сошел. Разгоряченная уборкой, Клавдия Никитична закончила ее на крыльце и не заметила, как просквозило. Под вечер поднялась температура по сорок. Зверев вызвал врача, который сразу определил – у больной мастопатия, и ее надо срочно отправлять в районную больницу на операцию.

Пока жена металась в жару, Алексей Ильич пригнал к дому машину, завернул дочку в одеяло – а ей всего неделя-то отроду – и поехал в Кыштовку. Как он доехал, сколько по пути всего передумал, Зверев не помнит. Смутно в сознании проступало, как он мерил шагами длинный коридор больницы в ожидании конца операции. Потом появился хирург без лица – его закрывала марлевая повязка, – который глухим усталым голосом сообщил, что жизнь больной висела на волоске, и слава Богу, что так быстро ее доставили...

Этот момент Зверев хорошо запомнил, потому как свалился с души камень тревог, и он полез, обессиленный, в карман за сигаретами. Но обнаружил лишь пустую пачку, хотя брал с собой нераспечатанную. Выходит, и не заметил, как выкурил.

Сейчас, вспоминая все это в самолете по пути в Новосибирск, Алексей Ильич вдруг с нежностью подумал, что всем своим должностям, чинам и наградам он наполовину обязан жене. Более того, все его трудности в работе и неприятности по службе немилосердно били и по Клавдии, иногда жестоко, и Зверев только сейчас полностью мог осознать, насколько семья была для него в жизни и защитой, и верой, и надеждой. У него же случалось всякое...

«... – А дикая сила – что ж, еехватило на наш век, да и сынам нашим ещехватит... Но тут что главное понимать? Эвон речка Громотуха наша... Невелика царица, а разойдется, бывало, –

только держись, да сумей еще. И крутит, и волной бьет, пеной шипит да в глаза хлещет... не зря и Громотуха. Но это сверху. А в глубине потихоньку течет и течет неостановимо, куда надо. Ветер хлещет, назад волну гонит, а она вперед течет...»

Следствие

– Алексей Ильич, а вам не кажется странным, что мастерские загорелись именно тогда, когда вас назначили исполняющим обязанности директора МТС? Подумайте, может, вы уже себе здесь врагов нажили из числа лентяев и пьяниц? Может, покритиковали кого на собрании здорово...

– Нет, – упрямо мотнул головой Зверев, – ничего такого не припомню.

– Вы хотите сказать, что никогда никого не критиковали?

Молодой капитан государственной безопасности остановился перед сидящим на табуретке посреди кабинета директором МТС и с улыбкой сверху вниз в упор посмотрел на него – взгляд был жестким и требовательным. Однако Алексей Ильич выдержал его.

– Я хочу сказать, что народ у нас на такое не способен, – загорячился он вдруг. – Пожар – чистая случайность, стечение обстоятельств...

– Обстоятельства – это чаще всего последствия человеческих дел и поступков, – бесцеремонно оборвав директора, капитан снова стал прохаживаться по небольшому кабинету замполита МТС – он учился на курсах. И опять Алексей Ильич услышал тихое поскрипывание кожаных ремней португепи и понял, что именно оно его все это время и раздражало.

– Вы поймите, – тихим бесстрастным голосом продолжал капитан, – я должен отработать все обстоятельства дела. А у вас на МТС есть ссыльные.

Зверев улыбнулся и лишь покачал головой.

– Ну а вы как узнали о пожаре? Как это все произошло, можете припомнить?

«Наверное, до ссудного дня не забуду», – мрачно подумал Алексей Ильич.

В тот день перед обедом он как раз и шел в мастерские. У распахнутых ворот стояли два прицепных комбайна, которые утром пригнали на профилактику и сейчас комбайнеры снимали с них двигатели. Поздоровавшись с ними, Зверев вошел в цех, где его сразу же оглушило металлическим лязгом, ревом моторов и визгом шлифовального станка. Зато внутри было прохладно. Обойдя прицепной комбайн, уже полуразобранный, Алексей Ильич увидел заведующего мастерскими Масляева, который что-то объяснял токарю Новожилову, крича ему в самое ухо. За ними в проходе стоял трактор С-80 со снятой гусеницей, он-то сейчас и интересовал Зверева. В это время Масляев заметил директора МТС, но Алексей Ильич махнул ему рукой, делая знак, чтобы он вышел из мастерской – в таком гуле среди работавших станков разговаривать было невозможно, – и сам направился к выходу. Во дворе закурил и, когда подошел Масляев, спросил:

– Александр Николаевич, С-80 когда будет готов?

– Так отремонтировали, завели с утра, а гусеница возьми да лопни. Сейчас поставим. После обеда мы цех от него освободим.

– Добро.

– Ты бы, Алексей Ильич, начальнику Областного управления МТС Морковину позвонил насчет запчастей.

– Звонил, – поморщился Зверев, с досадой втаптывая окурки в землю, – Николай Павлович обещал на пятьдесят процентов удовлетворить нашу заявку через неделю, дней десять. А обещанного, как ты знаешь, три года ждут. Сколько у тебя сейчас в ремонте двигателей с комбайнов?

– Шесть, но работаем только с двумя, остальные вон в проходе на тележках пока стоят. Кабы запчастей поболее, а то токаря отдуваются. Но точить, строгать – дело долгое.

– Ладно тебе причитать, а то аппетит пропадет перед обедом, – засмеялся Зверев.

– Мы такой болезнью не страдаем, – усмехнулся Масляев и скрылся в цеху.

«А тут скоро о еде и вовсе забудешь», – подумал Алексей Ильич. Последний месяц он вообще закурился. Боброва перекинули командовать другой МТС, и Алексея Ильича временно

назначили исполняющим обязанности директора. И сразу на его голову свалилась масса дополнительных проблем. Главного агронома еще не прислали, и его обязанности фактически продолжал выполнять Зверев. У участковых агрономов в посевную своих дел хватало, с лошадями не слезали, объезжая бригады. Главный инженер Кульков, полгода назад переведенный из Кыштовской МТС, тоже еще только вникал в суть дела, а оно сейчас у всех было одно – управиться со сроками сева, это главное в условиях Сибири. Замполит Киселев находился в области на учебе. Вот и крутись тут, как хочешь, а спрашивать будут все равно с директора.

Алексей Ильич толкнул калитку, сразу ощутив дурманящий запах цветущей черемухи. Она росла у самого дома, и ветви ее, усыпанные белыми цветами, почти касались открытого окна. Войдя в прохладные сенцы, Зверев пристукнул ногами об пол, сбивая пыль с сапог, и шагнул в комнату. Он увидел уже накрытый стол и жену, хлопотающую у печи. Клавдия была на последнем месяце беременности, не работала, поэтому Алексей Ильич ходил обедать домой, если дела позволяли, чему был очень доволен. Сняв пиджак и кепку, он повесил их на гвоздь у двери.

– Полотенце у рукомойника, – сказала Клава и, подхватив чунонок, поставила его на стол. – Ты побыстрее там, я наливаю...

Вернувшись, Алексей Ильич сел за стол и, пододвигая к себе тарелку со щами из квашенной капусты, спросил:

– Как Олег батькович? Чего его не слышно?

– Только покормила, спит, – кивнула Клава в угол, отгороженный занавескою, где стояла их кровать и люлька с первенцем Олегом, которому исполнилось лишь год с небольшим.

– Крестную его сегодня утром встретил, Марию Ивановну. Привет тебе передавала, спрашивала, когда второго ждать.

Марии Ивановне, как и ее мужу Ивану Яковлевичу, было уже за пятьдесят. Они преподавали в Черновской средней школе русский язык и литературу. Несколько лет назад их выслали из Москвы в Сибирь на поселение, но за что – никто не знал, не спрашивал, а они такой темы вообще никогда не касались. Однако это были очень добрые, тихие и образованные люди. Когда весной прошлого года Клавдия родила, в роддом к ней неожиданно заявила Мария Ивановна и принесла испечен-

ный ею торт «Наполеон». Клава впервые тогда и узнала на вкус, что это такое. Мария Ивановна поинтересовалась, какое выбрали для сына имя, а увидев, что Клава лишь молча пожала плечами, очень серьезно попросила

– Я умоляю вас, назовите его Олегом. Это прекрасное имя. Сын ваш станет наверняка таким же честным и храбрым, как Олег Кошевой, герой комсомольского подполья в Краснодаре во время войны. В таких людях очень нуждается наша страна...

Последние слова Мария Ивановна почему-то произнесла тихим и печальным голосом.

Через несколько дней Зверев привез жену и сына из роддома. Отпраздновать это событие собрались друзья и знакомые. За столом вдруг вспомнили про старый обычай, когда новорожденному надобно избрать крестных отца и мать. Клавдия была уверена, что крестной наверняка станет Мария Ивановна, но ошиблась – ни словом, ни жестом она не изъявила своего желания. Крестной матерью объявила себя Анна Дубовицкая, подруга Клавы, молодая учительница математики. а крестным – директор МТС Петр Власович Бобров. И лишь спустя какое-то время Алексей Ильич понял, что Мария Ивановна таким своим решением просто не хотела бросать тень на семью Зверевых и тем самым как-то повредить и самому Олегу в будущем.

Именно это Алексею Ильичу сейчас и припомнилось. Пока жена убирала со стола, он предупредил ее, что приляжет отдохнуть, и ушел за занавеску. Из окна вдруг потянуло свежим ветерком, и Клава решила прикрыть его. Подойдя, тут же увидела черные клочья дыма над мастерскими МТС, а потом и огонь, который, вырвавшись на простор, забушевал под порывами ветра.

– Леша, мастерские горят, – закричала она, не в силах отвести взгляда от этого жуткого зрелища.

Зверев вскочил, подбежал к окну и прилип, лихорадочно отмечая, что пламя пробивалось на правом крыле мастерских, где находилось машинное отделение. «А люди на обеде», – машинально отметил он и бросился на улицу.

Что было потом, память Зверева фиксировала как бы избирательно, урывками, забывая промежутки огненными всполохами.

Когда Алексей Ильич оказался у ворот мастерских, первое, что он отметил, так это медленно выползавший из задымленного цеха комбайн, который за колеса вручную выкатывали на улицу Масляев, механик по комбайнам Павел Петрович Бондарев и участковый механик Михаил Александрович Кулешов, хромящийся из-за ранения. Во дворе уже стояли тележки с моторами от комбайнов.

– Где Вараксин? – закричал Зверев. – Локомотив остановили?

– Сразу же, – прохрипел Кулешов, по лицу которого грязью стекал пот.

Зверев кинулся в мастерские, где по задымленным цехам метались рабочие, спасая оборудование, запчасти, инструмент. Кое-где с потолка уже сыпались горящие куски дерева, попадали на пропитанную маслом ветошь, спецовку, и она начинала тлеть, распространяя удушливый запах. Алексей Ильич бросился к Новожилову, который, напрягаясь, пытался на подвесной тали вывезти тяжелый блок от двигателя. Вдвоем они быстро подцепили его, и Зверев почти бегом выволок блок подъемником к выходу из цеха. Там его подхватили комбайнеры и отволокли на улицу. Алексей Ильич выбежал вместе с ними, потому как задыхался от дыма. Пылающие угли сыпались сверху все чаще, крыша уже полностью была охвачена огнем.

– Леша, не ходи туда, Леша....

Зверев невольно оглянулся и увидел Клаву, которая одной рукой придерживала огромный живот, а другой вцепилась себе в волосы с перекошенным от страха лицом.

– Уходи домой, – замахал на нее руками Алексей Ильич, – тебе нельзя здесь...

В эту минуту он заметил кладовщицу нефтебазы Агашу, которая бежала от проходной, прижимая к себе двумя руками скомканные дерюжные одеяла. Оказавшись у большой лужи, она с размаху бросила их в воду. К ней подскочил начальник нефтебазы Шмагун, но Агаша резко отмахнулась от него и закричала:

– Беги домой, неси одеяла, какие есть, цистерну укрыть надо...

К ней на помощь уже подоспели мужики, подхватили мокрые дерюги и, сгибаясь под их тяжестью и оставляя мокрый след на земле, потащили к цистерне.

«Ну, молодец», – подумал Зверев об Агаше, которая первой сообразила, что от одной искры или даже перегрева ближайшая к мастерским цистерна с бензином может взорваться. А это был госрезерв, лишиться которого – дело подсудное, не говоря уже о том, сколько людей могло бы погибнуть.

Зверев оглянулся, жены его уже не было, и он ринулся снова вглубь мастерских, где из-за дыма дышать уже было почти невозможно. Проход теперь загораживал лишь трактор С-80 без гусеницы. И тут раздался взрыв. Сноп голубоватого огня лизнул кабину трактора и шаром взметнулся вверх под крышу, обжигая горячей волной тех, кто стоял в это время рядом. Потолочные балки почти прогорели, могли в любую минуту рухнуть. Увидев это, Зверев хрипло закричал:

– Уходите все, сгорим...

У ворот прибывшая колхозная пожарная команда разворачивала шланг, начиная качать воду из бочки. Несильная струя с шипением обрушилась на мятущиеся языки пламени и, словно отяжелев от такой тяжести, крыша с треском рухнула.

Рабочие столпились недалеко от ворот, молча наблюдая, как пожарные заливали догорающие обломки в мастерских.

– Да, Алексей Ильич, – шумно переводя дыхание, басовито произнес Вараксин, – ежели б чуть раньше такое случилось, просвистел бы я гудком всем нам, как по товарищу Сталину. Вот жизнь...

Никто его шутке даже не улыбнулся, хотя все поняли, что он имел в виду. Во время похорон Сталина Вараксину было доверено дать гудок скорби на своем локомотиве по умершему водю. Для этого Вараксину даже специально провели в машинное отделение радио, чтобы одновременно с другими по всей стране дал и свой гудок.

«Погоди, – мрачно подумал Зверев, – может, еще и просветишь, если не по всем, то по мне уж точно...» Он вытер подолом рубахи потное лицо, сел в тени у комбайна и закурил. И только тут заметил идущего к нему начальника райотдела милиции капитана Дроздецкого. Лишь на секунду у Звере-

ва мелькнула в голове изумленная мысль: а что он делает здесь? – но тут же исчезла. Правда, непонятное напряжение осталось.

– Как же это произошло?

По суровому голосу Дроздецкого Алексей Ильич сразу понял, что на этот вопрос ему еще не раз предстоит отвечать. Да только ответа у него не было.

– Не знаю, в обеденный перерыв...

Капитан хмуро взглянул на него и как бы нехотя произнес:

– О пожаре я уже сообщил.

Зверев вспомнил, что и ему надо бы позвонить в Областное управление МЧС и поставить руководство в известность о случившемся...

Домой Алексей Ильич заявился поздно, изможденный и грязный. Клава встретила его вся испереживавшаяся. Она сидела на лавке у печи, обхватив руками живот и испуганно глядя на мужа.

– Что же теперь будет? – тихо проговорила она. Но кто мог ей ответить на этот вопрос, который буквально сверлил мозг и Зверева. Сгорела техника, оборудование, зданию нанесен ущерб. За это кто-то должен отвечать. Поэтому все решит следствие, как вскользь заметил начальник райотдела милиции капитан Дроздецкий.

– Ты сам себе воды налей в рукомойник, – виновато проговорила Клава, – что-то тяжело мне. Ужин на плите.

Однако не успел Зверев привести себя в порядок, как Клава попросила отвезти ее в роддом.

– Ты приляжь пока, приляжь, – испугался почему-то Алексей Ильич и выскочил на улицу. В эту минуту и увидел шедшего по дороге шофера бензовоза Михаила Ермаковича, жившего через два дома от них.

– Михаил, – крикнул обрадовано Зверев, – беги скорей за машиной и срочно гони сюда. Жену в роддом надо...

На следующий день, когда рабочие расчищали мастерские от обуглившихся обломков сгоревшей крыши, пострадавшей техники, опять появился капитан Дроздецкий и, отозвав Зверева в сторону, спросил:

– Урон большой от пожара? Не подсчитывал?

Алексей Ильич бросил рукавицы на кучу битого кирпича, достал сигареты, закурил и только тогда со вздохом заметил:

– Да при нашей бедности с техникой любая потеря сейчас ощутимой покажется. А тут целый комбайн сгорел. Шутка ли?

– Ты побыстрее ущерб оцени без мелочей всяких и составь официальную справку. Сегодня может уже понадобится. Там два следователя приехали. Ты пойди в контору, их надо на постой определить, пусть твой завхоз побеспокоится. Ты меня понял?

Зверев намек понял, но воспринял его лишь как хорошее расположение к нему Дроздецкого и правильное понимание им ситуации, в которой злого умысла он явно не видел и не искал. Это было уже хорошо, потому как Алексей Ильич даже на секунду не сомневался в том, что поджога не было. Зверев надеялся, что его вызовут в первую очередь как директора МТС, и он все сразу объяснит. Но этого не случилось. В то время, как капитан областной пожарной инспекции лазил по пожарищу, обследуя все закутки, вороша кучи мусора по углам, следователь областного управления госбезопасности занял в конторе свободный кабинет замполита МТС и вместе с Дроздецким начал вызывать к себе всех подряд. Первым он допрашивал заведующего мастерскими Масляева. Держали его в кабинете долго, а вернувшись, Александр Николаевич молча продолжал работать, как и раньше. Спросить у него никто ничего не решился, все понимали, что ищут виновника пожара, на которого все можно было бы списать...

Все это вкратце Зверев сейчас и изложил капитану, умолчав почему-то о ссыльных учителях и разговоре с Дроздецким.

– Скажите, Алексей Ильич, – капитан наконец-то перестал скрипеть кожаными ремнями и сел за стол, – почему мастерские были покрыты тесом, хотя по правилам пожарной безопасности совершенно ясно, что труба локомотива искрит и может стать причиной пожара?

– Не знаю, – пожал плечами Зверев. – МТС строилась в войну, в сорок втором году. Очевидно, тогда просто лишнего металла не было.

– Ну а позже руководство МТС вопрос об этом поднимало в областном управлении или нет?

– Это мне не известно.

– А что вы можете сказать о нынешнем главном инженере МТС Кулькове?

– Ничего плохого, – не задумываясь отрезал Зверев, – Василий Федорович был переведен к нам из Кыштовской МТС с полгода назад всего. Я же был в это время главным агрономом...

Да, я знаю, – оборвал его капитан, медленно листая подшитые в папке бумаги. – В Кыштовской МТС нам дали о товарище Кулькове положительную характеристику, – наконец он нашел нужную ему справку и, не глядя на Зверева, сказал: – По вашей официальной докладной, во время пожара мастерских сгорел прицепной комбайн «Сталинец»-6, двигатель для комбайна, которые уже ремонту не подлежат. Ну и остальное тут по мелочи. Однако механики утверждают, что сгорели два двигателя.

– Один удалось уже восстановить, – заторопился объяснить Алексей Ильич, боясь, что его опять прервут. – Огонь расплавил лишь крышку блока, ее заменили...

Капитан поднял голову, посмотрел на Зверева и согласно кивнул.

– Да, надо признать, что по ликвидации последствий пожара все работало оперативно.

Открылась дверь, и в кабинет вошел Дроздецкий, а за ним следом капитан из пожарной инспекции с пухлой папкой в руках. Начальник райотдела милиции сел на стул у стены, но его спутник по молчаливому разрешению кэгебиста сразу обратился к Звереву.

– Алексей Ильич, официально можно считать установленным, что возгорание тесовой крыши произошло от искр из трубы локомобиля. Естественно, этого не случилось бы, если, во-первых, руководство МТС побеспокоилось бы о пожарной безопасности, заменив покрытие на железное; а во-вторых, разместило машинное отделение в отдельной постройке. Однако в этом вопросе есть доля и нашей вины – госпожнадзора, вовремя не принявшего надлежащие меры. Поэтому комиссия решила ограничиться наказанием в виде наложения штрафа в размере ста рублей на директора МТС и главного инженера. В предписании я указал все вышеперечисленные недостатки,

которые вам придется устранить обязательно при восстановлении мастерских.

– У нас к вам все, – поднялся и капитан госбезопасности. – Для МТС пора горячая, посевная, мешать мы вам не намерены. До свидания...

Когда за ними закрылась дверь, Алексей Ильич вопросительно взглянул на оставшегося почему-то Дроздецкого, который с невозмутимым видом не торопясь закуривал. Нервное напряжение еще держало Зверева, и это непонятное присутствие начальника райотдела милиции настораживало. Если следствие закончилось, то что еще ему надо? Но спрашивать ничего не стал, сел за стол, тоже закурил, вглядываясь в текст оставленного на столе предписания. За эти дни он здорово вымотался, задеревенел даже как-то телом, да и душой, но остро почувствовал это только сейчас.

– Ну что, Алексей Ильич, – гася окурочек в пепельнице, встал со стула Дроздецкий, – считаю, можно поздравить тебя с завершением работы следственной комиссии.

Зверев с удивлением взглянул на него, словно не понял, о чем идет речь.

– А что, могло быть иначе? – резко спросил он, и неизвестно почему у него вдруг захолонуло в груди.

– Да что теперь об этом говорить, – не сразу ответил капитан, все так же отрешенно глядя в окно. – Тем более, что ты пока исполняющий обязанности директора, главный инженер работает без году неделя... Кроме всего прочего, – Дроздецкий повернулся, как-то странно посмотрел на Зверева и, усмехнувшись, добавил: – Народ-то за тебя, оказывается, горой. А это далеко не маловажный фактор. Ладно, поздравляю тебя с рождением сына. Сегодня ночью родился. Или уже знаешь? Свечи пришлось запалить, чтобы роды принять. Вырастит когда, ты ему не рассказывай об этом, а то не простит. Ну, счастливо...

Зверев ощутил, как с него спала какая-то непомерная тяжесть. Оставшись один, он долго сидел, закрыв глаза и совершенно бездумно. Когда же услышал стук в дверь, едва очнулся. В кабинет, пугливо озираясь, протиснулся Вараксин, неуклюже сел на стул и тихо спросил:

– Что комиссия-то решила? Что нам теперь за пожар будет? Там народ интересуется...

– Что будет? – Алексей Ильич вздохнул. – Штраф на нас с главным инженером наложили по сто рублей. Вот такие санкции за халатность с нашей стороны по отношению к твоему локомотиву.

– Да ну? – не поверил сразу Варакин, но потом заулыбался, будто директор ему премию посулил, и весело заметил: – Так это пустяки. С год назад мы так бы легко не отделались, тундра тогда бы нам светила. Но это начальник милиции из района помог. Я слышал, как он тебя защищал перед кэгебистом, когда тот у слесарей про тебя пытался что-то выпрашивать – мог или не мог... По нынешним временам этот капитан милиции редкость...

III

– Пора и по рюмке за знакомство и предстоящее мероприятие, – сказал Покрышкин. – Я, честно признаться, волнуясь.

– Такое состояние, наверное, у всех, – поддержал его Зверев и посмотрел на Канторовича, но тот лишь согласно кивнул. Нагнувшись, Всеволод Леонидович вытащил из портфеля шампанское и поставил его на столик. Почти одновременно Александр Александрович достал бутылку водки.

– Ну нет, – запротестовал Алексей Ильич, – к чему такая наглядная агитация, – и он убрал бутылки со стола.

– Между прочим, сегодня старый Новый год, – заметил Канторович, – который в Новосибирске уже наступил.

– Верно, – подхватил Покрышкин, – так что прошу приготовить стаканчики.

Против такого довода Зверев возражать не мог и протянул бутылку шампанского Канторовичу.

– С Новым годом...

Шампанское Алексей Ильич не любил, может, потому, что часто его приходилось пить на всевозможных приемах и званых обедах. Как-то не привык он к этому светскому напитку. А Клавдия Никитична тем более. Не их это было вино.

Зверев неожиданно вспомнил, как он, будучи министром лесного хозяйства РСФСР, вместе с министром сельского хозяйства Республики приехал в Ставропольский край. Встречал их Михаил Сергеевич Горбачев, в то время первый секретарь Ставропольского крайкома партии. Обед для них он устроил на загородной даче. Алексей Ильич немало тогда удивился мастерству Горбачева произносить тосты. Сколько же в них было неприкрытой приторной лести и виртуозных намеков на свою государственную исключительность. Потом Зверев не раз задавался одним и тем же вопросом: неужели на кого-то могли так подействовать горбачевские тосты, что ему посодействовали в продвижении вверх? Да, разными путями люди иногда теряют свое человеческое лицо, порой даже незаметно, сами себе в том не признаваясь, но всегда при одном условии. Как только они начинают противопоставлять себя остальным, так ржавчина их и разъедает – сначала по крупицам, по частям, пока они не становятся похожими на изъеденное червями трухлявое дерево. Да только как поймать тот момент, когда человек вдруг в одночасье начинает смотреть на мир по-иному, еще, может, и не догадываясь об этом? Ведь если определишь такой переломный момент вовремя, так и человека вернуть можно...

Корни такой человеческой беды Анатолий Иванов раскрыл в «Вечном зове» через трагическую судьбу Федора Савельева.

«... – Скажете тоже... Чего мне завидовать-то?» – раздраженно и упрямо думал потом несколько дней Федор, не признаваясь себе, а может быть, не понимая, что действительно шевельнулась в нем зависть к веселой и разгульной жизни хозяина, засочилась где-то внутри, размывая какие-то самые мягкие, податливые места. Так, наверное, жиденький вешний ручеек течет по травянистой канавке и находит вдруг место, где трава выбита, почва помягче, начинает по крупицам вымывать оттуда землю, уносить прочь. Скатятся вешние воды – глядишь, и на этом месте небольшой, сантиметров в десять-двенадцать, обрывчик, из стены которого торчат бурые, черные, белые, травяные корешки. Он безобиден и не страшен пока, этот обрывчик, можно его и переехать и перешагнуть, даже не заметив. Но дождевые воды, скатываясь по

той же ложбинке, продолжают незаметно вымывать землю под обрывчиком, к осени ямка становится вдвое, а если случаются частые и сильные ливни, то и втрое, вчетверо глубже... Зимой засыплет эту ямку снег, заровняет ее вровень с краями, укроет сверху метровым белым слоем, следующей весной на неделю раньше осядет в этом месте снег, оголит стылый обрывчик, по обледенелой пока стенке заструится вытекающая из-под снежного покрова водичка. Но солнце все щедрее греет обрывчик, быстро съедает ледяную корку. И вот уже, урча и булькая, тугой тяжелой струей льются вниз с полуметровой высоты талые воды, вымывая теперь землю внизу не крупичами, а целыми горстями... На третий год с полуметрового обрыва льется, красиво брызгая радужными на солнце искрами, настоящий водопад, на четвертый низвергается с шумом целая речка, унося с собой комья земли, коренья трав, небольшие деревца... А еще через несколько лет придет на это место человек – и ахнет: ровное, сверкающее под солнцем изумрудной зеленью поле перерезает теперь надвое черный, глубокий, безобразный овраг. И этот овраг все растет да растет, как гноящаяся рана, но заживить ее не может».

Да, точнее не скажешь. Но в том-то и дело, что боль земли видна и зримо ощущается только тогда, когда человек умеет чувствовать горе и несчастья других, способен им сострадать. Таким был писатель Анатолий Степанович Иванов. И пусть его уже нет в живых, но сейчас и он говорит свое слово как Гражданин XX века от имени новосибирцев, а может, и всей России. Это не будет преувеличением, недаром на обложке книги «Вечный зов» написано – «Самый знаменитый и любимый роман».

Закон и совесть

Под вечер небо нахмурилось, пахнуло остывшим ветерком, и загустела сразу, потемнела тайга, как надупилась вроде, померачнела перед непогодой, готовой вот-вот огрызнуться не то градом, не то дождем вперемешку со снегом...

Директор МТС отошел от окна и, вздохнув, снова взялся за телефон. Но тут дверь открылась, и в кабинет как-то боком протиснулся участковый уполномоченный в деревне Черновка лейтенант милиции Неретин. По бесстрастному выражению лица его невозможно было понять, с чем он заявился.

– Не шибко занят, Алексей Ильич? – спросил он, прикрывая поплотнее за собой дверь.

– Здравствуй, Иван Иванович, присаживайся. Чего не заходишь?

Неретин сел к столу, снял фуражку и пригладил короткий ежик светлых волос.

– Так надобности не было, – усмехнулся Неретин, доставая кисет и сворачивая сигарку. – Да и время сейчас горячее, посевная, чего мешать доброму делу. Закуривай табачку, а то от твоих сигарет, небось, в голове один туман.

– Погоди, погоди, – насторожился Зверев и пытливо посмотрел на участкового. – А сейчас что, надобность появилась прийти ко мне? Ты тумана-то не напускай, говори прямо. А то, видишь ли, у меня от сигарет туман. Случилось что? Выкладывай...

– Да нет, все тихо. Месяц закончился, вот и пришел узнать, как держатся у тебя мои подопечные. Не сподобились ли на что худое опять по пьяному делу, а я и не знаю. Трезвые, они ведь все осторожные.

Своими подопечными участковый называл ссыльных, работавших в МТС и находившихся на поселении после отбытия наказания. Таких было четверо – Вараксин, Новожилов, Стручков и Маркелов. Вараксин жил в Черновке уже давно, был в годах, имел семью, взрослых дочерей и работал на ответственном месте – обеспечивал электроэнергией МТС и село. А в этом году его даже избрали председателем товарищеского суда. Другие работали в мастерских. Николай Новожилов токарем, но если надо, то и слесарем, и плотником, постоянно ездил в лес на заготовку дров. Труда не чурался, с людьми всегда уважительно, и это сразу все отметили. Поэтому Зверев, заглянув как-то вечером в мастерские и увидев там одного Новожилова, не утерпел, поинтересовался, за что тот в тюрьму угодил, молодую жизнь свою искорежил. Николай ответил не сразу,

сперва глазами зыркнул на директора: с чего это у начальства любопытство проявилось к его персоне? Но ни презрения, ни заносчивости или высокомерия не обнаружил в поведении Зверева. С хмурым видом, все еще недоверчиво, Николай вытащил папиросы, закурил и, отвернувшись в сторону, нехотя произнес:

– Парня одного избили... до полусмерти.

– Да как же ты смог-то? – не поверил сразу Алексей Ильич – так не вязалось его представление о Новожилове с тем преступлением, которое он совершил. – Как смог, спрашиваю?

Николай глубоко затянулся папиросным дымом и коротко бросил:

– По дурусти, – потом опустил голову и совсем тихо добавил: – Дурак был, а ума вложить некому... Дело то хотя уже и прошлое, только до сих пор душу тянет.

Такой откровенный разговор между ними случился лишь раз, но Звереву он раскрыл многое, поэтому и сказал тогда:

– Женился бы ты, Николай. За тобой такая девушка ходит. Да знаю я, знаю, потому и советую, не отрицай. Свадьбу справим, через какое-то время, если у тебя будет все нормально, квартиру выделим.

– С прошлым покончено, Алексей Ильич, – Новожилов поднял голову, – дурь вытрясло, теперь меня не собьешь.

– Так я верю...

Зверев с ним не лукавил, он видел, что и люди приняли его. В деревне человек весь, как на ладони. Но по этой же самой причине другой ссыльный, Стручков, не мог себе найти ни друзей, ни товарищей, все больше с собутельниками общался. Однако и с такими директору МТС надо было находить общий язык, работать, хотя порой очень свербило в одном месте ступить на более легкий путь – написать на него заявление в милицию об очередном нарушении рабочей дисциплины, что лентяй он и безответственный человек, и упекли бы парня снова в зону. Такое однажды Звереву пришлось пережить...

На Октябрьские праздники пригласил его в гости Семен Николаевич Киселев, председатель колхоза имени Маленкова, который до этого работал в Чекинской МТС замполитом. Жил он в Бочкаревке, находившейся километров за тридцать

от МТС. Получив такое приглашение, Зверев запряг своего любимого Серко, посадил в кошеву жену, оставив детей под присмотр соседке, и поехал... Возвращались из гостей поздно, смотрят, а соседка и дети не спят, сидят в темноте, перепуганные. Тут-то и выяснилось, что вечером в дом ворвался пьяный Стручков. Размахивая ножом, он с перекошенным от злости лицом заорал:

– Где Зверев, я его приколю...

Услышав такое и осознав, какая беда грозила их детям, Алексей Ильич с женой уже заснуть не могли. Тем более, что причин для такой неприкрытой ненависти к директору у Стручкова вроде и быть не могло. Правда, буянить ему приходилось не впервой, но его быстро успокаивали. Теперь же Алексей Ильич засомневался в правильности своего такого снисходительного отношения к ссыльному.

Утром по дороге в контору Зверев завернул в мастерские, почти столкнувшись в проходной со Стручковым. Тот был явно с глубокого похмелья – лицо припухшее, небритое, глаза красные, под ними черные круги...

– Зайди ко мне, – резко приказал ему Алексей Ильич, а когда они спустя несколько минут оказались у него в кабинете, спросил: – Ты был у меня вчера?

Стручков как вошел в кабинет, так и остался стоять у двери, опустив лохматую голову и сминая черными от вьезшегося масла и ржавчины пальцами шапку.

– Был...

– За что ты мне угрожал?

– По пьянке в дурь попер.

– Один раз по пьяному делу ты уже угодил в тюрьму. Неужели это тебя ничему не научило? Ты хоть понимаешь, чем тебе грозит эта вчерашняя пьяная выходка? В твоём-то положении? А что мне прикажешь с тобой делать?

– Да понимаю я все, – он обреченно махнул рукой. – Делайте, что хотите...

– Что хотите... – с досадой передразнил его Зверев, садясь за стол. – Это как раз и не трудно. Жалоб на тебя накопилось предостаточно – и ленивый, и неисполнительный, и необязательный, и высокомерный... Вон как про тебя люди думают.

Ну дам я тебе соответствующую характеристику, о вчерашнем сообщу – ведь загремишь снова. Неужели в тюрьме тебе лучше, чем на воле?

– Да я все понимаю, Алексей Ильич, – Стручков поднял голову и голос его неожиданно дрогнул. – Если поверите, то никогда больше ничего подобного не случится. Вам я даю слово...

– Ладно, иди работай, – вздохнул Зверев, в душе упрекая себя за мягкотелость, – я подумаю...

Правда, в ту минуту он уже решил, что официально ничего писать на Стручкова не будет. Алексей Ильич просто не мог теперь этого сделать, потому как человек дал ему слово исправиться. Как же не предоставить ему такую возможность? А если она последняя?

Однако вечером Зверев все же зашел к участковому уполномоченному Неретину и рассказал ему обо всем, что произошло.

– Да что ты с ним цацкаешься? – взорвался всегда невозмутимый и выдержанный по характеру Иван Иванович. – Он же тебе когда-нибудь нож в спину воткнет. Пиши на него заявление, и завтра же я его отправлю туда, где он и должен быть...

– Не спеши, – глядя на него, усмехнулся Зверев, хотя ему было явно не до смеха, – а то и опоздать можем. Посадить, конечно, проще, да и по заслугам, очевидно, но тогда мы его точно потеряем. А здесь человек под присмотром, люди кругом, они видят, упасть не дадут...

Правильно тогда поступил директор МТС или нет, судить пока было рано, не так уж и много времени прошло с тех пор. Однако с того самого разговора Стручков вроде в корне изменился. Его уже не видели пьяным, он стал лучше работать, во всяком случае, старался, но по-прежнему, если не больше, оставался замкнутым, хмурым, так же сторонился людей, хотя причиной тому могло стать и осознание вины перед ними. Зато сейчас ничего плохого сообщить о ссыльных участковому уполномоченному Зверев не мог. Судя по всему, тот и сам был доволен таким оборотом дела.

– Значит, на каждого ссыльного даешь чистую характеристику? – уточнил все же лейтенант, поднимаясь. – Ну, добро. Бывай здоров, Алексей Ильич. Вижу, у тебя запарка, потому мешать больше не намерен.

Когда за лейтенантом закрылась дверь, Зверев снова выглянул в окно, с досадой отмечая пустынную улицу и дорогу к райцентру. Бензовозы, отправленные за горючим и ожидавшиеся с таким нетерпением, сейчас были для него главным вопросом. Уже сутки тракторная бригада в Орловке стояла без солярки. И это в тот момент, когда каждый час на посевной дорог. Алексей Ильич ожидал бензовоз из Татарска, отправленный туда за горючим вчера утром. Но двести пятьдесят километров пути, да треть по бездорожью...

Зверев сунул сигареты в карман и вышел из кабинета. Надо было зайти на нефтебазу к Шмагуну, бензовоз мог уже быть там. Хотя в таком случае начальник нефтебазы ему бы уже сообщил.

Выйдя из конторы, Алексей Ильич увидел подъезжавшего на лошади рабочего Мирона, развозившего солярку в бочке по близлежащим тракторным бригадам. заметив директора МТС, он остановил лошадь, спрыгнул с передка и, подойдя, поздоровался.

– Ты откуда сейчас? – Спросил Зверев.

– Соляру возил в деревню Яткан, где тракторная бригада Гинько трудится.

– Как там у них?

– Работы, как говорится, хватает, горючки тоже, – засмеялся Мирон, но затем уже серьезно добавил: – Бригадир тракторной бригады Володю Савиных из Орловки встретил, Алексей Ильич. Ругается, на чем свет стоит. Сутки без соляры загорают в такое-то время...

– А по чьей вине? – вспылil вдруг Зверев, хотя и понимал, что Мирон тут уж точно ни при чем, да задели слова его, вернее, орловского бригадира. – Самому спать не надо было, а вовремя заявку давать на горючее. А то вспомнил, когда бочки пустыми оказались. Я с ним еще побеседую...

Мирон быстро сообразил, что сказал чего-то невпопад, запрыгнул на передок и, понукая лошадь, погнал ее к нефтебазе. Но Зверев уже забыл о нем, увидев, как по дороге пылит долгожданный бензовоз. Алексей Ильич с облегчением вздохнул и замахал рукой. Натужно урча мотором, машина остановилась у конторы, и из кабины выпрыгнул запыленный шофер.

– Привет, Михаил. Как доехал? Мы тебя уж тут заждались. Машина в порядке?

– Да вроде ничего. Дороги, мать их, угробят любого, руки-ноги до сих пор дрожат. Я своей наказывал баню истопить к приезду.

– С баней, Миша, придется малость повременить, – с сожалением развел руками Зверев. – В Орловке трактористы без горючего уже сутки простаивают. Надо срочно туда везти.

– Отправьте кого-нибудь другого. Я двести верст отмахал, к тому же рабочий день закончился. Сегодня не поеду...

Конечно, Алексей Ильич понимал, что заставлять уставшего человека гнать бензовоз за три десятка километров в Орловку он не имеет права. Но у него не было иного выхода – все шофера в разгоне. Идет посевная, время дорого, и не понимать этого Микушев не мог. Зверев был согласен на все, даже предложил посадить ему в кабину человека, чтобы он не дал Михаилу по дороге заснуть. Однако уговоры ни к чему не привели – Микушев ехать в Орловку наотрез отказался. С подобным Зверев встретился впервые и понять, честно говоря, не мог.

– Давай ключи, – едва сдерживаясь, приказал Алексей Ильич. – А ты, Микушев, с завтрашнего дня уволен.

– Не имеете права, – разозлился вдруг Михаил, – я свое честно отпахал. Так что ничего у вас не выйдет, я буду жаловаться...

– До работы я тебя все равно не допущу, даже если за тебя станет хлопотать вся профсоюзная организация и товарищеский суд вместе взятые.

В тот момент Зверев, конечно, все это наговорил Микушеву сгоряча, хотя искренне и от души. Его все же занимал совсем другой вопрос: где взять шофера? И когда спустя час вернулась из колхоза «Новый мир» машина скорой технической помощи Заескова, которая ремонтировала на ферме водопровод, Зверев отправил наконец-то бензовоз в Орловку. Однако поступок Микушева настолько поразил и оскорбил его, что он долго никак не мог успокоиться. С одной стороны, шофер бензовоза формально был прав, и у него имелись все основания отказаться от поездки. Но с другой – как можно было остаться безразличным к тому, что целая бригада трактористов простаивала без горючего во время весеннего сева. Это же залог будущего

урожая, благополучия всех, его в том числе, как и страны в целом. И наплевать на все это? Разве такое можно понять, а тем более простить?

И в то же время Алексей Ильич ясно видел, что незаконное увольнение шофера может обернуться для него куда более сложными последствиями. Поэтому их рассудить могли только люди. В профкоме работала Конфликтная комиссия, которую возглавлял начальник нефтебазы Шмагун, а уж ему-то хорошо было известно, чего стоят для государства, для будущего урожая подобные выходки. Поэтому на следующий день Зверев Микушева к бензовозу не допустил, передав ключи другому шоферу. Но спустя несколько дней как-то вечером в кабинет директора МТС заглянул Шмагун и сообщил, что на Конфликтной комиссии битых два часа обсуждался поступок Микушева и его увольнение, однако к единому мнению они так и не пришли. Решили передать дело в товарищеский суд, заседание которого состоится в клубе, а это значит, что вопрос будет рассматриваться всем коллективом МТС. И получалось, что не производственный конфликт между начальником и подчиненным теперь разрешался, а выяснялась степень справедливости каждого по отношению к делу, работе, друг к другу. Подобный вопрос могли решить только те, кто эти самые неписанные человеческие законы общежития и устанавливает – люди. И этот день настал...

– Встать, суд идет!

Битком набитый зал клуба, куда собрались почти все работники МТС, да из Черновки пришли послушать, кого и за что судить собираются, громыхнул, вставая, стульями. Председатель товарищеского суда Дмитрий Вараксин, в чистой рубашке, глаженных брюках, заправленных в начищенные сапоги, вместе с двумя членами суда из рабочих мастерских, поднялись на сцену и сели за стол, покрытый красным полотном. Остался стоять только Вараксин, который, окинув строгим взглядом зал, постучал карандашом по графину и громко произнес:

– Заседание товарищеского суда объявляется открытым. Мы предлагаем сначала заслушать директора МТС Алексея Ильича Зверева по существу вопроса, чтобы, значит, объяснить народу, как и что произошло. Пожалуйста, Алексей Ильич.

Зверев поднялся на сцену, оглядел зал, увидел в первом ряду Михаила Микушева, независимый вид которого ясно говорил, что суд – это все пустая формальность, так как правда за ним, и он это легко докажет. Рядом с ним сидела, опустив голову, пунцовая от волнения жена Лида, работавшая участковым агрономом. Видимо, она больше переживала за мужа, чем он сам.

– Товарищи, – начал Зверев, и в зале повисла напряженная тишина, – борьба за будущий урожай начинается с пахоты и посевной. Борьба! Это не просто красивое слово, в нем скрыт смысл нашего отношения к делу. Ведь Микушев, когда его отправляли в Татарск за горючим, знал, что солярка на исходе в некоторых бригадах. Для него не было неожиданностью, что надо везти горючее бригаде, которая сутки простаивала. О том, как такое вообще могло случиться, почему бригадир тракторной бригады так поздно спохватился и не сделал заявки на солярку, с ним будет отдельный разговор, но чуть позже. Однако я никогда не пойму и не приму никаких оправданий, которые позволили бы водителю в такое горячее время отказаться везти горючее простаивающим пятнадцати тракторам. Хотя формально Микушев прав, и я по закону не могу его уволить. Но я и не увольнял его, а отстранил от работы. Отстранил, потому как речь здесь уже идет о другом – а согласитесь ли вы, его товарищи, иметь рядом такого ненадежного человека, который в ответственный для нас и для страны момент может вдруг устать и все бросить? Я ведь Микушеву объяснил, что свободных водителей нет, все в разъездах, напомнил, что пятнадцать тракторов ждут солярку, что простой их, в конечном счете, на нас же самих и отразится...

Зал понемногу начал возмущенно гудеть, роптать, десятки глаз были устремлены на Микушева, взгляд которого вдруг заметался, он побледнел, уже, очевидно, осознавая, что судить его собираются не по юридическим, а по человеческим законам и понятиям, которыми здесь жили все. Зверев заметил, как жена Микушева уткнулась лицом в ладони, боясь поднять голову. Алексей Ильич и сам разволновался, оглянулся на сурового Вараксина, махнул рукой и ушел со сцены.

– Теперь послушаем Микушева. Только давайте потише...

Михаил сорвался с места, торопливо взбежал к трибуне и, унимая дрожь в ногах, неожиданно осипшим голосом заговорил:

– Это неправда, все не так... Я двести верст за баранкой просидел, у меня туман перед глазами... По закону мне нельзя было за руль садиться, я же мог аварию сделать. Ну и рабочий день закончился...

– А зимой у тебя когда рабочий день заканчивался?

Этот насмешливый голос откуда-то с задних рядов взорвал зал невообразимым шумом. Напрасно Вараксин стучал карандашом по графину, пытаясь как-то утихомирить собравшихся. Наконец он грохнул кулаком по столу и закричал:

– А ну тихо, – и покосившись на Микушева, затравленно озиравшегося, негромко добавил: – Мы не даем договорить пострадавшему.

От хохота в зале зазвенели стекла. Некоторые от избытка чувств задымили самокрутками, однако Вараксин, понимая важность момента и накаленность атмосферы, решил ничего против не предпринимать.

– Слушай, Миша, – снова донеслось из зала, когда шум понемногу пошел на спад, – а сколько дней зимой из-за непогоды ты дома праздник справлял с первачем, не подсчитывал?

– Ему здоровье не позволяет.

– Может, ему профком бесплатную путевку организует на лечение?

Вараксину пришлось снова подниматься и утихомиривать зал.

– Что скажешь на это, Михаил? Говори только громче, чтобы тебя все слышали.

Микушев засопел, бросая исподлобья вороватые взгляды в зал и багровея лицом, пока что-то не надломилось в нем, и вяло махнув рукой, он, запинаясь, проговорил:

– Чего уж там, понял я. Прощу Алексея Ильича простить меня... ну, за поведение мое такое. Только оставьте работать шофером.

– И то хлеб, – улыбнулся Вараксин, но заметив поднятую руку директора МТС, торопливо сказал: – Алексей Ильич слово просит. А ты, Микушев, давай на место, с тобой, думаю, все ясно уже...

Напряжение в зале понемногу спало, кое-где раздавался смех, шуточки в адрес виновника этого представительного собрания, который, наверное, впервые оказался один перед лицом всего коллектива МТС. Зверев, поднимаясь опять на сцену, чувствовал, что сейчас Микушев клял себя на чем свет стоит, и десяток рейсов подряд ничто по сравнению с презрением товарищей, которые с глаза на глаз, может, и не сказали бы ему ничего такого. Но здесь он не мог не осознать справедливости их упреков и насмешек, потому как они на это имели право, сами напрягались порой до изнеможения в борьбе за хлеб. Что тут сделаешь, если уж такой суровый климат в Сибири, и теплые дни на счету, а многого порой недостает... Это общие трудности, и преодолеваются они только сообща.

– Я, товарищи, признаюсь, – негромко заговорил Зверев уже без той жесткости в голосе, которая вообще-то была ему несвойственна, – что действительно был неправ по отношению к Микушеву, посылая его в Орловку. И лишь сложившаяся тревожная ситуация заставила меня решиться на подобное нарушение трудового законодательства. Михаила-то я хорошо знаю, и его семью. Жена – участковый агроном, которой тоже приходится сутками мотаться по бригадам. Да разве только ей? Поэтому мне просто обидно за Михаила и скорее жаль его, что он осмелился поступить так не по-людски. И ведь не порочный же человек. Но не будет ему ни веры, ни уважения. Надеюсь, что мнение своих товарищей он учтет на будущее. Ну а каково будет решение товарищеского суда, мы, наверное, сейчас узнаем.

В зале зааплодировали, но Вараксин призвал присутствующих соблюдать тишину, затем объявил:

– Мнение товарищеского суда такое – оставить работать Микушева шофером. Это справедливо. Ну а кого такое наше решение не устраивает, – он немного помедлил, – пусть подает прошение в товарищеский суд. Рассмотрим...

После собрания Зверев заспешил домой – время было позднее, а Клава сидела дома с детьми и наверняка дожидалась его. Но на улице Алексея Ильича догнала Лида Микушева. Волнуясь и краснея, она попросила его не лишать мужа работы, что Михаил очень переживает случившееся, ночь не спал...

– Так ты же слышала решение товарищеского суда, – притворно удивился Зверев, прекрасно понимая, что не это сейчас ее волнует. Поэтому на вопросительный взгляд Лиды весело проговорил: – Все будет в порядке, не переживай. Понимаешь, надо было твоего мужика в чувство привести, встряхнуть. Для твоей же пользы...

Позже Алексей Ильич не раз вспоминал «дело Микушева», понимая, что справедливость удерживается всегда на очень хрупких весах. И в своей повседневной работе, общении с людьми, он очень боялся нарушить это равновесие, когда дисциплина и человеческая справедливость в одинаковой степени служат одной общей цели.

«Жизнью своей всегда распоряжается сам человек. Только сам. Истина эта... самая простая, проще не бывает. Но, к сожалению, этой-то простейшей истины люди иногда не понимают...»

Именно за постижение людьми, каждым человеком этой вроде бы простой истины, простого вопроса – как и зачем жизнь прожить – и идет на земле такая борьба...»

IV

– ... Ну, вот и долгожданный ужин, – улыбнулся Канторович, увидев тележку, нагруженную пластмассовыми подносами с запечатанной в фольгу едой, которую осторожно двигали по проходу две бортпроводницы. – Мне курицу, пожалуйста... А вам?

Зверев безразлично махнул рукой, и Покрышкин, который все время сидел боком, потому как ноги его коленями упирались в переднее кресло, согласно кивнул:

– Давайте курицу, – и, повернувшись к Звереву, сказал: – Сейчас как раз к ужину хорошо по рюмке выпить. Как считаете?

– Непременно, – выпрямился в кресле Алексей Ильич, чувствуя, что спина уже задеревенела от сидения. «А ведь Александр Александрович повыше отца своего будет», – подумал он вдруг и спросил: – А вы где работаете?

– В институте океанологии, – передавая ему поднос с ужином, ответил Покрышкин, – научным сотрудником.

– Мы с вашим отцом встречались не один раз, – задумчиво произнес Зверев. – Силен мужик был, одним словом, сибиряк по характеру, волевой...

– Кто войну прошел, у тех закалка особая.

«Особая», – мысленно повторил Алексей Ильич. А вот Анатолий Иванов знал секрет такой особенности русских людей. В «Вечном зове» писатель с гордостью говорит словами своего героя, секретаря Новосибирского обкома партии Ивана Михайловича Субботина: «... – Вот ведь удивительно, если вдуматься. Немцы захватили огромные, самые богатые и могущественные в индустриальном отношении области страны, враг стремительно и неудержимо двигается вперед, подходит к самым стенам Москвы, – а народ ждет перелома в войне и знает, что перелом скоро наступит. Люди действительно испытывают сейчас невероятнейшие тяготы, лишения, в таком положении немудрено и духом упасть, потерять всякую веру, а люди – уверены в победе. А почему? Почему?..

Фашистские властители мыслили правильно. Имеют они подавляющее превосходство в военном отношении? Имеют. Есть возможность стремительно захватить главный индустриально-промышленный комплекс России, оставив ее таким образом безоружной и беспомощной? Есть. Правильно, но примитивно. Они не могли предположить, что мы сумеем справиться с эвакуацией сотен и сотен заводов, сумеем быстро восстановить предприятия на новом месте. Дело это невиданное, неслыханное в истории земли и народов. А мы – сумели! Мы еще во всей полноте, возможно, не в состоянии оценить значение этого обстоятельства, этого беспримерного народного подвига. А оно, это значение, в том, что мы уже выиграли войну! Сохранив наши заводы и фабрики, мы выиграли войну. Потом, после победы, мы будем с удивлением размышлять: да как же это мы сумели? Как?..

Небо звезденело все больше и гуще, оно будто бралось изморозью и оттуда, сверху, тяжело и могуче дышало на землю опаляющим холодом.

– ...Может быть первая линия обороны, вторая, а я говорю – есть еще и третья, самая главная, которую никакой враг не одолеет. Она проходит не по нашим границам, она проходит,

говоря языком немножко красивым и торжественным, через твою и мою душу...»

Да, теперь очень многие в России поняли за годы перестройки, кто нашему государству и народу друг, а кто самый непримиримый враг – по скудоумию ли, по невежеству, по жадности ли, по злобе или по прямому и давнему расчету. Как яркий прожектор высветили так называемые реформы в стране эти внутренние антинародные силы. Но они, наверное, опять забыли: русский народ долго запрягает да лихо ездит!..

Колхозная демократия

Февральское утро выдалось морозным и ветреным. Выйдя на крыльцо, Зверев пожегся, хотя на нем был толстый овчинный тулуп, валенки, а шапку он заранее надвинул на лоб и руки сунул в меховые рукавицы. У дома уже стояли запряженные сани, в которых охалкой лежало сено. Подойдя, Алексей Ильич ворохнул его, разравнивая, глянул вдоль безлюдной улицы Черновки, на полузасыпанные снегом до самых наличников окон дома с торчащими над белой целиной покатыми крышами и дымящимися на них печными трубами. Казалось, дым пробивался из самых подземных глубин сквозь толстый слой снега, и холодный ветер тотчас же слизывал его, словно грелся сам. Зверев решил, что сена маловато, и пошел к сараю. Под ногами яростно поскрипывал выпавший ночью снег, похожий скорее на мелко битое стекло, льдисто поблескивавшее в утреннем морозном мареве.

Выйдя из сарая с охалкой сена в руках, увидел у дома Горбунова – в таком же кожухе, валенках, в руках он держал еще один тулуп. Алексей Ильич бросил сено в сани, махнул ему рукой, чтобы садился, и полушутя заметил:

– Ты, Тимофей Егорович, не форси, уши-то у шапки опусти, а то мне колхозники не простят, если я им нового председателя не доведу живого.

– Забыл, – сказал Горбунов, бросая в сани тулуп. – С Клавдией Никитичной пока распрощался, за гостеприимство поблагодарил... Ничего, мороз напомнил, сейчас исправимся...

Он быстро опустил у шапки уши, поднял воротник тулупа и грузно уселся в сани, зарыв ноги в сено, да еще сверху утеплившись кожухом. Дорога предстояла неблизкая – до усадьбы колхоза «Новый мир» более двадцати километров.

– Поддай-ка мне вожжи. Тпру... Ишь, рвется, застоялась на морозе, теперь ходко пойдет.

Лошадь рванула с места, едва Алексей Ильич уселся рядом с Горбуновым. В считанные минуты они проскочили пустынное село и свернули в тайгу на зимник, где ветер уже был не страшен. Лошадь бежала мерной рысью, чуть нагнув голову и скосив ее влево, посверкивая карим глазом, словно подглядывала за седоками – удобно ли, не трясет? Зверев невольно залюбовался статью высокой, тонконогой гнедой с лоснящейся иссиня-черной гривой. Он знал, что Горбунов был неравнодушен к лошадям, и радовался – новый председатель произведет на колхозников должное впечатление. Люди остро реагировали на все – на внешний вид человека, как говорит, на чем приедет, добротные ли у него сани, ухожена ли лошадь... Во всем должно быть видно хорошего хозяина, особенно в мелочах.

Когда несколько дней назад на бюро Кыштовского райкома партии обсуждали кандидатуру Горбунова, председателя сельсовета райцентра Кыштовки, на должность председателя колхоза «Новый мир», тогда же и решался вопрос, кому на отчетно-выборном колхозном собрании представлять его как кандидатуру, выдвигаемую райкомом партии. Вопрос этот был не такой простой, как казалось, колхозники чужаков вообще не очень хорошо принимали, хотя всем им было известно, что плохого не порекомендуют – колхоз не из последних. Поэтому и представлять Горбунова надо было человеку, не только знающему его самого и умеющему разговаривать с людьми, но и которого знают и уважают колхозники. Вот почему речь сразу и зашла о Звереве – его прекрасно знали во всех колхозах. Ну а чтобы продемонстрировать колхозникам и знак особого уважения со стороны районного партийного руководства, решено было вместе с директором МТС направить туда и второго секретаря райкома Евгения Прокоповича Прядеина.

Зверев уже знал по опыту, что спорить с колхозниками никогда не следует, их надо убеждать фактами и правильными

доходчивыми выводами, показывая реальную пользу, которую может принести твое предложение. И ни в коем случае не лукавить, раскусят сразу же, и тогда уже никто не заставит их относиться к такому человеку с доверием. К начальству требования всегда выше, чем к рядовым исполнителям. И это правильно.

Звереву вдруг вспомнилось прошлогоднее отчетное собрание в колхозе «Большевик», на котором атаковали вопросами и директора МТС. А потом из зала стали кричать, чтобы председатель колхоза договор с МТС не заключал. Алексей Ильич, сидевший в президиуме, поднялся и с удивлением спросил:

– Почему? Только пусть кто-нибудь один говорит, не шумите...

– А потому, – вскочил ершистый мужик, сам не видный по фигуре да с крикливым голосом оказался, – что бригадир тракторной бригады Морозов бросил на дороге стог сена, не стал вывозить. Нам такие механизаторы ни к чему. Это же ваша работа?

– Верно, наша, – вынужден был согласиться Зверев и нахмурился, чувствуя, как внутри у него растет недовольство – почему он не знает об этом? – Морозов здесь?

– Присутствует, – с первых рядов поднялся чубатый широкоплечий парень в распахнутой на груди телогрейке.

– Ну-ка, расскажи, в чем там дело?

– Да они сами виноваты. Волокуши под стогом поломались, когда я его тащил. Надо было дать двух колхозников, чтобы они этот стог на другие перебросили. Но не дали. Что же я сам в лес идти должен новые волокуши рубить? Только время терять...

– Верно, это в обязанности трактористов не входит, – Алексей Ильич повернулся к председателю колхоза Хильманову и жестко заметил: – Ты бы, Петр Павлович, разобрался да наказал виновных.

– Придется вызывать на правление, там и решим, – пристукнул ладонью по столу председатель. – Ну что, еще кто против договора с МТС имеется?..

Теперь вот, вспоминая все эти малозначащие вроде бы, даже смешные детали, Зверев только улыбался. Сибирь есть Сибирь, и народ здесь прямой и бескомпромиссный, несправедливости

не потерпит, зато в деле вынослив и упорен, охочий до работы. Только к нему надо относиться тоже соответственно.

– Алексей Ильич, – повернулся к нему Горбунов, чуть припустив вожжи, – а что твой главный зоотехник Вассерман действительно весной отличился, как поговаривают, или слухи сильно преувеличены да приукрашены? Все-таки парень с одной рукой...

– Небось председатель Узасского сельсовета протрепался, – неодобрительно качнул головой Зверев и усмехнулся, – Симаков? Не утерпел все же, а ведь предупреждал его...

Случай, о котором вспомнил сейчас Горбунов, произошел, когда в ледоход необычно широко разлилась река Чека. Самая северная деревня в районе Каинсас оказалась отрезанной от центральной усадьбы колхоза «Земледелец», находившейся в селе Узас. В этих двух старинных поселениях издавна жили обрусевшие немцы, которые и организовали свой колхоз. Вассерман тоже был из их числа, и после окончания Новосибирского сельскохозяйственного института его направили в Чекинскую МТС. Было Вассерману немногим более двадцати лет – высокий, жилистый и отменного здоровья, но в детстве еще лишился руки. Как главный зоотехник, он хорошо знал, что в деревне Каинсас своих кормов для скота никогда не хватало, их завозили из центральной усадьбы. Теперь же это стало невозможным – ледовое половодье напрочь разрушило мост. Шли дни, вода не спадала, и какое положение создалось в деревне, никто уже не знал. Приехал Вассерман, взял в колхозе лошадь и отправился на ней вверх по течению, где, по его предположению, река разлилась не так сильно. Нашел такое место, разделся, закрепил узел с одеждой на голове лошади, взял ее за повод и поплыл на противоположный берег. Добравшись туда, оделся и пошел в деревню. Там выяснил, что с кормами на ферме пока терпимо, больных нет, и таким же образом вернулся назад. В сельсовете он все рассказал Симакову.

– Мне бы поесть чего и выпить, – попросил Вассерман, – а то я зябнуть что-то начал...

Председатель сельсовета привел его к себе домой. В теплой избе у натопленной печи главный зоотехник выпил стакан водки и съел яичницу из сорока двух яиц...

– И ничего ему? – хохотал, слушая директора МТС, Горбунов. – Ну, силен... Ты сам себе такие кадры подбираешь, Алексей Ильич, или по знакомству из области присылают гвардейцев?

Зверев, пряча лукавую усмешку, промолчал, подумав лишь, что, наверное, действительно каждый готовит себе кадры сам в какой-то степени. Гвардейцы. Надо же! Один без руки, другой...

Другого звали Тарас Григорьевич Шпак, которому тоже было не больше двадцати лет. Полтавский сельскохозяйственный институт окончил с красным дипломом, по распределению попал в Новосибирскую область, а там его сразу и назначили главным агрономом Чекинской МТС к Звереву. Однако в первый момент Алексей Ильич восторга от этого не испытал. Правда, совершенно по другой причине. То, что Шпак обладал хорошими теоретическими знаниями, он не сомневался. Да у Тараса совсем никудышным было зрение. Очки он носил толстенные, без которых не видел даже дороги, куда идти. А работа главного агронома далеко не кабинетная, так что практической пользы от Шпака Алексей Ильич вовсе не ожидал. Однако ошибся. Тарас не слезал с лошади, в конторе его видели лишь на производственной летучке с утра. Однажды во время уборочной, когда сразу вели и вспашку зяби, утром, еще до совещания, и ввалился Шпак – весь в грязи, лицо черное от масла и солярки, сам взъерошенный какой-то... Алексей Ильич, естественно сразу поинтересовался, где это его так угораздило, грешным делом подумав, что Тараса сбросила лошадь. А Шпак в кабинете Зверева буквально упал на стул, снял очки и, подслеповато щурясь, рассказал, что вчера вечером он поехал в тракторную бригаду и увидел стоящий в поле трактор. Оказалось, что тракторист заболел, и заменить его некем, все заняты на уборке. Договорившись с бригадиром, Тарас забрался в кабину и проработал всю ночь до утра...

– Понимаешь, Алексей Ильич, – потирая ладонью глаза, устало пояснил Шпак, и в голосе его прозвучали виноватые нотки, – иначе потеря целой смены. Жаль, в такую-то пору...

«А ведь Горбунов прав, – подумал вдруг Зверев, – действительно гвардейцы, хотя с виду вроде как и ущербные. А вот совесть – не показная...»

Впереди лес неожиданно расступился, и подуставшая запаренная лошадь вынесла легкие сани на окраину деревни Колбаса.

«... – В этом веке, – продолжал Лахновский, – нам уже не победить. Нынешнее поколение людей в России слишком фанатичное. До оголтелости. Войны обычно ослабляли любовью народ, потому что, помимо физического истребления значительной части народа, вырывали его духовные корни, растаптывали и уничтожали самые главные основы его нравственности. Сжигая книги, уничтожая памятники истории, устраивая конюшни в музеях и храмах. Такую же цель преследует и Гитлер. Но слишком он многочислен, что ли, этот проклятый ваш советский народ... Или он какой особый и непонятный... И в результате войны он не слабеет, а становится сильнее, его фанатизм и вера в победу не уменьшаются, а все увеличиваются. Гитлер не может этого понять, а если бы понял, как-то попытался бы выйти из войны. Значит, он обречен, и его империя, его тысячелетний рейх, накануне краха... Значит, надо действовать нам другим путем... Ленин ваш сказал когда-то: мы пойдем другим путем... Что же, хорошая фраза. Вот и мы дальше пойдем другим путем. Будем вырывать эти духовные корни большевизма, опошлять и уничтожать главные основы народной нравственности. Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением, выветривать этот ленинский фанатизм. Мы будем бороться за людей с детских, юношеских лет, будем всегда главную ставку делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее... Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов!..»

К обеду развиднелось, выглянуло солнце, поигрывая лучами на железных крышах сельсовета и колхозного правления. Здесь толпились мужики, дымя самокрутками и с хрустом топчась на месте от пробирающего мороза.

– Ну вот и приехали, – сказал Зверев, вытягивая задубевшие от холода и долгого сидения ноги и ощущая покалывание в коленях.

– Как думаешь, надолго затянется? – подстегивая лошадь вожжами, спросил Горбунов.

– Я обещал Клавдии сегодня вернуться.

Однако все обернулось вовсе не так, как предполагал Алексей Ильич. Выяснилось, что второй секретарь райкома партии уже в клубе вместе с заместителем председателя колхоза, да и народ там почти весь собрался. Вроде как получалось, что ждали только их, хотя до назначенного часа время еще оставалось. Да тут, как говорится, не поспоришь, поэтому буквально через несколько минут они уже сидели за столом в президиуме вместе с передовиками производства. Пока заместитель председателя зачитывал отчетный доклад, говорил о достижениях и недостатках в организации полевых работ, вынужденных простоях техники, отмечал отличившихся колхозников, все шло нормально. Наконец председательствующий объявил, что можно переходить к обсуждению второго вопроса – выборам председателя колхоза, и предоставил слово секретарю райкома Прядеину. Тот коротко пояснил, что Горбунов человек ответственный и принципиальный, зарекомендовал себя прекрасно будучи председателем Кыштовского сельсовета, поэтому райком партии рекомендует Горбунова на должность председателя колхоза «Новый мир» и выносит его кандидатуру на утверждение уважаемых колхозников.

Прядеин закончил свое выступление, сел. Как и положено в подобных случаях, Горбунов поднялся, чтобы сначала рассказать о себе, как он видит основные задачи, стоящие перед колхозом, но тут из зала раздался голос, по тону которого Зверев понял, что в народе зреет недовольство.

– А можно спросить – вы не сын того Горбунова, у которого оглобли обжигали?

Зал обрушился хохотом, он прокатился громовой волной к задним рядам и затих.

– Нет, такого факта не было, – не очень уверенно и неубедительно проговорил Тимофей Егорович.

Алексей Ильич никак не мог сообразить, почему это Горбунов вдруг помрачнел и растерялся. Наклонившись к Прядеину, он тихо спросил, что все это значит, причем здесь какие-то

оглобли? Евгений Прокопович хмуро пояснил, что в Сибири есть такой обычай – если человек сельчанам не понравился, ему обжигают оглобли, давая понять, чтобы убирался из села. Как последнее предупреждение. Однако, в данном случае, произошла явная ошибка, Горбунова с кем-то спутали, хотя, возможно, это сделано и нарочно. Как бы то ни было, а его дело плохо, камешек в его огород заброшен, и теперь колхозники могут за Горбунова и не проголосовать.

– А как вы думаете решать вопросы жилищного строительства? – продолжали кричать из зала.

– С вами вместе будем решать, – отвечал багровый от напряжения Горбунов, – на правлении колхоза. Со всеми будем советоваться...

Вопрос следовал за вопросом, кандидат в председатели старался отвечать попроще, говорить подходчивей, однако Зверев чувствовал, что стена отчуждения растет.

– Какие будут предложения? – подвел черту председательствующий.

И тут в притихшем зале встает женщина лет тридцати, светловолосая, розовощекая, и, озорно блестя глазами, говорит:

– Товарищи, а мы ведь этого Горбунова совсем не знаем. Зато всем хорошо известен секретарь райкома Прядеин. Я думаю, если мы изберем его председателем, то он-то уж наведет порядок в колхозе.

Последовало шумное одобрение зала, и Алексей Ильич заметил, как изменился в лице Евгений Прокопович. Прядеин прекрасно понимал, что, случись подобное, ему уже ничто не поможет, он обязан будет подчиниться коллективному решению колхозников. Но секретарь быстро сориентировался. Рассказывая свою биографию, – сам улыбается, а голос подрагивает от волнения, – Евгений Прокопович дает всем ясно понять, что он кадровый партийный работник, не имеет никаких специальных знаний в области сельского хозяйства, а значит, вряд ли сможет управлять колхозом. Все это намеками, не отказываясь прямо, но подводя к такому выводу самих колхозников.

Алексей Ильич понимал, что и ему тоже надо что-то предпринимать, как-то помочь Прядеину – к мнению директора

МТС прислушивались всегда. И как только секретарь райкома партии замолчал, Зверев решительно поднялся.

– Товарищи колхозники, – стараясь перекрыть шум в зале, крикнул Алексей Ильич, – ваше мнение, конечно, будет решающим, да только колхозом управлять – это, я вам доложу, дело ответственное, где без специальных знаний никак не обойтись. Кто спорит, Прядеин – кандидатура во всех отношениях достойная, но ведь ни агротехническими, ни зоотехническими, ни тем более просто техническими знаниями, как вы слышали, Евгений Прокопович, к сожалению, не обладает. Он решает другие задачи, не менее важные, а может, и более трудные – идеологические. Конечно, последнее слово все равно будет за вами...

– Ладно, – закричали из зала, – согласны, не надо Прядеина...

– Товарищи, – вскакивает пожилая женщина в первом ряду, – что же мы ищем себе председателя, давайте Зверева изберем. Он-то уж специалист известный, знаем мы его не один год...

В первую минуту, когда зал взорвался аплодисментами, Алексей Ильич еще и не понял, что речь идет о нем. Он продолжал улыбаться, пока не встретился глазами с растерянным взглядом Прядеина. Тогда до него только дошло, что ему-то вообще никаких доводов для отказа придумать невозможно, их просто не существовало. И внутри у него сразу что-то обвалилось.

А председательствующий уже поставил кандидатуру Зверева на голосование, и в зале взметнулся лес рук. Лишь в президиуме царило полное замешательство. Пока Алексей Ильич лихорадочно соображал, как лучше поступить, с задних рядов протиснулся к сцене бригадир тракторной бригады Гавриил Бурлацкий и, оказавшись лицом к лицу с залом, возмущенно закричал:

– Да что же вы это вытворяете? Чего чудите? Зверев и так наш человек, такой же председатель колхоза, без него не решается ни один важный вопрос. Ну, поставим мы его председателем, пришлю в МТС какого-нибудь хлыща, и что тогда? Мы-то Зверева как облупленного знаем, трактористы его уважают... Чего же вы, механизаторы, молчите? Иль вам все одно, кто командовать в МТС будет?

Трактористы еще те горлопаны, в зале их человек тридцать сидело, а от слов бригадира их будто за самое нутро зацепили. Гвалт поднялся такой, что не слышно было голоса председательствующего, пытавшегося что-то сказать. И ему пришлось поднапрячь голосовые связки, чтобы установить порядок.

- Так что решим?
- Нельзя Зверева избирать...
- МТС – это хуже, чем колхоз...
- Они же на нас и работают...

Выкрики продолжались, и Алексей Ильич чувствовал, как лоб его покрывается испариной, хотя это уже была запоздалая реакция. Он облегченно перевел дыхание и поднялся.

– Ну что, приступим к обсуждению кандидатуры Горбунова? Я ведь хорошо знаю не только его самого, как специалиста и человека, но и его брата Михаила Горбунова, председателя Орловского сельсовета, вашего соседа...

- Так разве это его брат? – снова раздалась выкрики из зала.
- Брата мы знаем...
- Тогда другое дело...
- Ну, если он такой же, как его брат...
- Ладно, голосуй...

Зверев не стал медлить, испытывать судьбу, и торопливо объявил, кто за кандидатуру Горбунова. Против? Воздержался?..

– Ну вот, товарищи колхозники, поздравляю вас с хорошим председателем колхоза, которого вы избрали единогласно, Уверен, что вы меня вспомните добрым словом...

Утром Горбунов поднялся раньше всех, а может, и не заснул, взбаламученный вчерашним собранием. Сходил на конюшню, запряг лошадь в сани секретаря райкома и подогнал их к избе. Ночевали они в доме бригадира тракторной бригады Бурлацкого. Вчера, отбив директора МТС у колхозников, он его отпустить уже не собирался. Пришлось и Горбунову с Прядеиным идти к нему ночевать...

Увидев на крыльце Зверева, Тимофей Егорович поинтересовался:

– Что там секретарь-то, идет?

– Собирается... Ты лучше скажи, как тебе на новом месте спалось, председатель? Обожженные оглобли не снились? –

Алексей Ильич засмеялся, глядя на его помятое лицо – действительно что ли кошмары мучили?

– Нашел над чем шутить, – вроде как обиделся он. – Я вчера готов был сквозь землю провалиться, – но заметив выходящего из дома секретаря райкома, шутливо пожаловался: – Слышали, Евгений Прокопович, как директор МТС на смех поднимает колхозную демократию?

– А по-моему, – пряча лицо в воротник тулупа, сказал Прядеин, – это колхозная демократия тебе вчера чуть отставку не дала. Так что скажи спасибо Звереву.

– Спасибо-то сказать ему следовало бы сначала вам, Евгений Прокопович, – с иронией в голосе проговорил Горбунов и рассмеялся.

Прядеин уселся в сани, махнул Звереву, чтобы тоже поскорее садился, не морозил себя и других, потом сказал:

– Я его по дороге успею поблагодарить, а тебе оставаться. И лучше надолго. А, Алексей Ильич?..

Зверев взмахнул вожжами, и лошадь пошла размеренной мелкой рысью. Когда выехали на зимник, топот копыт завяз в снегу, лишь слышался тягучий скрип саней, склонявший к дремоте. Спали-то всего лишь несколько часов. Вскоре Зверев был уже уверен, что секретаря райкома укачало в санях, и тут же услышал приглушенный голос Прядеина:

– А что, Алексей Ильич, небось приятно, когда народ тебе доверяет?

– Чего же им мне не верить, я их не обманывал, – дернул плечом Зверев, всем своим видом показывая, что так и должно быть. И сразу шутливо добавил: – За это вчера чуть в председатели не попал.

Прядеин с любопытством взглянул на него и неожиданно спросил:

– А если бы избрали? Чтобы ты стал делать? Только честно...

– А что и всегда – работать...

Зверев вовсе не лукавил, а сказал, что и думал, в чем был уверен. За свои слова он отвечал всегда.

– Знаешь что, Алексей Ильич, – снова негромко заговорил Прядеин, – не избежать тебе работать в райкоме партии. И изберут тебя единогласно, помани мое слово...

Тогда Зверев только усмехнулся, даже не представляя себе, насколько секретарь райкома был близок к истине. Более того, в этом он сыграет не последнюю роль.

«...Люди – они как церковные колокола. Иной вроде и отлит чисто, на солнышке янтарем горит, по виду так и красивше нету. А ударь – с дребезгом звон, со ржавчиной, вроде в чугунку ударили. А бывает – и на вид неказистый, зеленью изъеден. А тронь – и запоет, вроде бы заря по чистому небу расплывается. Это и есть звень-колокола...»

V

«...А ведь Прядеин тогда оказался прав, – с улыбкой подумал Алексей Ильич, откинувшись на спинку кресла. После сытного ужина и выпитой водки как-то славно убаюкивал наполнявший салон самолета ровный гул, хотя спать совершенно не хотелось. – Да, через год где-то мне пришлось распрощаться с МТС и Черновкой...»

Конец пятидесятых годов Хрущов превратил в период реорганизаций. По его инициативе были учреждены секретари райкомов партии по зонам МТС. И Звереву сразу предложили перейти на работу секретарем Кыштовского РК по зоне Сергеевской МТС.

Отъезд из Черновки обернулся неожиданно-трогательным для него прощанием. После обеда пришла машина, и Алексей Ильич стал собирать вещи и грузиться. В это время к его дому и начал стекаться народ. Шли рабочие из мастерских, трактористы, шоферы из гаража, учителя, соседи... Они здоровались и молча толпились вокруг дома, заглядывая в окна и покуривая.

Зверев не ожидал этого, ведь официальных проводов потому и не устраивал, что уезжал посреди рабочего дня. А тут... Кое-кто из мужиков пришел с бутылкой, ясно давая понять, что по русскому обычаю, мол, полагается проводить, и просто так директор МТС от них не отделается. Гостей оказалось куда больше, чем можно было разместить за столом, но люди не обижались. Чуть позже, когда Зверевы уже садились в машину, механик Заесков задумчиво произнес, ни к кому не обращаясь:

– Ну все, не видать нам больше Алексея Ильича. Быть ему министром, не иначе...

На эти слова Петра Ивановича тогда никто толком и внимания-то не обратил, а потом о них и вовсе забыли. Правда, Звереву они невольно припомнились ровно через три месяца.

Как-то июньским вечером к нему домой, уже в Сергеевке, приехал первый секретарь Кыштовского райкома партии Чернов. Николай Романович выглядел уставшим и озабоченным.

– Что, удивлен? – усмехнулся он, здороваясь и оглядывая нехитрую обстановку в доме. – А Клавдия Никитична где?

– К соседям пошла за молоком, – пояснил Алексей Ильич, гадая, что привело к нему секретаря, – вместе с детьми. Своей коровой пока еще не обзавелись.

– Тогда хорошо, не прирос, значит, накрепко к новому месту...

Как оказалось, на недавнем расширенном заседании бюро райкома партии выступил председатель колхоза «Большевик» Петр Павлович Хильманов и в прямом смысле слова потребовал вернуть в Чекинскую МТС директором Зверева. Его поддержали все двенадцать председателей колхозов, присутствовавшие на этом совещании. Они в один голос утверждали, что назначенный на эту должность Петр Васильевич Шевченко с работой не справляется, никого не слушает, ведет себя высокомерно, ставит непонятные требования и условия... В общем, работать с ним они отказываются поэтому и просят бюро райкома принять по этому вопросу официальное постановление и направить в Сергеевку первого секретаря райкома для переговоров со Зверевым.

– Так что я к тебе приехал вполне официально, – сказал Чернов, – высказать пожелание райкома о твоём возвращении на работу в МТС. И хочу добавить от себя лично, чисто по-человечески – таким доверием народа бросаться не стоит.

«Ох, и хитрецы председатели, – усмехаясь про себя, думал Алексей Ильич, соображая, как ему поступить в данном случае, – знали, кого ходатаем выставлять, Хильманова, бывшего помощника секретаря райкома. Конечно, он нашел подходы к Чернову, вон даже сам прикатил. Хорошо, что я в то время был в командировке, а то ведь там же, на бюро, и решили бы меня вернуть...»

Шевченко работал раньше инженером-механиком на авиационном заводе имени Чкалова, откуда и был направлен в Сергеевскую МТС для укрепления. Здесь же от рабочих Зверев слышал о нем только хорошее. Значит, человек был на своем месте. Да вот в сельском хозяйстве не специалист, и Алексей Ильич вообще не понимал, почему Шевченко назначили директором Чекинской МТС, а его переместили сюда. Зато теперь представлялся удобный случай узнать об этом непосредственно у Чернова. Ответ секретаря райкома его удивил:

– Понимаешь, по рекомендации Прядеина хотели из тебя сделать партийного работника. Да, выходит, сама жизнь вносит поправку в наши планы.

Зверев едва сдержал себя, чтобы не рассмеяться. Ох, и короткая у Чернова, видать, память была. Забыл он, как года два назад сентябрьским дождливым днем приехал в Чекинскую МТС уполномоченный представитель Обкома партии Егор Кузьмич Лигачев, чтобы заставить вести отдельную уборку хлеба, так как из-за дождей они тогда отставали в сроках. Внедрялся в то время такой передовой метод, по которому косить вроде как в любую погоду можно было. Но Егор Кузьмич в контору МТС даже не заглянул, а напрямик в колхоз «Большевик» подался. Благо у него «газик» с двумя ведущими мостами, застрять в грязи он не боялся.

На следующий день собрался районный Пленум РК КПСС для обсуждения хода уборки урожая. Первый секретарь райкома предлагает выбрать в президиум трех директоров МТС – Кыштовской, Чекинской и Сергеевской, явный признак того, что достанется всем. А в зале весь партхозактив присутствует. Чернов докладывает о ходе уборки урожая в районе при полной тишине, когда вдруг поднимается из-за стола Лигачев и подсаживается к Звереву, сидевшему в президиуме с краю. И то ли с сожалением, то ли с удивлением шепчет:

– А мы ведь вас хотели снять с работы. – И смотрит на него испытывающе.

Алексей Ильич моментально понял, откуда ветер дует. Немудрено догадаться, что не сегодняшняя грязь тому причина. Небось, прошлогоднюю статью в районной газете вспомнил, а может, и в уме держал тот критический материал, когда

сюда добирался. Вся ситуация один к одному повторяется. Тогда в Чекинскую МТС сам Большаков прикатил, редактор районки. Дожди пуще нынешнего зарядили, а он отдельной уборкой интересуется. Да какая же уборка в такую погоду! В одну тракторную бригаду едва доехали – техника стоит, в другую... Положение яснее ясного, потому Большакову Алексей Ильич все показал и рассказал о превратностях стихии, которая районному начальству не подчиняется. А через пару дней в газете появилась разгромная статья за подписью редактора, раскритиковавшего директора Чекинской МТС за то, что не внедряет у себя передовой метод отдельной уборки хлеба. Честно говоря, такой подлости от редактора газеты Зверев не ожидал. Не выдержал, позвонил, усомниться хотел человека, а тот со смешком в ответ:

– Ты никогда не забывай, с кем имеешь дело. Я тебя критиковал за то, что не проводишь в жизнь прогрессивные методы уборки хлеба. Это другим наука, пусть читают и задумываются. Вот и положительный результат...

С тех пор Алексей Ильич всегда смотрел, с кем его сводила судьба. Ну а что результат от той статьи действительно был, Зверев теперь несколько не сомневался...

– Так вот, – со вздохом повторил Лигачев, – хотели снять тебя, но председатели колхозов отстояли.

– Так я вместе с ними день и ночь в грязи, – наклонившись к нему, зашептал Алексей Ильич, – они-то знают меня. Вы же видите, что за погода, на машине не проехать...

– Я же проехал, – с усмешкой оборвал его Егор Кузьмич.

– Э, нам бы ваши два ведущих моста, – осмелел вдруг Зверев.

– Ладно, ладно, – посуловел Лигачев, – вы свои дела поправляйте...

Однако поправлять свои дела, то есть косить в дождь, Алексей Ильич все же не стал, невзирая на постановление районного Пленума. Как чуть позже выяснилось, уже при солнышке, кто поторопился отдельную уборку провести, тот наибольшие убытки и потерпел. Поэтому торопливость Зверев не считал за достоинство, даже если того требовало начальство.

Вот и сейчас он пытался доказать Чернову, что возвращаться ему в Черновку не целесообразно. Во-первых, здесь он уже во-

шел в курс проблем, люди его приняли, жена работает в школе, так что срываться с места лишь для того, чтобы председателям колхозов работалось спокойнее, привычнее – это даже не по-государственному. Пусть райком подскажет молодому директору МТС, главные специалисты помогут...

– Все это правильно, конечно, – недовольно поморщился Николай Романович, – но я тебя чисто по-дружески прошу съездить в Черновку, поговорить с Шевченко, объяснить ему ситуацию, в конце концов. Тебя он быстрее поймет, зная, что ты можешь его опять сменить. Двенадцать колхозов ходатайствуют, разве в области это не примут во внимание?

И Зверев согласился, понимая, что на секретаря здорово насели председатели, да и отказываться члену бюро райкома вроде как и не положено. Вот тогда-то неожиданно и припомнились ему слова Заескова, хотя и не все: «Не видать нам больше Алексея Ильича...» Вспомнил и невесело усмехнулся – не иначе как сглазил механик...

На следующее утро за Зверевым приехал его бывший шофер Иван на родном ГАЗике. Он-то и охарактеризовал нового директора МТС точно и емко, как это могут делать только адъютанты, помощники и личные водители:

– Да в нем начальника больше, чем человека...

Но теперь Алексей Ильич точно знал, как ему вести себя с Шевченко. То, что легкого разговора не получится, можно было и не гадать. Однако дело осложнялось еще и тем, что назначение на должность директора МТС было прерогативой Обкома партии. Райком с ним ссориться, естественно, не хотел – все-таки видимых и ясных причин увольнять его не было, поэтому и пошли таким частным путем – уговорить уйти Шевченко через Зверева. Однако, приехав в Черновку, Алексей Ильич первым делом обошел свое бывшее хозяйство, ревниво приглядываясь ко всем изменениям, поговорил с рабочими, механиками, агрономами. В общем, «диагноз» Ивана полностью подтвердился. И в кабинете директора МТС, обустроенном уже по-другому, Алексей Ильич прямо об этом и сказал Шевченко. Звереву сразу он показался каким-то дерганым, вспыльчивым, немного даже неуверенным, что ли, в себе человеком, вроде как осознающим, что он не на своем месте. Правда, отлично

знал производство, хорошо разбирался в технических вопросах. Лукавить с ним Зверев не стал, сказал, что у него нет потребности и желания возвращаться сюда, он уже притерся, освоился и на новом месте, с хозяйством познакомился, поэтому кроме стремления помочь ему самому, им больше ничто не движет. И лучше всего, считает, обоим обратиться в Обком партии – как там решат, так они и поступят.

– Но в райкоме вряд ли пойдут на это, – мрачно заметил Шевченко.

– А мы объясняться в райкоме будем потом, – не отступал Зверев. – Ответственность я беру на себя...

«Потом» наступило вечером того же дня. Как полушутливо заметил Чернов: «Вы меня хоть и объехали, но никуда не приехали...» Правда, Зверев с таким его выводом согласен был не совсем. Председатель Новосибирского облизполкома Жуковский сначала принял Алексея Ильича, а уж после Шевченко. Сложившаяся ситуация в Чекинской МТС ему не показалась мелочной или не заслуживающей внимания областного руководства. Зверев не знал, о чем Николай Иванович говорил с Шевченко, но решение его было однозначным – каждый пусть продолжает работать на своем месте...

И опять же новое место работы Зверева оказалось кратковременным – должность секретаря РК по зонам МТС ликвидировали. Но чуть ли не сразу Алексея Ильича избирают вторым секретарем Черепановского райкома партии. Как и предвидел некогда Прядеин – единогласно.

Сейчас, вспоминая те времена, Зверев неожиданно для самого себя почувствовал вдруг некую раздвоенность в сознании. Впервые так углубившись в изучение своего прошлого, Алексей Ильич вроде как в этом месте за что-то цеплялся, но никак не мог уловить, что это было. Короткий период работы секретарем Черепановского РК КПСС прошел у него довольно гладко. Конечно, масштаб был уже иной, кроме сельского хозяйства здесь развивалась и промышленность. Город Черепаново – это в первую очередь крупная железнодорожная станция, завод железобетонных изделий, автохозяйство, комбинат мясо-молочной промышленности, мукомольное производство, элеваторы... Именно в Черепановском районе в первые годы

Советской власти были созданы крупные совхозы, а животноводческие комплексы проектировали и строили по последнему слову науки и техники того времени специалисты из США. Да, в 1957 году он еще видел действующие бетонные кормушки, ветряные двигатели для водных насосов, внутрифермерский рельсовый и подвесной транспорт. Все это, смонтированное в 20-х годах, работало, правда, подобная техника для России была тогда уже устаревшей.

Теперь-то Зверев понимал, что его в этих воспоминаниях могло так зацепить. Страна в те годы лежала в разлухе после Гражданской войны, и все же Советское правительство находило финансовые возможности для внедрения в свое сельское хозяйство современных зарубежных технологий, потому что хотело быстро его восстановить, как, впрочем, и промышленность, чтобы не оказаться зависимым от иностранного капитала и тем самым не погубить себя. А сейчас?..

«... – Мы разведем партию изнутри, мы должны выполнить нашу роль раковой опухоли. Организм, пораженный раком, обречен на смерть», – любил повторять, как говорили Лахновскому, Лев Давидович Троцкий. Сам Лахновский никогда таких слов от него не слышал, да и видел редко, мельком. Но он был целиком и полностью согласен с этими словами, считая их мудрыми, видел в них целую программу борьбы с большевизмом, которая неминуемо должна была привести к победе. Пристально наблюдая за деятельностью самого Троцкого, он отчетливо видел, что тот, не скупясь на громкие слова и лозунги, делает все, что в его силах, чтобы помешать «плану индустриализации» – тянет страну на путь сельскохозяйственного развития. «Правильно! – с тихой радостью и гордостью за «государственный» ум Троцкого думал Лахновский. – Все великое в конце концов просто. От масла можно разжиреть, но революцию вашу вы им не защитите...»

...Разрабатываются новые инструкции... Составляется такой... стратегический план наших действий, нашей борьбы на длительное время. Мы пока в общем занимаемся мелочами. Но придет время – и мы начнем активные диверсии, чтобы быстренько развалить, подорвать всю экономику, а также

коммунистическую идеологию. Будем физически уничтожать наиболее преданных большевистской идеологии людей. Вы поняли? Гражданских, военных – всех! Во всех областях. В крайнем случае – всячески их дискредитировать, обвинять во всех грехах. А самый большой грех – идейный...»

Однако секретарем Черепановского РК КПСС Звереву работать пришлось тоже недолго. Обком партии вдруг выдвинул его на пост первого секретаря Сузунского райкома партии, чисто аграрного и лесного района. Но произошло непредвиденное – черепановцы Алексея Ильича непустили, отказавшись подчиниться решению Обкома партии. Пришлось партийному руководству области пуститься на хитрость – отозвать Зверева в распоряжение Обкома якобы на повышение, а на следующий день его избрали первым секретарем Сузунского РК КПСС...

Алексей Ильич вдруг почувствовал, как ему сдавило грудь, он учащенно задыхался, стараясь унять расхолодившееся сердце и страшась, что эту минутную слабость его заметит Покрышкин или Канторович. Вспоминать прошлое – все равно что заново переживать свою жизнь, не так-то легко это дается. Если, конечно, есть о чем переживать. Или кого добром поминать...

«А ведь Заесков сам напомнил мне свои слова, сказанные им во время моих проводом из МТС, – усмехнулся про себя Зверев, – почти через шестнадцать лет. И опять во время моих проводов. Правда, тогда я прощался уже с Новосибирской областью, назначенный министром лесного хозяйства России. Как Заесков мне и предсказывал еще в Черновке...»

VI

... – А вы где работаете, Вячеслав Леонидович, если не секрет? – с любопытством взглянул на Канторовича Алексей Ильич, когда услышал, о чем идет у него разговор с Покрышкиным.

– В Академии народного хозяйства у академика Аганбегяна...

– Знаю, бывшая «косыгинская академия», – кивнул задумчиво Зверев, удивляясь превратностям судьбы.

– Учились в ней? – спросил Покрышкин.

– Да как вам сказать? – несколько растерялся даже Алексей Ильич. Он действительно не знал, что ответить. Можно ли считать академической учебой недельные курсы для «неблагонадежных» министров, которые Звереву пришлось посещать? Главными учителями в процессе блиц-переделки экономического мышления руководителей некоторых союзных министерств выступали заместитель Председателя Совмина СССР академик Абалкин, заведующий Отделом экономики ЦК КПСС академик Можин и академик Аганбегян. Звереву, да и остальным, особенно запомнились итоговые занятия на этих самых курсах. Они в прямом смысле стали итоговыми для всех двенадцати министров – чуть позже их «россыпью» отправили на пенсию.

Распад

... – Намечаемая в СССР перестройка – самая крупная в истории, – Абалкин поднял голову и окинул многозначительным взглядом немногочисленных слушателей, словно хотел убедиться, осознают ли они всю глубину затеваемых в стране перемен. – Аналогов ей в мире нет. Мы прекрасно понимаем, что семьдесят лет советской власти – это опыт, есть и успехи. И все же назрела необходимость в перестройке. Есть ли в этом логика развития? Безусловно. Ведь в своем экономическом движении страна зашла в тупик. Более тяжелого состояния экономики еще не было, поражены все направления развития – жизненный уровень, технический прогресс... Все больше возникает зон уязвимости. Известно, что в развитии общества существует своя логика. Из экономического учения ясно, что качественные скачки закономерны. Но проблема экономического роста в СССР совпадала с развитием вообще и производства в частности. Мы успешно набрали и развили темпы, и под это мы подстраивали всю идеологию и организационную работу. Задача роста выполнена. У нас есть то, чего не имеют даже другие страны. Проблема дефицита и недохваток порождена старой ориентацией на рост производства. Но старый тип производства себя давно исчерпал. Без перестройки структур мышления не обойтись...

Абалкин на минуту прервался, неспеша глотнул воды из стоявшего рядом стакана, и снова над залом поплыли округлые туманные фразы. В общем-то он сегодня повторял фактически все то, о чем раньше читал свои лекции и Аганбегян. Однако Зверева что-то настораживало в его словах. Да, конечно, перемены в стране необходимы, они назрели, это видно. Но какие? Главный-то вопрос оставался довольно спорным, конкретного ответа на него министры пока что не услышали. Вот что было странно и вызывало у многих недоумение.

– Перевод на полный хозяйственный расчет, – продолжал Абалкин, – не может быть исчерпывающей мерой. Это «усеченный» тип мышления. Хозрасчет сам по себе ничего не может изменить, да и декретами ввести его невозможно. Нужно осуществить систему реформ. Здесь речь идет не об автономных мерах, а о крупных взаимосвязанных мероприятиях. Изменение форм собственности захватывает наше внимание. Однако вопрос стоит более широко – способны ли мы при госсобственности обладать гибкостью и возможностями экономики? И это важно не только для Советского Союза. За последние двадцать лет доказано, что способ общественного производства не способен к маневренности и высокой эффективности...

– Слушай, что он несет? – зашептал, наклонившись к самому уху Зверева, сидевший рядом с ним министр черной металлургии Калмыков, ставший им всего два года назад, хотя до этого долгое время работал первым заместителем министра. – Это же полное искажение истины...

– И лишь общие слова, которые можно повернуть, как угодно.

«Конечно, – мрачно размышлял Алексей Ильич, – Абалкин прав в постановке самого вопроса, и этого отрицать нельзя. Но и только. Однако этого довольно маловато для академика и зампреда Совмина СССР. Выходит, он сознательно сейчас умалчивает о том, что именно рост производства в стране отдельных видов продукции и обеспечивал самостоятельность ее развития, обороноспособность, создание научного потенциала. И совершенно все это было именно при общественной, в основном, системе производства, при госсобственности. Почему об этом так настойчиво теперь стараются забыть, ограничившись

невразумительным «были успехи»? Какова тогда вообще цель реформ?»

... – По малому счету, речь идет и об отношении к казенному имуществу, к государственной собственности. Появилась необходимость через систему мер поднять эффективность и возможности производства. В чем здесь сложность проблемы? Нет ориентировки на потребителя, зато есть особый заказчик – государство. Оно имеет преимущество в размещении заказов. Работа по заказу должна быть самой выгодной. Контрольные цифры должны носить ориентировочный характер. Они должны информационно ориентировать народное хозяйство и его ячейки. Что касается нормативов, то каждый должен иметь свою долю, свою норму. И если по-хорошему готовиться к новой пятилетке, то ее необходимо скорректировать. Речь здесь идет о единстве курса, о последовательности и действий...

«... – Немало, немало до войны было в России, во всем Советском государстве слишком уж ретивых революционеров, – смакуя, говорил Лахновский, – немало было таких карьеристов и шкурников... на различных участках, на самых различных должностях, больших и малых. Кто сознательно, а кто бессознательно, но такие сверхреволюционеры и такие лжекоммунисты... помогли нам разлагать коммунистическую идеологию, опошлять ее в глазах народа, в сознании самых оголтелых, но не очень грамотных ее приверженцев. А некоторые из таких... способствовали еще и дискредитации... а иногда и гибели наиболее ярких коммунистов... Они летели со своих постов, оказывались в тюрьмах и лагерях. Они умирали от разрыва сердца, или их расстреливали...»

– ...В 1986 году по экономике нанесено три удара, – голос Абалкина стал резким. – Это Чернобыль, когда на восемь процентов сократился внешнеторговый оборот, что изменило баланс на международном рынке. Антиалкогольная компания нанесла большой удар национальному доходу, подорвав его и на будущее. Зарабатывать у нас не хотят, потому что нечего купить. Землю не берут. При общественной собственности создается иждивенческий социализм...

Зверев нервно повернулся к насупившемуся Калмыкову и с тихим возмущением произнес:

– Неужели они нас всерьез хотят уверить в том, что экономику Советского Союза смертельно подорвала чернобыльская авария и антиалкогольная компания? Так может рассуждать лишь неграмотный крестьянин, но уж никак не академик...

Камыков, делая какие-то записи в своем блокноте, молча дернул покатым плечом. Действительно, чего сейчас рассуждать, когда целую неделю министры обменивались своими мнениями по поводу предлагаемых экономических реформ. Каждый из них был уверен, что из затеваемой перестройки ничего путного не получится, разве что приведет к полному развалу экономики страны.

Однако Алексей Ильич никак не мог успокоиться. Впрочем, слова Абалкина заделали всех, по залу прокатился волной гул недовольных голосов. Здесь сидели информированные люди, они прекрасно знали положение дел в стране, экономический потенциал государства и его возможности. Оно могло справиться с любыми бедствиями без губительного ущерба для народного хозяйства. Да без подобных несчастий не обходилась ни одна страна в мире в разные периоды истории – землетрясения, наводнения, катастрофы на атомных станциях, но ни одно государство не объявляло себя из-за этого банкротом. А такая держава, как Советский Союз, и тем более. Необходимо лишь желание преодолевать такие трудности...

Что касалось антиалкогольной компании, то здесь Абалкин неизвестно по каким причинам грубо исказил все, проявил полнейший произвол, если не сказать больше. Всем же известно, что доход от алкогольной и пищевой промышленности составлял

32 процента ВВП. И естественно, никто не стал бы лишать себя таких доходов. Поэтому в своей пропагандистской компании руководители государства и пошли на сокращение выпуска водки, дающего четверть прибыли от всех алкогольных денег. По своему замыслу цель такой компании была верной – сокращался выпуск алкогольной продукции на пятнадцать процентов, потери небольшие, зато моральный выигрыш был бы ощутимый. Почему же этого не произошло?..

– Товарищи, – требовательным тоном Можин сразу прекратил шум в аудитории, – теперь мы хотели бы выяснить, чему вы научились на наших экономических курсах. То есть послушать вас...

Вообще-то министры до конца так и не поняли, для какой цели эти курсы были организованы, а тем более, чего от них ждали и хотели услышать. Разве здравомыслящий человек, если он, конечно, не враг своей страны, мог принять подобные экономические установки, которые должны были развалить все народное хозяйство в государстве? Созданное за многие десятилетия всем народом, перед которым и они были ответственны в своих действиях. Поэтому они все и пришли к единому мнению о невозможности затеваемой в стране перестройки, концепцию которой нельзя было принять, так как и невооруженным глазом видно, какой невосполнимый вред она принесет экономике государства в целом. О чем же тогда говорить?

Однако, как тут же выяснилось, отмалчиваться никто и не думал, более того, даже готовился к выступлению. Понял это Зверев, как только увидел министра черной металлургии Калмыкова, стоявшего за столом с блокнотом в руках, куда он недавно что-то записывал.

– Значит, так, – начал он, мрачно глядя в зал, – зададимся вопросом: как вы собираетесь применить вашу новую экономическую политику в нашей отрасли? Министерство черной металлургии планирует прибыль и перераспределяет ее на неприбыльные предприятия, которые в силу своей специфики и выполняемых задач в отрасли не могут быть рентабельными. Например, те, что производят по нашим заказам катализаторы. Их нужно всего килограммы, чтобы обеспечить успех всего металлургического процесса. И министерство для них не жалеет ничего, там получают приличную зарплату, хотя эти предприятия никогда не смогут быть рентабельными.

Зверев вдруг обратил внимание на то, что Абалкин и Можин о чем-то все время перешептываются, не обращая внимания на выступавшего и не слушая его. «А ведь они уже все решили за нас, – подумал Алексей Ильич. – Теперь им нужны лишь проводники их абсурдных идей, исполнители...»

Очевидно, это стало понятно и Калмыкову. Побагровев, он оборвал себя на полуслове и растерянный сел на место.

– Нет, Алексей Ильич, они не заблуждаются...

Шум в аудитории все нарастал, и вышедший к трибуне министр строительства СССР Бабенко не начинал говорить в ожидании тишины.

– Товарищи, дайте же сказать слово своему коллеге, – спохватившись, нахмурил брови Можин и постучал ручкой по столу, – Вы мешаєте работать.

– В конечном итоге, – улынулся Абалкин, – это же вам нужно.

– Я думаю, вы ошибаетесь, – неожиданно громко заговорил Бабенко, – подобные реформы нужны только вам, может, еще кому-то. Для нас, для народного хозяйства, они в таком виде неприемлемы. Вот у нас в отрасли есть прибыльные предприятия. Например, те же заводы железобетонных изделий, которые и определяют работу многих подразделений в строительстве. Но эти заводы не могут работать без металла, цемента, без отдельных узлов. А их изготавливают на производстве, которое при всем моем желании не может и никогда не станет рентабельным. Естественно, что я поступаю так же, как и Калмыков в металлургической промышленности. Поэтому люди у меня не обижены ни в зарплате, ни в социальной защищенности. И почему это должно кому-то не нравиться, а главное – чем? – Бабенко повернулся и вопросительно посмотрел на Абалкина и Можина, но они сделали вид, что этот вопрос их не касается. Да министр, видимо, и не ждал от них ответа. Усмехнувшись, он продолжал:

– По вашим словам, товарищ Абалкин, в стране складывается иждивенческий социализм вследствие общественной формы собственности у нас в стране. Думается, дело не в форме, а, так сказать, в содержании, в сути, то есть, как ею распоряжаются, управляют. Рабочие и инженеры на наших неприбыльных предприятиях в зарплате и социальных услугах равны с остальными трудящимися. И это справедливо. Если же мы введем голый хозрасчет, то первым делом либо лишимся этих предприятий, а следом и все строительство станет неэффективным, либо себестоимость продукции их возрастет

настолько, что ее никто не способен будет купить. А это уже экономический хаос...

– Вы преувеличиваете, – рассмеялся Абалкин, – расчеты показывают обратное. Ну а кто прав, окончательно мы поймем тогда, когда проведем реформы в стране в полном объеме. Вы забываете, что весь мир держится на рыночных отношениях и процветает.

– А если не получится, кто ответит за развал?

– Экономические законы рынка едины, – поучающе заметил Абалкин, которому надоело спорить впустую. – Наши теоретические выкладки подготовлены институтами с привлечением западных экспертов. Так что если вы не справитесь с проведением реформ на практике, то не ищите в этом виноватых...

«... – И мы, – продолжал Лахновский, – мы отдадим в борьбе за новый мир, за новую Россию все! Мы никогда не примиримся с тем, что Ленин превратил русскую буржуазную революцию в так называемую пролетарскую! Хе-хе, нет таких, пролетарских революций! Не было еще в истории! Все революции, которые случались, происходили по классическому образцу, переворот – и к власти приходит либеральная буржуазия! Свобода различным политическим партиям, кроме коммунистической. Демократия... И никогда не простим себе, что своевременно не убрали Ленина. Это нам жестокий урок! И мы сделаем из него выводы. Выводы из него мы все вывели... Мы не сдадимся... Мы ведь как крысы. Все видят, как они бегут с обреченного на гибель корабля, но никто никогда не замечал, как они туда проникают... А там размножаются. И грызут, грызут потихоньку все, что можно.

...Это была грозная сила! Вы многое болтаете о троцкизме, но не знаете, не представляете, какая это была сила... И какое возмездие ждало Россию! И запомни... это вам, всей России, всей вашей стране, никогда не простится!.. Ничего. Борьба да-алеко не окончена! наших людей еще много в России! А за ее пределами еще больше...»

«Откуда только такие ухари в науке берутся?» – машинально подумал Зверев, как-то в порыве праведного гнева

упустив, что Аганбегян и Можин возвращены в Новосибирске, в Академгородке. Дело, конечно, не в них или других горе-теоретиках, подавленно размышлял Алексей Ильич, а в том, что именно такие оказываются почему-то ближе всего к власти, к руководителям государства, которые, очевидно, иного мнения и не знают. Нашепчут им подобные угоднички всякие там полунаучные «с привлечением независимых экспертов» выкладки, упакует в льстивую обертку – кушайте на благо родного Отечества! Еще бы, раньше они тоже показывали себя преданными коммунистами, никогда и ничем своего «доброего» имени не скомпрометировали, как тут не поверить в их заботу о народе и государстве.

Были такие и в Академгородке. Зверев хорошо запомнил одного академика, который по пять раз в году в заграничных командировках набирался уму-разуму в цивилизованных странах. Однажды он вернулся из Японии, и его попросили выступить на областной партконференции, посвященной совершенствованию системы высшего образования в стране. После короткого доклада этот академик вполне серьезно прямо с трибуны заявил, что у нас в школах слишком много внимания уделяют изучению русского языка и литературы. Зачем, недоуменно восклицал он, если родному языку нас учат с детства дома и на улице, то есть сама жизнь? Вот у меня, мол, внучке пять лет, а она прекрасно говорит по-русски. Пусть лучше уроки русского языка заменят математикой, гораздо больше будет пользы...

Еще тогда Зверев как-то подсознательно почувствовал, что академик повторяет чьи-то сумасбродные высказывания, насколько не задумываясь над сутью вопроса. Скорее то была спонтанно выданная импровизация ради возвеличивания математики, чтобы поднять значение собственного предмета. Иначе это просто академическое невежество. Впрочем, эта мысль Алексея Ильича тут же и подтвердилась. Безответственному заявлению уважаемого академика достойный отпор дала пожилая уже учительница русского языка, проработавшая в школе более тридцати лет. Очевидно, и академик понял свою оплошность, начал выкручиваться, стараясь всех убедить, что его не так поняли. Вид у него был незаслуженно обиженного человека. Вероятно, желая реабилитироваться, он убежденно

заговорил о том, что не надо отказываться от положительного опыта западных стран, где живут довольно практичные люди, которые просто так ничего делать не станут. А уж если решаются на что-то, то польза в этом есть несомненная. Например, в Японии немало легальных публичных домов, посещение которых, как бы у нас сказали, в некотором роде одобрено минздравом и не является чем-то безнравственным. С медицинской точки зрения, подобные заведения рекомендуется посещать солдатам и студентам, одиноким мужчинам, это снимает нервные стрессы, заставляет сосредотачиваться на своем деле. А это, мол, выгодно во всех отношениях, потому в Японии и высок производственный и научный потенциал, а семьи крепче, чем где бы то ни было в мире...

Правда, все это академик выложил торопливо, полушутливым тоном, как восточную экзотику, что ли, эдакую клубничку из жизни в странах капитала. Смущало лишь одно – подобное откровение ученого мужа прозвучало не на вечеринке в кругу близких друзей и знакомых, а на партийной конференции. Но тогда посчитали, что такие седовласые болтуны не страшны, и никто не подумал даже, что за ними могут стоять другие – те самые аганбеяны, можины и абалкины, которые в открытую против моральных советских устоев никогда не выступали, социалистический строй не критиковали, наоборот, они пели в унисон с властями, тем самым подбираясь к этой самой власти, чтобы уже через нее, на законном, так сказать, основании, подведя определенную «научную» базу, реализовывать свои разрушительные экономические и политические программы.

Сейчас Алексей Ильич понимал, что до поры до времени такие люди всегда в тени, не занимают высоких должностей, если чувствуют превосходство здравомыслящих сил. Такие являются на свет, когда их победа уже близка и безопасность работы на распад обеспечена.

Зверев вспомнил, как лет пятнадцать назад он от имени Новосибирского обкома партии рекомендовал Советскому РК КПСС избрать товарища Можина Владимира Потаповича первым секретарем. Так что именно он дал ему путевку в жизнь. Теперь Можин эту распрекрасную жизнь им и преподносит. Но тут же мелькнула мысль: а если он в Можине сейчас ошибает-

ся? Тогда его знакомство с Владимиром Потаповичем могло бы послужить и делу. Значит, надо выступить в поддержку мнения министров, продемонстрировать на лесном хозяйстве разрушительность затеваемых реформ. Может, по старой памяти, Можин доложит их точку зрения руководству партии и страны. Поэтому, едва Бабенко закончил свое выступление, вышел к столу и Алексей Ильич.

– Реформы, конечно, нужны, – негромко и вдохновенно начал он, поглядывая на безмятежно перешептывающихся Можина и Абалкина, – но какие? Здесь говорили о металлургической промышленности, строительстве, теперь посмотрим, что же представляет из себя лесное хозяйство в свете будущих экономических преобразований. У нас немало лесхозов, расположенных в глубинке, далеко от железных дорог, и чтобы освоить эти глухие районы, необходимы огромнейшие капитальные затраты. Там нужно осуществлять и уход за насаждениями, проводить плановые посадки, противопожарные мероприятия, ну и, естественно, вырубку леса.

Однако у нас имеются и лесхозы, которые, по своему территориальному расположению, находятся в очень благоприятных условиях для их промышленного освоения. Это подмосковные, владимирские леса... Исходя из этого, мы и регулируем оплату труда, категории насаждений, определяем соответствующие планы и задания, то есть сколько и где вырубать леса, соотносясь с нашими возможностями. Хозяйство наше плановое, значит, мы должны не только все спланировать, но и выделить технику для выполнения этих планов, предоставить иные ресурсы. Тут-то я сразу и прикидываю, как выгоднее для государства провести лесозаготовку, потому что себестоимость нам тоже в план закладывается, она у нас не беспредельная. Вот я ее и размещаю так, чтобы она была целесообразной. Я выбираю наиболее выгодные для государства варианты, то есть ближние и удобные в транспортном обеспечении лесхозы, к черту на кулички я ведь не поеду. Здесь уже мною регулируются себестоимость, оплата труда, премиальные... Все это находится в самой тесной взаимосвязи.

И вот здесь-то возникает вопрос: как же вы собираетесь в государстве организовывать рынок? По заготовкам леса у нас

огромнейшие масштабы и объемы, освоить которые может лишь государство. Кто же, кроме него, справится с этим?

Алексей Ильич обернулся к сидящим за столом академикам, надеясь, что они хоть что-то скажут, но ответа так и не дождался...

Уже садясь на свое место, Зверев наконец-то понял, в чем была его ошибка. Он и сейчас видел в Можине, или, вернее, хотел видеть, того молодого первого секретаря райкома, которого представлял когда-то вновь избранным членам бюро. Да только теперь это был совсем другой человек, во всяком случае, так думать было легче для самого Зверева. Ведь если Можин и тогда был карьеристом, нечистоплотным человеком, то в создавшейся сегодняшней ситуации в стране Алексей Ильич должен был признать и немалую долю своей вины...

– Товарищи, – поднялся Можин, глядя в зал куда-то повернув головы сидящих, вы, вероятно, так и не поняли главного – ваше мнение уже ничего не изменит, потому что оно в корне не верно и идет вразрез с линией партии и правительства, взявшими курс на демократические реформы в стране...

«... – Окончится война, – развивал свою программную мысль Лахновский, – все как-то утрясется, устроится. И мы бросим все, что имеем, чем располагаем... все золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей! Человеческий мозг, сознание людей способно к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим там ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности поверить. Как, спрашиваешь?.. Мы найдем своих единомышленников... своих союзников и помощников в самой России... И даже не то слово – найдем... Мы их воспитаем! Мы их наделаем столько, сколько надо! И вот тогда, и вот потом... со всех сторон – снаружи и изнутри – мы и приступим к разложению... сейчас, конечно, монолитного, как любят повторять ваши правители, общества. Мы, как черви, разведем этот монолит, продырявим его... Общими словами мы низведем все ваши исторические авторитеты, ваших философов, ученых, писателей, художников – всех духовных и нравственных идолов, которыми когда-то гордился народ, которым поклонялся, до примитива, как учил, как это

умел делать Троцкий. Льва Толстого он, например, задолго до революции называл в своих статьях зашелевшей каменной глыбой... И когда таких, кому это безразлично, будет много, дело сделается быстро. Всю историю России, историю народа мы будем трактовать как бездуховную, как царство сплошного мракобесия и реакции. Постепенно, шаг за шагом, мы вытравим историческую память у всех людей. А с народом, лишенным такой памяти, можно делать все, что угодно. Народ, переставший годиться прошлым, забывший прошлое, не будет понимать и настоящего. Он станет равнодушным ко всему, отупеет и в конце концов превратится в стадо скотов. Что и требуется...»

VII

Черное стекло иллюминатора действовало на Зверева почему-то угнетающе. Но по какой-то непонятной инерции, или по привычке, он все оборачивался к этому мрачному безжизненному пятну, и внутри у него поднималось глухое раздражение вперемешку с тоской. Как никогда ему вдруг захотелось увидеть за окном дневной свет, нагромождение облаков внизу, яркое солнце... Вопреки разуму, Зверевым овладело ощущение непоколебимой власти ночи, полной и бесконечной, словно рассвет уже никогда не наступит...

Алексей Ильич просто не думал, что вспоминать собственную жизнь – довольно сложное и нервное занятие. В том-то и дело, что раньше его дела оценивали люди, а теперь, получается, он сам себе судья. Вроде и бояться некого, да дрожь почему-то все одно пробирает...

Очевидно, именно по этой причине Зверев уже недели две жил как бы при раздвоенном сознании, чувствуя себя вроде в двух измерениях сразу – в прошлом и настоящем. И не раз мелькала мысль: а зачем ему это надо? Жизнь нельзя разделить на хорошо или плохо прожитую, она многогранна и многоцветна, и судьба человека скорее похожа на радугу, нежели на черно-белое кино. Попробуй-ка улови все эти оттенки, когда один цвет переходит в другой. Есть цвета теплые, есть и холодные, и жизненный узор из разных складывается...

Но тут же и другая мысль заспорила: уж не в свое ли оправдание такое выдумывает он? Может, с высоты лет иное что высветил, по-другому разложил, вот уж и не хочется нырять в глубь прожитого?

Конечно же высветилось, да только понял он это несколько позже. Во время «уроков» Абалкина и Можина Алексей Ильич еще не мог знать о готовящейся приватизации в стране, которую лихо и безнаказанно проведет Чубайс. Но когда на государственном уровне реализовался этот крупномасштабный обмен народа, Зверев вдруг понял, что репетиция грабительской приватизации была проведена еще в 1957 году. Вернее, первый акт четко разработанного сценария разрушения советского государства после того, как в открытой войне победить его не удалось.

В 1957 году началась ликвидация МТС, агротехнического стержня сельского хозяйства страны. В основе этой компании лежала «научная» точка зрения, что земля находится в руках двух хозяев – колхозов и МТС, и если их передать колхозам, то от этого выиграет и государство, и колхозы. Вся тонкую хитрость такого хода понимали, наверное, лишь специалисты, непосредственно руководившие машино-тракторными станциями. Но именно к 1957 году они и набрали силу, получили новую технику, заметно повысилась и урожайность, а жизнь колхозников улучшилась. И вот тут-то и начали раздаваться голоса некоторых ретивых чиновников от науки, что двоевластие в сельском хозяйстве недопустимо, а главное – экономически невыгодно для государства, и владеть землей и обрабатывать ее должны колхозы. Хотя на деле все обстояло совершенно не так.

Собственником земли всегда оставался колхоз, в МТС сосредотачивались все технические службы, которые оказывали в соответствии с договорами постоянную помощь колхозам во всем, начиная от ремонта оборудования на фермах и заканчивая техническим обслуживанием сельскохозяйственных машин. В МТС была организована диспетчерская служба, снабженная рациями, которая поддерживала круглосуточную связь со всеми тракторными бригадами, что позволяло до минимума свести простой техники на полях. Например, в Чекинской МТС трактористов обслуживали три специально оборудованные машины скорой технической

помощи, а бригада слесарей занималась трудоемкими процессами в животноводстве. Но если трактористы-колхозники задействовались в МТС сезонно, то есть на время посевной и уборочной компаний, то слесари, токари, механики, агрономы, зоотехник – инженерно-технический состав – постоянно. Они и занимались подготовкой техники к полевым работам. Эту нагрузку брало на себя государство.

То была хорошо продуманная и очень выгодная для сельского хозяйства система аграрно-технического обслуживания колхозов и совхозов. Сломать ее явно и открыто было невозможно, не показав истинной цели подобной «реформы». Помогла кукуруза. Подогревая интерес к этой культуре у Хрущева, те же абалкины и аганбегяны обосновали «научно» ее ценность и неприхотливость, а центральные партийные органы спускали на места такие плановые задания на урожай зерновых, то чтобы выполнить их, колхозы и совхозы вынуждены были пойти на ликвидацию севооборота, который как раз и обеспечивал будущий урожай. И сельское хозяйство в стране, лишившись вдруг своей основы, стало бессистемным, обвальным и бесперспективным. Теперь и мощные МТС не в состоянии были помочь земле, чем не преминули воспользоваться радетели рыночной экономики. В печати стали появляться научные статьи, в которых виновницей всех бед сделали МТС. Теперь можно было на полном серьезе поднимать вопрос о передачи их колхозам. Такой шаг психологически был очень выверенным. О получении сельхозтехники в собственность мечтали все хозяйства, надеясь, что им государство будет помогать так же, как и МТС. Но трактора, комбайны, сеялки, плуги надо было обслуживать, готовить к полевым работам, а необходимыми для этого техническими кадрами и базой не обладал ни один колхоз, да и не в состоянии был бы содержать их. Разделить имущество МТС по колхозам оказалось легче и проще, чем постоянно поддерживать технику в рабочем состоянии. Один за другим колхозы начали хиреть, повиснув тяжелым бременем на шее государства. А таинственные аганбегяны и абалкины готовились к новым «реформам»...

Алексей Ильич с усилием оторвался от притягивающего чем-то и пугающего черного пятна иллюминатора. В салоне

самолета большинство пассажиров бодрствовали несмотря на глубокую ночь. Покрышкин и Канторович о чем-то шепотом переговаривались. За ними, в другом ряду, сидели, очевидно, молодожены, которым вообще не было никакого дела до остального мира. Впереди где-то хныкал ребенок, наверное, во сне... Жизнь продолжалась...

«Какая только она будет – эта их жизнь?» – вдруг с непонятной тревогой подумалось Звереву. Алексею Ильичу даже страшно было помыслить о том, что все предсказанное Анатолием Ивановым в «Вечном зове», сегодня сбывается...

«... – Я, Петр Петрович, – говорил Лахновский Полипову, – приоткрыл тебе лишь уголок занавеса, и ты увидел лишь крохотный кусочек сцены, на которой эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия о гибели самого непокорного на земле народа, об окончательном, необратимом угасании его самосознания... Конечно, для этого придется много поработать. Из литературы и искусства мы, например, постепенно вытравим ее социальную сущность, отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением, исследованием, что ли, тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театры, кино – все будут изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства – словом, всякой безнравственности. Мы создадим вокруг них ореол славы, осыпем их наградами, они будут купаться в деньгах. За такими – кто из зависти, кто по необходимости заработать кусок хлеба – потянутся и остальные... В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточничеству, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель... Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого... Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и

беззащитное предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть других народов к русскому народу – все это мы будем ловко и незаметно культивировать, все это расцветет махровым цветом. И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или даже отчетливо понимать, что происходит... Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества...»

Зверев снова закрыл глаза. Казалось бы, ему-то что, пенсионеру, прожившему фактически жизнь, до распавшегося великого государства, канувших вроде бы в лету коммунистических идеалов, всех прежних ошибок руководителей страны, когда новое пришло на смену – демократическое и свободное сообщество людей? А если все прошлое – это он сам и есть? Алексей Ильич вовсе не считал его идеальным, но и не постыдным или, хуже того, преступным, в чем так стараются убедить сегодня те же самые вчерашние коммунисты и руководители государства. Именно таким Анатолий Иванов и давал отпор, правда, называя их совсем по-другому. Нет, Зверев и не думал защищать свое прошлое перед потомками. Это бессмысленно – оно ведь не имеет вариантов. Поэтому целиком и полностью чернить или переиначивать историю собственной страны, не видеть в прожитых жизнях миллионов людей, в их делах и мечтах ничего светлого и достойного – это все равно, что вечно смотреть в ночной иллюминатор самолета. Хотя зачем это делается, понятно – если не оклеветать прошлое, то как оправдать сегодняшнее беззаконие, разврат и грабеж населения? Вот и требуют абсурдного искупления за зло вчерашнее. Да только человек способен понять поступок другого, лишь оказавшись в тех же обстоятельствах. Ибо с высоты лет судить легче, но это будет несправедливый суд. Вся история человечества полна зла, но нельзя требовать наказания за него сегодня. Каждый расплачивается в свое время, главное, чтобы расплата всегда была неизбежной.

Именно этой Алексей Ильич сейчас вдруг ясно понял. Нет, он ни перед кем не пытался оправдываться или бить себя в грудь и кричать, что я, мол, за всех в ответе. Зверев защищал

те нравственные принципы, по которым жили окружавшие его люди и он сам, а значит, выступал и против сегодняшних «обшечеловеческих ценностей», брошенных как товарные услуги на рынок, где все измеряется определенной ценой даже не в рублях, а в иностранной валюте, где сам человек не может не чувствовать себя тоже товаром. Да этого сегодня никто и не скрывает. Самое чудовищное в другом – нас пытаются убедить, что в этом ничего нет страшного, что в мире все покупается и продается, что избыток товаров – и есть человеческое счастье. Но человеческое ли, если сам человек – товар?..

Алексей Ильич глубоко и невесело вздохнул, прислушиваясь к голосам пассажиров в самолете, но глаза не открыл, словно боялся опять встретиться с беспросветным пятном иллюминатора, хотя о нем уже и не вспоминал.

Действительно, а что ему, пенсионеру, до всего этого? Лишний раз покричать о несправедливости в жизни? Благо сейчас «свобода», можно и президента покритиковать, не говоря уже об остальных чиновниках. Да только криком зарплату себе, даже законную, шахтеры, например, так и не выбили касками перед Белым Домом, и учителя по стране продолжают бастовать – работают, а жить не на что; полстраны сидит в нищете, многие без света, тепла и воды, криком исходят от такой несправедливости, пытаются протестовать, а власти против них выставляют полицейские кордоны...

Зачем же кричать тогда, ежели не докричаться? Но и жить молча Алексей Ильич тоже не мог. Зверев постоянно ощущал за собой тех самых новосибирцев, которых он представлял во власти не один год, будучи депутатом Советов всех уровней. А теперь сибиряки его избрали своим полномочным представителем уже во времени, которое должно иметь человеческий оттенок. Это их наказ, а его Зверев не выполнить не мог. Доверие людей – превыше всех наград и оскорблений. Алексей Ильич и был благодарен своим землякам за это. Да, он мог бы и сегодня обратиться к новосибирцам словами секретаря Шантарского райкома партии Поликарпа Матвеевича Кружилина из «Вечного зова», а значит, вместе с Анатолием Ивановым:

– ...Но человек, к счастью, наделен разумом. Поэтому он и называется человеком. И рано или поздно начинает задумываться...

мываться над сутью и смыслом бытия, жизни окружающих его людей, общества, и над своими собственными делами и поступками. Это его заставляет делать властный и извечный зов к жизни, извечное стремление найти среди людей свое, человеческое место. И я думаю, что с этого момента человек, каких бы ошибок он ни наделал, становится уже гражданином, а потом станет и бойцом за справедливость, за человеческое достоинство и за человеческую радость... за этот вечный и благородный зов, за то, чтоб каждый ощущал его в себе постоянно...

VIII

– ...Уважаемые пассажиры, наш самолет совершил посадку в аэропорту города Новосибирска. Оставайтесь на своих местах, к выходу вас пригласят. Местное время пять часов двадцать минут утра. Температура за бортом минус тридцать два градуса...

Народ в салоне сразу ожил, зашевелился, и до сих пор низкое жужжание голосов, плававшее где-то между кресел, вдруг вспорхнуло гулом над головами сидящих пассажиров, стало распадаться на отдельные очаги напряженности, заматавшись от борта к борту.

– Да, не жарко, – поежился Покрышкин, доставая с полки куртку.

– Климат в Сибири не для слабощных, – засмеялся Алексей Ильич, довольный, что наконец-то это ночное путешествие завершилось. – Зато здоровый – никакие болезнетворные микробы здесь не выживают...

Канторович пока не суетился, наблюдая, как торопятся собраться люди – некоторые уже толпились в проходе, одетые, с сумками в руках.

– Ну, вот и прилетели, – задумчиво проговорил вдруг Всеволод Леонидович, – наследники славы отцов...

От этих его простых слов Алексей Ильич почему-то сразу замер, затем обернулся к своим спутникам, словно впервые увидел их. «Боже мой, – с каким-то радостным облегчением подумал он, – наследники отцов...» Наконец-то Звереву все стало ясно и понятно. Это ведь они, жители новосибирской

области, наследники славы своих отцов и дедов, их славных дел, всего самого светлого и лучшего, что было в их жизни, чему истинно верили и за что не щадя живота своего боролись. Наследники именно того, как жили их отцы и деды не в смысле кто что ел или в чем ходил, а в смысле их душевной чистоты и даже наивности, их высокой нравственности, которая и была основой их общества; тех мечтаний и устремлений, с которыми они строили свою социально справедливую жизнь для всех.

Вот почему Россию никогда не понимал Запад, хотя загадка славянской души проста – для нее деньги никогда не были объектом поклонения, вот и все. Ценилось и крепко оберегалось лишь то, чего нельзя было ни купить, ни продать – добродетели, в них и крылась сила русского духа. Мечты о лучшей жизни русские никогда не связывали с богатством, а всегда со служением Отчизне, народу, православной вере. Поэтому в прямой схватке никому не удавалось, сколько ни пытались, покорить Русь. Вот и идут на ложь и обман, подлог и клевету, разъедают изнутри Россию, насаждая тихой сапой культ тела и денег, внедряя в сознание молодых идеологию животных инстинктов.

«Словечки «мы» и «нас» тут не годятся. Потому что среди «нас» были и есть честные сами перед собой, а были и есть нечестные, то есть подлецы, карьеристы. А кроме того, были и есть, конечно, и настоящие, сознательные враги нашей правды, нашего дела...»

Запад живет по драконовскому принципу: «бери от жизни все». И берут! У кого? Друг у друга, у тех, кто послабее, кто не может оказать сопротивления. Они захлебываются в крови от демонстрации своих прав, которые кощунственно и нагло смеют называть правами человека. Общество, которое отрицает необходимость иметь определенные обязанности каждого своего члена перед государством, людьми, перед своими родителями, наконец, или детьми, само по себе уже преступное. Сейчас в России это никому не надо доказывать, подобная напасть ложной свободы, с помощью которой в сознание людей насильственно внедряется скотский образ жизни, поразила и

нашу страну. Не потому ли новосибирцы чтут так память тех, кто отстаивал всегда и жил по принципам добра и морали, кто истинно любил Родину, защищал ее честь и достоинство, а не отдавал на поругание врагам. Именно поэтому новосибирцы избрали своими нравственными идеалами, гражданами XX столетия, Михаила Кулагина – первого секретаря Новосибирского областного комитета

ВКП(б) в период Великой Отечественной войны, Николая Кудрина – композитора и автора всенародно любимых русских песен, Николая Лунина – машиниста-стахановца, внедрившего метод ремонта железнодорожного подвижного состава на ходу, Ивана Титкова – художника и организатора сельских художественных детских школ и выставок, Раису Удалую – клепальщицу завода имени Чкалова, Героя Социалистического труда и других.

Зверев вдруг вспомнил слова Анатолия Иванова, сказанные им в последнюю их встречу:

– Писатель должен знать, какие мысли и чувства он своим творчеством вызывает у читателя, что хочет сказать ему такого, чего бы он еще не знал, но что помогло бы ему сочувствовать людям, сопереживать, делать и себя человечнее...

Вот это: делать себя, других и саму жизнь человечнее – такое внутреннее качество и объединяло всех избранных жителей Новосибирской области. Именно человечность они всегда и защищали от посягательств изнутри и извне, человечностью измеряли свои дела и всю жизнь. Они так жили, как и миллионы других, таких же, но отдававших, может, для людей чуть больше, если не все, и иной жизни не хотели – сытой, богатой и красивой. Вернее, они наполняли эти понятия совершенно иным смыслом. Человек, если он старается жить по совести, поступать по справедливости, никогда не будет назойливо рассуждать о чести или гражданском долге, как надо любить Родину или чтить своих родителей. Для него это повседневность, он так живет! Хотя для других, возможно, это настоящий героизм или недостижимая нравственная высота. Ну а для иных и вовсе неприемлемый стиль жизни...

Да, жизнь – жесткая проза, как любил повторять Анатолий Иванов, поэтому просто жить без мечты и настоящей большой

цели невозможно. Но теперь Алексей Ильич с чистой совестью мог бы сказать новосибирцам – мы с вами живем, имея такую цель, иначе потомки бы нас не простили.

*Ни молнии. Ни радуги. Ни зги.
Лишь вороны с проворным криком вьются,
Да суетно во мраке раздаются
Недобрых дел жестокие шаги.
Вся грязь и ложь повывлезли наверх.
Над вечной правдой вызрела неправда.
Ты спрашиваешь: – Что же будет завтра? –
И слышишь той неправды жуткий смех...
Но ты, мой друг, пойми,
Что Солнце лишь до той поры пребудет,
Покамест на Земле он дорог людям –
Тот свет, который сделал их людьми.
И ты огонь души своей не тронь
До той поры, пока не пригодится...
И возникают предо мною лица
Людей, что не растратили огонь!*

Геология совести

I

Сентябрьское солнце еще только всходило, высвечивая золотом верхушки елей, но в самом лесу было довольно сумрачно и прохладно. Высокая трава, мокрая от росы, хлестала по сапогам, липла к голенищам, не давая Евгению Александровичу прибавить шаг. Он то и дело покрикивал на собаку, постоянно исчезающую в густом кустарнике меж деревьев. Но она тут же выныривала из зарослей у самых его ног, отряхивала мокрую шерсть и снова пропадала. Да Козловскому, честно говоря, было не до нее. Он эти ночные проверки буровых, работавших круглосуточно, полюбил еще и за то, что они помогали ему спокойно обдумывать не только производственные проблемы, но и жизненно важные ситуации, которые складывались в геолого-разведочной экспедиции. Когда два месяца назад Козловского неожиданно вызвали на рацию для связи с начальником Дальневосточного геолого-разведочного управления Евгением Николаевичем Воскресенским, он не сомневался, что речь опять пойдет о его назначении главным инженером Гаринской экспедиции. Козловский проработал здесь всего восемь месяцев после окончания института, и руководить таким сложным производством он просто не был готов.

– Опыт – дело наживное, – возразил тогда Воскресенский, – главное – хватка инженерная у тебя есть. То, как ты мастерски ликвидировал аварии на буровых скважинах, говорит само за себя. Рационализатор, думающая голова. Как раз и рационализаторское движение в экспедиции поднимешь. Так что не скромничай...

Случай, о котором вспомнил в разговоре Воскресенский, произошел в первые дни работы Козловского в Гаринской экспедиции, когда его назначили старшим буровым мастером. На двух станках бурильный инструмент оборвался и остался в скважинах, что грозило срывом плана буровых работ. Молодого

специалиста и бросили на ликвидацию аварии. Евгений Александрович своими руками изготовил в кузнице приспособление, с помощью которого надеялся зацепить бур и вытащить его из скважины. Получится – хорошо, нет – он, в принципе, все равно ничего не теряет, с бывшего студента взятки гладки. Однако с этой непростой инженерной задачей Козловский справился. Через три месяца его назначают заведующим буровыми работами. Едва освоился, разобрался, и вот на тебе – за что-то увольняют главного инженера Гаринской экспедиции.

Однако Козловский ошибался. Первая же фраза, услышанная им в потрескивающих наушниках, начальника ДВГУ, буквально лишила его голоса.

– Евгений Александрович, вам придется принять экспедицию. Начальник ваш, Калиниченко, попал в больницу – у него обострился радикулит. Врачи говорят – надолго. Так что принимайте хозяйство, берите управление в свои руки...

– Евгений Николаевич, да какой из меня начальник экспедиции, когда я и года не проработал здесь. К тому же я ведь инженерные дела принимаю, – закричал в микрофон Козловский, сразу забыв, как отбивался от назначения его главным инженером. Он не кривил душой и не набивал себе цену, а действительно боялся не справиться. В Гаринской экспедиции работало две тысячи человек, 30 буровых, 8 разведочных шахт, 30 производственных цехов, в хозяйстве 500 лошадей, автопарк, а в поселке детсады, школа... А треть сезонных рабочих – бывшие уголовники, пропойцы, таежные биндюжники, золотари... Почти ежедневно в поселке происходили пьянки, драки, поножовщина. Начальник экспедиции Калиниченко и сам вооружен был, и шофер его тоже – ему и его семье угрожали постоянно. Козловский знал, что до такого болезненного состояния начальника довело именно нервное перенапряжение, которое он испытывал 24 часа в сутки.

Все это пронеслось в голове у Козловского в считанные секунды, пока Воскресенский приводил свои доводы в пользу принятого им решения. Он напомнил ему о значении для страны Гаринского месторождения магнетитовых руд, которое имело запасы почти в 400 миллионов тонн. Да еще каких руд – со средним содержанием железа 42%. Они должны будут

послужить сырьевой базой для строительства проектируемого уже на Дальнем Востоке металлургического завода. Более того, при необходимости запасы железных руд в этом районе могут быть увеличены за счет и известных магнитных аномалий. А то, что руководить детальной разведкой Гаринского месторождения назначают его, молодого геолога Козловского, говорит только о доверии к нему со стороны руководства управления. Трудно? Тяжело? Несомненно! Но надо, Родина, как говорится, требует...

Уговаривать Воскресенский умел.

– В общем, мы на тебя надеемся. Главное – наведи в экспедиции порядок, установи сухой закон. Ну на мою помощь можешь рассчитывать в любое время, это я тебе обещаю...

И все же Козловский не совсем полностью представлял себе ту участь, на которую он согласился.

Евгений Александрович прекрасно помнит, как однажды под вечер в его кабинет в конторе ввалился диковатого вида здоровенный мужик. Бородатый, в ватнике и сапогах, он похозяйски опустился на скрипнувший под ним стул, затем тихо, но внушительно, не спуская колючего взгляда с начальника экспедиции, произнес:

– Слушай, старшой, дай команду, пусть в магазине мне бутылку водки отпустят.

Козловский начал спокойно и неторопливо ему объяснять, что в экспедиции установлен сухой закон и нарушать его он не имеет права, как и любой другой. Сказал то, что было известно любому забуддыге в поселке. Но мужик на его слова и ухом не повел. Молча выслушал, кивая лохматой головой, потом несколько минут также испытывающе смотрел на него, затем снова заговорил.

– Давай по-другому. Меняю четвертинку с золотом на бутылку водки, – и действительно поставил на стол перед Козловским тяжелую четвертинку, под горлышко забитую намытым золотым песком.

– Убери, закон один для всех...

– Не пожалеешь, начальник?

Угроза была явной, подобные типы зря слов на ветер не бросают, поэтому Евгений Александрович внутренне уже приго-

товился к неожиданностям. И когда в кабинете вдруг появился еще один такой золотарь, дожидавшийся, очевидно, за дверью развития событий, Козловский понял, что миром беседа их не закончится. Драки он не боялся, второй разряд по боксу получил еще в армии, а долго раздумывать – себе в убыток. Двумя молниеносными ударами Козловский буквально сломал громилу пополам и уложил на пол. Второму свернул челюсть еще до того, как тот понял, что произошло. Вызвав двух милиционеров, Евгений Александрович приказал погрузить их на самолет и вывезти в Свободный. Там предупредить в кассе, чтобы на обратную дорогу билетов им не продавали...

Да, наводить порядок в поселке оказалось куда труднее, чем давать план буровых работ. Хотя одно напрямую зависело от другого. А тут еще очередной приказ начальника ДВГУ о сокращении 600 рабочих «в связи с изменением фронта работ». Но треть из них имеют семьи, кругом тайга, и иных производств, кроме экспедиции, нет. Здесь голову поломаешь. Вчера вот несколько «трудяг» из ремонтного цеха пришли в контору и открыто предупредили его, что, если начальник уволит кого из них или их родственников, ему не жить. То была известная уже публика. В тайге расправиться с человеком – дело плевое, потом никакая милиция не отыщет, будь ты трижды начальником. Козловский это знал. Однако ему было известно и другое – из пятидесяти тысяч населения поселка таких дебоширов и бандитов наберется не больше сотни, и если перед ними показать слабинку сегодня, завтра они будут здесь хозяйничать. Поэтому, как уже решил про себя Евгений Александрович, с подобными типами разводить сантименты – это наверняка угробить порученное ему государственное дело. Потому и тем грозным ходокам заявил вчера прямо:

– Попробуете устанавливать свои порядки в поселке – разговор будет иной...

Рычание собаки вывело Козловского из задумчивости. Скорее интуитивно он сделал шаг назад, за дерево, хотя откуда можно было ждать опасности, даже не предполагал. В ту же секунду грянул выстрел. Он упал на землю, одновременно выхватывая из кармана наган.

– Фас!

Однако и без команды собака уже с рычанием ринулась в кусты. Следом за ней бросился Евгений Александрович. И они успели вовремя, через пару секунд бандит уже перезарядил бы ружье. Отбиваясь от собаки, он попытался было обрушить приклад на голову Козловского, но тот прямым ударом свалил бандита. Выхватив ружье, разбил его о ствол ели. К нему же рывком приставил и скрюченного от боли мужика. Не выдержал и выстрелил у него над головой, сбив шапку. Для остротки, узнав в нападавшем одного из тех, кто приходил к нему в контору.

– Следующую пулю я всажу тебе в лоб завтра вечером, если утренним самолетом ты сам не улетишь в Свободный. Своим дружкам передашь – ты последний, кому я делаю предупреждение, остальным может так не повезти, пусть не рассчитывают.

Очень скоро Козловский понял, что самому себе он уже не принадлежит. И 24 часа в сутках ему явно не хватало. На буровых и вахтах работа кипела день и ночь, и он обязан был знать обстановку на местах. Вот после рабочего дня ему и приходилось половину ночи пропадать на буровых, спать урывками. Да еще надо вовремя обеспечить продуктами детсады и магазины, материалами – цеха, подготовиться к зиме или весеннему паводку, заранее наметить места возможной эвакуации женщин и детей. А тут еще за тобой ходит замполит экспедиции и напоминает, что в школе временно нет учителя по черчению в 8–10 классах, и Козловскому придется вести пока там занятия в виде первого партийного поручения. Везде надо было успеть, и все делать только на совесть.

Однажды утром, проводя в конторе раскомандировку начальникам участков и цехов, у него вдруг разом померк в глазах свет, и он потерял сознание. Очнулся от резкого запаха нашатырного спирта.

– Чистейшей воды обморок, – услышал Козловский удивленный голос врача. – Нервное, перенапряжение, довели вы себя...

Она была права. Сказывались постоянные физические и умственные нагрузки, неумение сосредоточиться на главном. Именно тогда Евгений Александрович во время очередной связи по рации с Хабаровском заявил начальнику ДВГУ, что

вынужден уйти с должности, потому как не справляется с обязанностями, не может обеспечить работу экспедиции. Воскресенский сразу все понял и спросил:

– Другие варианты имеются?

– Есть, если вы завтра придете. Помните, обещали помочь?

– Я и не отказываюсь. Завтра жди.

Десять дней Козловский работал под контролем начальника управления, который присутствовал на всех производственных совещаниях. Однако Воскресенский ни во что не вмешивался, лишь вечерами один на один он разбирал все действия и принятые решения начальника экспедиции с беспощадной, но справедливой критикой. На исходе десятого дня Воскресенский улетел в Хабаровск, коротко заметив на прощание:

– Все, ты достаточно подготовлен для принятия самостоятельных решений и чтобы отвечать за них. Работай. И держись...

Да, страна очень нуждалась в пополнении минерально-сырьевой базы, и кладовые полезных ископаемых находились в Сибири и на Дальнем Востоке. И их осваивали. Но наступил новый этап – знаменитая Комсомольская геологическая экспедиция. В Комсомольский оловорудный район входили такие месторождения, как Солнечное, Фестивальное, Перевальное, Придорожное, Октябрьское, Лунное, Соболиное. Так же назывались и поселки геологов.

II

Громкий бой настенных часов заставил Евгения Александровича мгновенно проснуться. В комнате было темно, рядом мирно спала жена. Он снова закрыл глаза и долго лежал так, пытаясь снова заснуть, но сон не шел. Интересно, сколько сейчас времени? Наверное, часа четыре-пять утра, как и вчера, когда он лежал с открытыми глазами, так же внезапно проснувшись. В ушах тогда звенело от тишины, и сонные мысли разбредались, кто куда. Сегодня все было наоборот – голова чистая, светлая, потому сразу и задался вопросом: что это с ним? Бессонницей он никогда не страдал, к тому же с вечера

допоздна просидел над рукописью новой книги, устал... И вот на тебе – лишился сна! Такого с ним еще не случалось.

Чувствуя, что вряд ли уже заснет, Евгений Александрович осторожно, чтобы не разбудить жену, поднялся, сунул ноги в тапочки и тихо вышел из спальни. Пройдя к себе в кабинет, сел за письменный стол и включил настольную лампу. Мрак сразу испуганно отступил, затаился по углам комнаты, под потолком над книжными полками, с которых проступали из сумрака фотографии в рамках его деда, отца, матери. Они тоже как бы жили здесь, а не только в памяти Евгения Александровича. Иногда ему казалось, что именно они частенько и подсказывали ему выход из разных сложных ситуаций, которых в его жизни случалось немало, следили за его действиями и поступками, даже помогали. Может, просто чудилось, а может...

«Ну-ну, – мысленно оборвал себя упреком Евгений Александрович, – ишь ты, расслабился. Так до чего угодно договариваться можно. Хотя, конечно, было бы неплохо, если бы кто-нибудь из них дал мне дельный совет», – усмехнулся он.

Козловский вздохнул и рассеянно взглянул на часы – половина третьего ночи. Выходит, он спал всего два часа? Однако чувствовал себя вполне сносно, спать совершенно не хотелось. Правда, внутри ощущалась непонятная тревога, подавленность. Сразу и не поймешь этот сложный сгусток эмоций. Вроде как знаешь, что вот-вот должна грянуть беда, а ты ничего не можешь сделать. Вернее, наоборот, пытаешься сделать все возможное, чтобы уменьшить последствия от нее, а тебя никто не слушает, не верит. Самое паршивое, однако, было в том, что Козловский знал причину своего довольно странного состояния, которое и для него самого было не совсем понятно. Выглядела она безобидно – обычный лист бумаги с текстом, набранным на компьютере, который лежал перед ним на столе. Но он уже два дня мучил его бессонницей, заставлял учащенно биться сердце. Если честно, Козловский даже его боялся. Это был перевод статьи ведущего консультанта Института мировой политики (США) Уолтера Рассела Мида, опубликованной в американском журнале под названием «Не купить ли нам Сибирь?». Там же была помещена и карта России, на которой в восточной ее части за Уралом крупными буквами по-англий-

ски было написано – «АМЕРИКАНСКАЯ СИБИРЬ», а помельче вразброс – «Американская Бурятия», «Американская Якутия»... Это выглядело настолько дико, что уже в который раз Козловский отводил взгляд в сторону.

Он подошел к окну и долго смотрел на запорошенные снегом «ракушки», дремавшие на тихой пустынной улочке. Но не их видел сейчас остановившийся и потемневший взгляд Козловского. Память почему-то вернула его в октябрь 1944 года...

В сером предрассветном тумане обрывистый берег Березины показался Евгению пропастью, но спасительной, и он, недолго думая, ринулся вниз. Наверху разрывы мин и снарядов уже вспучивали черную землю недалеко от берега, и толпа женщин и детей из партизанского семейного лагеря, спасаясь от фашистского огня, устремилась к реке. За ней находилась уже освобожденная от немцев белорусская земля. За грохотом разрывов, криками раненых и хриплого от надрыва голоса местного старика, переправлявшего Евгения на обычной долбленке, Козловский находился как бы в подвешенном состоянии, делая все скорее автоматически, чем по разумению. Для него все происходило как во сне. Старик таращил на него округлые глаза и ругался последними словами, направляя долбленку одним веслом вниз по реке, к ее крутому изгибу. Он едва справлялся с лодкой, а тут рядом с грохотом вырастает столб воды – и все вокруг рушится...

Очнулся Евгений уже в воде, впереди перевернутая долбленка, которую он обеими руками держит за цепь с замком на конце. Его буквально трясет от холода, но тут он ощущает ногами дно недалеко от желанного берега. И вовремя, Евгений чувствовал, как силы покидают его, а плавать он не умел. Дрожая всем телом, он по песчаному откосу стал выбираться на берег, и тут рядом дрогнула земля. От взрыва мины парня подбросило, а песок резанул по глазам, совершенно ослепив. Евгений с трудом протер глаза, выполз на берег и побежал полем к лесу, чтобы хоть немного согреться – его трясло, как от озноба. Резь в глазах не проходила, смотреть было больно, но он только тер их кулаком, продираясь сквозь густой кустарник. Несколько мин разорвалось чуть левее, но за деревьями можно было уже не пригнаться. И тут Евгений наткнулся на зем-

лянку, из которой доносились голоса. Войдя, увидел, что она буквально набита подростками, которые грелись вокруг небольших костров. От едкого дыма запершило в горле. Один из пацанов, постарше, угрюмо взглянул на вошедшего и сказал:

– Порядок знаешь? Новичок идет за картошкой, – ударом ноги он подтолкнул к выходу ржавое ведро. – Нароешь, приходи...

Евгений еще раньше заметил, что к лесу он шел картофельным полем, и, молча подхватив ведро, пошел назад. Впереди снова начали рваться мины, и ему пришлось ползком передвигаться по земле и закоченевшими, почти негнуущимися пальцами выковыривать картофелины из подмороженной земли. Лишь изредка, когда минные разрывы вздыбливались совсем рядом, он замирал, всем тощим телом вжимаясь меж грядок и закрывая голову руками.

В землянку Евгений вернулся, не чувствуя от холода ни рук ни ног, припухшие глаза едва открывались, хотя по дороге в луже он ополоснул и руки, и лицо.

– Где картоху-то копал? – спросил подобревший сразу все тот же парень, вываливая картошку на пол, – ее тут же разбирали и, едва промыв, ставили варить: кто в котелке, кто в кастрюле.

– У леса, на поле. – Евгений протянул озябшие пальцы к огню.

Голоса разом смолкли, и он увидел, как десятки глаз недоверчиво и испуганно уставились на него.

– Там же... минное поле...

Смысл этих слов дойдет до Евгения после, в тот момент он просто не обратит на них внимания – резь в глазах становилась нестерпимой. Через несколько дней он попадет в госпиталь, где пролежит больше двух месяцев...

Спустя лет тридцать Евгений Александрович прочитает удивительные стихи русского поэта Виктора Смирнова, некоторые строчки которого его просто потрясут:

*Эту военную лютую долю
Разве когда супостату простим?
Ходит младенец по минному полю –
Господи, мины не рвутся под ним!*

Козловский прекрасно помнит, как, прочитав это, мурашки запоздалого страха вдруг пробежали у него по спине.

Сейчас Евгений Александрович испытал почти такое же чувство, словно ему опять предстояло пройти по минному полю.

Козловский оторвался от окна и подошел к столу.

«...То, что народы Сибири сегодня находятся в бедственном состоянии, это следствие бездарной власти, неспособность управлять богатейшим краем, плачевное состояние всей инфраструктуры региона, кризис в отношениях с центром, тотальное воровство на всех уровнях экономической жизни; равнодушие местных жителей к попыткам Москвы восстановить свой контроль на местах; чувство безнадежности в среде местной интеллигенции...

Это является глубоким обоснованием для того, чтобы спасти гибнущие регионы, опускающиеся в пучину исторического небытия на фоне роста крайних националистических настроений среди плохо образованной и радикально настроенной молодежи...»

Евгений Александрович с омерзением оттолкнул от себя папку и, откинувшись на спинку стула, устало прикрыл глаза. Вот они – американские радетели! А ведь идея «покупки» Сибири – не бред, а реально существующий проект, который сейчас обкатывается для подготовки американского общественного мнения в США.

И ведь это заявляется в отношении исконно российских территорий, которые открывались и осваивались русскими людьми с помощью местного населения столетиями. По очень точному и справедливому замечанию А.М. Горького, «русский народ в лице Дежнева, Крашенинникова, Хабарова и массы других землепроходцев открывал новые места, проливы – на свой счет и за свой страх». А эвенки, якуты, гольды, нивхи часто бывали их проводниками в длительных переходах. В советский период Сибирь и Дальний Восток стали процветающими промышленными центрами. Разве виноват народ, что кучка безответственных дельцов все это разрушила?..

В Дальневосточном экономическом районе в настоящее время известно 138 месторождений железных руд разных геолого-промышленных типов, в том числе и крупных (с ре-

сурсами более 300 миллионов тонн) – 22 месторождения, средних (с ресурсами 50–300 миллионов тонн) – 35, мелких с ресурсами менее 50 миллионов тонн) – 81. Общие же запасы железных руд на территории Дальнего Востока составляют более 50 миллиардов тонн. Прогноз развития мировой экономики показывает, что XXI век будет характеризоваться интенсивным развитием стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). И резкому социально-экономическому возрождению районов Дальнего Востока и Восточной Сибири способствовало бы возобновлению работ по развитию Байкало-Амурской магистрали (БАМ) и созданию вдоль ее трассы территориально-производственных комплексов, специализирующихся на переработке самых разнообразных природных ресурсов.

Евгений Александрович почувствовал, как болезненно сдавило грудь, и машинально потер это место ладонью. «Может, действительно здоровье пошаливает, потому и нервничаю, и бессонница вот?» – как-то равнодушно подумал он, никогда не придававший особого значения собственному состоянию. Просто всегда было не до этого, да он никогда ни на что и не жаловался... Ему вдруг вспомнилось, как осенью 1989 года корреспондент газеты «Правительственный вестник» настойчиво допытывался у него о состоянии здоровья. Иначе, мол, что за причина отправки в отставку Министра геологии СССР, фактически выведшего отрасль в передовые? Тогда он ему ответил «по-хрущевски» – если ухватит бычка за хвост, то удержит его или нет, он не знает, но что хвост останется у него в руках, не сомневается. И это была правда. А отставка его имела совсем иные причины...

III

Министр угольной промышленности Щадов позвонил Козловскому в середине дня. Михаил Иванович предупредил его, что он только что от Рыжкова.

– Ты тоже в списке будущего Правительства есть, – ровным невозмутимым голосом заметил он, – но тебе надо бы зайти к Николаю Ивановичу.

– А ему самому мне позвонить некогда или он не считает это нужным?

– Это ты решай сам...

Евгений Александрович к Рыжкову не пошел. Спустя несколько дней он позвонил ему и доложил, что уезжает в отпуск согласно утвержденному графику.

– Значит, тебе безразлично, что сейчас идет формирование нового кабинета, раз в отпуск собрался? – услышал Козловский недовольный голос Предсовмина.

– Вам решать, Николай Иванович. Как сочтете нужным, так и делайте...

Позже Евгений Александрович узнал, что по инициативе Горбачева, с которым согласовывал все свои действия Рыжков, решено было отправить на пенсию тех министров, которые работают в Правительстве длительное время. В том, что и он есть в этом списке, Евгений Александрович не сомневался. Он только никак не мог понять, почему надо отправлять в отставку «засидевшихся» министров. А результаты их работы разве уже не имеют никакого значения для страны? Или только для тех «демократических» сил, которые и потребовали убрать из Правительства наиболее самостоятельных министров, владеющих ситуацией и знающих лучше других, что необходимо в первую очередь для развития народного хозяйства в новых экономических условиях? Козловский прекрасно понимал, что геолого-разведочное производство, так же как и наука, и управление геологической службой, нуждается в перестройке. Остается незыблемой лишь главная задача – развитие минерально-сырьевой базы страны. А это прежде всего углубленное и расширенное изучение недр. За последние три года Мингео СССР были выполнены все задания по приросту разведанных запасов полезных ископаемых, имеющих огромное народнохозяйственное значение. Смущал Козловского не сам факт «демократических» веяний, а та атмосфера, в которой все это происходило. Евгений Александрович надеялся, что Рыжков его все-таки вызовет и он сможет с ним объясниться хотя бы по чисто производственным вопросам. Однако вскоре позвонил заместитель Предсовмина, Руководитель Топливо-энергетического комплекса страны Щербина. Это был кадровый пар-

тийный работник, бывший первый секретарь Тюменского обкома партии. Зайдя к нему в кабинет, Евгений Александрович по мрачному выражению лица его хозяина понял, что разговор пойдет об отставке. Но Щербина решил сначала познакомить отставного министра с новой политической обстановкой в стране, в угоду которой и необходимо было принести его в жертву. Такой обходной маневр, нечестный по отношению к члену Правительства, как считал Евгений Александрович, заставил его буквально вспыхнуть. Но он сдержал себя и негромко, но резко заметил:

– Вы, Борис Евдокимович, не распыляйтесь на политграмоту, мы народ не менее вас ученый. Вам что, предложили переговорить со мной об уходе в отставку?

Щербина лишь красноречиво развел руками.

– У нас к тебе претензий нет, – сказал он, – да политическая обстановка сейчас такая, что против советских министров настроена демократическая оппозиция. Сам понимаешь...

Однако Козловский не дал ему увести разговор опять в сторону.

– Мне нужно поговорить с Рыжковым...

По выражению лица Щербины Евгений Александрович понял, что Предсовмина тратить на него свое драгоценное время не собирается. Да Козловский и не тешил себя особой надеждой на этот счет. Их отношения обострились гораздо раньше, когда без ведома министра аппарат Рыжкова изменил структуру Министерства геологии. Да так, что она уже была почти нежизнеспособной. Соглашаться руководить системой, заведомо зная, к чему это приведет, Козловский никогда не согласился бы. Это прекрасно осознавал и Рыжков, которому самостоятельность министров была ни к чему...

Спустя какое-то время после отставки Евгению Александровичу позвонили из представительства одной из зарубежных фирм в Москве. Вежливый молодой голос пригласил его в ресторан, где в неофициальной обстановке с бывшим министром хотели бы побеседовать о некоторых проблемах геолого-разведочной отрасли в стране. Козловский согласился. Один из представителей оказался мужчиной средних лет, другой – довольно молодым человеком. Однако с первой же минуты их

присутствия за богато сервированным столом Евгений Александрович понял, что это действительно деловые люди. Тот, что был постарше, сразу же выложил основную цель беседы, ради которой и был приглашен бывший министр. Они предложили ему работать в этой фирме. Козловскому сразу выплачивается огромная сумма в долларах «на возобновление знакомства», затем предоставляется отдельный офис, машина, охрана, и зарплата в 10 тысяч долларов ежемесячно. Когда же Евгений Александрович поинтересовался, чем же он будет заниматься в фирме, ему ответили, что в основном присутствовать на переговорах и консультировать, вот и все.

– Ну что же, – нетерпеливо качнул головой Козловский, – вроде все ясно, кроме одного. Я советский министр, пусть и бывший, но который пятнадцать лет создавал минерально-сырьевую базу в стране. И теперь вдруг я должен стать представителем иностранной фирмы в Москве, чтобы подсказывать вам богатые и перспективные месторождения и где брать лучшее сырье? Ведь именно для этого я вам нужен?

Однако его слова нисколько не смутили заинтересованную в переговорах сторону. Старший из них слегка пожал плечами и заметил, что месторождения должны разрабатываться, а у России большие экономические проблемы. Но они прекрасно понимают, что сразу ответить на их предложение он, конечно, не может, поэтому уважаемому Евгению Александровичу предоставляется возможность отдохнуть пару недель в Калифорнии вместе с супругой или с кем-нибудь еще. Естественно, за счет фирмы. Козловский не раздумывая любезно отклонил это предложение, сославшись на занятость, так как он сейчас работает над книгой о состоянии минерально-сырьевой базы в России.

– То есть вы категорически отказываетесь?

– Да, я не могу работать у вас по чисто моральным причинам. И давайте больше этого вопроса не касаться...

Однако и таким своим резким заявлением Евгений Александрович их нисколько не обескуражил. Более того, ему даже показалось, что именно подобного ответа они от него и ждали. И не ошибся. Тот, что был постарше, признался ему, что они предполагали и такой вариант, когда анализирова-

ли его характер, изучали биографию, деятельность на посту министра. Выразили по поводу его отказа сожаление, однако заметили, что среди высокопоставленных чиновников у них имеются и другие кандидаты, которые за сумму, в десятки раз меньшую, наверняка примут все условия. Правда Евгений Александрович уловил, с каким оттенком пренебрежения в голосе это было сказано. Да, и здесь подтверждалась истина, что предателей и продажных не любит никто, даже те, кто их покупает. Для покупателей такие беспринципные и жалкие люди всего лишь товар, вещь, которую, используя, выбрасывают. Но сколько людей, возможно, перешагнули через этот барьер, по одну сторону которого находились деньги, а по другую – совесть, человеческое достоинство, долг перед Родиной. Ведь перестройка прошла через сердце каждого, произведя серьезный нравственный передел, люди разделились на тех, кто морально выстоял за эти годы, остался добропорядочным и честным по отношению к своей Отчизне, и на других, которые предали ее, заложили в ломбард, как обыкновенную золотую безделушку без зазрения совести. И такая тихая гражданская война идет до сих пор, все более обостряясь.

Да, сегодня можно признать, что геология потерпела поражение в так называемый перестроечный период: объемы работ резко снизились, приросты запасов по всем видам полезных ископаемых не компенсируют уже уровни добычи, коллективы организаций деморализованы.

IV

«А ведь Комсомольская геологическая экспедиция – наша Комсомолка – начиналась в том самом году, когда у меня родился сын – в 1956, – улыбнулся про себя Евгений Александрович. – Тогда я уже начал работать в ДВГУ замначальника производственно-геологического отдела. В Хабаровске получил комнату в коммуналке, наконец-то жена смогла приехать ко мне. Ей как раз подходил срок родить, а соседкой по квартире оказалась зловредная бабка. Вот уж с кем надо было нервы крепкие иметь...»

Евгений Александрович усмехнулся, вспомнив, как рано утром он приехал домой из Гагаринской экспедиции, где получил окончательный расчет, открыл дверь – комната пуста. Толкнулся к соседке, а та с ухмылкой заявляет:

– А твоя жена в больнице...

Кровь так и ударила ему в голову.

– Если это ты довела, – закричал Козловский, выхватывая пистолет, – не прощу!

Побежал не помня себя в роддом, ворвался в приемный покой, у дежурной узнал палату, влетает туда... последнее, что он увидел, это лежащую на кровати бледную жену с заострившимся носом во всем белом, словно в саване. И упал в обморок...

Позже жена ему рассказала, как врачи и медсестры хохотали над вооруженным мужиком, потерявшим сознание при виде роженицы.

Но уже 1 января 1957 года Евгений Александрович приехал на месторождение Солнечное в Комсомольскую геолого-разведочную экспедицию. Кабинетная работа оказалась не для него. А тут еще Калиниченко назначают начальником экспедиции, с кем он разведывал Гарь, и тот сразу – давай ко мне главным инженером. Однако Козловскому пришлось проявить настоящее упорство и настойчивость, написать пять заявлений, просить помощи у секретаря райкома, чтобы его отпустили из Управления. Но и в райкоме не очень-то поняли, почему молодой специалист рвется в труднейшие полевые условия, когда у него и работа хорошая, и жилплощадь есть, к тому же жена с грудным ребенком. Ну а Евгений Александрович просто хотел настоящего дела. Жена его выбор одобрила.

Добравшись до Солнечного, Козловский увидел с десяток палаток и два бревенчатых сруба. В одном из них он и поселился в небольшой комнатухе вместе с главным геологом Вадимом Викторовичем Онихимовским. А вокруг внушительные сопки, поросшие непроходимой тайгой, по которой и пешком-то не продерешься. Разве что звериными тропами. Ими и воспользовались для доставки в лагерь за десятки километров картошки, муки, консервов, соли, мыла. И все таскали в рюкзаках на собственных плечах. Но надо было разворачивать и разведку, определять перспективные участки. На геологическую

подготовку Комсомольского рудного района к промышленному освоению сроки отводились предельно сжатые – в стране создалось к тому времени критическое положение с оловом. На первом же производственном совещании Калиниченко прямо поставил вопрос: как будем осуществлять доставку бурового оборудования на сопку? Здесь возможны лишь два варианта: либо начать строить в тайге дороги, и тогда неизвестно, насколько затянется разведка, либо таскать все на себе опять же по частям, используя веревки, лебедки, любые мелкие технические приспособления. Сказал и сел. Чего еще говорить, в конторе собрались опытные люди – Онихимовский, Пяткин, Селезнев, Алимбеков, Воронко, Абрамян, Отставнов, Шишочкин... И каждый прекрасно понимал сложность задачи. Ведь необходимо было на гору высотой 700 метров поднять буровые установки, там их смонтировать, подвести воду, без которой бурить невозможно...

– Предлагаю затаскивать станки на себе и одновременно прокладывать дороги, – сказал Козловский.

С ним согласились не сразу, сознавая, что основная тяжесть ляжет на плечи рабочих. Хотя в подобных делах начальство от них ничем не отличалось. Евгений Александрович припомнил, как он приехал в Гарь, пошел устраиваться в отдел кадров, а там ему говорят: оформим потом, сейчас срочно беги на склады, их затопило, река вышла из берегов... И первые свои два рабочих дня Козловский таскал мешки, почти не отдыхая...

Сейчас же диктовала не природа, а сознание жестокой необходимости как можно быстрее обеспечить сырьем промышленность. И это все понимали...

По мере работы геологов и буровиков определились перспективные участки, к ним начали прорубать тропы для вьючных лошадей. Одновременно сами для себя строили дома, греясь у железных печек, отдыхая при свете керосиновых ламп и даже выпекая хлеб в таежных условиях. Буквально через год-два уже появилась возможность проложить первые горные дороги, по которым на тракторах завозили оборудование, продукты, материалы. Палатки уступали место домам, «котловое» питание тоже отошло в прошлое, появились столовые, баня, клуб, школа... Вскоре на Солнечном, а затем на Фестиваль-

ном, Перевальном, в клубах стали крутить кино. Поисковики, съемщики, разведчики на эти редкие фильмы шли десятки километров.

Конечно, не все были энтузиастами, патриотами, многие не выдерживали и уезжали. Но их никто и не думал в чем-либо обвинять, осуждать или как-то воздействовать на них. Жизнь здесь была и в самом деле не сахар. И не только из-за тяжелого труда, неустроенного быта. На летний сезон на работу принимали сотни дополнительных рабочих, которые в большинстве своем были с уголовным прошлым. ЧП происходили практически ежедневно. Пьяные разборки, нападение на руководителей экспедиции и их семьи – такова была обратная сторона повседневной реальности...

Однажды поздно вечером к Евгению Александровичу домой зашел Калининченко и, не глядя на него, хмуро обронил:

– Все, принимай дела, я увольняюсь, вопрос с управлением согласован.

– А в чем дело? – Козловский ничего не понимал.

– Достали, – со вздохом произнес начальник экспедиции таким тоном, словно сообщал о собственной смерти. – У меня двое детей, жена на грани нервного срыва. Сегодня в открытую пригрозили, что всерьез займутся моей семьей. Судьбу испытывать я не могу и не хочу, пойми...

Калининченко покидал родную ему экспедицию осенью, когда сопки расцветивались увядающей позолотой и багровели кровавыми пятнами на фоне вечной зелени. Одновременно это было красиво и печально. То же самое испытывал и Козловский, и тем острее, наверное, он чувствовал разрастающуюся у него внутри непримиримость ко всему, что мешает честному человеку жить...

Через какое-то время Евгений Александрович нашел тех, кто угрожал Калининченко. Случайно. Двое рабочих оказались замешанными в пьяной драке – один другого чуть не зарезал, но Козловский успел вовремя. Тот в злобе и закричал, что его тоже вслед за начальником отправят этапом. Евгений Александрович сразу все понял. На своем ГАЗике он вместе с шофером, который у него работал еще в Гаринской экспедиции, вывез бандитов на дорогу и сказал:

– Пойдете пешком до города...

– Ты что, начальник, – в глазах их заметался страх, – мы же дуба дадим.

– А попытаетесь вернуться – вам уже ничто не поможет...

После этого случая в поселках дебоширы заметно поутихли. Однако Козловский понимал, что, только выкорчевывая плохое, нормальную жизнь все равно не наладишь. Нужно обязательно больше поощрять и говорить о тех рабочих, которые добросовестно трудятся, кто хочет честно и спокойно жить и не бояться за своих детей.

Как-то утром, придя в контору, Евгений Александрович обнаружил, что Бориса Алимбекова, главного инженера, на месте нет, как и дежурного диспетчера. Не нашел он у себя на столе и сводки о выполнении работ за ночь. Заглянул к главному геологу, и Селезнев успокоил его, пояснив, что Алимбеков скоро будет – так он сказал. Но Козловский уже сам увидел в окно главного инженера – он вместе с диспетчером торопливо шагал к конторе и о чем-то спорил с ним. «Что-то произошло», – с тревогой подумал Евгений Александрович.

– К Гордейчуку ездил, – с порога начал Алимбеков, – пришлось лично данные по сводке перепроверять..

– К Гордейчуку? – не скрыл своего удивления Козловский.

Бригада проходчиков Богдана Гордейчука была лучшей в экспедиции, он справедливо считался специалистом высшей квалификации. Только месяц назад его бригада почти в четыре раза перекрыла плановое задание. Каждую неделю в воскресной радиогазете упоминалось о достижениях этой передовой бригады. Так что если по каким-то причинам они и сбавили темп, то на это наверняка существовали объективные обстоятельства. Зачем же так сразу волноваться...

– Вот сводка за ночь. – Алимбеков положил листок на стол перед начальником.

Когда Евгений Александрович увидел напротив фамилии Гордейчука новую цифру, он своим глазам не поверил.

– Что, сумел пройти за смену три метра одним забоем?

– Лично убедился, – кивнул Алимбеков. – Кстати, в бригаде Кутыревых показатели чуть поменьше, но они тоже идут хорошо. Так что в этом месяце план, думаю, перевыполним.

– А сам бригадир о пенсии речь не заводил? – улыбнулся Козловский. Старик Кутырев не так давно ему заявил, что сыновей своих он подготовил, работают исправно, так что ему пора на заслуженный, так сказать, отдых – семья растет, да и силы уже не те. Однако Евгений Александрович упробил его сезон доработать, поэтому сейчас и интересовался у главного инженера, какие на сей счет мысли у Кутырева, в надежде, что тот повременит с пенсией. Рабочие такой квалификации на дороге не валяются.

– После смены заявление принесет, твердо решил уйти.

– Жаль, – задумчиво качнул головой Козловский, – умный мужик, дельный.

Ему вдруг припомнилось, как бригадир однажды убеждал его в том, что людей без совести не бывает, но многие попадают в жизни в такие ситуации, которые прорасти ей не дают. Ведь у одного человека совесть как бы на поверхности лежит, как золотые россыпи случаются, у других она поглубже запрятана, а у третьих ее скрывает такой мощный пласт пустой породы, что его разрабатывать и разрабатывать надо. Ему бы это вовремя подсказать, пока глупостей не наделал, разъяснить. И самому постоянно копать в себе, думать о смысле жизни, о своем месте в ней, а не о легком рубле – он счастья не приносит. Да не всем и не всегда встречаются такие, кто подсказал бы эту вот геологию совести. И весело рассмеялся.

– Так вот что, – взглянул Евгений Александрович на Алимбекова. – Сегодня же пятница, значит, будем записывать радиогазету. Возьму на заметку рекорд проходки бригады Гордейчука и обязательно надо сказать об уходе на пенсию старика Кутырева. Его мы проводим всем коллективом экспедиции, организуем в клубе чествование в лучшем виде, чтобы на всю жизнь запомнил не только он, но и жена, и сыновья их. Уяснил? И хотя у нас сухой закон, для такого случая привезем из Комсомольска бочку пива и подарим ветерану. Думаю, он в обиде не будет. На запись радиогазеты пригласи Селезнева, секретаря партбюро Воронко, обязательно отделом труда и заработной платы Гарбузова. У кого день рождения на этой неделе был, родился кто – чтоб никого не забыли упомянуть и поздравить. А я срочно еду в транспорт-

ный цех. На Перевальный не завезли в детсад почему-то молоко, говорят, машины нет. А потом заскочу на буровые и в ремонтный.

V

«Вакуум власти (в том числе духовной) на Дальнем Востоке приводит к тому, что его заполняют инородные, но популярные здесь силы – толпы протестантских миссионеров, адепты радикальных сект, экзотических культов; кришнаиты, буддисты, сторонники Муна. Их присутствие и влияние в регионе – реальность для нынешнего Дальнего Востока. Их помощь местным жителям может стать тем «арахисовым маслом», которое столько спасло от голода в послевоенной Европе...»

«А ведь этот циничный Уолтер Рассел Мид почти не врет», – подумал вдруг Евгений Александрович. Минерально-сырьевая база России, созданная в советское время, сегодня практически проедена и растаскана. В стране около 50 нефтяных компаний создано с привлечением иностранного капитала, более 60 фирм захватили крупные месторождения с помощью зарубежных инвестиций. Вот и получается, что минерально-сырьевая база страны сегодня находится фактически в частных руках – в скрытых компаниях с иностранным капиталом. Но какое отношение к национальному достоянию России имеют частные компании? Почему лучшая в мире минерально-сырьевая база не используется в интересах страны и общества? Почему одно из самых богатых золоторудных предприятий – Олимпиаденское, где добывается 300 тонн золота в год, вдруг оказалось в частных руках? И в тот момент, когда золотой запас России резко снизился? После войны у нас и то в два раза больше было золота, чем сейчас.

Евгений Александрович снова взглянул на карту «Американской Сибири». Да, вот он результат того, что сегодняшняя государственная политика ведет к использованию природного потенциала России в чужих интересах. В чьих? Об этом в открытую и заявил на весь мир ведущий консультант Института мировой политики США Уолтер Рассел Мид. Но здесь страшнее другое, что данного американского проекта у нас никто

не заметил. Или специально сделали подобающий вид? Вот и получается, что в обществе, где экономика явно с двойной бухгалтерией, нравственные принципы тоже имеют двойственную природу, они просто не могут не иметь аморальности...

Да, предавать интересы России теперь стало многим выгодно. Не так давно бывший руководитель великой страны, втянувший ее в перестроечное болото, во всеуслышание заявил, что они с Раисой, мол, давно мечтали развалить советскую империю. Что это – невежественный цинизм или предательство современного высокооплачиваемого Иуды? Он и сейчас, подобно чеховскому профессору Серебрякову, нередко поучает с телеэкрана: «Дело надо делать, господа...». Неужели ему невдомек, что прежде, чем что-то предпринять в практическом плане, надо было бы хорошенько усвоить смысл того, что хочешь сделать. И не узкопрагматичный, а всеобщий, именно человеческий смысл...

Евгений Александрович встал из-за стола и подошел к книжной полке, на которой стоял портрет деда в генеральской форме с орденами Станислава и Владимира I степени, польского Белого Орла... Осип Егорович Козловский в свои неполные 17 лет еще в XIX веке ушел с котомкой за плечами из родного села Журовичи пешком в Москву. В Белокаменной он устроился в торговые ряды, но вскоре хозяин заметил трудолюбивого и смекалистого парня. И отправил его учиться в коммерческое училище. Еще задолго до Первой мировой войны дед уже дослужился до генеральского чина и действительного статского советника, будучи управляющим таможенями Запада. За заслуги перед Отечеством ему было пожаловано дворянство.

– Да, Осип Егорович, – взглядываясь в строгое лицо деда на фото, вслух проговорил Евгений Александрович, даже не замечая этого, – Гитлер не смог нас одолеть силой, теперь вот по дешевке купить хотят...

Козловский задумчиво прошелся по комнате, отягощенный какой-то мыслью, которую он никак не мог ухватить. Оказавшись у окна, снова окинул рассеянным взглядом заснеженную ночную улицу в отсветах фонарей и вдруг отчетливо увидел совершенно другую зиму – далекого 1941 года, декабрьскую, под самый Новый год. Это было время, когда всех родственников Козловских арестовали немцы, чудом сумела скрыться лишь

мать Евгения Александровича, предупрежденная подпольщиком. Но самого Евгения, которому тогда еще и тринадцати не исполнилось, и его пятилетнюю сестру Ирину полицаи все же забрали. А за несколько дней до Нового года молодой хмурый полицай повел Евгения на окраину Довска. Звали его Николаем. Там, в густом придорожном перелеске у припорошенной снегом ели, полицай оставил его, а сам направился к дороге, которую под надзором полицейских ремонтировали оборванные худые мужики. Одному из них, старику с заросшим седой щетиной лицом и надвинутой на лоб по самые глаза шапке, Николай что-то сказал, и тот, послушно бросив лопату, поспешил вслед за ним в лесок. Однако к Евгению подошел один старик, в котором парень с трудом узнал своего деда по матери Льва Егоровича.

– Здравствуй, внучек. – Голос деда с хрипотцой, явно простуженный, но спокойный, сам он пристально вглядывается в щуплого пацана, словно стараясь запомнить его получше. – Ты вот что, Евгений, возьми-ка мои перчатки, мне они больше не понадобятся, а тебе от меня будет на память подарок. – Заметив испуганно-настороженный взгляд внука, будничным тоном пояснил: – Под утро нас должны расстрелять, так матери и передай...

Он поспешно натянул огромные перчатки на сжатые от холода кулачки парня в тонких варежках. Что-то на его сером, остылом лице дрогнуло, дед рывком прижал голову внука к себе и тут же отпустил. Резко повернувшись, он двинулся к дороге, как-то разом сгорбившись и став меньше ростом. Дед шел, засунув руки в карманы ватника, напрямик, утопая в снегу, словно не видел тропки или спешил присоединиться к обреченным на смерть людям, поправлявшим дорогу. Для них – уже дорогу в никуда...

Утром их всех расстреляли – дедушку, бабушку, родную тетку, двоюродных брата и сестру. Дядю фашисты повесили чуть раньше на телеграфном столбе в Рогачеве – его поймали, когда он закладывал мину на молочном заводе.

Сейчас, неожиданно все это вспомнив, Евгений Александрович вдруг совершенно по-новому взглянул на эту последнюю встречу с Львом Егоровичем. Вообще-то, Козловский до

сих пор не мог понять, зачем тогда мать через подпольщиков устроила ему свидание с дедом, рискуя в первую очередь своим сыном, а затем подпольщиками? И почему Лев Егорович настоял на этом свидании с внуком? Ведь ничего конкретного или важного он ему так и не сказал. Или здесь содержался какой-то высший смысл? Но почему именно сейчас так подробно припомнилось Козловскому это его прощание с Львом Егоровичем – ровно через шестьдесят лет? Даже фотографии этого деда у него не было...

Дверь тихонько приоткрылась, и в комнату заглянула уже причесанная и одетая, как всегда, жена.

– Тебе кофе сварить?

– Да, будь добра, – обрадовался Евгений Александрович и посмотрел на часы – шесть утра.

– А ты что так рано сегодня поднялся?

– Понимаешь, – он обескураженно развел руками и пояснил: – Часы так громко пробили ночью.... – Евгений Александрович внезапно осекся на полуслове. До него вдруг дошло, что никаких настенных или иных часов с боем у них никогда в доме не было. Но в то же время он мог поклясться, что его разбудил именно бой часов, который еще долго потом стоял в ушах. Что же тогда произошло? Козловский невольно повернул голову и долго задумчиво смотрел на фотографии давно ушедших в мир иной родственников. «А ведь на Западе не просто мечтают купить Сибирь, – подумал вдруг Евгений Александрович. – Там хотят, чтобы мы как можно скорее забыли свое прошлое, а значит, потеряли бы и свое будущее...» Он решительно вынул чистый лист бумаги и крупным размашистым почерком написал: «Президенту Российской Федерации...» Козловский почему-то был уверен, что еще не поздно все изменить, исправить, и он не имел права сдаваться...

Послесловие к прожитой жизни

Февраль будоражил москвичей частым порывистым ветром, редким затишьем, морозами и метелями, словно оправдывая свое старинное определение – «месяц кривых дорог» на фоне

всеобщего климатического разлада. И зима – не зима, и лето – не лето... Евгений Александрович поймал себя на мысли, что начинает брюзжать, как старый дед. Недовольно поморщился, встрепенулся... Ну, это мы еще посмотрим, восемьдесят – это еще не возраст.

Козловский отошел от окна, за которым только начинало сереть зимнее утро, прошелся по кабинету и снова сел за стол. Он приехал на работу пораньше, на такси, – все чаще ощущалась боль в ногах – думая, что на своем рабочем месте его мысли наконец-то перестанут бунтовать, он сможет сосредоточиться и уже внятно объяснить самому себе, что произошло. И таким ли уж неожиданным было для него это событие? Взгляд Евгения Александровича рассеянно скользнул по кабинету, задержался на разложенных высокими рядами бардовых папках – поздравительных адресов с его юбилеем. Десятки папок... От министерств, ведомств, зарубежных фирм... От Ассоциации геологических организаций, где его избрали почетным президентом; от Высшего горного совета России, из Российской Академии естественных наук, Международной академии минеральных ресурсов, Международной академии наук информатизационных процессов и технологий, из Международной акционерной геологической компании («МАГКО»), где Козловского не так давно избрали президентом... Сотни поздравительных телеграмм от геологов, с кем ему пришлось работать в Сибири, на Дальнем Востоке... Но среди десятков высших государственных наград, российских и зарубежных орденов и медалей больше всего грели сердце Евгения Александровича почетные знаки «Шахтерская слава» всех трех степеней, «Заслуженный геолог России», «Почетный разведчик недр», «Почетный нефтяник», «Почетный работник угольной промышленности»... За каждым из них незримо маячил видимый только ему одному изматывающий труд, бессонные ночи, бесконечные командировки, а главное – вполне внушительный результат. Ведь фактически вся минерально-сырьевая база России получила стремительное развитие именно в те годы, когда Козловский руководил Министерством геологии СССР, и все наиболее значимые проекты в отрасли осуществлялись при его непосредственном участии. В Западной Сибири были

разведаны новые месторождения, и именно это позволило укрепить минерально-сырьевую базу ведущего региона России в добыче нефти и газа. Были расширены геологоразведочные работы в Казахстане, Узбекистане, Восточной Сибири, Якутии, на Украине, открыто знаменитое теперь Даулетобаз-Донмесское месторождение в Туркмении с запасами свыше 2 триллионов кубометров газа; месторождение золота в Узбекистане; обнаружены алмазы в Архангельской области... Всего и не перечислишь. Да и не преподносилось все это на тарелочке с голубой каемочкой, нужно было проталкивать, прошибать, организовывать, брать ответственность на себя, и побеждала всегда наука и интуиция, трезвый расчет и стремление сделать свою страну богатой и процветающей...

Но, может, слишком старался, не замечая тревожных перемен во властных структурах? Так ведь перемены в стране действительно были нужны. Да только кто в тот момент мог предположить или увидеть, что сквозь напыщенную и пустую болтовню Горбачева проглядывала опасность развала великого государства! Сам Козловский прозрел именно тогда, когда в американской печати обнаружил карту Сибири, расчлененную для продажи западными «партнерами». Тогда-то и родилось письмо Козловского Президенту РФ Д.А. Медведеву – нелицеприятное, хотя и сдержанное, полное опасных предположений, некоторые из которых чуть позже уже подтверждались. Евгений Александрович как бы предвосхитил планы Западных стран и США в отношении России, что, видимо, Медведеву и не понравилось. Однако и помешать в чем-то ему Козловский не мог, а предостеречь от опрометчивых шагов руководство страны был обязан. Хотя и понимал, что от него в данном случае мало что зависит...

Евгений Александрович поднялся и, занятый будоражащими его мыслями, подошел к окну, за которым серело нехотя просыпающееся февральское утро. «Что же мы оставим в наследство потомкам?» – неожиданно подумал он, хотя в подсознании эта мысль жгла давно и постоянно, просто он ее не выпускал наружу, дабы не нарушить внутреннее равновесие в постоянной исследовательской работе. Этих научных монографий накопилось уже больше сорока. Тоже ведь результат и наследство. И власть это понимала, иначе бы в 90-х годах не

открыла в Госархиве его именную ячейку, присвоив ей гриф «Хранить вечно», куда были собраны все его научные труды и публикации, все письменные документы о нем и его деятельности. Понимали...

Евгений Александрович невольно вздохнул. Да, сейчас и до него уже начинало доходить, что события последних двух лет стали продолжением истории с тем письмом Президенту РФ Медведеву Д.А., ответа на которое Козловский так и не получил. Вернее, выходит, что получил, но с задержкой почти в два года.

Евгений Александрович хорошо помнил взволновавшее его заседание Ученого совета Российского Государственного геологоразведочного университета, в котором он проработал профессором не один десяток лет, и где было решено ходатайствовать о представлении Е.А. Козловского к награждению орденом «За заслуги перед Отечеством» второй степени. Ибо данным орденом третьей и четвертой степени он уже был награжден. Так научный коллектив геологов оценил деятельность Евгения Александровича в развитии минерально-сырьевой базы России. Недаром он был автором более сорока открытий и изобретений, высочайшим мировым авторитетом в области геологоразведки и разработки полезных ископаемых.

Свой восьмидесятилетний юбилей Евгений Александрович отпраздновал 7 мая 2009 года, и о своих наградных делах успел забыть. Но ему напомнили об этом аж в феврале 2011 года, то есть, почти два года спустя. Позвонили из Администрации Президента и сообщили, что Медведев своим Распоряжением «О поощрении» за № 50-рп от 2 февраля 2011 года за плодотворную работу в области образования наградил профессора Е.А. Козловского «Почетной грамотой», и поздравляют с этой высокой оценкой его деятельности. Сразу Евгений Александрович и не нашелся, что ответить. Да, видимо, его ответа и не ждали, сразу повесили трубку...

– Я стучал, – в приоткрытую дверь протиснулся профессор Платонов, сразу обдав Козловского морозной свежестью. Он был в пальто с меховым воротником, мокрым от растаявшего снега, бобриковую шапку держал в руках. На секунду застыл в дверях, вопросительно глядя на сумрачного хозяина кабинета.

– Проходи, присаживайся...

– Еще насижусь за день, – отмахнулся Александр Иванович, и без предисловий, как бы в продолжение прерванного только что разговора, напряженно произнес: – Я вот все прикидываю, как бы я поступил на твоём месте...

– Ну и? – усмехнулся Евгений Александрович, вдруг сразу успокоившись, и уже с каким-то мазохистским интересом как бы взглянул на себя со стороны.

– Честно? Не знаю... Сам понимаешь, добиваться справедливости в наше время...

Справедливости? Выходит, он обиделся, из-за этого весь сыр-бор? Нет, с этим Козловский никогда бы не согласился. Это не просто переживания за себя, было еще что-то более серьезное и глубокое, которое от слов Платонова всколыхнулось вдруг где-то внутри, под сердцем, болезненно защемило, заматалось, ища выхода в напрягшейся памяти, как задыхающийся утопленник, устремившийся к поверхности зеленой толщи воды, чтобы глотнуть живительного воздуха. И вспомнил! Евгений Александрович как-то сразу даже растерялся тому незначительному эпизоду, реально оказавшемуся вдруг занозой, которая уже загнила, но все время оставалась в подсознании.

Это произошло в перерыве между заседаниями на правительственном форуме, посвященном вопросам экологии при добыче полезных ископаемых. Вопросы ставились серьезные, ведь затрагивалось будущее поколений. Выступление Козловского было резким, особенно в отношении ответственности руководства нефте- и газодобывающих фирм, довольно эмоциональным, особенно, когда он взывал к их совести – ведь во многих случаях после них оставалась мертвая земля, на которой обитают живые люди. Когда объявили перерыв, Козловский двинулся к выходу из зала, но его остановил средних лет мужчина с очень серьезным, но скорее даже флегматичным выражением лица, который без всяких предисловий спокойно заметил:

– Вы очень эмоционально выступали, Евгений Александрович, но не учли одного – совесть понятие не рыночное, а интересы бизнеса всегда выше морали. Извините, такова сегодня жизнь...

Он медленно и уверенно, мягко ступая по ковровой дорожке пошел к выходу из зала, оставив Козловского в каком-то шоко-

вом состоянии. Но Евгения Александровича поразили не слова бизнесмена, подобное в оправдание своей некомпетентности и халатности ему говорили многие, а то, что этот человек возвещал свою правоту, незыблемость превосходства получения прибыли любыми способами и средствами даже за счет жизни людей. Такой взгляд на вещи уже входил в норму, а значит, он вскоре станет и параграфом права. Вот тогда Козловский и понял, что, если этому не мешать, человечество морально и нравственно падет гораздо быстрее. Вероятно, такой бесславный конец отвратить невозможно, так хоть не участвовать в этом постыдном процессе...

– Нет, Александр Иванович, – нахмурился Козловский, – мы усложнять не будем. Я уже все решил – от этой награды мне необходимо отказаться. Официально, мотивированно, без обид и оскорблений. Я просто выскажу все, что думаю. И это письмо Медведеву помещу на некоторых официальных сайтах и опубликую в газете...

Платонов поднялся с кресла, взял руку Козловского и крепко пожал ее.

– Вы будете первым, кто посмотрит в глаза и достойно ответит нынешней власти. А то еще подумают, что нас так легко можно в гроб вогнать.

– Не дождутся, – и впервые за несколько дней Евгений Александрович весело рассмеялся.

Через три недели в газете «Промышленные ведомости» было опубликовано письмо бывшего Министра геологии СССР Козловского Е.А. Президенту Российской Федерации Медведеву Д.А.

*Президенту Российской Федерации
Д.А. Медведеву*

Господин Президент!

Меня поставили в известность, что Вы своим Распоряжением от 02 февраля 2011 года наградили меня Почетной грамотой Президента Российской Федерации за заслуги в области образования и многолетнюю плодотворную работу.

К сожалению, я не могу принять указанную Почетную грамоту по следующим соображениям.

Во-первых, в этот же период Вашим указом был награжден высшим орденом России – орденом Андрея Первозванного предатель моей Родины – СССР, ее разрушитель и изменник Горбачев. Сам процесс его награждения мы, ветераны, рассматриваем как издевательство над нами, прошлой историей нашей страны – СССР. Ваш поступок вызвал недоумение и не может быть оправдан ни с какой стороны! Вместо объединения народа в этот трудный для России период, Вы внесли «яблоко» раздора, совершили не поддающийся осмыслению поступок в угоду западному миру, бойко «отпраздновавшему» 80-летие предателя дела, которому он якобы служил!

Во-вторых, в связи с моим 80-летием Ученый совет Российского Государственного геологоразведочного университета, профессором которого я являюсь, представил меня, в соответствии со статусом ордена, к награждению орденом «За заслуги перед Отечеством» второй степени, оценив мое личное участие в укреплении минерально-сырьевой базы СССР-России, многолетнюю результативную работу на Дальнем Востоке и на посту Министра геологии СССР (1975–1989). Так совпало, что крупные открытия многих видов полезных ископаемых приходятся на указанный период моей деятельности. Для меня мнение моих коллег является высшей моральной наградой!

И я искренне благодарен научному сообществу за столь высокую оценку моей деятельности! А наградили или нет – это второй вопрос!

У нашей власти чувствуется большая приверженность к «артистическому миру», и Вы часто изволите с их представителями встречаться. Но я не помню случая, чтобы Вы встретились с людьми Дела и по-деловому обсудили стратегические вопросы развития экономики страны, проблемы организационного и технического совершенствования.

Кстати, я пользуюсь случаем, чтобы напомнить Вам, что «сырьевая экономика» зародилась не в советское время,

как Вы уверяете, а именно в годы так называемой перестройки. Вы подчеркнули: «Зависимость нашей экономики от сырья возникла не в то время, когда Путин был президентом, а уже 40 лет назад. Чтобы это изменить, требуется длительное время». Так вот, 40 лет назад (в 1970 г.) доля топливно-энергетических товаров в структуре экспорта СССР составляла 15,7%. Эти же товары в структуре российского экспорта в 2008 г. составляли 67,8% (!). Но дело в том, что в те времена экспорт машин и оборудования составлял 21,5% (в 2008 г. – 4,9%), продовольствия и сельскохозяйственного сырья 8,9% (в 2008 г. – 2%). Прежде чем лечить больного, как известно, надо поставить правильный диагноз! Произошло это потому, что большая часть промышленно-производственного потенциала, унаследованного от СССР, практически развалена в результате бездарного управления экономикой России!

Я естественно против бытующего в высших слоях государства мнения о том, что наша вина в том, что у России «сырьевая экономика». Я считаю, что это великое преимущество, дар свыше! А вот умение использовать эту экономику легко заработанных (в первую очередь, нефтяных) денег для прорыва, технологического совершенствования государства – это задача руководства страны. На этом «оселке» проверяется его умение государственного управления и уровень профессионализма! Не в этом ли главный корень наших бед в течение двадцати лет?!

Что же касается перспектив минерально-сырьевого комплекса (МСК), то они сейчас крайне низки. Одной из главных причин тяжелого положения состояния МСК является то, что произошло разрушение геологической службы страны – главного стержня стратегического исследования недр, научного уровня обеспечения поиска. Материальная база геологии подорвана, распались многие региональные геологические организации, многие организации непродуманно переориентированы и, как результат, снизился уровень кадровой подготовки.

Нельзя не остановиться на главных вопросах, вытекающих из вышеизложенного:

1. В России отсутствует стратегия и философия развития государства. А между тем, они должны определять политическую, моральную и практическую деятельность правительства и его подчиненных структур. Не следует забывать, что СССР погубил в значительной мере догматизм, отсутствие глубокой проработки перспектив развития общества и государства, отсутствие инструмента глобального мышления и истинного положения дел в мире и стране. Учитывая, что мы два десятилетия толчемся на месте, мы и сейчас не сделали выводов из прошлого! Современная Россия находится в социально-экономическом, политическом и идеологическом тупике. Однако 97% населения страны, по данным социологов, считают, что никоим образом не могут повлиять на решения, принимаемые властью, и, естественно, не несут за них ответственности. Этот возврат к схеме социального антагонизма – «мы» и «они» – лишает модернизацию шансов на успех.

Таким образом, социальный аспект, воплощение мечты своих цивилизованных императивов в обновлении и развитии России сейчас не менее важны, чем технологические и экономические нововведения.

Одной из важнейших технологий в настоящее время является алгоритм проектирования будущего. Это методы анализа трендов, предвидения будущих изменений, анализа возможных сценариев развития событий, оценки и управления рисками. Это не случайно! Сегодня, чтобы принимать серьезные, дальновидные решения в важнейших сферах жизнедеятельности – социальной, экономической, образовательной, военной, технологической, и ряде других, надо заглядывать на 25–30 лет вперед!

2. Политическая линия государства должна открыть возможность стратегического экономического пути развития государства с четким представлением целей, приоритетов, региональных планов, безопасности страны и т.п. Это важнейший элемент объединения усилий народа, организаций, предприятий. Разразившийся мировой кризис серьезно ударил по российской экономике. Если в США и странах Европы он проявился в экономическом спаде,

измеряемом лишь несколькими процентными пунктами, то в России ВВП за 2009 год сократился на 8%, промышленное производство – на 9%. Значительно уменьшились объемы инвестиций в экономику, возникла дефицитность государственного бюджета, что, естественно, отразилось на перспективных планах геологоразведочных работ, о чем говорилось выше. Острота кризиса в России объясняется, в частности, тем, что в течение относительно благополучного периода российской экономики в 2000–2008 гг. практически не было сделано ничего, что бы подстраховаться от возможных надвигающихся неблагоприятных ситуаций.

Мы считаем, что эффективная политика России в сфере национальной минерально-сырьевой безопасности требует учета последствий глобализации минерально-сырьевых ресурсов и определения роли нашей страны в будущем мировом минерально-сырьевом обеспечении.

По указанным выше причинам, я не могу принять Почетную грамоту Президента РФ, но буду искренне благодарен, если Вы, господин Президент, задумаетесь над тем, что я написал Вам в этом необходимом послании!

Прошу: *вдумайтесь, поймите, осознайте!*

С пожеланием успехов,
Е.А. Козловский,
доктор технических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки и техники РСФСР,
Заслуженный геолог РФ,
Лауреат Ленинской и Государственных премий РФ.

В 2012 году Козловскому Е.А. было присвоено звание «Человек года», а в 2013-м – «Легенда горной промышленности». 7 мая 2019 года Евгению Александровичу исполнилось 90 лет. Он по-прежнему работает в меру своих сил – реальный Человек-легенда мирного времени, но находящийся всегда в состоянии непримиримой войны с разного рода приспособленцами и отщепенцами любого уровня. Стремясь принести добро людям, человек никогда уже не сможет стать соучастником зла.

Отставка

I

Николай Семенович вошел в кабинет, зажег свет, потом закрыл за собой тяжелую дверь. Медленно пересек его, обогнул огромный стол и, не раздеваясь, устало опустился в кресло. Прищурился, посмотрел в бронзовое лицо Дзержинского, небольшой бюст которого стоял рядом с чернильным прибором. Перевел взгляд на молчавшие «вертушки» правительственной связи на боковом столике, затем на громадный глобус, стоящий в углу напротив длинного стола для заседаний. По слухам, этот глобус поставил здесь еще Ян Эрнестович Рудзутак, народный комиссар путей сообщения в 1924–1930 годах. Да, именно в этих стенах творилась история советского железнодорожного транспорта, здесь работали известные исторические личности, такие как Елизаров М.Т., Красин Л.Б., Дзержинский Ф.Э., Андреев Д.А., Ковалев И.В., Бещев Б.П., Хрулев В.В. Они немало сделали для развития «кровеносных артерий страны». Придя в этот кабинет почти десять лет назад, Николай Семенович Конарев ничего переделывать в нем не решился – кабинет министра путей сообщения СССР давно стал реликвией, которую необходимо было сохранить. Этим он выразил свое уважение к памяти и делам своих предшественников.

Конарев закрыл глаза и откинулся в кресле, пытаясь разобраться, откуда эта тревога внутри, гнетущая его. Двадцать седьмого февраля он сам написал заявление на имя Горбачева об отставке, указав в нем на принципиальные разногласия в отношении проводимой в стране так называемой политики перестройки, и просил отозвать из Верховного Совета СССР представление на назначение без его согласия министром путей сообщения СССР в Правительстве Павлова. Николай Семенович был уверен, что это наилучший выход из ситуации, задуманной Горбачевым, смысл которой заключался в

следующем: Президент представляет (как будто доброе дело), а Верховный Совет заваливает его кандидатуру.

А ведь началось все в 1989 году, когда Первый съезд народных депутатов СССР принял решение о переутверждении всех членов Правительства вместе с его Председателем на новом уже, «демократическом» Верховном Совете СССР. На одном из заседаний должен был выступить со своим программным докладом и министр путей сообщения СССР Николай Семенович Конарев. К тому времени он уже семь лет возглавлял данное министерство и знал до тонкостей причины всех достижений и просчетов в работе этой отрасли народного хозяйства, потому и волнения не испытывал.

Правда, до выступления Конарева произошел небольшой инцидент, оставивший неприятный осадок в душе Николая Семеновича. В перерыве между заседаниями, в коридоре, к нему подошла группа народных депутатов из Литвы, Латвии, Эстонии, Молдавии и Грузии:

– Какова сегодня ваша позиция в отношении статуса национального языка в республиках? – тон их был весьма решителен.

– Если вы имеете в виду железнодорожный транспорт, – сразу понял, в чем тут дело, Конарев, – то моя позиция здесь однозначная – на транспорте должен работать только один язык – русский.

– Вы опять за свое? – раздались смешки. – Что же, скоро вы об этом пожалеете.

Николай Семенович лишь пожал плечами. Неужели так далеко зашли в своих бредовых националистических интересах эти «народные» избранники? С проблемой национализма, особенно в Прибалтийских республиках, МПС сталкивалось уже неоднократно. Их руководство требовало от железнодорожников, чтобы рабочим языком стал национальный, а не русский. Однако персонал на железных дорогах в республиках в основном был из числа русскоязычного населения, сами прибалты работать здесь не хотели. Но все чаще местные органы выставляли требования по ликвидации русского языка на железнодорожном транспорте на территории Прибалтийских республик.

Это была явная глупость, но с далеко идущими целями. Среди летчиков, например, международным языком считается

английский, как, впрочем, и в судоходстве, но никто не считает это попранием национальных интересов. А здесь получается, что локомотивная бригада пассажирского поезда «Ленинград-Вильнюс» должна знать три языка, так как за восемь часов пути преодолевает три республики – Россию, Латвию и Литву. Ясно, что это делалось специально. Естественно, министр путей сообщения СССР, видя в этом угрозу целостности транспортной системы страны, доложил о ней Горбачеву и Рыжкову. Однако ни ЦК КПСС, ни Совмин ничего не захотели предпринять в данной ситуации. И неизвестно, сколько бы это продолжалось, если бы не вспомнилась страшная катастрофа, происшедшая на перегоне Кобулет-Чакви в Грузии в 1980 году.

Шедший из Батуми пригородный поезд столкнулся лоб в лоб с наливным составом, перевозившим нефтепродукты. Именно на этом железнодорожном перегоне по техническим причинам не работали светофоры, и станции перешли на письменные отношения. Участок железной дороги был однопутным, поэтому дежурный по станции Кобулет выяснил по телефону у дежурного станции Чакви, что перегон свободен, записал это в журнал, а машинисту грузового состава выдал разрешение на отправление на специальном красном бланке. Однако дежурный по станции Чакви, который разрешил движение, почти одновременно отправляет навстречу ему пригородный поезд. При столкновении содержимое нескольких цистерн вылилось в бетонные лотки по бокам железнодорожного пути, предназначенные для стока воды в этой субтропической зоне с обильными дождями. Бензин воспламенился, и две огненные стены с двух сторон накрыли опрокинутые вагоны электрички с людьми. Трагедия усугубилась еще и тем, что от удара двери вагонов заклинило. Все пассажиры электрички сгорели заживо.

На место происшествия выехали первый заместитель министра путей сообщения СССР, которым в то время был Николай Семенович Конарев, и Председатель Правительства Грузинской ССР Патарадзе. Расследование показало, что причиной трагедии стал все тот же национальный зуд. Обе станции находились на территории Грузии, но одна в Абхазии, Ир дежурными там были, естественно, на одной – грузин, а на

другой – аджарец, поэтому объяснялись они каждый на своем языке, особенности которых и привели к страшной ошибке. Таковой не произошло бы, если бы они пользовались русским языком, что и предусматривалось Регламентом. При разборе данного случая в Тбилиси на правительственном уровне Шеварднадзе говорил, что в Грузии живут и армяне, и грузины, и аджарцы, абхазцы, русские, так разве на железной дороге все эти языки и должны работать? Нет, единым должен быть только русский язык.

Эти и другие факты нарушения Регламента на железных дорогах, расположенных на территориях союзных республик, обязали министра путей сообщения СССР Николая Семеновича Конарева издать приказ «О введении единого технологического языка на всей сети железных дорог», независимо от того, на территории какой республики она проходит. Такой официальный документ был необходим для того, чтобы не было никаких претензий со стороны местных республиканских органов к железнодорожникам из числа русскоязычного населения. Однако не проходит и месяца, как МПС СССР получает официальное решение Верховного Совета Литовской ССР об отмене приказа министра путей сообщения СССР в части того, что рабочий язык на железной дороге Литвы должен быть русский.

Это был уже неприкрытый вызов союзным органам. МПС обратилось в ЦК КПСС и Верховный Совет СССР с просьбой принять меры к нарушителям Конституции СССР. Но запрос остался без ответа. И как следствие такого попустительства со стороны руководства страны – открытая угроза министру путей сообщения СССР прямо в стенах «демократического» Верховного Совета СССР.

Честно говоря, Николай Семенович Конарев, выходя на трибуну, об этом инциденте уже забыл. На выступление отводилось пятнадцать минут, и за это короткое время нужно было всесторонне осветить как успехи отрасли, так и недостатки в ее работе, и какую помощь ожидает МПС от Правительства. Об успехах железнодорожников много говорить не пришлось. Тот факт, что пятилетку они завершили за четыре года им три месяца, убедительно доказывал их победу. Оставшиеся девять месяцев пойдут на перевыполнение показателей по объему

перевозок, повышение производительности труда, экономии средств на социальные нужды – строительство жилья для железнодорожников, детских садов и других объектов соцкультбыта. К тому же необходимо добиться повышения заработной платы, ибо труд на железной дороге тяжел, а внутренние ресурсы и резервы отрасли уже использованы при внедрении так называемого «белорусского метода», и что в МПС в этом отношении разработан четкий план действий.

Один из основных вопросов, на который обратил внимание Совмина и Верховного Совета СССР Николай Семенович Конарев, – это улучшение использования подвижного состава, несвоевременная разгрузка железнодорожных вагонов. От этого зависел их оборот, а значит, и объем перевозок, иначе говоря, выполнение народнохозяйственных планов. Так как Госплан СССР, оправдывая свои решения по недостаточному выделению средств на развитие железнодорожного транспорта, по поставке нового подвижного состава, ссылаясь именно на то, что железнодорожники не выполняют нормативы оборота вагонов, их простоя, фактически сбрасывая со счетов тот факт, что это зависит от советских и хозяйственных органов на местах.

Вот почему, осветив этот вопрос в своем коротком выступлении, Конарев с трибуны тут же попросил Председателя Совмина Н.И. Рыжкова, присутствовавшего на заседании, об увеличении капитальных вложений в развитие железнодорожного транспорта и, в частности, на строительство электрификации, вторых путей, реконструкцию узлов, строительство новых линий и обязательное завершение БАМа, где отставал от сроков Минтрансстрой.

Закончив свое выступление, Николай Семенович ждал вопросов народных депутатов. Их было немного, но были и заранее подготовленные злобные и клеветнические выступления. Председательствующий на заседании А. Лукьянов поставил на голосование кандидатуру Конарева для утверждения его министром путей сообщения СССР. Через несколько минут было объявлено, что Конарев на должность министра не утвержден, так как депутаты пяти республик: Грузии, Молдавии, Эстонии, Латвии и Литвы – проголосовали против. Тогда-то Николай Семенович и вспомнил короткую встречу с некоторыми депу-

татами этих республик перед заседанием и недвусмысленную угрозу. Однако самое несуразное с их стороны заключалось в другом. Министр докладывал о досрочном выполнении пятилетнего плана и заслуживал за это хотя бы благодарности от руководителей государства. Но из тех, кто сидел в Президиуме – Генеральный секретарь ЦК КПСС, Президент страны М.С. Горбачев, Председатель Совмина СССР Н.И. Рыжков, Председатель Верховного Совета А. Лукьянов, Председатель Совета Союза Е.М. Примаков, Председатель Совета Национальностей Р. Нияшев, член Президиума Верховного Совета СССР Б. Олейник и другие – никто даже не подал реплики в защиту отличившегося министра путей сообщения СССР. Выходит, партюкраты испугались демократов?

После этого возмутительного факта в ЦЕ КПСС, Совет Министров СССР и Верховный Совет СССР пришло 12,5 тысяч писем от железнодорожников с требованием пересмотра решения Верховного Совета СССР. Диспетчеры предупреждали, что если этого не будет сделано, останутся поезда. Вызов оголтелых националистов, перед которыми спасовали ЦК КПСС и Правительство, приняли рабочие-железнодорожники. 4 августа, в канун их профессионального праздника, Горбачев выступил и сказал, что произошла несуразность, которую Верховному Совету СССР надо исправить, и Николая Семеновича Конарева утверждают.

Сейчас, сидя в своем министерском кабинете, который и для него теперь стал бывшим, Николай Семенович вдруг подумал о том, что, очевидно, Горбачев тот урок своей политической опрометчивости запомнил хорошо, поэтому сразу принять его отставку и не посмел. Он выжидал и лишь 2 апреля позвонил и далеко не дружеским тоном, в котором сквозило едва сдерживаемое недовольство, порекомендовал Конареву забрать свое заявление. Николай Семенович снова начал объяснять Генсеку, в чем он не согласен и почему, но сразу почувствовал, что Горбачева это нисколько не интересует. Однако и в тот раз решения он никакого не принял. И лишь сегодня, 2 мая, непокорного министра путей сообщения СССР Горбачев вызвал в Кремль. Здесь он уже попытался построить свой разговор как вполне доверительный, что еще больше насторожило Конарева.

– Ты, Николай Семенович, понимаешь, что я тебя уже представил Верховному Совету, а ты отказываешься от поста, на который утвержден? Что мне в Верховном Совете скажут? Что не продумал кандидатуру руководителя такой ответственной и сложной отрасли народного хозяйства?

Это был явный намек на историю с его неутверждением Верховным Советом двухгодичной давности. И Конарев решил показать, что он понял его.

– Получается, что не продумали, Михаил Сергеевич, – спокойно произнес он. – Если даже не нашли время переговорить со мной на эту тему. Случись у нас с вами подобный разговор, я бы сразу сказал, что работать с вами не намерен.

Взгляд Горбачева потемнел, он замахал руками, словно помогал ими выдавливать из себя необходимые слова.

– Ты просто испугался ответственности, не достает еще нового мышления, понимания исторического момента.

– Извините, Михаил Сергеевич, все как раз наоборот. Именно понимание того, что вы делаете со страной, и не дает мне право участвовать в этом разрушительном процессе.

– Этого требуют демократические преобразования – ломки старого, – повысил голос Горбачев, но сразу взял себя в руки. – Работать ты, Николай Семенович умеешь, только вот слишком горд и прямолинеен иногда. Характер свой показываешь. Запомни – незаменимых людей не бывает. Раз ты не ценишь оказываемого тебе доверия... – он раздраженно пожал плечами.

– Спасибо, Михаил Сергеевич, поднялся Конарев, понимая, что время визита закончилось. – Да, возраст у меня пенсионный, пора и молодым дорогу уступить, – потом помолчал и добавил. – А я ведь старше вас на четыре года, а по партийному стажу – так на целых семь лет. Вы же меня все на «ты» называете. Может, и мне будет позволительно с вами на «ты»?

– Пожалуйста, – в глазах Горбачева застыла растерянность и в то же время неподдельный интерес.

– Так вот, Михаил, ты плохо кончишь, и народ тебе этого не простит. До свидания.

Вспомнив сейчас этот разговор, Николай Семенович невольно улыбнулся. Смех смехом, а, к сожалению, все так и произошло, как он предрекал Горбачеву.

Горбачев тогда на его дерзкий выпад среагировал довольно спокойно: «Ну, насчет этого еще посмотрим, время покажет, – и примирительным тоном добавил: – Они хотя бы догадались объявить тебе благодарность? Ну, ладно, я им подсказу...»

На фоне всего происшедшего для Конарева было неожиданностью услышать в представлении об его отставке Верховному Совету СССР предложение объявить ему благодарность за большой вклад в работу железнодорожного транспорта, что было и сделано, как об этом гласила запись в протоколе №51 от 4 или 6 мая 1991 года – точно уже не помнил. А сейчас, воскресив все это в памяти, Николай Семенович со вздохом подумал, что в одном Горбачев точно был прав – характер у него действительно имелся, гордость была и прямолинейность с детства заложена. С детства, которое нещадно опалила война.

II

Рев заходящих для атаки на беззащитную станцию Невинномысская армид бомбардировщиков резко ударил в уши, заставив вжать голову в плечи.

– Воздух! Воздух! – раздался рядом чей-то запоздалый испуганный голос. Порядок людей, занятых на погрузке в санитарный поезд раненых, мгновенно распался, как и ремонтных рабочих, заканчивавших восстановление железнодорожных путей. Станцию Невинномысскую немцы бомбили только два часа назад, и вот опять очередь за очередью.

Школьники старших классов, помогавшие путейцам, бросились врассыпную, ближе к разрушенному зданию вокзала. Тронул с места, быстро набирая скорость, и санитарный эшелон в сторону Черкесска. Машинист уводил его из-под бомбежки. Но с безоблачного неба уже падал на отчаянно дымивший паровоз немецкий самолет. Эшелон почти достиг моста через Кубань, когда справа и слева от него начали вспыхивать черные разрывы бомб.

Все это наблюдал, находясь недалеко от моста, Коля Конырев со своим другом-тезкой Пересыпкиным. Чуть дальше с берега Кубани смотрели тоже в небо Степа Дворников и Володя Майоров – ребята постарше. Не обращая внимания на

содрогавшуюся от взрывов землю, они продолжали следить за неравным поединком фашистских летчиков и беззащитного санитарного эшелона. Знали – немцы не пощадят.

Черный мятущийся дым из паровозной трубы почти окутывал опоры моста, когда фашистская бомба разорвала передние вагоны эшелона, вздыбив берег реки. В ту же минуту в разных местах состав вспыхнул, заметались фигуры выпрыгивавших из вагонов людей, почти сразу падавших под бомбами и пулями.

Конарев и Пересыпкин опомнились, когда увидели впереди себя Дворникова и Майорова, бежавших, прижимаясь к земле, в сторону моста. Не раздумывая, они бросились за ними. А в небе все кружили самолеты с черными крестами на крыльях...

Вернулся домой Конарев поздно вечером, черный от копоти, руки в садинах, в крови и ожогах, голодный и усталый до изнеможения. Мать только всплеснула руками, а отец померчнел еще больше. Они ни о чем его не спрашивали, да если бы и спросили, Николай вряд ли смог бы ответить что-либо вразумительное. В глазах все еще рябило от огненных языков пламени, пожиривших разбитые вагоны, где горели заживо красноармейцы. Многие из раненых не могли двигаться, спеленатые бинтами, ставшими буро-грязного цвета от запекшейся крови. Крики, стоны, плач – все перемешалось в дымном знойном воздухе, от которого кашель выворачивал все нутро наизнанку, а слезы застилали глаза. Но ребята сбивали пламя, вытаскивали из огня раненых, а потом высвобождали путь от покореженного металла, вздыбившихся расщепленных шпал и скрученных силой взрыва рельс...

Уже засыпая, Николай услышал, как сидевший за столом отец с тихой ненавистью произнес:

– Ах, что делают, сволочи, что творят!.. – и зашелся своим болезненным кашлем.

И робкий голос матери:

– Ты бы поговорил с Колей, чтобы не лез, куда не след, убьют ведь...

Отец долго молчал, хрипло дыша, потом сказал:

– Ладно, скажу, чтобы поосторожней был. От всего не убережешь, настырного такого. Вроде тихий, а характер имеется...

Последнее время здоровье отца заметно ухудшилось – давали знать ранения, полученные им в гражданскую. Семен Кузьмич Конарев служил ординарцем у знаменитого героя Гражданской войны Д.П. Жлобы – он командовал полком, бригадой «Стальная дивизия» 1-го конного корпуса. Дивизия Дмитрия Петровича Жлобы участвовала и в боях против Врангеля и Деникина, за которые он, Жлоба, был награжден первым орденом Красного Знамени. В марте 1921 года командовал 18-й дивизией, которая совершила трудный переход через занесенный снегом Годерзкий перевал и заняла Батум. Всю тяжесть и славу того времени делил по праву с героем гражданской войны Жлобой и его ординарец Семен Конарев. Об этих боях отец рассказывал скупно, человеком он был немногословным по своему характеру, а уж тем более не любил говорить о себе. Но вот о своем комдиве не жалел хороших слов.

После гражданской войны Д. Жлоба возглавил строительство по углублению Маньчского канала и созданию Маньчской плотины в районе хутора Веселый. Именно тогда он и вспомнил о своем боевом ординарце и пригласил его работать на стройку. Так семья Конаревых в 1932 году покинула родной Донбасс и оказалась на Маньче. А спустя два года Жлобу перебросили на Кубань, где разворачивалось освоение кубанских плавней под посевы риса. Здесь намечалось создать мощную продовольственную базу. Стройка тогда так и называлась – Кубрисострой, Кубанский рисострой. Работы здесь велись для того времени довольно интенсивно и очень грамотно, с использованием зарубежной техники. Освоение плавней началось в районе станицы Петровской, где стала жить и семья Конаревых, а с продвижением работ они переехали в станицу Ивановскую. Семен Кузьмич сперва работал мастером, затем старшим мастером, а позже прорабом. Через несколько лет Кубань уже поставляла государству сотни тысяч тонн риса.

Все это Николай знал от отца, которого уважал. И сейчас, услышав в его словах похвалу, по-мальчишески загордился. Он понял, что отец намекал на один факт из его детства, когда Николай сам себя в школу определил на год раньше положенного срока. Произошло это в 1934 году, они тогда жили в ста-

нице Петровской. Соседями их были тихие и скромные люди, очень верующие, к которым Николай и зачастил, будучи еще пятилетним пацаном. Сосед показывал ему буквы в Священном Писании, которые Коля без особого труда запоминал. Учиться же грамоте ему никто не мешал, так как отец целыми днями пропадал на работе, а мать была неграмотной, да и дел по хозяйству у нее всегда хватало. Чуть позже Коля перешел от церковной азбуки к нормальной, в чем ему помогла газета «Правда», которую отец выписывал. И вот в августе 1934 года, когда Николаю исполнилось семь лет, он со слезами на глазах стал просить мать отвести его в школу и записать в первый класс. Как ни отговаривала его мать, объясняя, что в школу принимают только с восьми лет, ничего не помогло. Очевидно, надоев ей своим упрямством, мать повела сына в школу. В приемной комиссии едва взглянули на щуплого паренька, а узнав, что ему всего лишь семь лет, и разговаривать не стали. Однако обиженный Николай выступил вперед и крикнул:

– Я читать и писать уже умею...

Удивление на лицах учителей, потом улыбки, затем раздался смех, который сразу же прервался, когда Ксения Ивановна торопливо подтвердила: «Да, грамоту знает, точно».

Спустя несколько минут Николай с матерью и учителями уже был в кабинете директора школы. Тот долго с изумлением смотрел на невзрачного с виду парня, прежде чем произнести, чуть растягивая, слова:

– Это ты читать умеешь?

– Да, – едва слышно пролепетал, испугавшись вдруг, Коля.

Тогда директор взял со стола газету и спросил:

– Как называется?

– «Правда», – уже смелее и громче произнес Коля.

– Ладно, а передовица? Вот ее название прочитай, – ткнул директор пальцем в газету.

Коля засопел и еще громче по слогам прочитал:

– Важ-ные ре-ше-ния...

– Ну, молодец, – засмеялся директор, – принять...

Так Николай Конарев пошел учиться на год раньше своих сверстников и вскоре доказал, что директор и учителя в нем не ошиблись. В то время существовала такая практика – в

конце каждой четверти лучший ученик класса рапортовал родительскому собранию об успеваемости учеников. Коля успешно окончил первый класс, перешел во второй, когда в конце четверти учительница однажды попросила Николая остаться в классе.

– Вот что, Коля, – мягко проговорила она, – через два дня состоится родительское собрание по итогам успеваемости класса. Я решила, что рапортовать родителям будешь ты как лучший ученик. Сначала я расскажу, кто как учится, а потом доложишь ты.

Николаю на всю жизнь запомнился тот день. Взволнованный, с сильно бьющимся сердцем он вышел к учительскому столу и громко произнес:

– Рапорт второго класса А.

Он говорил заученный текст о количестве в классе отличников, хорошистов, посредственников, о том, что нет неуспевающих, и одновременно посматривал на мать, которая сидела на первой парте с сияющими глазами.

Уже когда они шли из школы, мать ему шепнула, что Коля молодец, что он – гордость родителей.

Однако дальнейшую учебу Конарев продолжил уже в станице Ивановской, куда продвинулась стройка. Здесь он окончил семилетку. Из семнадцати годовых оценок только две были «хор», остальные «отлично». И опять ему пришлось менять школу.

В 1938 году началось строительство Невинномысского канала Кубань-Егорлык в Ставропольском крае, и семья Конаревых вскоре переехала сперва в станицу Барсуковскую, а затем в город Невинномысск – узловую железнодорожную станцию. Жили они на окраине города в поселке строителей Головное, который располагался почти у самой плотины. Отец работал прорабом на стройке, а Николай учился в городской школе имени Кирова. Здесь их и застала война.

Положение на фронтах ухудшалось с каждым днем. Мужское население города редело на глазах, поглощаемое беспощадной военной машиной. Угрюмее и молчаливее становились женщины, многие из которых вдосталь хлебнут вдовьего горя. Враг приближался и к Северному Кавказу.

В школе на занятиях по военной подготовке старшекласники учились бросать бутылки с зажигательной смесью, используя для этого пустые бутылки, обращаться с оружием. Овладевали они и тактикой партизанской борьбы. Земля должна была гореть под ногами оккупантов.

Разгром фашистов под Москвой принес не просто облегчение, надежду на победу, но и непреодолимое желание любыми путями попасть на фронт. Как же Николай завидовал Степе Дворникову, который был на два года старше него и осенью должен был быть призван в армию. А ему, может, и вовсе не придется увидеть фронт – разобьют немцев. Искреннее огорчение Николая почему-то не вызвало у отца даже улыбки. Семен Кузьмич лишь качнул головой и глухо произнес:

– Нет, сын, война будет долгой и страшной, и не дай Бог тебе испытать ее жерновов.

Николай засыпал, еще не подозревая даже, что завтра он проснется уже в другом времени и в другой жизни – оккупации.

III

Телефонный звонок заставил Николая Семеновича вздрогнуть. Взглянул на часы – без четверти одиннадцать. Он снял трубку и сразу услышал взволнованный голос жены:

– Коля, ты на работе? Ну, слава Богу, а то я уже все передумала. Ты что так задержался?

– Все нормально, Тома, дела вот. Скоро выезжаю.

– Значит, все решилось?

– Конечно. Теперь будем с тобой хозяйством заниматься, внуков воспитывать, цветы разводить.

В трубке раздался смешок, закончившийся легким вздохом.

– Что ты меня успокаиваешь? Я ж выходила замуж за декабриста, и у меня достаточно было времени убедиться, что они с возрастом принципам своим не изменяют.

– Декабриста? – переспросил озадаченный Конарев и вдруг громко расхохотался. Он вспомнил все...

Николаю во время студенческих каникул приходилось ездить из Харькова в Невинномысскую поездами. Ему нравилось слушать перестук колес, не обращая внимания на вагон-

ную толчею и ругань пассажиров, и даже поездки на крыше вагона, иногда под дождем, никогда не действовали на него раздражающе. Скорее, вызывали улыбку. Конарев словно удивлялся тому, что в людях могли зародиться злость или недовольство во время пути. Ведь путь – это всегда неожиданности, открытия, что-то вроде сродни самой жизни, которая тебя перемещает во времени и пространстве. Дорога способствует размышлениям, общению, именно в дороге чаще всего принимаются верные решения, если судьба вдруг преподнесла сюрприз в виде неожиданного жизненного поворота.

Чем-то подобным и был сейчас занят Николай Конарев, глядя из вагона поезда на размокшую остывшую землю, почерневшие перелески и думая о том, что это его последние зимние каникулы перед защитой диплома. Весна 1949 года должна стать для него в некоторой степени определяющей. И не только в начале трудовой деятельности в Сибири, на Омской железной дороге, согласно назначению. Нет, его жизненный вопрос несколько усложнялся тем, что существовала девушка, с которой он служил почти год. Решится ли она поехать с ним, бедным студентом, в снежную Сибирь от обеспеченной жизни с родителями? Да, но чтобы получить ответ на этот вопрос, надо его сначала задать. Правда, Николай думал сперва поговорить со своим отцом и матерью, узнать, как они отнесутся к его идее жениться. Вообще-то у Николая была мысль поступить несколько иначе. Лучше уехать одному, устроиться на работу, а потом уж вернуться и сделать официальное предложение Тамаре.

Николай вспомнил, как год назад он впервые увидел ее на танцах в общежитии. Она пришла вместе с Юрой Мелеховым, тоже студентом Харьковского института инженеров железнодорожного транспорта, с которым он вместе ездил на соревнования по лыжам. Девушка понравилась Конареву с первого взгляда, но подойти он не решался – все же с ней дружил Юра. Но Мелехов заметил, как смотрел на его спутницу Николай, и сам предложил познакомить его с ней. Тут и выяснилось, что это была его сестра Тамара, которая представилась Конареву совсем по-домашнему просто – Тома.

Вскоре они стали встречаться, и Николай узнал, что отец у нее железнодорожник, а до войны они жили в Белостоке,

на границе. 22 июня чудом уцелели во время бомбежек и эвакуировались в Горький. После войны ее отец работал в управлении Северо-Донецкой ж.д. в Артемовске. Когда же ввели на железной дороге округа, отца перевели в Донецкий округ, и семья переехала вместе с ним в Харьков. Тамара окончила среднюю школу в Горьком, в 16 лет экстерном сдала приемные экзамены в Московский институт инженеров транспорта, но прouчилась там лишь два курса. В связи с переездом в Харьков пришлось и ей перевестись в Харьковский строительный институт.

Николай рассказал Тамаре все о себе и о своих родителях, хотя говорить было особенно нечего. А потом этот ее вопрос:

– А как ты оказался в Харькове? Почему вдруг захотел стать инженером-железнодорожником?

– Да так, – засмутился вдруг Николай, – эта специальность мне нравится.

– Чем же?

Тогда он только пожал плечами и перевел разговор на другую тему. Но, проводив ее и возвращаясь домой в общежитие, Конарев неожиданно подумал: как же иногда трудно объяснить вроде бы простые вещи! А ведь это очень важно – знать, почему ты поступил именно так, а не иначе. Хотя бы для себя. Сам Конарев, конечно, знал, что истоки его решения пойти учиться в Харьковский институт железнодорожного транспорта скрываются в Невинномысске, куда сейчас он и ехал и где пережил пять месяцев гитлеровской оккупации. Срок вроде бы небольшой, однако и его Конареву вполне хватило, как и другим, чтобы испытать и голод, и холод, и боль от неприкрытого предательства, и даже ледяное прикосновение смерти, и счастливо-мстительное чувство после убитого своей рукой гестаповца – поджигателя домой.

В первые дни оккупации многих, а Николая больше всех, поразило то, что бургомистром Невинномысска немцы назначили учителя Григория Фомича, преподававшего физику в школе им. Кирова до прихода фашистов. А в их поселке строителей Головное объявился староста Меньшиков, отец пятерых детей, учившихся в этой же школе, которых Конарев хорошо знал. Это было и страшно, и мерзко. Николай

помнил, как с началом войны из двух сел Великокняжеское и Рождественское выселяли русских немцев-колонистов вместе с семьями. В их числе было немало детей школьного возраста, учившихся в одном классе с Конаревым. Это были честные люди, Николай вместе с друзьями плакал, расставаясь с ними. Такого он не мог ни понять, ни оправдать, ни простить. Но их посчитали ненадежными при подходе гитлеровцев, а предателями становились другие. И здесь крылась страшная несправедливость.

Однако долго задумываться над этим ни Конареву, ни его старшим товарищам Степану Дворникову или Володе Майорову обстоятельства не позволили. Есть было совершенно нечего, и местные жители целыми днями бродили по полям, подкапывая картошку, ломая кукурузные початки или откручивая головы подсолнухам. Немцы их не трогали. Они вообще здесь вели не очень понятную либеральную политику по отношению к многонациональному местному населению. Во всяком случае, на ребят фашисты почти не обращали внимания. Вскоре до них дошло, что халатность немцев можно использовать им во вред. Мысль эту ребятам подал Степа Дворников. Как-то они в очередной раз отправились за картошкой и в небольшом овражке на поле обнаружили несколько брошенных винтовок. Ребята их припрятали, а Володя Майоров признался, что у него уже есть пистолет.

Вокруг Невинномысска бои не прекращались, фронтовая канонада становилась то отчетливей, то стихала. А вскоре ее страшный голос вообще перестал прорываться. В середине зимы 1943 года началось отступление немецких частей под натиском Советской Армии. В это беспокойное время ребята нашли два ящика гранат и разобрали их по домам. А однажды увидели, как немецкие солдаты прокладывали под землей провод, подвешивая его на кольшках-рогатках, – он тянулся через поселок к плотине. Было ясно, что ее готовили к взрыву. Сначала ребят удивило, что провод протянут на виду – его ведь повредить ничего не стоит. Однако потом сообразили – это было сделано специально. Если его перережут, немцы сразу обвинят в этом тех, кто жил в домах поблизости. Поэтому Степа Дворников строго-настрого предупредил, чтобы ребята

резали провод вдали от поселка, ближе к плотине. Несколько раз им это сделать удавалось, но немцы быстро ликвидировали повреждение. Зато активизировались патрули на трассе, стали проверять провода чаще и тщательней.

Откуда-то об их делах узнал Семен Кузьмич Конарев. Когда однажды Николай поздно вернулся домой, отец отозвал его в сторону и шепотом проговорил:

– Плотину во что бы то ни стало надо сохранить. Она строилась с учетом того, что если разрушат железнодорожный мост через Кубань, его заменит плотина.

Когда утром следующего дня Николай передал эти слова Дворникову, Степа решил послать его вместе с Пересыпкинским на разведку – посмотреть, ликвидировали или нет немцы очередную диверсию ребят. И вообще вникнуть в ситуацию.

– Дело, братцы, к концу идет, – подмигнув им, весело произнес Степа, – и мы должны быть готовы проводить гадов с фейерверком.

Фронт вплотную приблизился к Невинномысску, снаряды рвались уже не только по берегу Кубани, но и в поселке. В любой момент шальной осколок мог если не убить, то покалечить. Мать ругалась на Николая, когда он уходил из дома. Ребята и сами понимали, что шутки кончились и лучше на рожон не лезть.

Конарев и Пересыпкин шли к плотине осторожно, стараясь не попадаться на глаза немцам. А тут еще усилился артобстрел, и осколки вокруг свистели так, что заставляли все время пригибаться и жаться к стенам бараков или нырять в развалины. Заметив в канаве кем-то брошенные каски, ребята надели их на головы для защиты от осколков – все спокойнее. Они уже подходили к плотине, когда заметили, как в этот момент для набора воды сюда подъехали отступающие румынские солдаты под командой офицера. Естественно, их сразу же заметили. Ребят тут же схватили, офицер начал кричать, что русские бандиты убили немецких солдат и завладели их касками. Неизвестно откуда рядом с офицером вдруг оказалась женщина, она упала перед ним на колени и заголосила:

– Пан, пан, то ж мой сын, за водой мы пришли, отпустите его...

– Откуда у них каски?

Офицер на их счастье хорошо говорил по-русски. Конарев, бледный, как мел, стал объяснять ему, что они подобрали каски по дороге для защиты от осколков. Но женщина не дала ему договорить и запричитала снова:

– Я – Мария Осадчая, вон мой дом, пан офицер, отпустите их...

Вероятно, румынский офицер все же ей поверил или не захотел связываться с ребетней. Пнув ребят напоследок сапогом, он зло прокричал:

– Домой, домой...

Ребятам все же удалось спасти плотину от взрыва. В последний момент немцам некогда уже было исправлять повреждение под натиском наших войск. Нашли свое применение и винтовки. Ребята их вытащили, когда увидели эсэсовца в черном и длинном клеенчатом плаще, поджигавшего бараки. Не сговариваясь и не думая о последствиях, ребята открыли по нему огонь. А спустя полчаса под командой Дворникова два десятка подростков, вооруженных гранатами, устроили засаду на шоссе Невинномысск-Ставрополь, однако вместо отступавших фашистов встретили уже своих.

После освобождения Невинномысска Конарев оканчивает школу, вступает в комсомол и начинает осаждать военкомат с надеждой добровольцем уйти на фронт. Но не проходит по зрению. Не желая с этим мириться, он едет сначала в Черкесск, затем в Ставрополь, доказывая военврачам, что зрения такого достаточно бить врага. Тщетно.

– Ну и что ты дальше думаешь делать? – спросил его отец, когда Николай вернулся домой.

– Поступать в Харьковский институт железнодорожного транспорта, туда набор объявили. Мое место на железнодорожном транспорте.

В тот момент и сам Конарев, очевидно, не совсем сознавал, что одной из причин такого его решения стало чувство особой ответственности за судьбу Родины и необходимость быть максимально полезным для страны, и что он обязан быть там, где требуется мужество и высокое чувство ответственности. Такой он считал профессию железнодорожника, ее и выбрал.

«Да, не все легко можно объяснить», – думал Конарев, глядя на унылый пейзаж, проплывавший за окном вагона. А человек, с которым ты собираешься связать свою судьбу, должен понимать не только твои поступки, но и ход мыслей, предшествующий им. И если в мыслях с тобой он не согласен, осудит и поступки. Потом всю жизнь будет жалеть. Во всем ли сможет понимать его Тамара?

Однажды Николай поделился с ней не своей тайной. У него был друг Коля Джоган, который поведал ему страшную правду о своем брате. Тот под Севастополем попал в плен, сидел в концлагере, пока наши не освободили пленных. Однако всем им было предъявлено обвинение в добровольной сдаче в плен фашистам. И их отправили под конвоем восстанавливать угольные шахты. Теперь брат находится уже в советском лагере, где условия мало чем отличаются от немецкого. Конарева такая несправедливость возмутила до глубины души. И своими крамольными мыслями он частично поделился с Тамарой, припомнив еще и выселенных крестьян, не желавших идти в колхоз, о насильственной депортации немецких колонистов, крымских татар, многих народов Северного Кавказа, о репрессиях...

Однако Тамара не со всеми его доводами была согласна. В оккупации немало оказалось и предателей, возражала она, выдававших гестаповцам патриотов и способствовавших тем самым укреплению фашистского режима. Разве власти не обязаны знать, кто и как оказался в плену или на оккупированной территории? А если ты имел возможность драться с врагом, то почему не ушел в лес к партизанам?

Конечно, доля правды существовала и в ее словах. Но разве можно было оправдать те массовые репрессии, которые проводились НКВД до и после войны? В оккупации невольно оказались 80 миллионов человек, в основном по вине руководства страны и стремительно отступавшей Красной Армии. Почему они должны были считаться виновными и писать в анкете, что «оставались» на оккупированной территории? Сам вопрос уже указывал на то, что человек добровольно остался под немцем, а значит, он автоматически становился предателем советской власти и Родины. Как и кому он мог доказать невиновность?

Да, соглашалась Тамара, с массовыми репрессиями смириться трудно, но и вовсе снять вопрос предательства в войну тоже было бы неправильно...

За окном начинало смеркаться, в вагоне зажгли свет, а Николай все думал, не зная, на что решиться. Но, может, он зря ломает голову? Ведь хуже всего быть в неведении. Чего ждать? Написать ей письмо прямо сейчас и на какой-нибудь станции опустить в почтовый ящик. Николай достал карандаш, вырвал из тетради лист бумаги и, забравшись на третью полку, где было посветлее и поспокойнее, коротко изложил Тамаре суть дела: «Вот еду в поезде домой, к родителям, а думаю о тебе. И не дает мне покоя один вопрос: могла бы ты стать женой декабриста? Как получишь это письмо, напиши сразу же в Невинномысск...»

В этом коротком послании Конаревым было невольно заложен двойной смысл. Во-первых, он давал понять Тамаре, что его взгляды на жизнь могут прийти в противоречие с обществом, и тогда ее ждут тоже преследования. Во-вторых, Николай ей напомнил, что, выйдя за него замуж, им придется сразу же уехать в холодную Сибирь, куда и были сосланы декабристы. Так что не понять этого прямого вопроса Тома просто не могла...

После того, как Конарев отправил письмо, он отсчитывал дни в ожидании ответа. О намерении в скором времени жениться Николай рассказал и родителям, но те ответили, что ему виднее, пусть сам и определяется. Хотя отец с горечью заметил, что он вряд ли дождетя такого счастливого момента – здоровье его совсем было плохо, и он это чувствовал.

А потом пришло письмо и от Тамары, но ответа на свой вопрос Николай в нем не нашел. Для него это была горькая минута.

Вернувшись в Харьков, Николай пришел к Мелеховым, не подавая вида о своих переживаниях. Наступили дни подготовки диплома и время определять свою личную судьбу. В это время, к несчастью, умирает его отец. Тамара и ее родители всячески помогали ему в этот тяжелый период жизни. Вскоре он попросил у родителей руки их дочери. После некоторого раздумья они дали согласие на их брак с пожеланиями не уезжать из Харькова.

В июне 1949 года Конарев защищает диплом инженера по эксплуатации железных дорог и получает назначение на станцию Куломзино Омской ж.д. По такому случаю в общежитии закатили грандиозную вечеринку. Расходились спать уже под утро. Однако комендант их поднял гораздо раньше, чем они этого хотели – всех вызывал ректор института. Не понимая, в чем дело, вчерашние студенты столпились у него в кабинете, с трудом вникая в смысл того, что им ректор говорил.

– Вот что, ребята. Ситуация несколько изменилась. Начальник Южной ж.д. Петр Андреевич Дмитрюк попросил МПС оставить у него на дороге 25 специалистов различного профиля: эксплуатационников, локомотивщиков, вагонников, связистов, строителей – окончивших в этом году наш институт мы рекомендовали ему вас...

и Николай Конарев получает новое назначение на крупную узловую станцию Основа, на которую опирался весь Харьковский железнодорожный узел, на должность дежурного по парку. Больше всех радовалась этому Тамара, ей очень не хотелось ехать в Сибирь. Конечно, были счастливы и ее родители. В том же месяце 1949 года Николай и Тамара поженились. И вот 2 мая 1991 года Николай Семенович Конарев, уже будучи министром на пороге отставки, вдруг совершенно неожиданно получает ответ на вопрос: а правильно ли он поступил 47 лет назад, выбирая профессию железнодорожника? Ответ был однозначным – правильно!

IV

Николай Семенович поднялся из-за стола и подошел к карте железных дорог, служившей для него всегда наглядным пособием надежной и все крепнущей мощи советского государства. Взгляд скользнул по знакомым названиям отделений, станций, узлов и перегонов. Особым вниманием были удостоены новые линии, такие как БАМ, Тюмень-Сургут-Уренгой, Суоярви-Костомукша, Саяк-Актогай, Локоть-Малиновое озеро обход Батайского узла, Средне-Сибирской магистрали и ряда других, построенных при его непосредственном участии. Это и была жизнь – его и Родины. Жизнь, которую Конарев проживал, как

и работал, ненормированно и без оглядки на неуют и трудности, когда работа становилась для него сладкой каторгой, и ты уже сам подставляешь шею этому хомуту, везешь тяжеленный груз ответственности и трудовой неукротимости не за зарплату, а ради пользы дела для всего общества. Впрочем, как и почти все те, кто работал с ним бок о бок.

Николай Семенович невольно усмехнулся своим высокопарным мыслям. Но разве они не отражали реальность происходивших событий? Стесняться подобного перед самим собой могут лишь говоруны-пустословы, которые и сами ничего не делают, и другим мешают, забалтывая и обессиливая самые хорошие начинания. Его память и таких держала, да вот вспоминались сейчас люди высочайшего долга и честности ко всему, с чем бы ни соприкасались. В этом отношении ему повезло с самого начала.

Конарев снова впился глазами в карту, выискивая Харьков, потому что рядом находилась узловая станция Основа, где и начался его трудовой путь. Туда Николай Семенович был назначен на должность дежурного по парку. По существовавшему в то время положению, выпускник вуза, инженер, обязан был отработать на рядовых должностях три года. Однако начальник станции Основа Алексей Иосифович Шутов, тоже молодой инженер, ознакомившись с направлением Конарева, негромко, но твердо заявил:

– Ни дежурным по парку, ни дежурным по станции вы работать не будете. Я вас назначаю инженером по технике безопасности. У нас на станции трудятся две тысячи человек, а инженеров всего два – я и начальник технического отдела Яков Моисеевич Кривошея. И наша главная задача – обеспечивать безопасность, с которой дела обстоят совсем плохо...

Для Конарева такой поворот был довольно неожиданным и... непонятным. Начальник станции не имел права назначить его на такую должность, нужен был приказ начальника отделения ж.д. Но, как потом выяснилось, А.И. Шутов в тот же день отправил в отдел кадров отделения письменное обоснование такому своему решению. В нем он указывал, что в связи с катастрофической нехваткой на станции инженерно-технического персонала необходимо в виде исключения назначить направ-

ленного на работу на станцию Основа инженера Конарева на должность инженера по технике безопасности и эксплуатации технических устройств. И такой приказ заместитель начальника отделения Евгений Иванович Левандовский сразу же подписал. И здесь тоже присутствовала причинно-следственная связь, тянувшаяся из института.

В послевоенные годы специалистов-практиков часто привлекали для преподавания в вузах. В Харьковском институте инженеров железнодорожного транспорта Е.И. Левандовский читал лекции по основному предмету – правилам технической эксплуатации железных дорог. Студентам в материальном отношении жилось трудновато, стипендии, естественно, не хватало, и по вечерам они частенько разгружали вагоны. Однако на старших курсах им предоставили иную возможность подрабатывать на вполне законных основаниях. По инициативе заведующего кафедрой Льва Николаевича Петришина наиболее грамотных и мыслящих студентов стали привлекать к разработкам технологических процессов подъездных путей предприятий, которые интенсивно восстанавливались после военной разрухи. Харьковские железнодорожные предприятия тоже нуждались в новых технологиях. Они давали заявки в институт, и здесь уже создавалась творческая группа разработчиков во главе с опытным педагогом. Группой студентов, куда входил Конарев, как раз руководил Е.И. Левандовский. В основном студенты выполняли работу по проведению хронометража, скажем, в цехах, где грузились и разгружались вагоны, внутризаводского транспорта, взаимодействия станций и подъездных путей. Или выполняли некоторые работы по проектированию, связанному с изменением схем примыкания подъездных путей, внутризаводских развязок. Именно с этой стороны – с уровнем инженерной подготовки Конарева, его и знал заместитель начальника отделения Е.И. Левандовский.

Честно говоря, для Николая Конарева это назначение оказалось далеко не подарком. Правда, об этом он никогда не задумывался. С безопасностью движения на станции дело обстояло хуже некуда, хотя и не всегда в этом были виноваты сами железнодорожники. При отступлении немцы разрушали безжалостно буквально все. Каждый рельс длиной 12,5 мет-

ров подрывали минимум два раза – на стыке и посередине. В результате в наличии имелись лишь 5–7-метровые врубки, из которых и приходилось восстанавливать после войны железнодорожные пути. Естественно, что из двухпутных они превращались в однопутные, поэтому движение было очень интенсивным, и железная дорога с большим трудом справлялась со все возрастающими вагонопотоками. Немудрено, что при таком состоянии основных технических средств и все возрастающем темпе работы только в августе 1949 года на станции Основа было зафиксировано сорок восемь так называемых браков. К ним относили сходы подвижного состава, столкновения, прием поездов на занятый путь, бой подвижного состава на горках при сортировке. Если столкновения на маневрах не считались серьезным браком, то прием состава на занятый путь зачастую квалифицировался уже как преступление. В то время у дежурного по станции не было приборов, контролирующих занятость железнодорожных путей. Он руководствовался лишь теми данными, которые получал от стрелочников входного и выходного постов. Их обязанностью и было выяснять занятость пути личным проходом до встречи друг с другом. Свободен путь или нет – эту информацию они и фиксировали в журнале, а потом докладывали дежурному по станции, который и у себя отмечал состояние данного пути. Однако случалось, когда дежурный отправлял прибывающий поезд на свободный якобы путь, который на самом деле оказывался занятым. При этом столкновения бывали редки, машинист, как правило, успевал затормозить, так как состав подходил к станции на небольшой скорости. Виноватыми здесь в большинстве случаев оказывались либо маневровый диспетчер, либо составитель поездов, решившие на несколько минут захватить для маневра на свободный путь, не предупреждая об этом дежурного по станции. А тут на входной стрелке уже оказывался прибывающий поезд.

Нередко происходил и бой подвижного состава на горках или при сортировке – вагоны были слабенькими, еще на винтовой стяжке, и при столкновении легко повреждались. Вот таких ЧП за месяц и произошло на станции Основа почти полсотни. Ее надо было немедленно выводить из аварийного

состояния в гарантию безопасности. Это и стало теперь делом инженера Николая Конарева.

В его каждодневные обязанности входило проверять исправность стрелочного хозяйства, выполнение требований регламента, проводить инструктаж стрелочников не только перед началом смены, но и на рабочем месте, постоянно отмечая, какая стрелка требовала немедленного ремонта – замены крестовин, смены шпал, укрепления болтов, перешивки костылей или уширения пути. Были случаи, когда из-за уширения пути проваливались вагоны или даже локомотивы. А происходило это по причине ветхости, гнилости их, когда локомотив или вагоны при движении как бы расширяли рельсы. На тех участках, где существовала опасность уширения пути, зажигался желтый свет семафора – знак снижения скорости для машинистов.

Все случившиеся за смену браки разбирались на оперативке. При заступлении следующей смены рабочим сообщалось о случившемся, кто был виноват и какие приняты меры.

Естественно, что на станции Конареву приходилось частенько задерживаться до самой ночи. А тут еще по инициативе начальника станции А.И. Шутова его выбирают неосвобожденным секретарем комсомольской организации. Теперь времени ему вообще не хватало, поэтому на сон он отводил сам себе всего несколько часов.

Вскоре Конарев начал понимать, в чем была основная причина такого большого количества браков на станции. Многое, правда, упиралось в неподготовленность кадров, но, несомненно, и рабочие недостаточно понимали меру своей ответственности, если допускалась такая халатность в их работе; не было и четкой ее организации. Но если эти недостатки по силам было устранить инженеру по технике безопасности, то существовало еще слабое техническое состояние железнодорожного пути. Когда по этой причине происходил брак, рабочие-эксплуатационники, как правило, к ответственности не привлекались – спрашивали уже с путейцев, которые обязаны были содержать путевое хозяйство в соответствии с правилами технической эксплуатации. Ведь, если четко соблюдать их, не отходить от инструкций, иначе говоря, дать почувствовать

каждому рабочему именно меру своей ответственности, то и положение с браками на станции изменится. В этой своей работе Конарев уяснил себе главный принцип – если что и произошло, то причины случившегося надо выяснять обоснованно и квалифицированно, независимо ни от чего.

Очевидно, Николай Семенович правильно понял суть своей беспокойной должности, потому как в скором времени число браков резко сократилось – в декабре 1949 года их было всего пять. Правда, течение самого времени Конарев не замечал, он получал удовольствие от самой работы, а значит, результат от нее рано или поздно обязан был проявиться. Это и произошло в марте 1950 года, когда по итогам работы комсомольской организации на станции Основа Николай Конарев был приглашен для отчета и передачи опыта в ЦК ВЛКСМ. То был его первый проезд в Москву. И очередное проявление своего характера.

Заседание Секретариата ЦК комсомола вел его первый секретарь Николай Михайлович Михайлов. Слушая внушительные цифры достижений по результатам труда железнодорожников за полугодие, он не выдержал и, прервав докладчика, спросил:

– А за счет чего вы все же сумели улучшить свою работу?

– За счет строгого выполнения правил технической эксплуатации и инструкций, которые в их развитии приняты как приложение к правилам технической эксплуатации, – привычной скороговоркой произнес Конарев.

– Выходит, вы все там по параграфам живете? – засмеялся Михайлов, оглядывая улыбающихся членов президиума.

– Нет, не по параграфам, – почему-то покраснел Николай, не понимая, отчего всем вдруг стало смешно, – а по строгому выполнению правил технической эксплуатации, без которых жизнедеятельность железнодорожного транспорта вообще невозможна. Непонимание этого и приводит частенько к бракам.

– Ишь ты, какой шустрый, – перестал улыбаться Михайлов и уже не прерывал Конарева до конца его отчета.

Николай не сомневался, что ответил первому секретарю ЦК ВЛКСМ достойно, как и полагается комсомольцу и человеку очень ответственной профессии, инженеру. Но, как он вскоре понял, совсем иначе думал начальник политотдела отделения

ж.д. Чуприленко и инструктор политотдела по комсомолу Олег Мельников. Вызвав Конарева к себе, он долго внушал ему, что разговаривать так с первым секретарем ЦК ВЛКСМ не следовало бы, что для него железнодорожные правила и инструкции в данном случае были неуместны, ему хотелось услышать от тебя другой ответ, а именно, что это результат политвоспитательной работы, но ты, мол, этого не понял и не смог ответить, как того требовал политический момент...

Но, очевидно, политические моменты не могли перевесить в оценке профессиональных качеств молодого инженера. Конарева через какое-то время назначают заместителем начальника станции Лозовая, которая находилась уже в 156 километрах от Харькова. Работа здесь оказалась не менее трудной, хотя уже и по другой причине. Станция располагалась на стыке с Донецкой и нынешней Приднепровской ж.д. в сторону станции Славянская на Кавказ и в сторону станции Синельниково, на Крым. А на стыке всегда возникали споры и недоразумения между дорогами, только виноватым во всем всегда было руководство станции Лозовая. Тем более, что здесь происходила смена локомотивов, а это связано с длительной остановкой поездов и другими технологическими причинами.

Направление на Крым и Кавказ придавало Лозовой как бы особый статус – через нее постоянно следовали руководители партии и государства. Поэтому к 1951 году вокзал на станции был полностью восстановлен. Половину красивого здания занимал зал ожидания, в другой половине располагался ресторан. Сделано это было по прямому указанию Микояна, который, проезжая на отдых в Крым или на Кавказ, любил в Лозовой отобедать в станционном ресторане. Его директор, товарищ Кох, вроде как был ему хорошим знакомым.

И вот как-то осенью 1951 года на станцию приходит секретная директива о времени следования через Лозовую литерного поезда номер один. В то время начальник станции уже несколько месяцев болел, ему была сделана операция язвы желудка, и его обязанности исполнял Николай Конарев. По существующему тогда положению, при прохождении литерных поездов на дежурство по станции должен был заступать начальник, который и становился сразу одним ответственным

за все. Поэтому при получении данной директивы Конарев и заступил на дежурство. О том, что в поезде едет не кто иной, как товарищ Сталин, догадывались все, но об этом не говорили вслух – также были строгие пункты в директиве, за соблюдением секретности которой давали подписку.

Литерный номер один прибыл в Лозовую в четыре часа утра. Примерно часа за два до этого на станции было прекращено все движение – паровозы загнали в депо, пассажиров не выпускали из зала ожидания, чтобы перрон оставался безлюдным. Конарев сидел за пультом на месте дежурного по станции, рядом – сотрудник органов безопасности Слава Рутковский. Когда поезд двигался уже вдоль платформы, они вышли его встречать. Стоянка 40 минут для экипировки паровозов, технической проверки состава, осмотра вагонов.

Ночи стояли прохладные, к утру даже подморозило. Конарев замечает, как из пятого вагона выходит на перрон группа людей, хотя узнать кого-то трудно – освещение недостаточное, да и далековато было. Но интуитивно он почувствовал – Сталин с охраной. Сам в длинной шинели и военной фуражке и сапогах – как в кино. Они медленно шли по платформе, и Конарев видит, как Сталин заглянул в одно окно вокзального здания, в другое – но окна зашторены и никого в зале он не увидел. Оглядывается и, видимо, замечает железнодорожников в форме, стоящих на платформе, там, где на здании висит вывеска «Дежурный по станции». Останавливается от них метрах в пяти и негромко говорит:

– Здравствуйте, товарищи, – голос глуховатый, уставший, но Конареву показалось, что по всему перрону слова его разнеслись громко, ведь тишина стояла небывалая для железнодорожной станции – ни свистков сцепщиков и составителей, ни рожков стрелочников не слышно, ни металлического стука буферов вагонов, ни паровозных гудков – все замерло. Вроде как сама обстановка была угнетающей, сковывающей, потому и Конарев вряд ли осознавал, как ответил:

– Здравствуйте, товарищ Сталин.

Заметил, как брови его слегка приподнялись:

– Откуда вы знаете, что я товарищ Сталин?

– Догадываемся.

– Ну, хорошо, – немного помолчав, проговорил Сталин, – желаю успехов, – повернулся и также неторопливо зашагал к вагону.

Только теперь Конарев отчетливо осознал, что он сделал. Ведь по секретной директиве упоминание имени пассажира, едущего поездом, недопустимо. Николай Семенович почувствовал, как спина его начинает неметь – он прекрасно знал, что за этим может последовать.

Поезд ушел, закончилось и дежурство Конарева. Но едва он переступил порог своего кабинета, зазвонил телефон – на проводе был начальник транспортного отдела КГБ подполковник Иван Степанович Максимчук:

– Товарищ Конарев, как прошло дежурство?

– Без замечаний, – а голос хрипит, будто простуженный.

– Зато у нас есть замечания. Зайдите ко мне.

Конарев понял, что ему уже известно о его разговоре с товарищем Сталиным. Но кто мог ему об этом сообщить? Только один человек – Рутковский. Его Николай Степанович и встретил, когда подходил к отделу КГБ. Вместе и зашли в кабинет.

– Вы знали из директивы, – начал без предисловий подполковник, – что упоминание «пассажира» не предусмотрено регламентом. Почему же тогда вы его назвали по имени? А если вас кто-то подслушал, и по вашей вине в дороге с ним что-нибудь случится?

Максимчук все это говорил, обращаясь только к Конареву, поэтому и отвечать надо было ему.

– Иван Степанович, да если я вижу перед собой Иосифа Виссарионовича, как же я могу назвать его по-другому?

– Ну, сказали бы просто – здравствуйте, – подполковник сердито махнул рукой и решительно произнес, глядя уже на обоих посетителей. – Сейчас зайдите в соседнюю комнату, напишите объяснительные записки, как все произошло, о чем говорили и так далее. А потом можете идти отдыхать, надо будет, мы вас вызовем.

Какой там отдых! Изложив на бумаге все, как было, Николай Семенович пришел домой, но не мог даже глаз сомкнуть после бессонной ночи. К вечеру не выдержал, пошел на станцию, чтобы как-то унять тревогу. А где-то часов в семь вечера

позвонил Максимчук, приглашая опять к себе. Рутковский уже находился у него в кабинете.

– Я вас поздравляю, товарищ Конарев, – с улыбкой произнес начальник КГБ, – только что позвонили со станции Иловайская и передали – замечаний по Лозовой нет, «пассажир» доволен.

В эти минуты Конареву показалось, что он родился второй раз. Сейчас, вспоминая все это, Николай Семенович методично мерил шагами министерский кабинет и размышлял о превратностях судьбы. Ведь за все время своей деятельности на разных должностях в системе МПС вплоть до теперешнего поста министра таких моментов в его производственной жизни не было, хотя тяжелых обстоятельств, заставляющих волноваться, возникало предостаточно. А тогда его могли снять с занимаемой должности, почему же этого не случилось? Наоборот, всевозможные просчеты и столкновения с руководством, как их понимал сам Конарев, становились своеобразными предложениями для продвижения его по службе. Почему-то Николай Семенович был уверен, что и эпизод со Сталиным сыграл в его будущем положительную роль. Именно благодаря той перронной встрече с ним Конарев негласно был отмечен руководством как человек, правильно ориентирующийся в неординарных ситуациях, пусть даже и с нарушением регламента. Иначе как расценить его последующие повышения по службе, о которых Николай Семенович, мягко говоря, никогда не просил. Правда, рос и его профессионализм, так и другие были не хуже.

В скором времени Конарева назначают заместителем начальника отдела эксплуатации отделения дороги. И это в его 25 лет! проработав в этой должности полтора года, он в декабре 1953 года назначается помощником начальника дороги, которым в то время был очень заслуженный человек – Петр Андреевич Дмитриев. Оценив работу Конарева, руководство дороги поручает ему возглавить отдел условий перевозок коммерческой службы Южной дороги. Проработав в этой должности около года, Конарев был переведен начальником оперативного отдела Основьянского (Харьковского) отделения Южной ж.д., где и раскрылся его талант как организатора по внедрению передовых методов работы в системе руководства движением поездов с применением усовершенствован-

ных технологий перевозочного процесса, за что в 1959 году Конареву присваивают почетное звание с вручением знака «Почетный железнодорожник». В том же году его назначают первым заместителем начальника Основьянского отделения Южной дороги, а в 1960 году – начальником службы движения той же дороги. Отличившись в работе на этом посту, внедрив при этом комплексную технологию перевозочного процесса на дорожных направлениях, Конарев в 1962 году в возрасте 35 лет назначается первым заместителем начальника дороги, начальником которой в то время был Григорий Иванович Головченко. Николай Семенович его очень уважал и ценил как доброго наставника. В первой же беседе Головченко открыто и доверительно сказал своему новому заму:

– Знайте, я вам очень доверяю и надеюсь, что вы будете стараться не подводить и меня. При этом прошу иметь следующее: мне уже пятьдесят восемь лет. Годы войны, тяжелейший послевоенный период, работа на Львовской ж.д. в условиях расцвета бандеровщины, многие жизненные потрясения, величайшая ответственность начальника дороги перед партией и Правительством надломили мое здоровье. Южная дорога для меня новое предприятие, она обслуживает около тысячи крупных и мелких предприятий, имеет много особенностей, отличающих ее от Львовской ж.д., на которой я проработал восемь лет. Сейчас все быстро познать и изучить мне не удастся. К тому же у меня недавно родился сын. Когда мне будет семьдесят – ему исполнится всего лишь тринадцать лет. И мне предстоит вывести его в люди. Поэтому прошу вас, Николай Семенович, возьмите на себя всю оперативную и хозяйственную работу, принимайте самостоятельно необходимые решения, которые я буду поддерживать всякий раз при одном условии – чтобы они были продуманными, честными и исходящими, когда нужно, от начальника дороги.

Десять лет они работали в теснейшем контакте и не было случая, чтобы Конарев подвел своего шефа. Все это говорило о его порядочности и надежных способностях как специалиста и организатора производства. Ведь фактически на его плечи легла вся ответственность за работу дороги. Именно на этой должности он хорошо понял, что возрастающие объемы пе-

ревозок требовали иной организации работы, опирающейся на комплексную технологию с учетом передового опыта и достижений научно-технического прогресса на железнодорожном транспорте. Изучение данной проблемы показало, что многое зависело от каждого исполнителя и особо от поездного диспетчера. Работа диспетчера всегда оценивалась выполнением графика движения, то есть соблюдением установленной участковой скорости плана погрузки или разгрузки на участке. И хотя такие показатели действительно были нужны, все-таки они полностью не отражали работу диспетчерского участка. Но подобное положение можно исправить, если внести еще один главный показатель – производительность подвижного состава. То есть, когда поднимается объем перевозок без увеличения парка вагонов и локомотивов. Такое вполне возможно, надо лишь на перегонах держать установленные скорости, не допускать непроизводительных простоев и неприем поездов по неоправданным мотивам. Ведь объем работы на транспорте учитывался в тонно-километрах. Однако как раз этот показатель во многом зависел от работы диспетчера. Если он принимает на свой участок состав весом не 2000 тонн, а 2500, то уже получает добавку в четверть объема от поезда. Но если пропустить двадцать таких поездов? Количество вагонов и локомотивов остается прежним, а тонно-километры растут. Правда, для этого нужно не только желание, но и умение диспетчера правильно организовать машинисту пропуск тяжеловесного состава по участку. Если впереди его ждет трудный подъем, то машинисту необходимо выехать на него с хорошей скоростью с тем, чтобы сила инерции помогла преодолеть составу критическую точку подъема. Поэтому диспетчер должен так регулировать на своем участке пропуск поездов, чтобы как раз и достичь такого эффекта. При этом он предупреждает машиниста, чтобы станцию «А» тот проследовал со скоростью не менее 50 километров в час и прошел перегон без опоздания, то есть, не наплюсовал на перегоне, не увеличил перегонное время. Хотя такое право тяжеловесным поездам дано.

Диспетчер подобными приемами увеличивал тонно-километры, улучшал свою производительность труда и производительность подвижного состава, а это прямой рычаг к повыше-

нию производительности труда коллектива железнодорожников целого отделения. Это новшество было введено Конаревым впервые в практике железной дороги, когда он работал первым заместителем начальника Основьянского отделения Южной ж.д. И результаты не замедлили сказаться. Производительность подвижного состава возросла на 11 процентов, оборот вагона ускорился на 10 процентов, а производительность труда – на 5 процентов.

Нет, характер Конарева не изменился, как и отношение к работе. Режим, как говорится, оставался военным, и на сон отводилось всего несколько часов. И никогда Николай Семенович не думал о компромиссах с начальством, если речь шла о деле. На железной дороге главное – безопасность движения и выполнение плана перевозок. Какая дипломатия могла быть в данном вопросе?

В 1969 году Николай Семенович исполняет обязанности начальника дороги. Эта должность обязывала его присутствовать при встрече или на съезде высокопоставленных товарищей из Политбюро, ЦК КПСС или Правительства. Всегда могли возникнуть вопросы, создаться какие-то непредвиденные ситуации, необходимость конкретных указаний начальнику дороги. Обычно такая процедура проводов для Конарева проходила довольно напряженно. Полная неизвестность предстоящих обстоятельств, многоликость встречающих и прибывающих, очень большая ответственность за благополучность следования поезда и тех лиц, которые в нем едут. И несмотря на то, что дорога хорошо работает, не исключены неожиданные вопросы к ее руководству. Другое дело, что все чаще у И.О. начальника дороги появлялось желание кое о чем спросить у руководства страны. Но это, как говорится, если представится такая возможность.

Однако на этот раз, следуя в Крым, Брежнев неожиданно обратил внимание на человека в форме железнодорожника. Подошел, поздоровался, спросил, как идут дела на транспорте, как работается.

Николай Семенович никогда не юлил перед начальством и тут ответил прямо:

– Работать, Леонид Ильич, очень тяжело. С одной стороны, возросли и продолжают расти объемы перевозок, а с другой –

серьезно отстаем в увеличении пропускных и провозных способностей магистралей.

– Что такое? – брови Генсека приподнялись. – Что конкретно вы можете сказать?

– А вот смотрите, – показывает Конарев на медленно прибывающий на станцию пассажирский поезд «Брянск-Москва». – Состав ведет паровоз, хотя в соответствии с пятилетним планом на этом направлении должны обращаться тепловозы. Такое же отставание идет и в электрификации участков дороги. К тому же постоянно не хватает вагонов, рельсов, шпал, в связи с чем мы не можем поднять скорость, вес поезда, улучшить условия труда работникам отрасли.

Брежнев слушал, все больше хмурясь, потом медленно произнес:

– Удивительно, но нас железнодорожный транспорт не беспокоит.

– Леонид Ильич, если железнодорожный транспорт беспокоит, то это обернется последствиями общегосударственного масштаба.

Невольно призадумавшись, Леонид Ильич произнес:

– Доложите о нашем разговоре министру, пусть Борис Павлович после моего возвращения доложит нам о положении дел на транспорте. До свидания.

Это было в 4.15 утра, а ровно в 9.00 Николай Семенович вызвал по секретной связи министра Бещева.

– Добрый день, Борис Павлович. Докладываю – «пассажир» проехал благополучно, существенных замечаний не было, – и Конырев кратко передал содержание своего разговора с Брежневым. Едва закончил, как услышал сердитый окрик министра:

– Кто вас просил ему об этом докладывать? Я вас спрашиваю...

Николай Семенович понял, что либо министр не в настроении, либо он действительно поставил его в неловкое положение по каким-то неизвестным ему причинам. В любом случае необходимо было внести ясность. И когда голос министра в трубке поутих, Конарев, как можно спокойнее, заметил:

– Борис Павлович, когда вы на днях проводили селекторное совещание, вы ориентировали нас на то, чтобы мы чаще беспо-

коили местные органы, республиканские власти, поднимали вопросы о большем внимании к железнодорожному транспорту. Поэтому, когда меня спросили, я ответил.

– Так то местные власти, – опять взорвалась криком трубка, – а Генеральному Секретарю кто вас просил... – и тут же раздались короткие гудки.

Начальственное молчание продолжалось несколько дней. Где-то на пятые сутки Конареву позвонил помощник министра и секретарь Коллегии министерства Г.А. Литвин.

– Послушай, Николай Семенович, нас тут Борис Павлович всех поднял готовить доклад на имя Генерального секретаря ЦК КПСС о положении дел на транспорте, но конкретно ничего не говорит, на тебя ссылается. Что за разговор у вас с Леонидом Ильичем произошел?

Конарев передал ему суть сказанного им Брежневу. Литвин немного помолчал и слегка приглушенным голосом заметил:

– Между нами говоря, вы хорошо сделали, что обо всем доложили Генсеку, туда ведь не пробьешься. Бориса Павловича понять не сложно, там могут спросить, почему не докладывал...

Однако опасения министра оказались напрасными. Через какое-то время действительно состоялся отчет МПС, после чего было обращено внимание Совмина, Госплана на необходимость увеличения поставок железной дороге подвижного состава, локомотивов, рельсов. Принять соответствующие решения в условиях тогдашней гонки вооружений было совсем непросто. На первом месте всегда стоял оборонный комплекс. Конарев это понимал, но согласиться с таким положением не мог. То, что железная дорога должна быть и была, несмотря ни на что, частью оборонной системы страны, Николай Семенович осознал с военных лет. Если бы не работа железнодорожного транспорта в составе оборонного комплекса, разве возможно было бы в первые месяцы войны осуществить массовую эвакуацию населения, перебросить на восток тысячи заводов и заводское оборудование и наладить мощное производство военной техники, боеприпасов в неправдоподобно короткие сроки? Поэтому Конарев и не мог понять, почему Госплан вдруг вывел железную дорогу из оборонного комплекса. Правда, подобные вопросы решались выше, но каковы бы ни были

причины, побудившие Правительство пойти на такой шаг, Николай Семенович считал, что он в корне неправильный. Более того, в этом крылась опасность, – при данной системе развития советского народного хозяйства, – медленного ослабления мобильности железных дорог страны как для обеспечения потребностей народного хозяйства, так и на случай чрезвычайных обстоятельств.

Эти свои мысли Конарев не скрывал, он открыто высказывал свои опасения в различных инстанциях, в том числе в ЦК КП (У), Совете Министров Украины, на Коллегии министерства, а то и прямо на селекторных совещаниях с участием представителей хозяйственной и политической общности. И редко встречал понимание со стороны руководства. Во всяком случае никто из них не хотел отозваться на эти острые сигналы по существу. Но этого как раз и не мог понять Николай Семенович. Такие отношения начальства со своим подчиненным вряд ли можно назвать хорошими, поэтому звонок министра Конареву стал для начальника дороги неожиданностью.

– Николай Семенович, мы вот тут решили пригласить вас работать в министерство заместителем министра, – Бещев не сказал «моим заместителем», подчеркивая тем самым официальность данного предложения.

– Борис Павлович, я ведь только развернулся на своем участке работы начальником дороги, запланировал массу мероприятий. Дайте мне возможность их осуществить. Я вас прошу пока оставить меня на этой должности.

Конарев не лукавил, просто не привык бросать начатое, когда уже задействованы люди и выработаны планы. Однако и у министра были свои весомые аргументы.

– Мы должны думать о будущем железных дорог, Николай Семенович, – продолжал Бещев. – Мне уже семьдесят, моему первому заму Николаю Алексеевичу Гундобину столько же. И надо решать вопрос, кому оставить сеть. Поэтому мы решили пригласить молодых перспективных руководителей дорог и посмотреть их в деле.

Поблагодарив министра за столь почетное предложение, Конарев сообщил ему о том, что на недавней областной пар-

тийной конференции его избрали делегатом на XXIV съезд КПСС и разумнее было бы решать этот вопрос после съезда. Но Бещев был непреклонен, он настаивал на его личном согласии, не беспокоясь за утрату возможности участия в работе съезда партии, так как он уже обговорил этот вопрос с секретарем ЦК КП (У) товарищем Щербицким, и что он обо всем скажет сам областному руководству. Посоветовавшись со своей супругой, Конарев дал согласие.

В январе 1976 года его назначают заместителем министра путей сообщения, а в январе 1977 года – первым заместителем министра с одновременным руководством важнейшим в системе железнодорожного транспорта Главным управлением движения поездов, который всегда рассматривался как главный Главк среди других Главков.

Исключительно трудными были годы работы в этой должности с 1977 года по 1982 год как с производственной, так и с морально-психологической стороны дела. Главной причиной этого было не объективное отношение к нему со стороны тогдашнего министра путей сообщения Павловского и его окружения. Приходилось бороться с этим злом, мешающим нормально работать. Многие его предложения, направляемые на совершенство устаревших технологий, не поддерживались, а порой грубо игнорировались. Дело доходило до разбирательств в Правительстве и ЦК КПСС. И всякий раз ему удавалось доказать свою правоту. Нужно отдать должное товарищу Косыгину, Тихонову, Секретарю ЦК КПСС Долгих, которые поддерживали его в эти трудные годы и поправляли Павловского в его пристрастном и некорректном отношении к своему первому заместителю. Однажды дело дошло и до Л.И. Брежнева, который, разобравшись с обстоятельствами, заявил своим помощникам; «Передайте Павловскому, чтобы он прекратил заниматься травлей этого добросовестного труженика, а занялся больше выправлением работы отрасли, которая ему доверена...»

На этом грязная война вокруг Конарева со стороны Павловского прекратилась, а с приходом к руководству страной Ю.В. Андропова Павловский был освобожден от занимаемой должности.

V

Николай Семенович достал из холодильника бутылку «Боржоми», налил полный стакан и залпом выпил. Взглянул на часы – без четверти двадцать два часа. Скоро будет готова сводка о работе сети за сутки. Надо подождать. Он снова сел за стол и набрал номер домашнего телефона, знал – жена не спит.

– Тома, извини, но раньше никак не получилось. Да, теперь уже дождусь сводки и приеду. Все.

Конарев положил трубку, думая уже о том, как сработала сегодня сеть. На протяжении почти десяти лет ежедневно вечером ему об этом докладывал главный дежурный Центральной диспетчерской МПС, В ПЕРВУЮ очередь, как состоялась передача вагонных парков – самый серьезный показатель, раскрывающий динамику работы железнодорожного хозяйства страны. Оно имеет 156 стыков между дорогами, и суммарно через эти стыки в течение суток должно было проходить не менее 380–390 тысяч вагонов. Если такое количество не прошло – относили к недостаткам. Следующий показатель – погрузка. До недавнего времени ежедневно по стране грузилось 30 тысяч вагонов угля – более 2 миллионов тонн, 20 тысяч цистерн нефтепродуктов – более миллиона тонн, строительных материалов – до 2,5 миллионов тонн, 10 тысяч вагонов леса. А в целом по министерству загружалось где-то 200 и более тысяч вагонов или в тоннаже – это более 10,5 миллионов тонн ежедневно! Теперь же выполнение всеми странами СНГ и половина такого объема считалась бы хорошим результатом.

Третий главный показатель работы железнодорожной сети – выгрузка, которая по объемам должна превышать суточную погрузку, – это уже ресурсы следующего рабочего дня. Здесь действовала отлаженная система так называемой регулирующей подвижного состава. К примеру, в Кузбасс надо было ежедневно доставлять около 5,5 тысяч порожних полувагонов, почти сто составов. А Донбасс? Было время, когда там загружалось до десяти тысяч вагонов ежедневно. Одна только Донецкая ж.д. – это Донецкая и Луганская области – в сутки загружала 1,1 миллионов тонн всех грузов. В этом регионе находилась группа мощных металлургических заводов, более ста шахт,

масса карьеров, несколько химических комбинатов, мощнейший Лисичанский нефтеперерабатывающий завод, Новокраматорский машзавод и другие.

В отчетность включались и выполнение заданий по регулировке вагонов и особо полувагонов и цистерн, показатели по пассажирским перевозкам – срывы, браки.

Обо всем этом и докладывал министру главный диспетчер МПС. Организация специальной диспетчерской службы министерства было делом многих поколений железнодорожников, но элементы совершенства ее работы разработаны и внедрены уже с участием Конарева как заместителя министра и как первого заместителя министра. В целом на железнодорожном транспорте в то время было разработано и внедрено немало технических и технологических новинок, которые ни в чем не уступали мировым образцам. Когда в 1976 году в Москву приехал министр транспорта США, Конарев вместе с ним отправился на Куйбышевскую ж.д. Увидев работу железнодорожников по организации капитального ремонта пути, он сказал: «Это симфония труда. Я буду об этом говорить на Конгрессе...». Кое-что из организации железнодорожного транспорта в СССР было взято и на вооружение Соединенными Штатами.

Да, сегодня в стране другие дирижеры, и речь уже идет не о симфонии труда, под угрозой целостность самой сети железных дорог страны.

Николай Семенович вдруг вспомнил, как проходило его назначение министром в 1982 году. После смерти Брежнева на ноябрьском Пленуме ЦК КПСС выступил Ю.В. Андропов и в своем докладе сказал, что руководство страны беспокоит положение на железнодорожном транспорте. После такого заявления сразу был снят с должности министр путей сообщения СССР Павловский. В это время Конарев работал его первым заместителем и начальником Главного управления перевозок. Николай Семенович хорошо помнил тот ноябрьский день. Осень для МПС вообще очень ответственный период. По плану железная дорога ежедневно должна была грузить 30 тысяч вагонов угля. Однако накануне загрузили 29 800 вагонов – недогруз составил 200 вагонов. По существующим правилам

Министерство угольной промышленности сразу же об этом докладывало Правительству. Председателем Совмина СССР был Николай Александрович Тихонов, который и установил такой порядок – если задание не выполнялось, за это лично отвечал министр.

В десять часов утра в кабинете Конарева раздался звонок: «Будете говорить с Тихоновым».

– Николай Семенович, вы не сможете сейчас приехать ко мне? – голос спокойный, тон вежливый, на выговор мало похоже. Но Конарев ждет, пока он спросит, почему провалили погрузку угля. А Тихонов уже положил трубку. Однако Конарев берет с собой и отчетность.

Буквально через двадцать минут он уже был в приемной Председателя Правительства, и помощник тут же проводил Конарева к нему в кабинет.

– Мы приняли решение, – без предисловий, как только Конарев сел, сказал Николай Александрович, – освободить министра Павловского от занимаемой должности. Вы слышали на ноябрьском Пленуме критику Юрия Владимировича Андропова в адрес МПС?

– Да, конечно, – вздохнул Николай Семенович, – это упрек нам всем, в том числе и мне лично. Так что и я должен нести какую-то ответственность.

– С этим мы разберемся позже, – пристально взглянул на него Тихонов. – Сейчас стоит вопрос, кого назначить министром путей сообщения. Есть предложение назначить вас. Как вы смотрите на это?

– Николай Александрович, – невольно улыбнулся Конарев, – я пришел к вам, думая, что вы спросите с меня за вчерашний недогруз угля, а вы мне делаете такое предложение. Разрешите подумать, дело серьезное.

– Нет, ответ вы должны дать сейчас.

– Если так, то отказываться не могу.

– Справитесь? Как вы сами считаете?

– Раз я согласился, значит, надеюсь справиться, – пожал плечами несколько удивленный Конарев. Но такой ответ Председателя Совета Министров явно не удовлетворил, и несколько недовольным тоном он произнес:

– Понимаете, в чем дело. Многие при назначениях, недостаточно взвесив свои возможности, заявляют, не раздумывая, о том, что обязательно справятся. А потом, провалив дело, оправдывается каждый, как может. В данном случае мы не можем экспериментировать. Здесь нам нельзя допустить ошибку. Вот почему я так прямо и спрашиваю вас и хочу точно знать, справитесь или нет?

После такого объяснения не согласиться Конарев уже не мог.

Тихонов снял трубку отдельно стоящего телефона.

– Юрий Владимирович, товарищ Конарев у меня, он согласен. – Закончив разговор, добавил: – Идите вниз, садитесь в мою машину, мы вместе поедem в ЦК КПСС к товарищу Андропову.

Спустя минут двадцать, они уже были в приемной Генерального секретаря ЦК КПСС. Тихонов прошел прямо в кабинет, а Конарева попросили подождать. А когда пригласили, Николай Семенович от неожиданности даже на секунду приостановился. В кабинете, кроме Тихонова, Андропова и помощника Генсека Аркадия Ивановича Вольского, находились еще Черненко, И.В. Капитонов, ведающий кадрами В.И. Долгих, заведующий транспортным отделом ЦК КПСС К.С. Симонов, председатель партийного контроля ЦК КПСС М.С. Соломенцев, исполняющий обязанности Председателя Верховного Совета СССР В.В. Кузнецов (А.А. Громыко в это время болел), заведующий орготделом ЦК КПСС К.В. Богомолов, председатель Госплана СССР Н.К. Байбаков.

Юрий Владимирович Андропов пригласил Конарева садиться, кивнув на свободный стул рядом.

– Вы наши замечания по работе железнодорожного транспорта слышали, – сказал он. – За счет чего вы планируете поднять работу отрасли?

– Положение на транспорте действительно непростое, – негромко и сосредоточенно заговорил Николай Семенович, взвешивая каждое слово, – железнодорожники работают с колоссальным напряжением, провозных и пропускных способностей при нынешней технологии на ряде направлений уже не хватает, подвижного состава тоже недостает, плюс

отношение на местах к использованию подвижного состава, прямо скажем, безответственное, – Конарев замолчал, словно раздумывая, говорить или нет, но тут же решительно тряхнул головой, как бы отгоняя сомнения.

– Я должен вам доложить, Юрий Владимирович, что если ЦК партии и Правительство и дальше не будут уделять железнодорожному транспорту должного внимания, мы невольно станем сдерживать в своем развитии все народное хозяйство.

Андропов вопросительно взглянул на председателя Госплана СССР, но Байбаков попросил Конарева уточнить, что тот имел в виду, говоря о недостаточном внимании к транспорту.

– Николай Константинович, – повернулся к нему Конарев, – вам ведь известно, что в пятидесятые годы, особенно в период руководства страной Сталиным, в пятилетних планах доля капиталовложений в развитие железнодорожного транспорта составляла одиннадцать процентов. Сегодня она равна три и две десятых процента. Во сколько возросло за это время народное хозяйство? В несколько раз, а по некоторым позициям – в десятки раз. А во сколько возросли основные фонды железнодорожного транспорта? Едва ли в два раза.

Среди присутствовавших почувствовалось оживление. Николай Семенович раскрыл папку и уверенно продолжал:

– В 1972 году Госплан планировал ежегодно поставлять МПС 82 тысячи новых вагонов. Сегодня, спустя десять лет, мы получаем в год 69 тысяч. Производственные мощности почему-то переключили на выпуск другой продукции...

– Так у вас оборот вагонов не выполняется, – прервал его Байбаков, – простои большие.

– Я как раз об этом и говорю, – не дал себя сбить с толку Конарев. – Необходимо поставить вопрос так, чтобы ускорение оборота вагонов стало общегосударственной задачей. Мы же с этой проблемой сегодня один на один. Хотя дело не только в определенном темпе использования подвижного состава. Из-за износа рельсов нам приходится ограничивать скорости на 33 тысячи километров из общей протяженности главного пути в 147 тысяч километров. Чтобы поправить это положение, нам нужно получать ежегодно три миллиона тонн рельсов, тогда только мы сможем через семь лет сократить участок ограниче-

ния скорости до трех тысяч километров. А мы получаем в год всего лишь 1,7 миллиона тонн рельсов.

По выражению лиц присутствующих Николай Семенович понял, что против данной им статистики никто возражать не собирается.

– Теперь по локомотивам. Основная тяговая сила у нас – тепловоз. Из имеющихся у нас тепловозов сорок процентов выработали свой моторесурс. И если мы не будем ежегодно получать необходимое количество новых тепловозов и дизелей, к 1990 году состояние тепловозного парка станет критическим. Об электровозах, а тем более о полувагонах я уже и говорить не хочу. У меня внукам по три-четыре года, но они уже знают, что существуют какие-то там страшные полувагоны. Дети всю жизнь только и слышат дома о полувагонах, которые могут кого угодно довести до инфаркта.

Послышался негромкий смех, однако под взглядом Андропова в кабинете снова установилась тишина.

– Полувагонами мы выполняем 52 процента всех перевозок, – продолжал Николай Семенович, – а доля их в парке вагонов 31 процент. Поэтому мы были просто не в состоянии вывезти своевременно уголь и руду. Осенью начинается сельскохозяйственный период – полувагоны нужны под свеклу, это сахар, не дать нельзя, вот и ущемляем уголь. А Госплан поставки полувагонов нам свернул. Почему Нижнетагильский завод поставляет нам половину запланированного количества полувагонов? Абаканский завод обещали семь лет назад ввести в строй, но так и не ввели.

Андропов взглянул на Байбакова.

– В чем дело, Николай Константинович? Это так?

– Да, металл забирает оборонный комплекс.

– Так, железнодорожный транспорт – часть оборонного комплекса, – снова горячо заговорил Конарев. – Почему Госплан вычеркнул нас из него, поставил рядом с мелиорацией и другими рядовыми отраслями, когда все время мы относились к стратегическим отраслям народного хозяйства?

– Да, это верно, – заметил Андропов. – А что вы сами планируете сделать для улучшения работы железнодорожного транспорта?

– Прежде всего, я хочу обратиться с просьбой ко всем железнодорожникам критически отнестись к оценке ныне выполняемой ими работы и приложить усилия к устранению имеющихся недостатков, внести предложения по мобилизации имеющихся резервов производства. Во-вторых, после всесторонней и глубокой проработки с ведущими специалистами и учеными внести прогрессивные изменения в сложившуюся технологию на всех участках производственной деятельности, а так же пересмотреть устаревшие технические и конструкторские нормативы по содержанию подвижного состава и других устройств, находящихся в эксплуатации.

– А можете сказать что-то конкретнее? – спросил Андропов. На это Конарев с должной уверенностью ответил:

– Дело вот в чем. За последние десять-пятнадцать лет, несмотря на недостаток средств и материалов, выделяемых транспорту, основные фонды железнодорожного транспорта заметно обновились, а нормативы их использования существенно не изменились. Так, средний вес одного метра рельса вырос на восемь килограмм, на 120 штук увеличилось число шпал, лежащих на каждом километре пути; весь подвижной состав переведен на автосцепку, возросли тяговые возможности локомотивного парка, значительно увеличилось число двухпутных линий; особо обновились устройства связи и СЦБ, активно внедряется новая вычислительная техника – все это и другое должно давать большую отдачу, чем прежде. Но, к сожалению, этого не происходит потому, что до сих пор не пересмотрены старые нормативы по среднему весу поезда, по скорости обращения подвижного состава, загрузки вагонов и локомотивов и многое другое. Все это необходимо пересмотреть в сторону прогрессивности. Правда, здесь нам без помощи Правительства не обойтись, потому что как только мы поднимаем эти вопросы, сразу появляется сигнал «Stop!». Авторами сдерживания этих инициатив, как правило, являются Госстандарт, многие министерства, Комитет по труду и заработной плате и даже службы Госплана и институты Академии наук СССР. Требуется устранить этот барьер. Решив это, мы сможем поднять скорости, средний вес поезда, производительность труда и многое другое.

– А что же делают ваши ученые? – спросил Андропов. – Насколько мне известно, у вас крепкие научные кадры.

– Вы правы, Юрий Владимирович. По этому вопросу именно с ними в ближайшие дни я хочу проконсультироваться и уверен, что получу поддержку. Но, как вам известно, нам все равно не обойтись без поддержки тех структур, о которых я упомянул.

После этого Андропов попросил Байбакова внимательно рассмотреть все прогрессивные предложения Конарева и поддержать их.

Продолжая освещать свои намерения, Николай Семенович высказался в пользу необходимости серьезно изменить стиль и методы работы Коллегии министерства с тем, чтобы предоставить больше самостоятельности в работе начальникам дорог, отделений и предприятий. Главным образом искоренить случаи назначения на эти должности лиц по приятельским отношениям или людей, ранее скомпрометировавших себя нечестным поведением, но находящих поддержку у своих друзей в министерстве.

– А вы освобождайтесь от тех заместителей или начальников главков, которые это делают или плохо работают, – твердо произнес Андропов.

Однако Конарев ответил, что этого делать пока не стоит, надо попытаться данным составом Коллегии вывести отрасль на необходимый уровень работы.

Несколько подумав, Андропов согласился с Конаревым, но оговорился, что если такая необходимость все же возникнет, то поддержка министру со стороны ЦК КПСС и Совета Министров будет.

– Вот что, Николай Семенович, – озабоченно проговорил Андропов, – к вам будет такая просьба – продержитесь года три. Сейчас мы уже приступаем к разработке следующей пятилетки. И мы сделаем ее транспортной. О текущей работе докладывайте лично мне по истечении каждого месяца.

Юрий Владимирович немного помолчал, потом обвел всех задумчивым взглядом и сказал:

– Товарищи, Конарев говорил правильно. Я тоже располагаю очень подробным материалом, из которого следует, что если мы

и дальше не будем уделять заслуженного внимания железнодорожному транспорту, мы действительно очень серьезно сдержим развитие народного хозяйства. А нам нужно поднимать экономику страны с темпом прироста валового национального продукта на уровне четыре-пять процентов ежегодно.

Возражающих о назначении министром Конарева не было, и буквально через два часа был подписан и обнародован соответствующий Указ Верховного Совета СССР.

Это событие произошло 29 ноября 1982 года, и через те же два часа в селекторные студии железных дорог, отделений дорог, всех предприятий железнодорожного транспорта были приглашены соответствующие руководители, секретари партийных организаций, представители отраслевых профсоюзов, которым заведующий отделом транспорта и связи ЦК КПСС К.С. Симонов объявил о решении Политбюро ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР о назначении товарища Конарева министром путей сообщения СССР, с чем его и поздравил.

Обращаясь к коллегам, Конарев говорил всего семь минут. Он изложил основные принципы работы, которые им будут соблюдаться и которых должны придерживаться члены Коллегии, начальники дорог, отделений и предприятий.

В центре внимания всех должно быть выполнение плана перевозок как в целом, так и по каждой номенклатуре грузов. Он сказал и обосновал, что для этого на сети железных дорог есть все. Нет только организованности. А сейчас, в начале декабря 1982 года, Конарев начинает обдумывать план своих последующих действий, направленных на подъем работы отрасли, на выполнение задач, поставленных Юрием Владимировичем Андроповым.

Прежде всего он решил перед расширенной Коллегией МПС, назначенной на 13 декабря, встретиться с учеными транспорта и обсудить с ними его предложения по пересмотру устаревших технических и конструкторских нормативов и путях перехода на более прогрессивные технологии в области перевозочного процесса, на ремонтных и погрузоразгрузочных работах, а также в нормировании и стимулировании труда всех работников транспорта.

Седьмого и восьмого декабря такая встреча состоялась во ВНИИЖТе, на которой присутствовало более пятисот ведущих ученых транспорта, известные конструкторы, изобретатели и рационализаторы. Министр подробно изложил свое видение рассматриваемых вопросов и попросил ученых включиться в этот созидательный процесс с учетом тех изменений, которые произошли на транспорте за последние годы. Разговор был конкретный, целенаправленный и откровенный. Обосновывая свои доводы о необходимости срочного пересмотра технических и технологических нормативов, Н.С. Конарев на простых примерах и расчетах показал эффективность этого нововведения.

Говоря о повышении пропускных и провозных способностей магистралей, он учитывал возросшее число мощности путевых складочных и других машин, предназначенных для ремонта и текущего содержания пути, предложил усовершенствовать технологию капитального и среднего ремонта пути с тем, чтобы уменьшить продолжительность берущегося «окна» на ремонт пути, но в то же время увеличить его производительность. И в скором времени в сети железных дорог стал использоваться норматив – за 6 часов «окна» 1–3 километра капитального ремонта пути. На 30 процентов сократились сроки смены пролетных строений мостов. Благодаря использованию систем торможения поездов, разрабатываемых профессором Иноземцевым, повысились скорости грузовых поездов с уменьшением на 300 метров их тормозного пути.

И так, озвучивая почти каждую операцию перевозочного процесса и идя от одного производственного объекта к другому, министр ярко показал наличие огромного числа резервов производства, которые во многом из-за консерватизма и перестраховщины, часто иницилируемыми учеными, не реализуются. Такого, как сказал министр, в дальнейшем не должно быть.

Разъяснив, таким образом, ученым мужам сложившуюся на железнодорожном транспорте ситуацию, Конарев прямо их и спросил: «Почему не пересматривается система нормативов?» Увы, ответ был все тот же: ранее установленные нормативы даны с риском, то есть имели определенный запас. Так думало большинство из них. Как раскрепостить науку от научных догм? Надо было дать им идею, которую поддержало

бы министерство. И тогда Конарев «разобрал» с точки зрения исследователя свои любимые полувагоны, которых, как всегда, катастрофически не хватало. У них норматив нагрузки на ось в 23 тонны установлен десять лет назад. За это время значительно улучшилось не только качество самих вагонных осей, металла, но и конструкция полувагона усовершенствована. Почему нагрузка на ось осталась прежней? Ведь если в вагон загрузить на одну тонну больше, то на каждое колесо дополнительно придется всего 250 килограммов, а на каждую ось – полтонны. Почему бы не провести подобный эксперимент?

И действительно, Николай Семенович заинтересовал своим предложением НИИ железнодорожного транспорта. Сделали расчеты, загрузили новые вагоны, поставили на них всевозможные датчики, фиксирующие всяческие отклонения в режиме работы вагонных осей, колес, рельсов, чтобы выявить, что происходит с подвижным составом при перегрузке. И стали гонять его круглосуточно по экспериментальному испытательному Бутовскому кольцу, которое находится в Щербинке. Гоняли несколько месяцев вагоны с перегрузом в 1, 3 и 5 тонн. Результаты этих испытаний поразили всех. Дефектов, вызванных увеличением нагрузки, не обнаружили ни в одном вагоне. Естественно, возник вопрос: какие же основания были для того, чтобы не разрешать увеличение нагрузки на вагон новой постройки? Выявилось – никаких, кроме явного консерватизма и перестраховщины.

Приняли решение разрешить загрузку вагонов новой постройки на одну тонну при перевозке угля, металла, железной и цветной руды, строительных и некоторых других грузов. Сразу же получили эффект в виде дополнительной перевозки шесть миллионов тонн грузов в течение одного месяца или 72 миллиона тонн в год.

Разумеется, если увеличить загрузку на две-три тонны на вагон, эффективность увеличится соответственно в два-три раза.

В порядке эксперимента это и решили сделать при перевозке экибастузских углей на уральские, сибирские и казахстанские электростанции. В определенной степени это решение было связано и с просьбой Ю.И. Андропова при утверждении Конарева министром.

Для этого было сформировано 136 шестидесятивагонных составов из новых полувагонов Нижнетагильского завода тяжелого машиностроения. Их закольцевали в специализированные вертушки, которые не разрешалось использовать под какие-либо другие грузы. Эти составы вертелись как «челноки» от погрузки до следующей погрузки, что и решило устаревшую проблему устойчивости работы угольного бассейна и стратегически важных тепловых электростанций.

В конце каждого месяца, как было ему сказано, Конярев докладывал Андропову о результатах работы сети, и когда он в конце июля доложил ему о том, что экибастузская проблема решена, он поблагодарил министра и попросил его не ослаблять внимание этому важному участку работы.

Утро 2 августа 1983 года началось для Конярева, как обычно, новыми важными поручениями. Из приемной Генерального Секретаря ЦК КПСС позвонил помощник А.И. Вольский и сообщил, что 4 августа Ю.В. Андропов поездом поедет на отдых в Крым, но не специальным поездом, а в отдельном служебном вагоне с прицепкой его к постоянно обращающемуся поезду Москва-Симферополь.

На уточняющий вопрос Вольскому о причине необычности задания, так как все предыдущие первые секретари ЦК КПСС ездили специально сформированными литерными поездами, последовал ответ Вольского:

– Нужно знать ту меру скромности, которой обладает Юрий Владимирович, – и далее добавил: – Он хотел бы вас видеть при объезде на отдых.

Коняреву было что доложить Генсеку, так как план перевозок за семь месяцев был значительно перевыполнен, производительность труда возросла на полтора процента, повысились финансовые показатели благодаря улучшению работы железнодорожного транспорта. В стране ощущался подъем в работе всех отраслей народного хозяйства, многие ожидали перемен к лучшему во всех сферах жизни.

Решив все задачи, связанные с благополучным следованием поезда до места назначения, Конярев заранее приехал на Курский вокзал, где встретил начальника 9-го Управления КГБ товарища Плеханова, который сообщил ему, что никто

из членов Политбюро провожать Генсека не будет. Это был четверг, день заседания Политбюро, в связи с чем Андропов распорядился не отменять его даже в связи с отъездом – там, мол, есть министр путей сообщения, он и проводит, тем более, что Конарев не член Политбюро.

Юрий Владимирович вместе с супругой приехал на Курский вокзал в сопровождении одной машины охраны за полчаса до отправления поезда. Поздоровавшись с Конаревым и Плехановым, попросил его подождать у вагона, пока он переоденется. Несмотря на август, было достаточно прохладно, и супруга настойчиво попросила его надеть теплую кофту. Буквально через десять минут он вышел из вагона и предложил Конареву и Плеханову немного пройтись по перрону. Вид у него был уставший, болезненный и чем-то особо озабоченный. Видимо, чувствовал он себя неважно. Уточнив время отправления поезда, Андропов обратился к Конареву:

– Продолжайте докладывать мне ежемесячно о результатах работы транспорта. Все идет как будто неплохо. Это подтверждает и Госкомстат. Но вчера мне позвонил товарищ Куняев и пожаловался на недостаточные темпы вывоза экибастузских углей и жидкого фосфора с Чемкентского химкомбината. Есть жалобы из Коми АССР на недостатки, связанные с вывозом леса и воркутинских углей. Вы можете пояснить мне, что происходит и какие меры вы принимаете?

– Это справедливые жалобы, – ответил Конарев, – но могу с уверенностью сказать, что в ближайшие месяц-два эти недостатки будут устранены. Мы с угольщиками, энергетиками, а также с казахстанскими товарищами уже создали вокруг Экибастуза очень надежную и высокоэффективную технологию, реализация которой уже дает отдачу. Сейчас уголь из Экибастуза вывозится в повышенных объемах.

– В связи с этим прошу вас, – перебил его Андропов, – позвоните товарищу Куняеву и сообщите ему о принятых мерах, в том числе и по жидкому фосфору. А как Воркута? – спросил Юрий Владимирович. – Вы ведь знаете, какие там тяжелые условия труда у шахтеров?

Конарев доложил, что здесь дело обстоит хуже. После недостаточно обдуманного закрытия сплава леса по 1600 рекам

страны, в этом регионе постоянно недостает полувагонов и платформ. Ведь в этот регион ежедневно засылается по две тысячи полувагонов и шестисот платформ, но все равно не хватает, так как местной выгрузки там в несколько раз меньше погрузки. И таких дефицитных на полувагоны регионов много – Донбасс, Экибастуз, КАТЭК, Караганда и ряд других.

Сделав паузу, Андропов внушительно произнес:

– Постарайтесь решить проблему Воркуты, там сейчас непростая обстановка... Но, как я вам и обещал, двенадцатую пятилетку мы сделаем транспортной. А пока будем вам помогать в улучшении использования подвижного состава.

Дальше разговор пошел об отдыхе, о Крыме, о хлебе. Когда подошли к вагону, и Конарев пожелал Андропову хорошего отдыха, Юрий Владимирович, уже стоя в тамбуре вагона, ответил:

– Ну, как тут отдохнешь? Вот сбили южнокорейский пассажирский самолет, на что нас явно спровоцировали американцы, и теперь против нас грянули все средства вражеского вещания, – и в некотором раздумье добавил: – Все это мы преодолеем, было бы только здоровье.

Когда поезд медленно отошел от перрона, Плеханов многозначительно заметил:

– Главное сейчас – здоровье Генсека.

Конарева в тот момент эти слова начальника 9-го Управления КГБ не насторожили. Вспомнил он о них, когда вскоре узнал о тяжелой болезни Андропова и последовавшей почти сразу смерти с какой-то непонятной таинственностью.

С уходом из жизни Ю.А. Андропова страна оказалась в беде. Не были осуществлены его задумки о транспортной 12-й пятилетке, о включении железных дорог в оборонный комплекс страны, о ежегодном приросте ВВП на 4,5 процента, о резком повышении производительности труда в промышленности, сельском хозяйстве, на транспорте и в строительном комплексе, о значительном укреплении обороноспособности страны и многое другое. Примером может служить создание передвижных ракетных комплексов на железнодорожном ходу. И Н.С. Конареву вместе с академиком В.Ф. Уткиным в этом деле была отведена определенная роль.

В начале 80-х годов американцы разработали ракетные системы МХ. Именно о них на заседании Совета Оборона в феврале 1983 года докладывал генерал С.Ф. Ахромеев, заметив в конце, что ракеты МХ попадают в цель с точностью до 1–3 метров.

– Что же получается? – негромко, но жестко проговорил Андропов. – Выходит, все наши ракетные установки в шахтах, которые задействованы в оборонном комплексе и считающиеся неуязвимыми, на самом деле теперь сразу и точно могут быть поражены?

Тогда и решено было немедленно заняться созданием ракетных комплексов, перемещающихся под видом пассажирских поездов. В нужный момент поезд останавливался, раскрывались крыши вагонов, и ракетные установки в течение нескольких минут уже готовы были к бою. Маршруты таких поездов были строго засекречены, и они становились неуловимыми и неуязвимыми для ракет противника. Комплексы удалось создать уже в 1984 году. Вел эту программу член Политбюро министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д.Ф. Устинов. Подобного оружия еще никто в мире не имел. Нечто похожее разрабатывалось и американцами – вроде передвижных ракетных установок, способных перемещаться в радиусе всего 8–10 километров. Наши же «поезда» могли ездить по всей стране. Именно после этого американцы начали пропагандистскую работу о создании систем СОИ, чего в последующем очень испугался Горбачев.

Воспользовавшись сложившейся обстановкой, Конарев решил обратиться к Д.Ф. Устинову с просьбой о включении железнодорожного транспорта в оборонный комплекс страны – его настойчивые обращения по этому вопросу в Госплан и Совмин СССР ни к чему не приводили. У них на первом месте в то время оказывалась то мелиорация, то химизация, то бескорыстная помощь другим государствам, но чаще всего ссылались на недостаток средств из-за оборонного комплекса страны.

Д.Ф. Устинову фактически ничего объяснить не пришлось, достаточно было сказать, что новейшие оборонные технологии уже не решаются без железнодорожного транспорта. Правительство же не обеспечивает МПС даже необходимым количеством рельсов и шпал, не говоря уже о полувагонах или

о металлоконструкциях для мостов. Вот почему так жизненно важно было вернуть МПС в систему оборонного комплекса страны.

– Да, да, – сразу согласился Устинов, – это наша недоработка, надо исправлять. Значит, трудностей у вас хватает?

– Дмитрий Федорович, – невесело усмехнулся Конарев, – для вас, военных, война давно закончилась. Мы же, железнодорожники, до сих пор каждодневно живем в режиме военного времени.. такова наша профессия, жаль, что этого многие не понимают.

– Что ж, я с вами согласен, – Устинов снял трубку. – Товарищ Маслюков? Сейчас к вам подойдет министр путей сообщения Конарев. Ты, пожалуйста, разберись с ним, вникни в то, о чем он тебе будет говорить. Нам надо пересматривать положение МПС.

Конарев знал, что Маслюков отвечает в Госплане СССР за оборонный комплекс, и теперь мог надеяться, что дело с мертвой точки сдвинется, но он просчитался – через полтора месяца Устинова не стало. Остальные же этого вопроса не могли или не хотели решать.

Николай Семенович вспомнил, как в одном из разговоров с Андроповым по телефону по беспокоившим его проблемам сельского хозяйства, Юрий Владимирович с каким-то особым беспокойством произнес:

– Вы должны понять, нам необходимо как можно быстрее поднять уровень жизни народа, убрать очереди у прилавков, обеспечить рынок всем необходимым. Для этого в стране созданы все предпосылки и мощная индустриальная база. Нужно толково, производительно и качественно работать. И сейчас мы серьезно прорабатываем задачу, как все это сделать...

После его ухода в Политбюро началась борьба за власть. Некоторые члены Политбюро оказались в сфере влияния западных держав. Они воспользовались немощностью К.У. Черненко для укрепления своего положения и влияния. Среди них особо выделялся своей настырностью, а в чем-то прямым вероломством Горбачев, поддерживаемый не глубоко мыслящими некоторыми членами Политбюро. Появление на авансцене власти Яковлева, Шеварднадзе и некоторых других деятелей

ускорило процесс отхода политики партии от главной цели – укрепления единства страны, ее экономики и обороноспособности. Началось прямое «проедание» достигнутого, разделение до непристойного, смещение к изолированной безответственной болтовне, прикрываемой мощными лозунгами о так называемой перестройке без определения целей и задач с обязательной утратой авторитетности страны и партии.

В конечном итоге это выразилось в предательстве интересов страны и народа, не имевшего равного в истории. Когда это обнаружили, было уже поздно. Дело одних предателей подхватили другие, об ответственности которых еще скажут свое слово и народ, и суд истории.

Вместе с тем, рассказывая мне о периоде своей бурной деятельности в Министерстве путей сообщения, Конарев с особой теплотой, обоснованностью и большим уважением говорил о руководителях страны и партии, которых отличали от других высокая компетентная, исключительная работоспособность, порядочность и принципиальность. Это были настоящие коммунисты, патриоты Родины и, как говорят, сыны Отечества.

Среди них на первом плане Алексей Николаевич Косыгин. По убеждению Конарева, это была легендарная личность мирового масштаба. Если бы ему дали возможность нормально работать, если бы у руководства партии и государства было бы желание использовать его знания, опыт, природный ум и талант организатора, наша страна давно бы стала первой державой мира во всех сферах жизни и по всем показателям. Его отличала исключительная компетентность во всех областях народного хозяйства. Как заметил Конарев, «компетенция от холста до атома». И так говорили многие, кто его знал и кто с ним работал.

Первая встреча Конарева с Косыгиным произошла в Харькове в 1963 году в конце июля или в первой половине августа. По каналам правительственной связи сообщили о том, что поездом Москва-Кисловодск будет ехать товарищ А.Н. Косыгин, который в то время работал первым заместителем Председателя Совета Министров СССР. Как и.о. начальника дороги Конарев доложил об этом Первому секретарю ОК КП (У) товарищу Г.И. Ващенко и вдруг услышал от него: «Мы поручаем

вам встретить товарища Косыгина, а сами будем проводить Пленум обкома партии». Будучи озадачен подобным ответом, Конарев тут же догадался, что это реакция на недавнюю критику Хрущева в адрес Косыгина, высказанную в довольно грубой форме.

Когда поезд подошел к шестому перрону Харьковского вокзала, с хвоста которого находился вагон Косыгина, с подножки вагона соскочил, видимо, его помощник и, подбежав к Конареву, спросил: «Кто вы будете?» Получив ответ, он сразу же вновь вскочил на подножку вагона при еще движущемся поезде.

Косыгин поздоровался с Конаревым, спросил о его должности. Николай Семенович пояснил, что руководство области не смогло приехать к поезду, потому как проводит Пленум ОК КП (У). Алексей Николаевич с усмешкой заметил: «А они мне и не нужны, а вот вы как раз и нужны». Узнав, что поезд стоит пятнадцать минут, предложил Конареву пройтись по перрону.

Всего одиннадцать минут длился их разговор, но запомнился Конареву на всю жизнь. Косыгин просто засыпал его вопросами: как дела в городе и как живет народ? какое настроение у людей? сколько стоит на рынке килограмм вишни? какой ожидается урожай хлеба и свеклы? сколько дорога отставила в резерв вагонов для перевозки зерна нового урожая? сколько заготовили хлебных щитов для крытых вагонов? какие объекты в городе, области, на железной дороге будут введены в эксплуатацию в этом году? какое финансовое положение на дороге? как идет перевод тяги поездов с паровозной на тепловозную и электровозную? как работает дорога?..

Ошеломляюще! Такой плотной, такой конкретной, такой деловой беседы Конарев еще ни с кем из руководителей подобного ранга не имел.

VI

Николай Семенович подошел к окну и долго смотрел на залитую огнями Москву. Весна оживляла все вокруг нежной зеленью деревьев, цветущей черемухой и сиренью. Почему же именно в мае к нему прорывается горе? Отец умер в мае, от-

ставка вот тоже в мае... Да и вообще в мае у него было больше запоминающихся событий, чем в другие месяцы. В мае у него родился и сын Юрий...

Отставка! Нет, это не просто отставка, это отставка – протест! Николай Семенович никак не мог понять, что же все-таки не устраивало новую власть в его деятельности? В том, чего он рьяно добивался, заботясь о нуждах народа и страны? О чем думал многими бессонными ночами, на что решился, все хорошо взвесив? Что же не удовлетворяло его в этом коротком, но неприемлемом почему-то сейчас понятии – отставка?

Раньше Конарев никогда не задумывался о смысле этого слова. Для него и так было ясно, что это отстранение от должности, которое следует за определенные должностные нарушения или когда руководитель не справляется со своими обязанностями. Правда, его коробило всегда, если провожали на пенсию хорошего человека, немало сделавшего в жизни полезного, а говорили об отставке. За что? За преклонный возраст? За то, что человек ослабел, отдавая всего себя выполнению своего профессионального и гражданского долга? Таких людей Конарев знал немало. Теперь и он решился на подобный шаг в жизни, но не в отставку, а через этот инструмент – выразить протест.

Нет, не в таком положении находился сейчас бывший министр путей сообщения СССР. Была существенная разница, потому как разрушать построенное за годы советской власти он не мог и не хотел. Сегодня же разрушалась целостность государства, а значит, и всего народного хозяйства – единой транспортной системы, энергоснабжения страны, человеческих судеб. Мог разве Конарев участвовать в таком варварском процессе? Никогда! Вот и получается, что не ему сегодня дали отставку как не справившемуся со своими обязанностями министру. Это он, министр путей сообщения СССР Конарев Николай Семенович, от лица всех железнодорожников выразил взвешенный протест и распрощался сегодня с разрушительной властью, с которой он никогда не найдет общего языка. Служить бы рад...

Николай Семенович взял лист бумаги и размашистым подчерком написал: «Сегодня, 2 мая 1991 года, окончательно

вручил отставку – протест нынешним горе-руководителям великого некогда государства. Уверен, что поступил правильно!» и расписался. Потом перечитал написанное, но про себя подумал – нет, этого мало. Нужно обо всем происшедшем самому рассказать всем, чтобы железнодорожники страны узнали от него самого, а не из тех слухов и того набора вранья, которое будут городить его так называемые преемники из числа примкнувших к новой власти лизоблюдов.

Послесловие к отставке – протесту

Кабинет Генерального директора ЗАО «Интертранс» Николая Семеновича Конарева, наверное, не такой большой, как министерский, и рабочий стол поменьше, зато приличная и уютная настольная лампа. Висит на стене и огромная карта железных дорог, но уже России, стран СНГ и Прибалтийских государств. Все вроде бы тоже самое на этой карте, но уже разделенное непреодолимыми границами некогда единого целого.

Мне уже многое известно о жизни, которую прожил этот немолодой, но еще довольно крепкий человек. Таких людей сегодня осталось не так уж и много – одних перемолола перестройка физически, другие не выдержали натиска губительной мощи «нового мышления» и сломались. С Конаревым произошло нечто иное – он не просто нашел свое место в новой демократической России, но и опять сутками работает, будто и не тянут заплечные 73 года. Я знаю о нем, как мне кажется, все, и последний вопрос скорее психологического плана.

– Николай Семенович, а в каком цвете вам видится сегодня жизнь?

– В каком цвете? – переспрашивает он недоуменно, но тут же смеется и лукаво интересуется. – Думаете, я пессимист, все вижу в черном цвете? Да Бог с вами, у меня семья, внуки и уйма нерешенных проблем. К тому же реформы, как и война, преходящи, а жизнь вечна. И наша задача – сильнее противиться разрушителям этой жизни.

– Но с момента вашей отставки прошло восемь лет. За это время не стало СССР, в России властвует все тот же Президент,

а сколько сменилось правительств – факиров на час – и не сосчитать. Сейчас вы вернулись бы в министерское кресло, если бы вас, предположим, пригласили?

– Нет, – не раздумывая, быстро ответил Конарев. – И дело, конечно, не в моем возрасте. Во-первых, я не изменил свои принципы и не изменю им. Главное в жизни – быть созидателем, а не разрушителем. Во-вторых, перестройщики прежние остались у руля, и цель их все та же – творить зло. Им не терпится перерезать жилы России, тем более, что они работают на изнурение народа. И если сразу не угробили матушку Русь, будут стремиться к этому и в последующем. Ведь на сегодняшний день у них все больше появляется помощников. Не единомышленников, а слуг, пытающихся выжить за счет соглашательства, фактически участвуя в развальном процессе. Сами того не сознавая, они служат прикрытием реформаторам, тем, кто руководил преступной приватизацией во главе с Чубайсом. Он замахнулся и на единую систему железнодорожного транспорта в России, теперь занялся развалом единой энергосистемы страны.

– Вы имеете в виду «Концепцию реформирования федерального железнодорожного транспорта»? – вспомнил я публикацию в «Советской России» годичной давности. Данной концепцией, разработанной, кстати, МПС совместно с Правительством РФ, фактически предусматривалось расщепление единой производственно-технологической структуры на самостоятельные компании по перевозкам грузов и пассажиров и другие катаклизмы. У МПС фактически изымаются заводы по производству и ремонту подвижного состава, а также и общестроительные подрядные организации. По данному замыслу подлежат ликвидации или распродаже малодетальные линии и подсобно-вспомогательные предприятия, в муниципальную собственность передается жилищно-коммунальный комплекс, отраслевые учреждения культуры, просвещения, многие медицинские объекты.

Даже не будучи специалистом в области железных дорог, можно сообразить, что данный проект реструктуризации целостной системы МПС конечной целью преследует ликвидацию самого Министерства путей сообщения. Более того, это играло в

прямом смысле на подрыв обороны государства. Вряд ли в МПС или в Правительстве РФ этого не понимали. Тогда как и почему могла возникнуть и быть одобренной такая «концепция»?

– Николай Семенович, – заинтересовался я, – а почему вы думаете, что заказчиком этой концепции структурной реформы железных дорог был именно Чубайс?

– Да вы знаете, – невесело рассмеялся Конарев, – эта правительственная акция так была засекречена, словно спецслужбы готовили какую-то тайную операцию. Если рассказывать с самого начала, то дело было так...

Николай Семенович с минуту помолчал, собираясь, очевидно, с мыслями, вспоминая это важное и трагичное, в его понимании, событие, и мрачно заговорил:

– В 1997 году до меня дошли разговоры о том, что новый министр путей сообщения Аксененко, выполняя указание Правительства, иначе говоря, Чубайса, работает над программой реструктуризации отрасли, а главная идея этого проекта – приватизация, акционирование. Я попытался осторожно выяснить, насколько эти слухи соответствуют правде, потому как губительные последствия такой реформы на железной дороге очевидны. А раз так, то министр вряд ли станет участвовать в развале подчиненной ему отрасли. И вы знаете, – развел руками Конарев, – так ничего выяснить я тогда и не смог. И вдруг Концепция реформирования обсуждается на Коллегии министерства. Естественно, я не член Коллегии и туда приглашен не был. Но там присутствовали те, кто искренне были озабочены будущим отрасли, а следовательно, и страны. Это не громкие слова, а чистая правда. В общем, познакомился я с Концепцией и увидел, что это очередная несерьезность подхода к решению проблемы в государстве. Цель преследовалась только одна – как выжить в условиях полного отхода Правительства от забот о жизнедеятельности железнодорожного транспорта, а следовательно, заложить основу под разрушение единой транспортной сети страны, на которую опирается народное хозяйство и которая представляет собой единственную реальную надежду – восстановить промышленный, а значит, и экономический потенциал страны, когда эта вакханалия с «реформами» прекратится. Последний оплот, как говорится,

и должны были разрушить. Кто за этим стоит: Черномырдин, Чубайс, Немцов, Кириенко или кто-то другой, умелой рукой направляющий их действия? Вот тогда я и написал статью в «Советскую Россию» в мае прошлого года, исходя из своего убеждения и патриотического чувства и долга.

– Николай Семенович, – не выдержал я, – а что ими задумывалось конкретно сделать? Какова серьезность ситуации, по-вашему?

– Серьезней не бывает, – нахмурился Конарев, глядя куда-то себе под ноги. – Например, сейчас, когда еще работает МПС, дороги, отделения и многие предприятия, составляющие инфраструктуру отрасли, дело более или менее идет. Но когда вместо них начнут действовать многочисленные компании, акционерные общества, раздираемые конкурентной войной, что из этого выйдет? Тарифные войны, отсутствие единого управления, ремонтной и социальной базы, системы подготовки кадров, отрыв от регионов и так далее. Именно с этих позиций в Россию шло всегда комплексное развитие железных дорог. Наша страна все же имеет свои экономические, географические и стратегические особенности – не освоенные, мало заселенные местности. Поэтому, например, чтобы построить новую железную дорогу на ныне не обжитой территории Сибири или Дальнего Востока для дальнейшего освоения там месторождений угля, газа, нефти и других природных богатств, необходимо учитывать весь комплекс потребностей для нормальной эксплуатации этой магистрали и, прежде всего, для людей, которые там будут жить и работать. Значит, там надо строить жилье, детсады, школы, магазины, больницы. А так как, кроме железных дорог. В том районе на первом этапе больше ничего не будет, то, естественно, лишь железная дорога и может финансировать строительство профилакториев для своих рабочих, подсобные хозяйства, школы, больницы. И вдруг Правительство и МПС принимают решение отдать имеющиеся здания и сооружения соцкультбыта местной власти, что и заложено в Концепции и что в конечном итоге приведет к разрухе этой инфраструктуры.

Николай Семенович недоуменно взглянул на меня, будто до него самого только сейчас дошел смысл сказанного им самим,

поражаясь несуразностью тех явных вещей, которые ему приходится комментировать, когда любому нормальному человеку и так должно быть все понятно.

– Возникает вопрос: зачем же это делать? – Конарев опять замолчал, как бы растерянно соображая, можно ли это все объяснить человеческим языком здравомыслящему человеку. – Какая цель? Не лучше ли государству помочь МПС сейчас с тем, чтобы сохранить для железнодорожников и близ живущего населения то, что имеется хотя бы. Ведь если отдать все это в аренду или в собственность предпринимателям, то ничего от них не получить. Ни больниц, ни профилакториев, ни яслей, ни школ, ни спортивно-культурных центров. У частных и арендаторов свои цели, свои интересы. Для них главное доходы для своих нужд, а не для нужд государства или народа. Вот почему уже во многих северных регионах, да и не только в северных, уже оказались заброшенными животноводческие фермы, рыбосовхозы и другие подсобные хозяйства. Жаловаться некому, потому как и задача была у команды Черномырдина, Чубайса, Немцова и других так называемых реформаторов – умертвить регионы, чтобы тут же, через послушные им средства массовой информации раструбить о несостоятельности русских, не умеют, мол, хозяйничать, и надо дать зеленый свет иностранному капиталу. За это им и платят, так как Запад очень хочет «освоить» наши богатства и территории.

– То есть, идет целенаправленный, по указке Запада, развал системы железных дорог? – переспрашиваю я. – А вы не учитываете такой возможности, что в Правительстве просто могут не понимать последствий их реформ на железной дороге? Там ведь сидят люди далеко не семи пядей во лбу.

Николай Семенович молча выдвинул ящик стола и положил передо мной толстую папку с бумагами.

– Вот, – сказал он, – копии моих писем Черномырдину, Кириенко, в Совет Федерации Строеву, Председателю Госдумы Селезневу, в Совет Безопасности Кокошину, министру путей сообщения Аксененко, Президенту Ельцину Борису Николаевичу лично с полным научным обоснованием и цифровыми выкладками гибельности для государства принятой к реализации Концепции реструктуризации железных дорог России. От-

вет-отписку я получил только от министра Аксененко, остальные государственные мужи даже не удосужились формально отписаться.

– Вы сказали, что Концепция принята к реализации? Я не ослышался?

– Уточняю – к тайной реализации, – жестко и недвусмысленно заметил Конарев. – С одной стороны, министр путей сообщения сегодня на всех совещаниях и перед журналистами говорит о том, что железные дороги должны и будут оставаться государственными – и ему аплодируют. Но на практике тайно разрушается целостная система железных дорог страны. Вот Сургутское отделение Свердловской ж.д. Посмотрите на карту – от Сургута линия идет через Уренгой и Ямбург аж до самого Ледовитого океана. Вокруг этого отделения все и сплочено, опирается на него, как на стойкую структуру. Так и должно быть. Все это сейчас действует и работает. Но вдруг состоится решение о закрытии Сургутского отделения? Кто же будет осваивать регион, на кого опираться? Придется людям оттуда уходить. Разве это не очевидная глупость, если не сказать большего? Ведь уже была попытка ликвидировать ряд отделений, скажем, на Октябрьской ж.д. тогда министром путей сообщения был Зайцев. Он принял решение о ликвидации там все отделений. И вот мне звонит начальник Петрозаводского отделения – а это вся Карелия – и говорит: «Николай Семенович, наше отделение закрыли». Мы смогли добиться отмены такого решения лишь с приходом в министерство Аксененко. То, что разрушается железная дорога, могу доказать цифрами и фактами. На своем балансе МПС имело 82 завода, на которых выполнялись все ремонтные работы по поддержанию основных фондов железнодорожного транспорта. Ремонтировались вагоны, локомотивы, электровозы, путевая техника, изготавливались запасные части, модернизировался подвижной состав, средства связи, автоматизации, электрификации. Выдели заводы из системы, что кое-где уже сделано, новый хозяин завтра скажет, что ему невыгодно заниматься ремонтом, лучше делать кастрюли, тогда что? Мало подобных по стране? И заводские коллективы восстали против такого реформирования. Но правды им так и не сказали, а заявили, что будут дорабаты-

вать Концепцию, вносить коррективы. Снова туман и обман, и он продолжается. Этой проблемой должно заняться государство, не оставляя МПС один на один с ней, – Конарев тяжело вздохнул и закончил. – Здесь не должно быть двойственности.

Коротко и ясно. А ведь в Концепции о реструктуризации полной таких двойственностей, не говоря о том, что она в корне противоречит Закону «О федеральном железнодорожном транспорте». Это было доказано и в обращениях в Правительство ученых РАН, Академии транспорта России, Государственной академии управления, Инженерной академии РФ.

Николай Семенович взял папку с копиями обращений ко всем руководителям государства и бросил ее в ящик стола.

– Недавно, – снова заговорил он, – министр Аксененко сказал, что за два года, которые он находился на посту министра, ему все-таки удалось сохранить работоспособность железнодорожной сети, несмотря на значительное снижение объемов перевозок, хотя и пришлось сократить 352 тысячи человек.

Конечно, с Конаревым нельзя не согласиться, однако существует и иная точка зрения. Многие утверждают, что необходимо бороться с монополистами, создавать конкурентную среду, в которой непременно начнут снижаться и тарифы на перевозки. Как тут быть? Однако, когда я задал этот вопрос Николаю Семеновичу, он почему-то долго молчал, а затем задумчиво произнес:

– В апреле в Москве проходил тарифный съезд, на котором присутствовал и я. В перерыве, когда основные доклады правительственных чиновников были оглашены, я встретил Владимира Кузьмича Гусева, бывшего секретаря Саратовского обкома партии, которого я знаю. Потом он работал первым замом у Председателя Совмина РСФСР, зампредом у Рыжкова – занимался химической и лесной промышленностью. Сейчас Гусев – председатель Комитета по транспорту, промышленности, строительству и энергетике Государственной Думы. Так вот, встречаю я его в перерыве между заседаниями и говорю, что ухожу, потому как ни в одном докладе ничего дельного не услышал, абсолютно нет никаких предложений, так что и обсуждать нечего. Если уж зампред Правительства Булгак не говорит, что происходит на транспорте и как они думают решать

проблему тарифов, если хотят поднимать экономику страны, то чего уж слушать остальных. А Гусев смотрит на меня удивленными глазами и говорит: наивный вы человек, мол, никто о тарифах и не думает. Так это преступление – отвечаю ему, значит, вы не думаете поднимать и экономику страны. А он меня и спрашивает: «Николай Семенович, а вы знаете, как снизить тарифы? Что для этого необходимо сделать?» Конечно, отвечаю. Основным резервом снижения затрат на перевозки и, как следствие, тарифов является не ломка проверенных жизнью структуры, а внедрение современных технических средств и прогрессивных технологий с автоматизацией и информатизацией производственных процессов, соответствующие им изменения организационных и юридических норм и нормативов. железнодорожные тарифы, кроме всего прочего, существуют не в безвоздушном пространстве. Они напрямую зависят от цен на энергоресурсы и на потребляемую железной дорогой продукцию – металл, шпалы и так далее. Но производство-то в стране стоит. С его подъема надо начинать реформы, а не с игр вокруг бюджета, налогов, тарифов. Возродится производство – возрастут объемы перевозок и снизятся тарифы. Иного пути, говорю, просто не существует.

– Ну, если речь идет о возрождении отечественного производства, тогда нам очень долго придется ждать снижения тарифов, – не удержался я от иронии.

– А вот здесь вы в корне не правы. Заблуждаетесь, как и многие другие, – возразил Конарев. – Что такое рост экономики? Это перемещение товарной массы. Что это такое? Уголь, лес, нефтепродукты, продовольствие, стройматериалы. Но эти материальные ценности дает только труд. Для того же, чтобы иметь возможность трудиться, нужны инструменты и материал. Но это и есть товарная масса. Вот ее и необходимо двинуть, тогда и будет подъем экономики. Он может сегодня состояться только через рост перевозок.

– Но ведь именно тарифы этому и препятствуют? – я никак не мог понять, к чему он клонит.

– Так тарифы должны стимулировать производство, иначе никакого подъема не произойдет. Президент и Правительство не понимают элементарных вещей, им задурили головы эти

новые экономисты вроде Гавриила Попова и Григория Явлинского. Обязательно должен существовать рычаг, ухватившись за который можно поднять экономику. А сегодня невыгодно заготавливать лес. Тарифы на перевозку леса выше, чем затраты на его заготовку.

– Но ведь тарифы устанавливает МПС? – не выдержал я хождения вокруг да около.

– Правильно, – не стал возражать Конарев, – но с ведома Правительства. Ведь МПС осталось один на один с данной проблемой, государство отстранилось от ее решения. Само министерство не в силах с нею справиться. Железная дорога потребляет электроэнергию, топливо, металл, ... Поставщики дерут втридорога, и что в подобной ситуации делать МПС? В том-то и дело, что тарифная проблема комплексная, одним ведомством она решена быть не может и должна решаться государством. А оно устранилось от этого, и здесь вина всех руководителей, начиная с Президента.

– Что ж, получается какой-то заколдованный круг, из которого нет и не может быть выхода? – прямо спросил я.

Конарев снял очки, протер их, потом отложил в сторону и с мягким упреком заметил:

– Надо знать историю советского государства. У нас же панацею от всех бед ищут на Западе, там, где ее нет. А у России всегда были и будут только свои пути развития. У истоков советского государства стояли далеко не дураки, как сейчас пытаются нас уверить демократы. Когда в России закончилась гражданская война, народное хозяйство в прямом смысле было разрушено до основания. И перед Лениным стоял труднейший вопрос: что же делать? Он принимает единственно правильное решение – двинуть товарную массу, то, о чем я вам и говорил. Но как ее двинуть? Принимается гениальное решение – установить бесплатные тарифы на железнодорожные перевозки для семи видов грузов: продовольствия, вооружения, топлива, леса и так далее. Выполнение этого решения взять под государственный контроль. Но каким образом, если денег нет? И государство выпускает наряды советской власти, приравниваемые к определенной сумме. Такой наряд выдается, например, заводу, представитель его приходит на станцию,

вручает наряд начальнику, скажем, на сто тысяч рублей, тот принимает заводской груз и отправляет его по назначению. Наряд же поступает в Управление дороги, где их собирают и отдают в Наркомат путей сообщения. Оттуда наряды по перевозкам грузов в стране отправляют в Наркомат финансов, где находится золотой или валютный запас государства. Там подсчитывают, на какую сумму состоялись перевозки, и уже деньги передают в Наркомат путей сообщения на оплату железнодорожникам. То есть наряды здесь оказались стимулом для перевозок, и товарная масса пошла, вследствие чего ожили и заработали регионы, окраины России. Именно тогда Ленин и произнес свою знаменитую фразу: «Владивосток далеко, но город-то нашенький». Туда отправлялись зерно, вооружение для флота и армии, мануфактура, металл... Так был решен вопрос возрождения экономики советской России. А спустя год, когда такая система бесплатных тарифов хорошо сработала, дала обнадеживающие результаты, было решено к семи видам грузов добавить еще пять. И в зависимости от того, какие имелись у государства золотые ресурсы, определялось, на какую сумму можно было выписать наряды советской власти Наркомату путей сообщения с тем, чтобы не сдерживать развития народного хозяйства в стране. Вот почему уже в 1926 году советский рубль стал самой дорогой валютой в мире, а экономика страны вышла на уровень 1913 года. А сегодня реформаторы смотрят в рот заокеанскому дяде, думая лишь о собственном кармане. Запад нам не указ, у нас своя, российская специфика, вот поэтому им нас никогда не понять, а уж тем более не сломить...

Я слушал Николая Семеновича и думал о том, что ведь он и не думал уходить в отставку, он на посту. Не на том, на который назначает руководство, а на высочайшем посту патриота и гражданина своей страны. Поэтому его и не понимают сейчас – он никогда не делал карьеры, не работал ради денег и наград, не гнул спину перед властью, ему ни к чему пустозвонная слава, все то, чем живут, наверно, современные демократы. Пусть и не все. Конарев не левый и не правый, он из тех, кто составляет интеллектуальную мощь России. Этого не смог не отметить даже Запад.

Из книги «Кто есть кто из интеллектуалов в мире» (Международный библиографический центр, Кембридж, Англия, изд. 12-е, 1997):

«Николай Семенович КОНАРЕВ. Россия, 107140, Москва, ул. Краснопрудная, 18, а/я 141.

Николай Семенович Конарев родился 19 января 1927 года в г. Донецке в семье рабочего. В 1949 году он окончил Институт инженеров железнодорожного транспорта в г. Харькове. В течение 42 лет работал на различных должностях на железных дорогах и в министерстве. С ноября 1982 года по май 1991 года был министром путей сообщения СССР. За эти годы благодаря его усилиям железные дороги страны достигли наивысших показателей за всю свою историю. При 12 процентах протяженности путей от мировой железнодорожной сети грузооборот составлял 52 процента от объема перевозок по железным дорогам во всем мире при производительности с одного километра в несколько раз больше, чем в США и других высокоразвитых странах. В 1971 году он защитил диссертацию на степень кандидата технических наук и в 1991 году – докторскую диссертацию. Он разработал и внедрил теорию железнодорожных стыков, комплексную технологию перевозочного процесса на железнодорожном транспорте и опубликовал более 50 научных работ, включая «Энциклопедию железнодорожного транспорта», 1994 г., «Железнодорожники в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Он дважды избирался депутатом Верховного Совета СССР и был членом ЦК КПСС, где отстаивал принципы социалистической ориентации в политической, экономической и социальной областях будучи твердым поборником сохранения СССР и его транспортного комплекса, он был убежденным противником так называемой «перестройки», проводимой Горбачевым.

Конарев Н.С. – доктор технических наук, профессор, академик, вице-президент Академии транспорта России, президент Общества дружбы народов между Россией и Финляндией, пожизненный член Президиума IRCA (1989 г.). Он награжден многими правительственными орденами и медалями, имеет почетные звания. С 1991 года он является президентом Внешнеэкономического акционерного общества «Интертранс».

С 1993 года он – Президент Попечительского совета Московской государственной академии управления.

Плодотворность его деятельности на этих постах подтверждается высокими результатами работы этих организаций как на ниве рыночной экономики, так и в сфере высшего образования.

Он совмещает свою активность в экономических областях с научно-просветительской деятельностью.

В 1998 году Н.С. Конарев был избран Почетным президентом Международной академии транспорта».

Президенту Российской Федерации Б.Н. Ельцину

**О сохранении государственных железных дорог
как стержневой опоры всей экономики России**

Уважаемый Борис Николаевич!

Под видом серьезной озабоченности проблемой снижения совокупных затрат на перевозки грузов и пассажиров на железнодорожном транспорте руководство МПС совместно с рабочей группой Правительства (Е.Г. Есин) разработало, а Правительство в основном одобрило (Протокол от 29 января с.г.) проект Концепции структурной реформы федерального железнодорожного транспорта.

Внимательно ознакомившись с Концепцией и постановлением Правительства, я пришел к выводу, что эта Концепция не что иное, как диверсия против железнодорожного транспорта России. Такого мнения придерживаются многие специалисты и ученые транспорта. И дело не только в том, что она противоречит Закону «О федеральном железнодорожном транспорте». Реализация Концепции приведет к утрате государственности железнодорожного транспорта, к развалу его как стенового хребта всей нашей экономики и надежной опоры обороноспособности государства. На мой взгляд, исходя из интересов Российской Федерации, ныне действующая структура железнодорожного транспорта в основном должна быть сохранена с

внесением в нее лишь незначительных корректив, не снижающих ее надежности и потенциала для нормального функционирования в обозримом будущем.

Для такого вывода имеются серьезные основания:

1. Действующая сегодня производственная и управленческая структура железнодорожного транспорта не только жизнеспособная, но и самая эффективная в мире. И если бы в стране не было такого обвального падения производства и сохранились потребности в перевозках такими, какими они были до 1990 года, то никаких разговоров о реструктуризации не было бы и в помине.

2. Действующая структура обеспечивает достаточно высокую степень управляемости и рентабельности. Она нуждается лишь в поддержке государства в части компенсации затрат, возникающих из-за выполнения железнодорожным транспортом важной социальной функции – перевозки пассажиров. МПС с этой проблемой осталось один на один и вынуждено установить сравнительно высокие грузовые тарифы и таким способом частично покрыть убытки от пассажирских перевозок. Вместо того, чтобы решить эту глобальную проблему на государственном уровне, Правительство понуждает МПС идти по пути реструктуризации, что повлечет за собой целый шлейф тяжелых последствий для экономики, населения и государства в целом.

3. Действующая структура железнодорожного транспорта по затратам на единицу продукции самая экономичная в мире. Доля административно-управленческого аппарата в общей численности занятых составляет 7–8 процентов. Затраты из бюджета на содержание аппарата железных дорог имеют среди прочих государственных структур самый низкий уровень. В связи с этим возникает законный вопрос: зачем разрушать то, что достаточно совершенно?

4. Надежность работы железнодорожного транспорта общеизвестна. Его способность решать сложнейшие задачи как в нормальных условиях, так и при чрезвычайных обстоятельствах проверена жизнью и объясняется стабиль-

ностью кадрового обеспечения. Созданная ценой огромных усилий система подготовки, повышения квалификации и воспитания кадров достойна заимствования другими. Гибкость, живучесть, маневренность в управлении основными процессами показательны, и нужно все сделать, чтобы эти качества наших железных дорог сохранились.

5. И наконец последнее. На всех этапах исторического развития могущество, процветание и независимость России зиждились на монолитном и высоко организованном механизме железнодорожного транспорта. Нет необходимости доказывать его решающую роль в обеспечении обороноспособности и создании условий для подъема экономики современной России. Поэтому ни в коем случае нельзя искусственно породить внутри этой отрасли никому не нужные компании и сопутствующие им мафиозные структуры. Для России нужно сохранить единую железнодорожную систему.

Почему я вынужден обратиться лично к Вам по этому вопросу?

Только потому, что сегодня для транспорта России нет более серьезной, более ответственной и более жизненной проблемы, чем сохранение целостности производственно-технологического комплекса федеральных железных дорог.

Потому, что мое и ряда ученых транспорта обращение к В.С. Черномырдину накануне заседания Правительства 29 января с.г. не возымело действия, и было принято ошибочное решение в поддержку проекта названной Концепции, которое с тревогой воспринято работниками железнодорожного транспорта.

Потому, что как гражданин и патриот России, я не могу молчать, когда под видом борьбы с надуманным монополизмом железных дорог, под прикрытием компании по приватизации и акционированию закладывается заряд огромной разрушительной силы под основную экономическую и стратегическую опору Российского государства, какой является его железнодорожный транспорт.

Прошу Вас, Борис Николаевич, обязать Правительство пересмотреть позицию в отношении Концепции струк-

турной реформы федерального железнодорожного транспорта, нуждающейся в коренной переработке с участием Российской академии наук, Академии транспорта России и других организаций, рассмотреть переработанную Концепцию в Государственной Думе, Совете Федерации и Совете Безопасности.

Со своей стороны готов внести предложения, реализация которых сохранит государственность железных дорог и облегчит их финансовое положение в настоящее время и в обозримой перспективе.

*С уважением,
Министр путей сообщения СССР (1982 – май 1991 гг.),
вице-президент Академии транспорта
Российской Федерации*

Двойной портрет на фоне дикой природы

I

Александр Александрович стремительно вошел в кабинет, закурил и, нервно вышагивая, заговорил безо всякого вступления, словно в продолжение разговора. Не со мной, скорее, со своими оппонентами, которым председатель Центрального правления Ассоциации «Росохотрыболовсоюз» Улитин не первый год доказывает одну и ту же истину – не предотвратив надвигающуюся экологическую катастрофу, человечество само окажется на грани гибели. И сегодня на заседании Центрального совета «Росохотрыболовсоюза», куда съехались руководители краевых и областных обществ со всей России, он тоже говорил о состоянии охотничьего хозяйства в стране, хотя обсуждалась проблема гораздо глобальнее – о состоянии дикой природы, среды обитания зверей и человека...

– Да поймите вы, не будет будущего ни у России, ни у какой другой страны мира, если земная цивилизация начнет деградировать в результате нарушения среды обитания и в конечном итоге прекратит свое существование. Существующий мировой порядок оказался неспособным решить ни одной глобальной проблемы. Единственное, что он сподобился придумать, – насильственно выделить из всего человечества так называемый «золотой миллиард», избранных индивидуумов из стран Западной Европы, США, Канады, Японии... Остальные, естественно, обречены на вымирание.

Александр Александрович резким движением вдавил окурок в пепельницу и продолжил:

– Уже большинству ученых в мире давно очевидно, что с новым тысячелетием должно прийти и новое мировое устройство, иная модель развития общества. И единственный путь спасения человечества от глобальной экологической ката-

строфы видится в переходе его на ноосферный путь развития. Да, да, – энергично закивал он головой, видя мое удивление, – именно тот путь, о котором мечтал Вернадский и его ученики-последователи: Моисеев, Урсул, Маленков... Переход на разумный путь развития – это не утопия, а назревшая необходимость. Без вмешательства разума в развитие мировой цивилизации на духовно-нравственных принципах ее ждет деградация и вымирание. Ноосферное развитие базируется на четком понимании того, что человек является частью природы и должен подчиняться ее законам. Без сохранения гармонии в отношениях природы и человека невозможно продолжение и рода человеческого. Уничтожая ее, мы тем самым уничтожаем свое будущее. То, что мы сегодня успешно и делаем...

Я не пытался перебить Александра Александровича неожиданным вопросом. Честно говоря, не было в этом смысла. Прав он или не прав – покажет время, мне хотелось понять этого человека, найти те корни, тот фундамент, на котором развился не только дар ученого – доктора биологических наук, академика и вице-президента Петровской академии наук и искусств (ПАНИ), члена-корреспондента РАЕН, но и неординарного поэта, члена Союза российских писателей, издавшего 17 поэтических сборников. Вспоминая сейчас, что рассказывал мне Улитин о себе, я никак не улавливал того цементирующего раствора, той силы, которая смогла соединить воедино в одном человеке аналитический ум исследователя, организатора, и тонкого лирика, видящего мир «глазами души». Как-то не стыковались эти две разные ветви на одном дереве...

Из одиночества в люди

Тонкий слой облаков над лесом играл зеленоватыми оттенками, переходящими сразу в красноватые и оранжевые. Казалось, что небо запылало огнем-радугой закатного солнца, которое, уходя, вдруг решило напоследок всех изумить, разукрасив иными сочными красками беспредельную синеву на востоке – это было еще более удивительно и прекрасно, когда западная часть неба неумолимо быстро темнела.

Саша Улитин во все глаза смотрел на это чудо, не в силах отвести взгляда и забыв обо всем. Его просто распирала радость от неожиданного видения величия природы. Он не помнил, сколько оно длилось, но когда поугасли небесные краски, а облака превратились в обыденно-серые и не достигаемые для лучей закатного солнца, Саше вдруг стало грустно, потому как не видели всего этого его друзья и о чем обычными словами он рассказать им просто не смог бы. Улитин вновь ощутил внезапно заигравшую тоску одиночества, еще не понимая, что без этого, возможно, не было бы и чуда. Радость и непонятная грусть – они как бы перемешались в его сердце и неизвестно почему взволновали. Подобные противоречивые чувства охватывали Улитина не раз, но пройдет много лет, прежде чем ему станет ясно, откуда шла эта непонятная двойственность. Мыслями он редко будет окунаться в свое прошлое – тяжелое и не совсем приятное, но в то же время Саша прекрасно понимал, что от него ему никуда не деться, оно всегда будет с ним рядом, как его тень...

Чуть позже он прочитает у Михаила Пришвина: «Но самая суть чисто человеческого здоровья – это когда его неудержимо тянет сказать что-то хорошее другому человеку, как будто это даже закон: раз мне – то должно быть и всем хорошо!». Это было написано и про Сашу Улитина...

Сумрачным декабрьским днем во двор Шуйского районного дома приюта для младенцев въехали сани, запряженные гнедой лошастью. На передке сидел бородатый мужик в тулупе, сзади – женщина в пальто, она была закутана в платок и держала на руках грудного ребенка, завернутого в серое одеяло. Спрыгнув с саней, мужик кнутовищем стукнул в дверь и, когда та приоткрылась, охрипло крикнул:

- С села Дунилово, жильца вам нового привезли...
- Быстрее заходите, не лето, чай...

Женщина неторопливо слезла с саней, не выпуская ребенка из рук, сделала несколько неверных шагов застывшими ногами, но у двери остановилась.

– Ты меня тут жди, – строго взглянула она на возницу, – я скоро...

В кабинете директора, куда привела ее нянечка, женщина осторожно положила ребенка на продавленный кожаный ди-

ван и, развязав платок, тяжело опустилась рядом. Затем достала бумаги и протянула их директору – молчаливой женщине лет под пятьдесят с утомленными глазами на морщинистом лице.

– Я из сельского попечительского совета, – наконец представилась вновь прибывшая. – Решением совета Саша Улитин, – кивнула она на неподвижный сверток из одеяла, – неполный месяц ему и сроку-то – направляется к вам. Отец семьи погиб на фронте, а мать, Антонина Дмитриевна Улитина, перенесла после родов тяжелую операцию... Так что пришлось двоих ее старших – сына и дочь – в детский дом определять, а этого сюда. Тех временно, судя по всему, ну а Саша, – она вздохнула и почему-то поежилась, – останется здесь, думаю...

Директор взглянула на стоявшую у двери нянечку и коротко проговорила:

– Давай, Семеновна, определяй...

Обо всем этом Александр Улитин узнает спустя годы. Именно эта нянечка и станет для него второй матерью, добродушное лицо которой и ласковые, воистину материнские руки запомнились осмысленному взору парня с самого начала. Она кормила его, укладывала спать, гуляла с ним, очевидно, как и с другими детьми. Но отложились в памяти Улитина ее первые слова: «Мой Саша...». Он и считал ее своей матерью, и называл ее только мамой. Поэтому, когда Саше исполнилось семь лет и вместе со своими сверстниками он должен был переселиться в Луховский детский дом, главной для него бедой и несчастьем стало расставание с матерью. Он словно чувствовал, что больше ее не увидит, – она стояла у двери, поникшая и бледная, украдкой вытирая кончиком платка невольные слезы. А воспитательница из Луховского детского дома Анна Дмитриевна, приехавшая за детьми на машине, говорила Улитину, что настоящая его мама живет в Дунилово и они обязательно поедут к ней...

Саша ничего не понимал, вырвался из рук, и, чтобы как-то успокоить ребенка, шофер посадил его в кабину рядом с собой...

Года через три Улитин вместе с Анной Дмитриевной действительно поехал в Дунилово. Саша, уверенный, что они едут

к той его маме, которая осталась в детском приюте, увидел вдруг чужую женщину и никак не мог понять, почему все вокруг твердят, что это и есть его мама. Он же знал совершенно другую...

И даже спустя годы, когда почти каждые школьные каникулы Саша проводил в Дунилово и как-то привык к родной матери, время от времени сердце его сжимала тоска по той, другой маме, растерянной и в слезах, и он не знал, как избавиться от этого гнетущего чувства двойственности. Но наедине с ним Улитин не мог не осознать и своего одиночества. Так бывает даже при наличии множества друзей, если душа человека развивается, стремится постичь самое себя...

Ночной выстрел

II

Из чердачного окна сарая с выбитой форточкой хорошо был виден на снегу светлый круг от фонаря на столбе, за которым чернели в ночи плотной стеной сосны. Улитин пригреб ближе к окну большую охапку сена, поудобнее устроился на нем и высунул дуло охотничьего ружья в форточку. Теперь оставалось только дожждаться лисицу. В том, что она обязательно придет, Саша почему-то не сомневался...

Сегодня утром, когда Улитин, как обычно, шел на ферму доить коров, он вдруг увидел на снегу витиеватую цепочку следов. Было еще темно, но, присмотревшись, Саша понял, что здесь пробежала лисица. И тут же закралась мысль выследить ее и... Прекрасное чучело можно было бы сделать для детдомовской коллекции. Однако, подумав, понял, что желание его неосуществимо. Во-первых, никто ему не даст ружья, а рассказать Владимиру Алексеевичу Зайцеву, учителю по труду и охотничьему, так он сам отправится на лисицу охотиться. И хорошо еще, если его возьмет с собой.

Улитин поежился, поднял воротник пальто, поглубже на лоб надвинул шапку и торопливо зашагал дальше. Подходя к ферме, он увидел на навозной куче двухдохлых новорожден-

ных поросят, которых, очевидно, придавила свинья, что уже случилось. Но не их ли учяла лисица, потому и объявилась в окрестностях детдома? Эта мысль неотступно преследовала Улитина и во время дойки, словно заноза в мозгу застряла. И все такие разрозненные вроде бы вещи: лисица –дохлые поросята – ружье Владимира Алексеевича – как-то разом организовались в одну цепочку, связующим звеном которой был он сам. И факт охоты на лисицу показался Улитину не таким уж и не осуществимым.

Ближе к вечеру Саша уже на лыжах пошел к ферме, взял мертвого поросенка и осторожно протащил его по снегу рядом со следами лисицы, не нарушая их. Теперь дело было за ружьем, которое Владимир Алексеевич хранил в шкафчике в мастерской. Открыть его не составляло труда. Взяв ружье и два патрона, Саша завернул его в телогрейку, потом в халат и отнес на сеновал, как назывался сарай недалеко от фермы, где хранили сено. На чердаке Улитин и спрятал ружье. Саша надеялся, что за ночь успеет почистить его после выстрела и положить на место. Потом можно во всем и признаться, но победителей не судят...

Сейчас, сидя у окна на сене, Саша терпеливо ждал, когда появится лисица. Ему уже не так было тоскливо и обидно за то, что кто-то спалил его тетради с записями наблюдений. Фенологический дневник, как называл его Владимир Алексеевич. Результаты нескольких лет наблюдений за живой природой. Очевидно, чтобы как-то успокоить парня, Зайцев после этого и стал брать его с собой на охоту. Чем-то приглянулся учителю по труду Саша Улитин.

Детский дом, куда привезли Улитина, находился в поселке Лух. Это было кирпичное трехэтажное здание с двухэтажными крыльями-пристройками – бывшая барская усадьба стояла посреди соснового бора. Название поселка осталось от времен русско-польской войны, когда польские шляхтичи так и не смогли взять приступом и осадой русскую крепость Лух. В гражданскую войну, как и в Отечественную, усадьбу занимали под военный госпиталь. В здании сохранились даже деревянные лотки, по которым прямо из операционной скидывали в котельную ампутированные конечности солдат, где

те и сжигались. Дом был окрашен в белый цвет, очевидно по медицинским нормам.

Большинство детдомовских детей послевоенной поры отличало трудолюбие, самостоятельность и чувство коллективизма. Улитин не был исключением из этого общего правила. Правда, за желанием работать, вообще что-то делать, не сидеть сложа руки Саша пытался скрыть надсадное чувство совершенного над ним насилия. То, что его лишили матери, сделало Улитина на первых порах неразговорчивым и замкнутым. Ему больше нравилось находиться в одиночестве, поэтому и искал любую работу. Однако делал все на совесть, как и учился. Может, поэтому и обратил на него внимание Владимир Алексеевич. Да и характерами они оказались как бы схожи – Зайцев был небольшого роста, человек осторожный и сдержанный. Именно он и раскрыл Саше глаза на лес и его обитателей, заставив его по-иному относиться ко всем живым тварям. Улитин ловил ужей, мышей, птиц, кормил их зиму вместе с товарищами, а весной выпускал на волю...

Однажды на уроке русского языка они писали сочинение. Улитин сосредоточенно водил пером, совершенно не обращая внимания на ужа, который ползал у него под рубашкой. Саша и не заметил, как уж заполз в правый рукав, и как в какой-то момент его змеиная головка с быстрым языком вдруг поднялась из рукава. И надо же было, чтобы как раз в эту секунду сзади подошла учительница и, погладив его по голове, спросила:

– Ну как, все понятно?

Саша хотел было ответить, поднял голову и увидел округлившиеся от страха глаза учительницы. Она отдернула руку и, отшатнувшись от него, почему-то на цыпочках медленно пошла к двери. Выскользнув в коридор, она пугливо заглянула в класс и сердито зашептала:

– Улитин, выйди из класса. Ты слышишь, Улитин, выйди...

От директора тогда Саше здорово досталось за то, что он таскает на уроки змей, а заодно и за мышей, снегирей – в общем, за весь живой уголок. И как ни пытался Улитин объяснить, что это всего лишь безобидный уж, это только больше рассердило директора.

Зато Сашин проступок вызвал совершенно иную реакцию у Зайцева. Встретив Улитина в коридоре, Владимир Алексеевич с усмешкой взглянул на него и сказал:

– Значит, животных любишь... Тогда их лучше в неволе не держать, они, брат, в неволе тоскуют. Ты лучше наблюдай за ними, а наблюдения свои в тетрадку записывай. А я тебе помогу...

Зайцев и научил Сашу читать по следам – где сорока проскакала, где вороны бились или обозначились на снегу следы взмахов крыльев глухарей на току, где вилась устойчивая цепочка следов лисицы... Улитину это нравилось, он бродил по лесу и записывал, когда капель весной начиналась или первая проталина обнажала пожухлую бурюю траву, когда появлялись грачи, скворцы, как ведут себя поползни, что клесты своих птенцов выводят зимой... И понемногу уходила из сердца тоска, чувство одиночества, видимо хорошо известное и Зайцеву, раз он понял Сашу Улитина и нашел верный путь к его душе. А это для детдомовца иногда становится жизненно важным...

Лисицу Улитин прежде почувствовал, чем увидел, и замер, всматриваясь в темноту. Спустя какое-то время мелькнула на снегу тень, и в ту же минуту Саша заметил на границе светового пятна настороженного зверька – лисица потягивала носом воздух, не решаясь преодолеть полосу света.

Улитин взвел курок и прицелился. И как только лисица решила шагнуть на свет, Саша выстрелил. Она уткнулась мордой в снег и не двигалась. Улитин выжидал – может, только ранена? Саша хотел было уже спуститься вниз, но тут услышал яростный собачий лай и гневный голос сторожа дяди Вани:

– Кто там дурит? А ну выходи, собаку спускаю...

Улитин даже сообразить не успел, как услышал злобное рычание сторожевой овчарки, ворвавшейся в сарай.

– Да это я, Улитин, – закричал Саша, понимая, что теперь ему уже не вырваться. Вредного и мстительного сторожа не любили многие, но ночью он был полновластным хозяином в детдоме и не терпел никаких ночных происшествий. А воспитатели приходили только утром. Поэтому теперь Улитин молча терпел жесткую руку сторожа, тащившего его к дому. Там он толкнул парня в темную сушилку и запер дверь.

Однако Саша ни о чем не жалел и встречи с директором на следующее утро не боялся, потому как ничего плохого он не совершил, наоборот, добыл лисицу... Но в кабинете директора главным вопросом стало, где он взял ружье? И когда выяснилось, что ружье-то он фактически украл, то по-иному уже смотрел на случившееся и директор. Во время разбирательства в кабинет зашел Зайцев и попросил Сашу подождать пока в коридоре. О чем беседовал он с директором, Улитин так и не узнал. Но когда Зайцев вышел из кабинета, он сказал Саше, чтобы тот успокоился и шел в свою комнату...

Улитин да и никто другой и предположить в то время не могли, что именно эти мрачные события повлекут за собой положительные последствия. Пройдет совсем немного лет, и Саша вопреки заведенным в детдоме правилам, что после окончания восьми классов детдомовцы поступают учиться дальше в ремесленные училища, наотрез откажется сделать это. Узнав из газеты про Московский заготовительный техникум, где учат на охотоведов, он решил поступать только туда, хотя директор был против. И снова Улитина поддержал в его устремлениях Зайцев. Саша хорошо запомнил слова учителя по труду, сказанные им однажды во время одного из походов в лес:

– Охотник, брат, это прежде всего самый рачительный хозяин в природе. Отстреливать дичь – то не главное их дело. Главное – сохранить условия существования зверью всякому, среду их обитания, лес, тогда сохранишь природу и для людей. Она для всех одна...

И все же окончательный выбор помог сделать Улитину Михаил Пришвин. На чердаке детдома Саша как-то наткнулся на потрепанную книжонку, в которой недоставало нескольких листов. Его поразило название книги «Глазами Земли». Улитин прочитал ее залпом, и она стала его настольной книгой на долгие годы.

«Если будет вода и в ней ни одной рыбки – я не поверю воде. И пусть в воздухе кислород, но не летает в нем ласточка – я не поверю и воздуху. И лес без зверей с одними людьми – не лес...». Эти слова русского писателя Михаила Пришвина навсегда запали в душу Саше. Больше он уже не колебался.

III

– ...Россия располагает уникальным природно-ресурсным потенциалом, – продолжал Александр Александрович, поглядывая на часы, – перерыв заканчивался. – На территории нашей страны сосредоточена треть мировых запасов природного газа, почти 14% нефти, около четверти железных руд, пресной воды, лесных ресурсов. Земельный фонд России составляет чуть ли не два миллиарда гектаров, а это превышает площади других государств мира. Да и вообще по природным ресурсам, во всяком случае по многим их видам, Россия может вполне соперничать с такими континентами, как Европа, Северная, Южная и Центральная Америка, Австралия. Надо только распорядиться по-умному этими запасами. А мы лишь видим, как эти ресурсы разбазариваются...

– То есть вы знаете выход из создавшегося экономического положения в стране? – поспешил уточнить я, совершенно сбитый с толку. – Выходит, до вас никто этого не знал?

– Наоборот, всему миру известно, – отмахнулся с усмешкой Александр Александрович. – Вы знаете, почему в Кувейте или в Арабских Эмиратах высокий уровень жизни у населения? Например, на Аляске каждый гражданин с момента рождения имеет в год определенную сумму. Скажем, тысячу долларов. Деньги выплачиваются населению теми нефтяными корпорациями, которые используют природные ресурсы. Они платят так называемую природную ренту. А в России народ нищий, потому как олигархи не хотят делиться с населением, присвоив себе в личное пользование природные ресурсы, принадлежащие всем. Вот почему в своей экономической политике нам необходимо переходить на рентные платежи. То, что принадлежит государству, а значит, и населению России, в качестве природного ресурса – кстати, это и животный мир тоже, – в виде платы за его использование должно поступать только государству и перераспределяться на охрану, воспроизводство, в нашем случае, и идти на укрепление социальной сферы общества. А резервы здесь довольно приличные, о которых, кстати, тоже всем известно. Смотрите, внутренний валовой продукт (ВВП) составляют 5% труда, 20% капитала и 75% природной

ренты, то есть нашего с вами богатства. А что в казну идет в виде налогов? Соответственно 75, 17,6 и 13,5%. Как вам это нравится? И если правительство изменит данные соотношения, то именно в природной ренте спасительный резерв для страны и для поправки положения благосостояния нашего народа.

В нашей практике – это система зачетов и компенсаций затрат обществ охотников и рыболовов, то есть их собственных средств, на охрану и воспроизводство госохотфонда. Именно принципы ренты и соответствующих льгот мы будем защищать при доработке части второй Налогового кодекса России в Государственной Думе...

Дамоклов меч закона

Нефтяные вышки Сургута остались позади, вертолет летел над заснеженной тайгой, которую разделяли внизу просекой две нитки нефтепровода. Именно над ними и летел сейчас начальник Отдела охраны фауны и охотничьего надзора Главохоты при Совмине РСФСР Александр Улитин вместе с охотинспектором. Перелетая от бутика к бутику – к установочным пунктам трассы нефтяников, они искали следы браконьерства...

Неделю назад Улитина вызвали в Сельхозотдел ЦК КПСС и ознакомили с письмом, в котором сообщалось, что руководство нефтепромыслов постоянно производит хищнический отстрел лося с вертолета. На письме стояла резолюция секретаря ЦК КПСС Пельше... Такое поручение Улитин получал не впервой. По заданию секретаря ЦК КПСС начальнику Отдела Главохоты приходилось расследовать случай браконьерства и высших армейских чинов, отстреливавших на Новой Земле белых медведей – животных, занесенных в Международную Красную книгу (МСОП). Были и другие факты. Браконьерствовали всегда чиновники крупного масштаба – руководители областей, директора предприятий... Все подобные случаи рассматривались Отделом охотнадзора, и заключения, подписанные Улитиним, ложились на стол секретаря ЦК КПСС

Пельше, который возглавлял Комиссию партийного контроля. И, насколько было известно Александру Александровичу, для провинившихся руководителей разбирательства заканчивались плачевно...

Все это было в практике работы отдела, которая отбирала у Улитина все время, не оставляя ни дня даже для завершения кандидатской диссертации, фактически готовой. Научным руководителем ее был профессор Томилин, преподававший во ВСХИЗО. Именно Авенир Григорьевич и отметил незаурядные способности студента Александра Улитина, его целеустремленность в достижении цели. Томилин подсказал ему и тему для диссертации – изучение ответных реакций гренландского тюленя на инфракрасное облучение и биологически активные вещества. Пять лет подряд Улитину приходилось по два месяца работать на Белом море, испытывая на тюленях действие специальных ламп и новых препаратов. За эти исследования Александр Улитин в составе группы ученых получил свидетельство об изобретении. Но главное, что работой Улитина был доволен Томилин, который и торопил его с защитой диссертации. Вчера он звонил опять, однако Улитин ничего конкретного так ему обещать и не смог...

«Давай вниз», – показал рукой пилоту охотинспектор, и Александр Александрович с трудом приметил затаившуюся среди вековых сосен избушку. Здесь просека была гораздо шире, и, взвихрив снег, пилот мягко посадил вертолет буквально в десятке метров от охотничьего домика. Дверь его была подперта толстой орясиной. Убрав ее, они вошли в дом, и даже повидавший немало всего Улитин был поражен – внутри изба оказалась заваленной рогами и копытами лосей. Здесь же, на месте, они составили протокол, зафиксировав в нем приблизительное количество обнаруженных улик...

Да, получалось, что дамоклов меч партийного разбирательства, висевший над каждым советским чиновником, способен был породить только страх, но никак не ответственность. Ее воспитать мог только закон, перед которым все были бы равны. Александр Александрович прекрасно понимал, что решение проблемы именно в ликвидации пробелов в охотничьем законодательстве, а если смотреть еще

глубже, то и в законе о животных. Поэтому Улитину большее удовлетворение приносила его деятельность в составе Рабочей группы Верховного Совета РСФСР по выработке законодательных актов, инициатором которых в основном он сам и был. Немало сил он вложил и в разработку Закона «Об охране и использовании животного мира», принятого в 1982 г. Верховным Советом РСФСР. Александр Александрович считал это огромной победой закона над человеческим произволом в природе. Затем пошла уже будничная, хотя и немаловажная, работа над подзаконными актами, такими, как «Кадастр животного мира», надо было готовить и соответствующие постановления по вопросам, связанным с регулированием численности животных, развитием охотопользования и его самостоятельности. Конкретная работа над нормативными документами помогла Улитину понять главное – без изучения проблем охотничьего хозяйства в целом как отрасли не решить и проблем, связанных с правильным нормированием в законодательстве. Это просто невозможно. Но работая в Главохоте, Улитин по должности своей курировал деятельность «Росохотрыболовсоюза» – крупного российского общественного охотопользователя, обслуживающего около 17% всех охотничьих угодий России. Трения между руководством Главохоты и «Росохотрыболовсоюзом» тогда еще не были превращены в непримиримую борьбу. Организация общественного охотопользователя существовала за счет собственных средств, приносила немалый доход государству и всеми своими действиями способствовала сохранению и воспроизводству не только диких животных, но и среды их обитания. Здесь в основном все регулировалось экономическими соображениями, насколько это позволяла система, а в Главохоте признавали более действенными в управлении волевые решения. И Александр Александрович постепенно принимал сторону «Росохотрыболовсоюза», убеждая руководство всех уровней, что уже результатами своей деятельности они доказали, какие методы лучше для рационального использования природного ресурса. Говорил он это неоднократно и в ЦК КПСС, защищая именно и государственные, и общественные интересы...

Из командировки в Сибирь Александр Александрович вернулся здорово уставшим и опустошенным. Однако сон не шел. Он сел к столу и мысли потекли сами собой:

*Душа небывалой соперницей
Любить заставляет всерьез,
И сущее множит и вертится
Среди заклинаний и слез...*

Строчки стихотворения ложились на бумагу, и одновременно уходило их сердца гнетущее беспокойство, тоска. Сам он вряд ли понимал, что с ним происходит, да он и не думал об этом. Хотя несколько и удивился, потому как настроение его явно не было лирическим...

А утром Улитина вызвали в ЦК КПСС, но совсем не по делу о браконьерстве. Ему предложили возглавить Ассоциацию «Росохотрыболовсоюз». На Центральном совете это предложение было поддержано, а спустя год Съезд утвердил А.А. Улитина председателем Центрального Правления Ассоциации «Росохотрыболовсоюз». Он с головой окунулся в работу. Свою кандидатскую диссертацию Александр Александрович защитит лишь спустя три года.

Тогда он еще и предположить не мог, что работа его в Ассоциации заставит вообще по-новому взглянуть не только на охотничье хозяйство, но и на проблему сохранения дикой природы. Выводы свои Улитин изложит в докладе Московскому отделению Петровской академии наук и искусств (ПАНИ), который и станет основой его докторской диссертации «Экономические, экологические, правовые проблемы развития охотничьего хозяйства в условиях обеспечения охраны охотничьих животных». Здесь уже Улитин убедительно показал и прошлое охотничьих хозяйств России, и их настоящее в условиях развала вследствие так называемых «экономических» реформ; он сумел в ней отразить и пагубность отсутствия в природопользовании государственной политики, надлежащей координации между федеральной властью и региональными властями, а также отсутствие законодательного закрепления надлежащих прав охотопользователей, которые давали бы им

возможность развиваться в рыночных условиях; приводился анализ существующего налогового законодательства, мешающего этому развитию, а затем очень ясно показал и роль науки для охотничьего хозяйства как самостоятельной отрасли...

IV

Заседание Центрального Совета закончилось поздно, но дела все не отпускали Улитина – продолжались телефонные звонки, толпился народ в кабинете... Однако чувствовалось, что Александр Александрович здорово устал, да и день у него был довольно напряженным. Он все больше хмурился и как-то односложно и вяло отвечал на вопросы. Увидев, что я заметил перемену в его настроении, Улитин тихо признался, что усталость тут ни при чем, а выяснились обстоятельства, которые любого могут привести в уныние, правда, от него они этого не дождутся. Как оказалось, вместе с доктором экономических наук, профессором и академиком РАЕН Н.Н. Лукьянчиковым и доктором биологических наук, академиком ПАНИ В.А. Кузякиным они разработали «Концепцию государственной налоговой политики», где речь шла как раз о природной ренте, то есть о формировании доходной части бюджетов, федерального и региональных, за счет платежей за природные ресурсы, доходами от которых сейчас пользуется лишь небольшая группа людей, хотя все ресурсы в стране по закону принадлежат государству, а значит, всем. Проект этой Концепции и экономическое обоснование некоторых главных ее положений разработчики отправили заместителю Председателя Правительства РФ В.Б. Христенко и спикеру Государственной Думы Г.Н. Селезеву. Из Правительства ответа пока не поступало, а вот председатель нижней Палаты Парламента России дал указание соответствующим фракциям и Комитетам проработать предложения ученых.

– Стала известна первая неофициальная реакция некоторых депутатов Госдумы, – со вздохом проговорил Улитин, – крупных бизнесменов. Ознакомившись с нашей Концепцией о природной ренте, они заявили, что, если такой закон пройдет, тогда, мол, в этой стране им делать нечего. Вы представляете?

Александр Александрович машинально достал из пачки сигарету, но, видимо, сразу забыл о ней.

– Любопытный факт, задумчиво заговорил он снова. В 1992 году Россия вместе со 178 государствами подписала на Конференции ООН в Рио-де-Жанейро несколько программных документов, которые определяли согласованную международную политику по обеспечению устойчивого развития и сохранению биосферы Земли. И что вы думаете?

А США отказались подписать эти документы. Они привыкли жить за счет природных ресурсов других стран, в том числе и России... А у нас денег нет в государстве на борьбу с волком и браконьерством, все на общественные организации свалили...

Улитин снова замолчал, теперь надолго, думая о чем-то своем. И я не мешал ему.

– Лет десять назад, – наконец-то прикурив, сказал Александр Александрович, – я написал стихотворение, где есть такие строки – Земля вне закона. Она полигон для судеб. Мы в космосе дома. И так не наделать бы бед... – он невесело усмехнулся, – получается, накаркал...

Я слушал немного резковатый голос Улитина, и вдруг вспомнил, как при чтении сборника стихов Александра Александровича меня все время преследовало ощущение чего-то нереального. Но я никак не мог понять, в чем тут дело. И только теперь я осознал, что меня поразило в творчестве Улитина – это почти явное отсутствие стихов о природе в прямом смысле этого слова. У него все стихи были о любви. Я бы даже назвал поэта Александра Улитина любовным лириком. Могло ли такое быть случайностью? Теперь же, зная о нем несколько больше, я наконец-то понял, что Улитин на своей должности, а значит, и в жизни занимается не просто спасением дикой природы от людского произвола, он еще и бескомпромиссный борец против дикой природы в самом человеке. А на это способен только тот, кто одержим неистощимой силой любви ко всему живому. Очевидно, светлое чувство любви и есть то связующее качество в его натуре, которое сделало личность Улитина цельной и неразделимой. Именно любовь способна была родить в его душе справедливое чувство жалости к «братьям нашим меньшим». Именно любовь подвела его к мысли

о правильности и необходимости ноосферного пути развития России. И я теперь знаю точно, что главное здесь все-таки не сфера Разума – это постфактум, следствие работы и духовного продвижения сферы Души. И что именно сфера Души вмещает в себя сферу Разума, ноосферу бытия – будущего и России, и всего человечества.

Золото под ногами

... Апельсиновая роща цвела, словно окутанная душистым белым облаком, сквозь которое едва проглядывала дрожащая в мареве нагретого воздуха листва. На фоне голубых гор по берегу залива вся эта красота казалась неземной. А деревенские дома из серого отесанного камня вокруг, окруженные массивными оградами, уже не казались грубыми – и сердце маленького Сельмана наполнялось радостью. Он и сам не знал почему...

– Вот ты где, внучек...

От неожиданности Сельман вздрагивает и с испугом оглядывается – если отец, то мог и наказать, слоняться без дела он никому не позволял. Увидев деда Ляме, заулыбался, сразу вскочил с камня, на котором сидел, уступая место.

– Что же ты тут высматривал? – внимательно глядя на внука, дед опускается на камень. Но ответа, видимо, от внука ему и не требовалось, потому как тут же снова заговорил: – Наша Албания – страна гор! Но это хорошо, в них несметные богатства запряты. Золото... И тот, кто находит его, становится богатым человеком. Только это непросто – отыскать золото в земле. Много знать для этого надо. Зато если найдешь... – дед Ляме вздыхает и задумчиво смотрит в даль. – Золото – самый дорогой товар на свете, понял?

– Да разве искать золото учат? – затаив дыхание, с удивлением спрашивает Сельман: может, дед шутит?

– Конечно, внучек. А золотоискателей называют геологами. Они в почете у самого короля...

Этот случайный разговор с дедом навсегда запал в душу Сельмана. Именно тогда он твердо решил, что станет геологом и обязательно найдет в горах много золота. И сделает всех родных богатыми и счастливыми. Такое детское желание жителя небольшого албанского села Радим Влор-

ской области Сельмана Лямеборшай и поведет его по жизни, да только путь этот окажется и трудным, и сложным. Но, наверное, большой цели и нельзя добиться легко. Главное в другом – Сельман отыщет свое золото, осуществится его мечта, правда, им окажутся совсем другие ценности. И обретет он их не у себя на Родине.

Бегство

Голые серые стены небольшой комнаты, в которой, кроме письменного стола и нескольких стульев, ничего не было, окрашивали лучи заходящего солнца, косо бьющие в окно и делая их кроваво-мутными. Над столом висел портрет Первого секретаря ЦК Албанской партии труда Энвера Ходжи. Под ним, словно его продолжение, сидел капитан госбезопасности – в таком же военном кителе, который перекрещивали кожаные ремни. Все это напряженным взглядом Сельман успел заметить, едва вошел в кабинет.

– Садитесь, товарищ Лямеборшай, – оторвавшись от бумаг, с улыбкой произнес капитан. – Так, родились вы 12 февраля 1931 года во Влорской области, сейчас вам тридцать два года, переведены к нам из Министерства сельского хозяйства, – скороговоркой произнес он. – Я ни в чем не ошибся?

– Да нет, все правильно...

– Мы вас пригласили по важному государственному делу. Человек вы заслуженный, партизанили в войну, награждены медалью... Мы знаем, что вы патриот своей родины и потому уверены, что окажете нам помощь. Вы закончили Московский лесотехнический институт, а такие, кто учился в Советском Союзе, и у нас в Эльбасане работают. И нам очень хотелось бы, чтобы вы чаще встречались с ними. Нам важно знать, что они думают о наших отношениях с СССР. Какие разговоры ведут о культе личности товарища Сталина, одобряют ли действия Хрущева? Вы меня понимаете?..

Сельман вдруг вспомнил, как провожал на вокзале Сусанну и Павла. Жена с сыном уезжали в Москву, как и другие русские жены албанцев, которых выдворяли из страны в связи с

обострившимися отношениями между Албанией и Советским Союзом. В глазах ее стояло непереносимое отчаяние, и с мукой в голосе она, как заведенная, шептала, что они больше никогда не встретятся. Сельман, как мог, утешал ее, хотя тревога все настойчивей стучалась и в его сердце. Особенно, когда начались аресты тех, кто учился в Советском Союзе.

Лямеборшай невольно вспомнил 1952 год, когда он вместе со своим другом Димитрием Янчо приехал в Москву, чтобы поступать в Московский лесотехнический институт. Сердца их то замирали от радости, то начинали бешено колотиться от страха – они ни слова не понимали по-русски. в первый же день иностранных студентов собрали в большой аудитории, и невысокая, черноволосая и смуглая женщина стала им что-то говорить. Из всего сказанного ею Сельман только и понял, что ее зовут Роза Яковлевна Берия. Потом она написала на доске алгебраическое уравнение, и тут уж Лямеборшай облегченно вздохнул – математику он любил и неплохо в ней соображал. Учась на зоотехническом факультете сельскохозяйственного техникума в Тиране, он много раз одерживал победы в математических олимпиадах и конкурсах. Поэтому Сельман открыл тетрадь и, уже не слушая, что говорила преподавательница, начал решать уравнение. Увлекся и не заметил, как Роза Яковлевна оказалась рядом. Увидев, что он справился с заданием и отложил ручку, она взяла его тетрадь и, показывая ее присутствующим, сказала, что студент из Албании не знает русского языка, зато уравнение решил правильно, а вот некоторым, мол, я все объяснила, но они так и не смогли его решить. Правда, об этом ему стало известно немного позже.

Да, а теперь все эти люди там, в Москве, стали вдруг врагами Албании? Своего отношения к России Лямеборшай никогда и ни от кого не скрывал, тем более многое, что там происходило, одобрял. Работал он в Лесном департаменте Министерства сельского хозяйства Албании, занимался лесоустройством, часто бывал в разъездах, поэтому размышлять о каких-то политических нюансах не было ни времени, ни желания. Но однажды его направили в одно из лесных хозяйств отпустить лесосеку Тепеленскому деревообрабатывающему комбинату. Вместе с директором они ехали верхом на лошадях по лесу и

разговаривали. Узнав, что Лямеборшай учился в Советском Союзе, с интересом стал расспрашивать о жизни в Москве, о политике Хрущева... Сельман отвечал на его вопросы со всей прямотой, тем более, что директор, судя по всему, такие его взгляды разделял. Однако, когда Лямеборшай вернулся в Тирану, его сразу вызвал заместитель министра сельского хозяйства и с хмурой озабоченностью стал выпрашивать, о чем он говорил с директором комбината.

– Так вот, – едва выслушав Сельмана, пояснил замминистра, – директор о вашей беседе уже донес в МВД, оттуда его письмо переслали нам с требованием, чтобы мы разобрались с тобой. Ты понимаешь? Поэтому, чтобы спасти от тюрьмы, мы тебя переводим инженером по зимним пастбищам в Эльбасан. Уехать необходимо сегодня же...

Слежку за собой на новом месте работы Лямеборшай почувствовал где-то спустя месяц-другой. И пусть ничего противозаконного за ним не было, сердце нет-нет да и сожмется тоскливо. Тревога нарастала. В Тиране его было кому защитить или хотя бы предупредить об опасности, здесь же он был совершенно одинок. «Теперь и задание министерства выполнить не удастся», – подумал с сожалением Сельман и удивился таким своим мыслям. Ему бы надо думать, как в тюрьму не попасть, а он о работе...

Письмо из Министерства сельского хозяйства Лямеборшай получил на днях. В нем заместитель министра, зная, что Сельман не только хороший специалист, но и человек принципиальный, просил его выехать в Шиставецкий район, откуда пришла жалоба крестьян в правительство о неправильном определении площадей и категорий пастбищ, за что им приходилось платить большие налоги, и разобраться с этими жалобами. Однако Лямеборшай не смог сразу уехать, не закончив посадку лесных насаждений, здесь, в Эльбасане. И вот теперь...

Сельман рассеянно слушал капитана городского отдела КГБ, постепенно осознавая, что отказаться от предложения его сотрудничать и доносить на своих сограждан и остаться на свободе ему вряд ли удастся, но и согласиться на это было бы выше его сил. Значит, надо уйти от прямого ответа хотя бы на время, а там он уедет... Но для этого ему необходимо найти

вескую причину. А письмо? Может, и на этот раз замминистра поможет ему...

– Товарищ капитан, – дождавшись короткой паузы в словопрениях особиста, торопливо заговорил Сельман, – честно говоря, моя специальность не очень-то располагает к общению – я большей частью либо на пастбищах, либо в лесу, свободного времени фактически нет. Да и дружбы мне никто не предлагает...

– Ну, это все поправимо, – усмехнулся капитан, с прищуром взглянув на него.

– Естественно, – поспешил согласиться Лямеборшай дрогнувшим от волнения голосом, – но суть не в этом. Мне надо просто взвесить свои возможности и спокойно обдумать все. Тем более, что на несколько дней мне придется уехать по просьбе заместителя министра сельского хозяйства, если, конечно, вы не будете возражать, – и он протянул капитану письмо на официальном бланке министерства.

– Значит, Шиставецкий район, – задумчиво произнес особист, – рядом с югославской границей... Что ж, мы продолжим нашу беседу после вашего возвращения из командировки. Даже поможем выполнить ответственное задание правительства, – капитан уже не улыбался, и от того, как он это произнес, у Сельмана все внутри похолодело.

Он ждал продолжения, но капитан молча отпустил его, и оказавшийся на улице Лямеборшай облегченно вздохнул. Теперь он знал, что делать. Как же раньше ему не пришла в голову мысль, что Шиставецкий район граничит с Югославией! Это же так просто. Вернувшись домой, Сельман собрал все свои документы и в этот же день налегке, как и подобает командировочному, уехал.

Однако, что скрывалось за последними словами капитана госбезопасности, Лямеборшай понял, как только приехал в Шиставец – теперь всюду его сопровождали пять вооруженных винтовками солдат, которые действительно помогали Сельману в работе, переносили теодолит, рейки... А он усердно работал, усыпляя их бдительность и ожидая удобного момента. Такой наступил 10 сентября 1963 года. В этот день Сельман промерял пастбища, по которым и проходила государствен-

ная граница. Чтобы оказаться в нескольких метрах от нее, он тянул время – в той стороне садилось солнце и, в случае чего, оно будет слепить солдат, если они вздумают по нем стрелять. Лямеборшай все рассчитал верно, и когда солдаты сворачивали аппаратуру и инструмент, отложив в сторону винтовки, Сельман бросился к пограничному столбу, за которым каменная тропка круто уходила вниз по склону. И все же одна из пуль чуть не оборвала его жизнь, опалив волосы. Да чуть – не считается, как говорят русские...

Югославские власти не очень-то поверили в благие цели Лямеборшай. Они девять месяцев продержали его в тюрьме, проверяя, действительно ли у него в Советском Союзе семья и не является ли он засланным албанским шпионом. Лишь после этого разрешили написать в Советское посольство в Белграде с просьбой о предоставлении ему политического убежища. Одновременно сотрудники американского и канадского посольств вдруг стали предлагать Сельману поехать работать лесным инженером в их страны. Сменили тон и югославы – они уже тоже были готовы предоставить ему возможность работать по специальности. Лямеборшай отказался, с волнением ожидая ответа из Советского Союза. Вскоре разрешение было получено, и уже 22 апреля 1964 года он был в Москве. Однако счастье к Сельману придти отнюдь не торопилось. Сусанну все эти годы тоже преследовали за ее похождения в Албанское посольство, когда она пыталась хоть что-то узнать о муже. Увидеть его уже не надеялась, а когда он вдруг приехал, сын Павел не принял отца. Нервы Сусанны не выдержали, в результате она заболела шизофренией. Сельман остался один с сыном в общежитии Тимирязевской сельскохозяйственной академии – он поступил в аспирантуру. Лес становится для него тем поплавком, который и удерживал его и сына в жизни, не позволял опустить руки, отчаяться.

В природе все едино

Сельман Халилович Лямеборшай никогда потом не пожалел, что приехал в Советский Союз, хотя судьба и не очень

щадила его. Да, поначалу ему часто вспоминалась его работа в Албании – и полезащитные полосы для апельсиновых рощ в Саранде и Канистоле, и разведенный по его проекту огромный парк вокруг Тиранского университета, и посаженный лес на скалистой местности Эльбасана... Но теперь свою судьбу он накрепко связал с русским лесом – в прямом и переносном смысле. И когда его первый научный руководитель Валентин Григорьевич Нестеров поставил перед ним тяжелейшую задачу: определить будущие леса в опытно-показательном лесхозе «Русский лес» под Серпуховым и составить компьютерную программу – Сельман Халилович с головой ушел в работу. Сложность проблемы его не смущала – до этого он закончил курсы в Плехановской академии народного хозяйства «Применение линейного программирования в лесном хозяйстве», так что передовыми технологиями был вооружен. Но чтобы определить породный состав будущих лесов, для этого надо рассматривать, какие породы деревьев и как будут расти на местных почвах. Вот тогда-то Сельман Халилович впервые и подумал, что у деревьев обязательно должны быть какие-то постоянные константы – вроде температуры человеческого тела в нормальном состоянии. Но что это за коэффициенты? Не сразу, а после длительной и кропотливой работы, когда были сделаны тысячи проб, Лямеборшай удалось установить: на рост одного кубометра древесины дерево должно использовать определенное количество веществ из почвы – кальция, магния, кальция, воды и т.п. Это и стало началом определения коэффициентов выноса элементов питания из воды, необходимых для роста определенных пород деревьев. С помощью таких коэффициентов Сельман Халилович и смог определить состав пород деревьев, которые должны были вырасти на почвах опытно-показательного лесхоза «Русский лес».

Когда Лямеборшай познакомил с результатами своих исследований Нестерова, Валентин Григорьевич не скрыл своего восхищения:

– Отлично! Это открытие...

Как впоследствии выяснил Сельман Халилович, по данному принципу потребления веществ из почвы для формирования деревьев кубометра древесины живут и американские,

и австралийские, и российские и какие угодно леса. То есть деревьям определенной породы необходимо одно и то же количество веществ для построения кубометра древесины. Эти исследования и стали темой кандидатской диссертации Сельмана Халиловича.

Работая в подмосковных лесах, Лямеборшай как-то обратил внимание, что одни деревья стоят высокие, другие и в половину их роста не поднялись, хотя и тем и другим посадкам было чуть меньше полувека. Получалось, что сажали деревья в одно время, а выростали, кто на сколько горазд? Выходит, у каждой породы деревьев свои определенные темпы роста? Догадка требовала проверки, и Сельман Халилович снова с головой ушел в работу. В конце концов и здесь им были обнаружены свои постоянные константы. Если замерить верхушку дерева и установить, на сколько оно выросло за год, то отношение этой его части ко всей высоте и станет тем постоянным коэффициентом, который и будет отражать темп роста каждой древесной породы. С учетом данного коэффициента Лямеборшай мог уже прогнозировать не только какие породы деревьев вырастут на данной почве и какой высоты они будут, но и в каком возрасте они погибнут. Разработанная методика позволяла ему для любого места на Земле просчитать будущий лес по всем его показателям. И в то время, как повсеместно вырубались леса, порой с дикой жестокостью и неукротимой жаждой наживы, Сельман Халилович все делал для того, чтобы опустевшие земли снова превратить в шумящие дубравы и сосновые рощи. Он прекрасно понимал, что если не сделать этого в ближайшее время, Россию постигнет участь древнего Ливана. Ибо помнил историю ливанского кедра, тысячи гектаров которого Соломон приказал вырубить для постройки храма в Иерусалиме. Теперь на лысых горах Ливана не растет ничего, почва выветрилась, и с каменистой основы ветер сдувает красноватую пыль.

Подобная история произошла и в Англии, и в Древней Греции... Если же говорить о России, то сегодняшние концентрированные рубки привели к тому, что, например, в Архангельской области обезлесили тысячи квадратных километров, а лесовосстановительных работ не ведется. Такое отношение к лесам способно омертвить земли вообще. Да если б только в

одной области происходило подобное... Да, лес имеет такую особенность – способность к самовосстановлению, и природа, конечно, возьмет свое. Но только в том случае, если человек своей деятельностью ему не мешает. А еще лучше, если бы помог. Однако пока чаще случается наоборот...

Сельман Халилович прекрасно помнит, как несколько лет назад праправнук Льва Николаевича Толстого директор Музея-усадьбы русского писателя В.И. Толстой обратился во Всероссийский научно-исследовательский институт лесоводства и механизации лесного хозяйства (ВНИИЛМ) для проведения исследования экологического ущерба лесным насаждениям усадьбы, наносимого деятельностью Щекинского химического комбината. Помочь музею в решении данного вопроса поручили Лямеборшаю, ведущему научному сотруднику института. Когда Сельман Халилович приехал в Ясную Поляну, его встречала большая группа сотрудников музея вместе с ее директором. Он и представил ученого своим коллегам. Познакомились, и Лямеборшай заметил, как при этом одна из присутствующих, Юлия Климентьевна Федорова, удивленно переглянулась с директором.

– Скажите, а вы какой национальности?

– Албанец, – не понимая, чем вызван такой интерес, ответил Лямеборшай.

– Не может быть...

А спустя немного времени изумляться пришлось уже Сельману Халиловичу. И было от чего. В 1923 году дочь писателя Татьяна Львовна Толстая познакомилась в Москве с известным австрийским актером Александром Моисси – в Малом театре он ставил спектакль по пьесе Л.Н. Толстого «Живой труп». Моисси и убедил ее на время уехать из России – в стране накалялась политическая обстановка, классовая борьба вновь обретала кровавый характер. За содействием в получении виз Татьяна Львовна обратилась к президенту Чехословакии Массарику, прекрасно знавшему ее отца и ее саму. Вскоре вместе со своей двадцатилетней дочерью Т.Л. Толстая выехала за границу. Позже она с благодарностью вспоминала своего спасителя Александра Моисси, знаменитого актера и албанца по национальности.

Спустя 73 года на помощь музею-усадьбе Л.Н. Толстого снова приходит албанец.

Однако теперь вопрос стоял о спасении лесных насаждений – в прямом смысле, это Сельман Халилович понял сразу, как только ознакомился с документами. История была довольно неприглядной. Щекинский химкомбинат был построен в 1964 году.

С тех пор изучением состояния лесных посадок в Ясной Поляне, созданных преимущественно еще при жизни писателя, занимались сотрудники и кафедры лесоводства Сельскохозяйственной академии им. Тимирязева, и НИИ гидрометеослужбы, и НИИ садоводства Нечерноземья, и Института прикладной физики. Самое удивительное в том, что в заключении этих «спецов» 40-летней давности авторитетно утверждалось, что загрязнение окружающей среды «способствовало защите зеленых насаждений от энтомовредителей». И лишь благодаря исследованиям старшего научного сотрудника ВНИИЛМа Л. Серебряковой в 1971 году было заявлено, что отрицательное воздействие химкомбината существенно отразится на лесопосадках через 10–15 лет. Оно и привело вскоре к снижению устойчивости насаждений усадьбы, а для елей и сосен, возраст которых перевалил за 70 лет, и вовсе стало губительным. Среди них оказались и две черные сосны, привезенные с Балкан и посаженные писателем...

На основе математического метода моделирования Лямеборшаем и была разработана автоматизированная система оценки состояния лесных насаждений для ежегодного определения экологического ущерба, наносимого насаждениям Ясной Поляны загрязнением окружающей среды. В эту систему входили такие показатели, как снижение прироста и противозероэрозийной функции леса, увеличение затрат на проведение санитарных рубок и оздоровительных мероприятий, уменьшение запасов побочного пользования и многое другое. И получается, что за четверть века экологический ущерб даже без учета восстановления мемориальности лесов уже превысил 50 миллионов рублей. Эти исследования потребовали от Лямеборша двух лет работы в музее-усадьбе Л.Н. Толстого. И то, что ни у нас в России, ни за рубежом не было подобных

методик, объясняется только исключительной сложностью задачи по определению экологического ущерба. Сельману Халиловичу ее решить удалось.

Но в те дни его больше тревожило другое – не оставляла мысль о замене погибших черных сосен, некогда привезенных писателю с Балкан. Да и директор музея удручен был такой потерей, непосредственно касавшейся его великого прапрадеда. Лямеборшай обратился в Албанское посольство к советнику Йорго Блаши с просьбой о помощи. И в октябре 1998 года из района Шкодры в Москву привезли в дар России шесть саженцев черной сосны. Этим самым Сельман Халилович как бы протянул живую нить добрых отношений между двумя народами, пропустив ее через свою любовь к старой и новой родине.

Какая дорога ведет к храму?

Автобус тяжело тронулся с места – народу набилось до отказа, – и за окном замелькали дома Сергиева-Посада, которые ближе к окраине города все больше места уступали деревьям. В автобусной толкучке не поговоришь, да и настроения на разговоры не было, поэтому Сельман Халилович, поглядывая на своего спокойного спутника и товарища по работе Владимира Панкова, предался собственным размышлениям. Подумать Лямеборшаю было о чем, хотя свое решение принять веру православную, совершить обряд крещения, считал твердым и обоснованным давно. Теперь вот, направляясь в деревню Малинники, рядом с которой находилась Никольская церковь, чтобы крестом связать себя с православием и Богом на семидесятом году жизни, мысли неожиданно затормошили его напоследок: когда же и как это произошло? Когда открылась ему эта благодать Божья? Раньше он считал, что прозрел после встреч и бесед со священником Александром Менем, на которые его приглашал Панков – ему была известна вся жизнь Сельмана Халиловича. Владимир Борисович все его жизненные удары и невообразимые развороты иначе как Божественным заступничеством и не считал. Сейчас и Лямеборшай понимал, что без Божественного Провидения жизнь его оборвалась бы рано, лет

в двенадцать, наверное. Тогда они с отцом пошли на мельницу, у которой росла высокая чинара. Дожидаясь отца, Сельман заметил, как встревожились птицы на дереве, закружили вокруг с криком, словно спугнул кто их. Но рядом никого не было. Удивленный, он не раздумывая взобрался по веткам в густую крону, решив выяснить, что же так напугало птиц. Уже почти на самой верхушке, где сквозь листву виднелось птичье гнездо, Сельман уселся на обломанный сук и повернул голову, чтобы получше разглядеть его, да так и застыл от ужаса: прямо перед собой он увидел голову огромной змеи.

Очнулся он через три дня на больничной койке, рядом сидел отец и мачеха – мать его умерла еще в 1941 году. Они и сказали ему, что, видимо, он родился в рубашке.

Что это значит, пояснили чуть позже. Под чинарой, недалеко друг от друга, лежали три больших плоских камня, на которые ставился котел для кипячения белья. Для этого под ним разводили костер, и зола у камней накопилась. Когда, потеряв сознание от страха, Сельман свалился с дерева, то чудом попал в щель между камнями, а головой в мягкую кучу золы. Отделался только ушибами, хотя был в нескольких сантиметрах от гибели...

Человек, попадая хоть раз в экстремальную ситуацию, должен набираться жизненного опыта, который помогал бы ему повторением ошибок. Или хотя бы учил осторожности, возвращал чувство самосохранения. С Лямеборшаем ничего подобного не произошло. В тот же год или чуть позже с ним приключилась уже другая история, очень похожая по своим возможным смертельным последствиям. Ребята в селе по очереди ходили пасти овец. Однажды отару погнал и Сельман, на дальнее пастбище в горы. Пока овцы щипали траву, он бродил меж камней, когда увидел торчащий из земли хвост неразорвавшегося снаряда. Парня привлек взрыватель в виде чашечки, и Сельман сразу подумал о дедушке, которому такая металлическая коробка подошла бы для хранения нюхательного табака. И уже не размышляя, он решил любым способом открыть ее, да силенок не хватило. С досады Сельман швырнул тяжелый снаряд за валун в нескольких метрах от себя. Раздавшийся взрыв оглушил его, а мелкими осколками посекло

кожу на голове, но даже не ранило. Это было везение на грани чуда, которому тогда Сельман не придал должного значения, да и не мог. Он думал о жизни, а не о возможной гибели в свои 12–13 лет, правда, судьба все время подсовывала ему, словно в насмешку, смертельные испытания. Как это произошло в июне 1944 года. Фашисты чувствовали свой близкий конец, и всю свою разбойничью ненависть обратили на партизан и местное население. Однажды утром жителей села Радиме стали выгонять на улицы для переселения в другой район, чтобы они не помогали партизанам. Дед Ляме, услышав крики и стрельбу, подтолкнул Сельмана к окну и шепнул:

– Беги в горы, в лес, там твое спасение...

Страх у него не было, даже когда ему стреляли вслед, и пули с запоздалым леденящим визгом шлепались о камни или глухо вонзались в кору деревьев. Так Сельман оказался у партизан, которым смекалистый паренек понравился, а в борьбе с оккупантами такая черта характера далеко не лишняя. Особенно для разведчика. Однажды вместе с товарищем Лямеборшай возвращался в отряд с такого задания. Шли лесом, а стояла дикая жара, и очень хотелось пить. Наконец увидели родник и ускорили шаг. Вот тут-то Сельман и услышал какой-то странный свист – неизвестно откуда и притягивающий внимание. Он с изумлением начал оглядываться, а в это время его товарищ уже наклонился к воде. Неожиданно из травы метнулась змея, петлей захлестнула ему шею, а через секунду исчезла. Она укусила его в сонную артерию, и Сельман метров триста тащил товарища на себе. Однако спасти его так и не удалось.

Сейчас, трясясь в автобусе и рассеянно глядя в окно на проплывающие мимо последние городские строения Павлова-Посада, Лямеборшай никак не мог отделаться от мысли, что всем этим трагическим событиям в его той давней уже жизни в Албании предшествовало что-то изначально такое, чего он никак не мог вспомнить. Более того, это даже не было забвением, а скорее интуитивной догадкой – просто нечто подобное обязано было существовать в природе, то, из чего росла эта логическая цепь его судьбы...

Резкий тормоз водителя колыхнул живую массу автобуса вперед, так что Сельман Халилович едва удержался на ногах.

Громко загомонили недовольные, увидев на улице гаишника, остановившего автобус. Выскочивший водитель с ним о чем-то долго говорил, довольно мирно, потом сел в кабину, Дверь с шипением раскрылась, и в автобус протиснулся мрачный капитан милиции.

– Спокойно, граждане, спокойно, – сыплю и строго заговорил он, – придется некоторое время переждать во избежания неприятностей...

Он спрыгнул со ступенек на асфальт и не торопясь пошел к милицейской машине, не обращая внимания на колкости в свой адрес, несшиеся ему вслед.

Автобус тронулся только через полчаса, когда от водителя все узнали, что за несколько минут до этого на шоссе взорвалась шедшая впереди «Газель» – в машине находилось взрывное устройство, есть жертвы... Сельман Халилович заметил, как Панков перекрестился, взглянув на него печально и выразительно. «Неужели и данный случай имеет отношение ко мне?» – подумалось вдруг Лямеборшаю. И мысли его вновь невольно потекли в прошлое...

Сельман Халилович вдруг припомнил лето 1957 года, когда он учился уже на последнем курсе Московского лесотехнического института. Ведь именно тогда с ним произошло нечто такое, о чем он с содроганием вспоминал еще долго. Преддипломную практику он проходил в подмосковных лесах, в Подлипках, и однажды торопился на станцию, боясь опоздать на электричку, чтобы вовремя успеть в институт.

Тропинка вилась вдоль железнодорожного полотна, и вскоре Сельман увидел впереди платформу. Шел, размышлял о предстоящем дипломе, а потом... Он вдруг услышал над ухом свирепый хриплый голос, поносящий кого-то и в хвост и в гриву. Сельман оглянулся, ничего не понимая, и увидел в десятке метров от себя застывшую на рельсах электричку, а затем и машиниста, который уже спрыгнул на землю с металлических ступенек головного вагона и шел к нему.

– Ты что, оглох? Жизнь надоела? Аварию мне хочешь устроить... – и вдруг осекся, как-то странно взглянув на молчавшего Лямеборшю.

– Ладно, иди, мечтатель, – он безнадежно махнул рукой...

Только тогда до Сельмана дошло, что это из-за него электричке пришлось остановиться в каких-то пятидесяти метрах от станции. Он мазнул рукавом по вспотевшему вдруг лбу и со страхом отступил в сторону перед надвигающейся зеленой громадиной электрички. Самое любопытное, что он даже не подумал о последствиях своих «мечтаний» на железнодорожных путях – их просто не было, как в тот момент все вокруг разом перестало для него вдруг существовать, словно его отключили. Это было страшно и непонятно. Но именно тогда Лямеборшай припомнил и другие свои непонятные жизненные случаи, хотя теперь смотрел на них по-иному. Сельман отдаленным уголком своего сердца почувствовал, что его явно оберегает какая-то высшая сила, свой Ангел-хранитель, который, как утверждал дедушка Ляме, есть у каждого. Однако в те времена эти его мысли затерялись где-то в глубине подсознания, отяжеленного земными заботами... Теперь, вспомнив деда, Сельман Халилович ощутил внутри благодатное тепло. Он, как и его родители, исповедовал ислам, но особой религиозностью никогда не отличался. Зато вразумлять умел доходчиво и без надсадного воспитательного крика. Когда дед узнал, что Сельман попробовал курить, то отвел его за дом и вкрадчиво спросил:

– Значит, куришь? Что ж, молодец! Тогда, наверное, тебе хорошо известно, какую пользу приносит человеку курение?

Сельман, ошарашенный услышанным, лишь мотнул головой и запинаясь произнес:

– Нет...

– Тогда послушай, пригодится. Человек от курения имеет тройную пользу. Во-первых, к курящему в дом никогда не заберется вор, потому как от табака человек начинает постоянно кашлять, и его хриплый натужный кашель слышен на всю округу – все знают, что хозяин дома. Во-вторых, кто курит, может не опасаться собак – те его никогда не покусают, потому как от курения человек быстро становится дряхлым и начинает ходить, опираясь на палку, а ею можно легко отбиться от собак. Ну и, в-третьих, курящие никогда не старятся, ибо умирают в молодом возрасте. Так что, кури, внучек, все три пользы твои будут...

Насмешливый и внушительный выговор деда так подействовал на Сельмана, что с тех пор он позабыл и про запах табака.

Впрочем, основы истинной веры заложил ему тоже дедушка Ляме. Он не раз говорил ему, что главное – быть добрым и милостивым к людям.

– И если добро не вернется от того, кому ты подаешь, то Всевышний потом все равно отблагодарит тебя...

Эти его слова Сельман Халилович запомнил на всю жизнь.

Автобус неоднократно останавливался, входили и выходили люди, но Лямеборшай почти не обращал на них внимания, занятый своими мыслями. Словно в нем творилось какое-то нравственное очищение перед таинством обряда крещения, вхождения в православную веру. И этому пути было начало, которое зачем-то так пытался сейчас отыскать Сельман Халилович. Возможно, оно лежит в тех давних посещениях Свято-Троице-Сергиевой лавры по настоянию бабушки жены – близкие знакомые называли ее просто бабушкой Грушей. Довольно прозорлива была эта добрая и истинно верующая старушка. Ведь в одну из тех поездок в лавру туда неожиданно приехал Святейший Патриарх Тихон, чтобы благословить паломников иконками. Тогда Сельману Халиловичу повезло больше других – он получил из рук Святейшего Библию. И попробуй объясни все это случайным совпадением, а не Провидением Божьим! Да разве вся наша жизнь не Его Воля?

В Малинники, в Никольский храм, они все равно запоздали, на службу попали только к Херувимской. История этого святого места Лямеборшаю была известна. По церковным преданиям, в XVII веке здесь неподалеку, в деревне Стогово Владимирской губернии, на стогу сена была явлена икона святителя Николая-чудотворца. Ее отнесли в храм, однако на следующий день она чудесным образом снова оказалась на стогу. Теперь уже икону переносили с крестным ходом, но опять она вернулась на прежнее место. Вот тогда-то здесь и решили построить церковь. А пару веков спустя по настоянию и на средства митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Амвросия (Подобедова) и местного князя Щербатова здесь возвели каменный храм. А лет двадцать назад богоизбранность этого святого места подтверждена была свершившимся настоящим чудом: во время грозы молния ударила в дерево, после чего неподалеку от церкви забил родник с чистой водой.

Знак жизни. Недаром в Евангелие сказано: «Кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие». Но и здесь Сельману Халиловичу повезло – ему предстояло креститься в лесном озере, как когда-то в древние времена свершалось на святой Руси это таинство.

– Крещается раб Божий Саламан...

Тогда Лямеборшай впервые услышал свое новое святое имя – в честь преподобного Саламана Персиянина. Сердце его наполнилось каким-то иным чувством, он словно растворился в нем, ощущая, как нисходит к нему благодать Божья. И вдруг душа его затрепетала. Он увидел себя на городском базаре во Влере, торгующим овощами. Летом отец всегда отправлял его по субботам и воскресеньям в город продавать инжир и овощи, а зимой – дрова или маслины. В тот день Сельман все распродал раньше обычного и, пересчитывая выручку, собирался возвращаться в деревню. И тут перед ним возникла старая женщина, худая, будто высушенная на солнце, и жалобным голосом попросила Сельмана подать ей на кусок хлеба. Он, не задумываясь, протянул ей половину выручки.

– Да сохранил тебя Бог, – со слезами на глазах проговорила старуха.

Это произошло за несколько дней до падения Сельмана с чинары. И теперь, находясь на святой земле Никольского храма, Лямеборшай вдруг осознал, что именно тогда, на базаре, к нему впервые снизошла благодать Божия. В те минуты он испытал точно такую же легкость в сердце и необъяснимое счастье. Это и было началом его еще неосознанного прозрения, но и не слепого, ибо его сердце и тогда было открыто бескорыстному добру. Не потому ли и не оставлял его Господь все последующие жестокие годы? И когда умерла жена, и в дни его пристрастия к вину... Ему ведь все наперед известно, а испытания посылал, дабы укрепить веру Сельмана Халиловича – не оскудеет ли сердце его от невзгод земных, от черствости людской? Только такой путь и мог привести к Храму.

...В 1993 году, спустя ровно тридцать лет, Сельман Халилович снова ступил на родную албанскую землю. Он не мог сдержать слез, когда увидел своего двоюродного брата

Гани и сестер. Брат рассказал ему, как после его побега в Югославию им сообщили, что он погиб. Воскрес Сельман для них, когда в 1966 году они услышали его голос по московскому радио в передаче для Албании...

Я слушал этого седого, очень спокойного и улыбчивого человека, который прожил в России почти сорок лет, много пережил здесь горьких минут отнюдь не по своей воле, и, в то же время, немало сделал для страны – достаточно сказать, что около 70% расчетных лесосек у нас определяются по аналитическому методу Лямеборшая, – и изумлялся его чистой и беззаветной любви к России, которой и не всякий русский наделен. Откуда взялся, на чем вырос этот патриотизм?

– Почему я остался в Советском Союзе? – задумчиво повторяет мой вопрос Сельман Халилович. – Потому что, живя в России все эти годы, я не чувствовал себя иностранцем. Русский народ ценит людей по другим качествам, которыми он сам обладает – бескорыстное служение, взаимопомощь, работоспособность, дружелюбие, совесть... Потому и культура русская – высочайшая в мире. Разве в других странах могли появиться Пушкин, Достоевский, Толстой?..

В детстве я мечтал отыскать в горах Албании залежи золота, а нашел его в России. Живое золото! Это русский лес, который для меня намного дороже этого презренного металла. Что может быть ценнее жизни? Но ведь ее-то людям лес и дарит. Это то несравнимо ни с чем драгоценное, которое растет у нас под ногами. Не затоптать бы, не искоренить по невежеству своему. Потому как Россия не просто богата лесом сама по себе, а весь мир, все человечество богато Россией. Вот что важно понять, и ценить эту великую страну...

Горький привкус осины

Весна захватила лес молодой зеленью, трепещущие маленькие липкие листочки изо всех сил тянулись к солнцу, приковывая людской взгляд – чистый и удивленный, словно впервые видевший зарождение жизни. Деревья, кустарники, трава, разбуженные апрельским теплом и радостным птичьим щебетаньем, ударились в буйный рост, напавая воздух пьянящим лесным ароматом.

– Дыши, Аркадий, набирайся здоровья, – смеясь, говорил отец, поглядывая ласково на сына. – Тебе уже четыре года стукнуло, мужик, для которого лес должен стать домом. Понял?

Паренек смотрел на отца во все глаза, вслушиваясь в его слова, внимая им, потому что так, по-взрослому, с ним отец никогда еще не говорил. Да и вообще одни в лесу они оказались впервые. Он любил его, и потому, наверное, понял слова отца буквально. Подражая ему, Аркадий протянул ручонку, сорвал с молодого деревца листок, потер его между ладошками, как это часто делал отец, и, смеясь, сунул в рот. Однако в следующую секунду лицо его обидчиво суксилось, из глаз полились слезы и, выплевывая злополучный лист, он заревел.

– Что ж ты, брат, осину в рот суешь, – вытирая платком лицо Аркадию, с укором проговорил отец. – А еще сын лесника. Запомни, осина – это бич тамбовских лесов. И горька она, получается, не только на вкус, от нее и наша жизнь горше становится, лесников, – потом вздохнул и задумчиво добавил: – И если б только от нее одной...

А спустя полгода Александр Ослопов ушел на фронт, оставив на попечение бабки четверых детей. Жена его умерла еще раньше. Ему же суждено было выжить и на войне – капитану, замполиту полка. Вернулся он домой по ранению за полгода до окончания Великой Отечественной. Но те его слова врезались в память Аркадия Ослопова на

всю жизнь. Правда, предположить, что невольно прочувствованный им тогда горький привкус осины ему придется испытать еще не раз, не мог никто. Зато он сумел понять смысл сказанного отцом. Но гораздо позже...

I

... – Тебе что, больше всех жить не хочется?

Взгляд насмешливый, губы в жесткой ухмылке обнажают ровные белые зубы. В глазах, кроме наглой самоуверенности, недоумение, с каким учительница смотрит на ученика-недотепу: надо же, таких простых вещей не понимает!

«А ведь действительно, – с неподдельным изумлением смотрел на непрошенного гостя директор Тамбовского лесхоза Аркадий Александрович Ослопов, – все же до ужаса просто у них: ты мне – я тебе! Причем тогда долг, совесть, честь, достоинство, государственные интересы, наконец?» И усмехнулся – уже собственному недомыслию. Какие уж тут могут быть интересы у директора лесозаготовительной фирмы! Разве что собственные – срубил, продал, получил прибыль. И неважно, какими методами – законными или нет.

– Тогда повторяю для непонятливых, – он бесцеремонно сел у стола, сдвинул к краю лежавшие на нем бумаги и, облокотившись, в упор посмотрел на Ослопова. – Бывший директор лесхоза Бычков Вениамин Федорович заключил со мной договор о продаже ему двух тракторов с последующей оплатой лесом. Под расчет он и отдал нам делянку, на которой мы приступили к вырубке...

– Вы свое уже вырубите, – не сдержавшись, прервал его Аркадий Александрович, – те семьсот кубометров, которые вам полагалось под расчет за трактора. То, что было выписано...

– Нам директор за трактора отдал всю делянку в третьем квартале Новолядинского лесничества, – лицо фирмача словно затвердело, голос завибрировал от прорвавшейся вдруг злости. – И не надо корчить из себя слишком идейного, такие сегодня не в моде, и долго не живут. Так что веди себя соответствующим образом, а не как партия приказала. Ну а будешь рыпаться, играть в принципиальность, получишь и ты свое...

Аркадий Александрович поморщился и покосился на застывшего в дверях экономиста лесхоза – женщину решительную, характера твердого, однако и она с явным испугом смотрела на позднего посетителя. Но в ее взгляде сквозило еще и любопытство, и она не пыталась его скрыть, наблюдая за директором лесхоза. И вот тут-то до Аркадия Александровича дошло, что у прежнего руководства лесхозом были какие-то общие дела с этими дельцами. Правда, кое что и ему было известно, иначе и не согласился бы на эту должность, но, как теперь получалось, далеко не все. И от того, как он поведет себя в сложившейся ситуации, сейчас зависело многое. А ситуация складывалась неоднозначная.

Ослопов не просто знал бывшего директора Тамбовского лесхоза Вениамина Бычкова, он вместе с ним учился в Йошкар-Оле в Поволжском лесотехническом институте. Так уж получилось, что и директором его рекомендовал именно он, Аркадий Александрович Ослопов. Когда же стало известно, что против Бычкова возбуждено уголовное дело и идет следствие, то он в его осознанные преступные деяния просто не мог поверить. Ошибки, халатность, попустительство – все, что угодно, но только не уголовщина. Скорее, его подставили, но... Ослопову было известно и то, что главному инженеру Тамбовского лесхоза Роману Ивановичу Коновалову пришлось не так давно семью вывозить на две недели к родителям в Пензенскую область – угрозы были недвусмысленные. А спасая жизнь родных, на что только не пойдешь – попробуй упрекни... Но как бы там ни было, а ответственность за бывшего директора косвенно лежала и на Аркадии Александровиче. Именно это он и прочитал в глазах своего экономиста, значит, о том же судачил и народ. И Ослопов должен был доказать всем, что действует не за страх, а за совесть. Тем более, что эти фирмачи совершенно обнаглели – вместо положенных 700 кубометров они требуют всю делянку, то есть около 3000 кубов первосортной сосны.

– Ваши договоренности с бывшим директором меня мало интересуют, – как можно спокойнее произнес Ослопов. – Честно говоря, в это я вообще мало верю. Так что, сколько вам выписано, столько и получите.

– Ну что ж, – поднимаясь, пренебрежительно хмыкнул он, – я не хотел ссориться с тобой, ты сам вынуждаешь меня... Запомни, твоя жизнь ничего не стоит. Поинтересуйся у своего главного инженера, на что ты можешь нарваться.

– А вы меня не пугайте, – едва сдерживаясь, сказал Аркадий Александрович, почувствовав вдруг, как внутри у него начинает все дрожать от негодования, – я действую по закону, и если вам что-то не нравится, можете подавать на меня в суд. Его решению я и подчинюсь. И зарубите себе на носу – человеческими жизнями не вам распоряжаться...

Он аж лицом посерел от этих слов.

– Ну тогда запомни – остальной лес с делянки ты мне сам привезешь, лично...

Когда за ним закрылась дверь, Ослопов еще долго сидел за столом, осмысливая происшедшее. Положение его было не простое, понятно, что такими словами при свидетелях не бросаются. Значит, директор фирмы действительно ничего не боится? Кто же за ним стоит?..

– Аркадий Александрович...

В дверях стояла секретарша, экономиста в кабинете уже не было, и Ослопов рассеянно слушал, что говорила Света. Больше всего он не любил, когда его начинали жалеть или давать участливые советы. Однако на этот раз получилось все иначе. Как вскоре выяснилось, этого фирмача хорошо знал муж Светланы – Алексей, работавший в лесхозе шофером. Он-то и посоветовал позвонить заместителю начальника областного ГАИ полковнику милиции Анникову – директор лесозаготовительной фирмы приходился ему родственником. И Ослопов решительно пододвинул к себе телефонный аппарат...

Когда на следующий день он оказался в назначенное время перед дверью кабинета заместителя начальника областного ГАИ, то на секунду замешкался, испытав вдруг двойственное чувство. С одной стороны, бояться ему было вроде нечего – ничего противозаконного он никогда не совершал, но с другой... Ведь по телефону Ослопов не стал объяснять полковнику, по какой причине так настойчиво он добивается с ним встречи. Получилось это как-то сразу, неосознанно, сейчас вот только

и подумал об этом. Да разбираться теперь в своем внутреннем состоянии не было ни времени, ни желания.

Полковник милиции, поднявшийся навстречу Ослопову из-за стола, подал ему руку и уже не сводил с него пытливно-настороженного взгляда. Но когда услышал, что привело к нему директора лесхоза, полноватое лицо его покрылось красными пятнами от негодования.

– Сукин сын, докатился!.. Я для него уже столько сделал, а он... Ты вот что, если он еще раз к тебе заявится, скажешь ему, что я передам это дело о вымогательстве и угрозах начальнику областного ОБЭП Джураеву, и тогда уж ему тюрьмы точно не миновать, – полковник замолчал, потом поднял на Ослопова мрачно-холодные глаза и негромко, но жестко заметил: – Ладно, больше тебя беспокоить мой родственничек не будет, – и вдруг спросил: – А как ты на меня вышел?

Ослопов ощутил, как внутри у него что-то заныло – нечто подобное он почувствовал и перед кабинетом заместителя начальника областного УВД. Аркадий Александрович трусом себя не считал, но в тот момент понял, что лучше на этот вопрос полковника милиции не отвечать...

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ А.А. ОСЛОПОВА:

«Вообще-то я родился 30 апреля, да записали после Первомайских праздников. Так что по паспорту у меня день рождения 5 мая 1937 года. Ну а по своему происхождению, образованию и призванию – потомственный лесник. Еще дед мой брал в аренду делянки в лесу, разрабатывал их и вывозил лес для продажи на своих лошадях в Тамбов. Потом он стал лесником, а позже и отец мой пошел работать десятником в лесхоз. А когда закончил ускоренные курсы при лесном техникуме, его назначили лесничим Казыванского лесничества. Там я и родился – среди лесов на берегу реки Хмелина.

После смерти младшего брата Юрия, а затем и матери в ноябре 1939 года, нас у отца и престарелой бабушки осталось четверо – трое ребят и девчонка. Сестра Женя была старшей, ей в ту пору уже четырнадцать исполнилось. А из нас, братьев, большим был девятилетний Володя, средним

шел Сергей четырех лет и я – младший. А спустя полгода отца перевели в Рассказовское лесничество, где он и проработал до июля сорок первого, когда ушел на фронт. Фактически мы остались одни. Время было трудное, что и говорить, но у нас были две коровы, они и спасали. Чтобы прокормить скотину, старший, Володя, раз в неделю запрягал корову в телегу, на которой постоянно находилась бочка, и ехал на спиртзавод за бардой. Так назывались отходы от спиртового производства. Сначала готовили зерновую закваску из ячменя, пшеницы или сорго, потом из нее выгоняли спирт, а хлебные отходы отдавали сельчанам на прокорм скота. Эта барда здорово всех выручала. И если по каким-то причинам спиртзавод останавливался, то приходилось Володе гнать скотину с бочкой на Новолядинский спиртзавод, который находился на полпути между Рассказово и Тамбовом. Там был пруд, куда барду с завода и сливали. Зимой он, естественно, замерзал, и ребята пробивали полынью, оттуда ковшом и черпали разбавленную водой барду. Правда, это уже была второсортная барда...

В 1942 году отца ранило, и он лечился в Тамбовском госпитале. Поправившись, он дня на три домой приехал, увидел, как нам нелегко приходится. К тому времени сестра наша старшая, Женя, которой исполнилось семнадцать лет, ушла добровольцем на фронт. Видимо, поэтому отец и решил жениться на украинке Нюсе в надежде, что она поможет его семье, облегчит жизнь детям. С этим и ушел воевать. Но надежды его не сбылись. И вскоре мы поняли, что такое мачеха. Трудно сказать, что руководило ей, когда она вдруг начала распродавать наше хозяйство – то ли не хотела ухаживать за скотиной, то ли деньги любила... Сначала Нюся продала корову, потом собаку – коричневую овчарку – охране спиртзавода за одиннадцать литров спирта, потом и вещи понесла из дома. Однажды Володя полез в стол, а там золотые монеты лежат. Он уже понимал, что к чему, и решил досадить Нюсе. Отомстить, так сказать, за все то «хорошее», что она в доме натворила. У отца было отличное ружье фирмы «Зауэр», штучное производство, и когда началась война, всем приказано было

сдать оружие. Однако Володя завернул его в старый ковер и забросил на чердак. Обнаружив монеты, – по-моему, это был уже сорок третий год – он достал ружье, зарядил его порохом и в ковер выстрелил – то есть испортил его. Затем снова завернул в него ружье, положил туда и монеты, и из этого дорогого свертка сделал подстилку в собачьей конуре. И охрана хорошая – собака-то у нас не одна была, – и никто не подумает, что в коврикe том грязном спрятано что-то ценное...

А тут отца второй раз ранило, и опять он попал в Тамбовский госпиталь. И навещать его пришла сестра родная Нюра, тетка наша, которая жила в деревне под Тамбовом, она и рассказала ему, что вытворяет его жена. Тогда он и попросил ее забрать нас к себе, выставив хохлушку за дверь. А у Нюры своих трое детей, да нас трое и еще бабка престарелая – мать отца. И все нерабочие – иждивенцы! Как это назвать, если не подвижническим подвигом? И не потому ли советский народ победил в Великую Отечественную войну? Да, разные люди были и в ту неслыханно тяжелую пору, но единицы по сравнению с теми, кто отдавал для победы все. Было бы иначе, давно исчезла бы и Россия...»

II

Машину встряхнуло на колдобине, Ослопов открыл глаза и увидел, что с трассы они уже свернули на проселочную дорогу.

– Что, вздремнули, Аркадий Александрович?

– С тобой вздремнешь, – вздохнул директор лесхоза и, покосившись на шофера, пробурчал: – Как дрова везешь...

– Так, лес рубят, лесник спать не должен, – засмеялся Володя Холодилин.

«Это уж точно!» – подумал, усмехаясь, Ослопов. И опять сон в руку. Хотя он, конечно, не спал, так, задумался просто, почему-то вспомнив невольно именно этот эпизод из своей жизни десятилетней давности. Этот или другой... Все они – эпизоды его работы в лесном хозяйстве – были крепко взаимосвязаны. Достаточно сложиться подходящим обстоятельствам, как что-

то неизменно выпархивало из памяти. Иногда и непонятно зачем. Но ему такие воспоминания не мешали, наоборот, порой помогали понять и оценить происходящее, из них он черпал душевные силы для противостояния черным рубщикам. А эти нагтели из года в год. Тогда он только пришел работать в Тамбовский лесхоз, в самый момент перестроечных перемен – будь они неладны! И горький привкус от той самой встречи с полковником Анниковым как-то быстро прошел. Можно даже сказать, что его и не было. Фирмача, который угрожал ему, и след простыл. Видать, внушение все-таки получил от полковника. Да только теперь все по-другому. Иногда до смешного доходит. Приходится перед Новым годом лесникам ходить по делянкам и обламывать ветки у елок, чтобы товарного вида не имели, не вырубил. И черных рубщиков выслеживают, и дела в милицию передают, а большинство из этих дел следствием либо прекращаются под разными предлогами, либо так поворачиваются, что до суда уже не доходят. И вроде виноватых нет – сами, мол, лопухи! Да разве лесхозу только хуже от этого – государству. Но оно молчит, словно леса – это ничейное богатство, пущенное на тайное разграбление. Чиновникам в их кабинетах хорошо – там совесть, очевидно, никого не мучит, а здесь-то люди не просто в лесу живут, скорее – самим лесом жизнь свою определяют. У них бы и спросить совета, как с лесным хозяйством дело иметь. Так не спрашивают своих, все к зарубежным обращаются за помощью, вот те и помогают...

Аркадий Александрович тяжело вздохнул и снова прикрыл глаза. Несколько дней назад такие мысли всю ночь не давали ему у спать, а под утро заставили принять решение о создании подвижной мобильной группы для охраны леса. Мысль, конечно, не новая, да только, по самым грубым подсчетам, она обойдется лесхозу в 12 тысяч рублей дополнительных затрат. Это если группа будет работать круглосуточно месяц. Но на большее у лесхоза и сил-то не хватит.

Незаконные рубки в основном отмечались в 85 и 127 кварталах Пригородного лесничества и в 47 квартале Новолядинского лесничества. Именно там росла наиболее качественная древесина. Значит, без лесничих Владимира Николаевича Шевелева и Игоря Николаевича Сурова в этом вопросе не

обойтись. Да и народ крепкий, потомственные лесники. Отца Шевелева, Николая Васильевича, он знал, когда тот еще работал главным лесничим Бонарского лесхоза, а впоследствии начальником Управления лесами Тамбовской области.

Не откладывая в долгий ящик, Ослопов в тот же день вызывает обоих лесничих в контору, и уже в присутствии главного лесничего Сергея Ивановича Истомина они решают привлечь для участия в работе мобильной группы мастера леса из Пригородного лесничества Николая Александровича Щербакова и лесника Олега Милосердова, который был к тому же и шофером, и лесника Новолядинского лесничества Александра Ивановича Теплякова. Задача им ставилась простая – обнаружить черных рубщиков, места незаконных рубок, проследить, куда везут украденный лес и сообщать об этом по телефону в любое время дня и ночи руководству лесхоза. А уж Ослопов и Истомин обязаны были тут же организовать выезд туда милицейского наряда. Кроме тех, кто задействован будет в дежурствах, никто больше в лесхозе о мобильной группе по охране леса знать не должен, особенно о ее маршрутах и времени выезда. Иначе результата от этой затеи можно не ждать. Тем более быстрого, однако...

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ А.А. ОСЛОПОВА:

«В третий раз отца ранило в сорок четвертом, в коленную чашечку, и его демобилизовали из армии под чистую. И сразу назначили лесничим Тульневского лесничества, километров за двадцать от Тамбова оно находилось. Естественно, всех нас он забрал к себе. Тогда же в нашу семью пришла другая женщина – Александра Дмитриевна Шарпова, впоследствии, конечно, Ослопова. И заменила нам родную мать. Сейчас вот, вспоминая невольно те годы, я не перестаю удивляться доброте нашей русской женщины. Она была молодой женщиной, двадцати восьми лет отроду, но позже даже жена брата, будучи старше ее, все же называла Александру Дмитриевну мамой. Осень-зима сорок четвертого – сорок пятого годов для нас оказались тяжелым испытанием. Огород посадить мы не успели, и наша приемная мать ходила по деревьям, чтобы на какие-

то свои вещи выменять для нас что-нибудь на пропитание. Однажды она принесла мороженой свеклы, сварила ее и накормила нас. С голодухи-то нельзя было много есть, и нас рвало немилосердно.

Мы вот когда ехали в Москву на съезд лесников, и один из наших товарищей, человек пожилой уже, вдруг начал рассказывать, как после войны сразу лесники останавливали салазочников, везших из лесу хворост для топки печей, и выписывали им квитанции для оплаты. Рубль за квитанцию, рубль в карман... Вы знаете, при этих словах мне сделалось не по себе. Я же в те годы собственными глазами все видел. Мы жили на опушке леса – с одной стороны плотной стеной дерева, с другой – бескрайние поля черноземные. И речка, по берегам которой будто нанизаны села и деревеньки. Жители их и шли в лес за хворостом, потому как много топлива для обогрева домов тогда не было. Плановая заготовка дров проводилась только для учреждений – школ, больниц, сельсоветов, райкомов... И я прекрасно помню, какая охрана стояла, проверяя каждого, что он везет из леса. Но если кто-то занимался самовольными рубками, то у него все конфисковывали – топоры, салазки, веревки. За хворост не наказывали, лесники прекрасно понимали, что очищение леса от сухостоя летом предохраняло от пожаров. Да и от болезней тоже. И чтобы лесники использовали свое положение для наживы, я такого не помню, и никто мне о подобном никогда не заикался. И если сегодня человек, лесник, начинает со смешком открывать такое сволочное прошлое, не боясь осуждений, а наоборот ища одобрения со стороны молодых, теперешних демократичных людей, поставленных на охрану лесных богатств России, то что же можно от их деятельности ожидать?..»

III

В свете фар укатанный снег на дороге отливал серебром, сверкающей лентой выстилался среди чернеющего леса. Олег Милосердов вел машину аккуратно, внимательно посматривая на дорогу, и все же Шевелев, не поворачивая головы, заметил:

– Сейчас не спеши, поворот будет в сторону восемьдесят пятого квартала...

– Там остановиться бы надо, – сказал, сидевший рядом Николай Щербаков, – получше все осмотреть. Много ты из кабины увидишь.

Владимир Николаевич лишь согласно кивнул. Ночное дежурство мобильной группы в соответствии с приказом директора Тамбовского лесхоза он считал мерой до крайности своевременной. А то ведь черные рубщики уже угрожать начали, мол, будешь по ночам по лесу шастать, тут и до беды недалеко, пораскинь мозгами. Сегодня на такую мизерную зарплату только дураки на государство пашут. Да и где оно – твое государство! Тем более, что скоро и лесхозов-то уже не будет, новое начальство придет... Откуда только они все знают.

– Стоп!

От резкого окрика мастера леса Щербакова Олег с силой надавил на тормоз, и зад машины юзом занесло на обочину. Шевелев непонимающе взглянул на него, потом на дорогу и молча вышел из «уазика». Теперь и остальные увидели на снегу ребристый свежий след от колес трактора на небольшом участке нетронутого с краю снега. Видимо, его тоже занесло. До поворота дороги в сторону 85 квартала оставалось не больше десятка метров.

– Ну и глазастый ты, Николай, – сказал подошедший Олег и, усмехнувшись, передразнил: – Много чего из кабины увидишь...

– Пошли до поворота, – кивнул Шевелев Щербакову и, повернувшись к Милосердову, добавил: – А ты езжай и посвети там...

Как они и предполагали, неизвестный трактор повернул в сторону 85 квартала. Значит, не зря лесники еще с вечера поставили там «кошки» – железные ежи из четырех наконечников, которые, как ни брось, они на три стержня упадет на землю, а четвертый штырем будет торчать вверх. Любой баллон проколет. Только теперь надо и самим ехать осторожнее, мало ли...

В кабине сидели молча, не сводя глаз со сверкающей белизны дороги. У поворота на Пригородное лесничество, след трактора уходил вправо, и Шевелев понял, что черные рубщики

напрямую не поехали, а почему-то в объезд. Хотели избежать возможных «кошек» на пути? И такое предположение не из области фантастики. Однако не проехали они и ста метров, как в свете фар Владимир Николаевич увидел вдруг в придорожном кювете лежащего человека. Сначала не поверил глазам своим, потом подумал, что, наверное, пьяный, который и замерзнуть запросто может. Другие тоже заметили человека, с недоуменными улыбками посматривали друг на друга, пока Шевелев не сказал Олегу, чтобы повернул назад – надо, мол, подобрать пьянчугу, а то ведь и задавить могут...

Развернуть машину на дороге в лесу – дело непростое, и, кляня на чем свет стоит и узкую дорогу, и мужика в кювете, свалившегося, как снег на голову, Олег с этой задачей все-таки справился. Но когда вывернул машину напрямую, то в свете фар все увидели замелькавшую среди деревьев спину убежавшего «пьяницу». То, что он специально был оставлен на дороге черными рубщиками, сомнений ни у кого не оставалось. Догонять его тоже было бессмысленно, тем более, что побежал он к поселку, где, очевидно, и жил. А вот предупредить рубщиков он наверняка сумеет. Поэтому, не долго думая, Шевелев и Щербачков стали осматривать окрестный лес, и недалеко обнаружили хорошо утоптаный снег вокруг могучего дуба, на котором остался даже надрез от бензопилы. Здесь же вился по снегу и знакомый след колес трактора ДТ-50 – тоже в сторону поселка.

– Давай-ка пройдем и мы в сторону поселка по следу трактора, – предложил Шевелев, вероятно, понимая, что должны остаться и другие следы черных рубщиков.

Однако буквально через несколько минут они наткнулись еще на одного мужика, который пытался от них уйти. На вопрос: что он делает ночью в лесу? – мужик лишь засмеялся и без тени страха на лице нагло заявил:

– Гуляю...

А чего ему было бояться? Трактора нет, рубщиков нет, какие к нему претензии? Такие понимают только язык силы, а не здравого смысла. Видимо, почувствовав, что трое запросто одолеют одного и задержат, мужик торопливо произнес:

– Да на машине ехал и заплутал. Вот вышел посмотреть дорогу...

– А где машина? Пойдем посмотрим...

Метров за пятьдесят, на проселочной дороге действительно стояли «Жигули». И никаких противозаконных действий он не нарушал. Сказал «до свидания» и лихо укатил, опять же в сторону поселка.

Шевелев прекрасно понимал, что, предотвратив незаконную рубку дуба, он тем самым лишь отсрочил ее, потому как деньги за определенный объем леса черные рубщики уже получили. И если не сюда, то в другое место они все равно придут. Вот тогда только их и можно будет задержать...

На следующий день, докладывая директору лесхоза о результатах ночного рейда, Шевелев именно эти мысли и высказал. И оказался прав. Буквально через два дня, на рассвете на том же самом месте у помеченного пилой дуба черные рубщики были задержаны. Правда, уже после того, как могучий красавец пал под зубьями иностранной бензопилы с глушителем.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ А.А. ОСЛОПОВА:

«Отец по натуре своей человеком был эмоциональным и лиричным. Когда он уже работал лесничим Хмельнинского лесничества, мы жили в деревне Лучки. Она раскинулась по берегу реки, а по другую сторону располагалось село Куксово – километров на восемь тянулось, за ним шло село Птахово – уже к Тамбову ближе. Отец как раз дом строил с мужиками. И вот под вечер садятся они ужинать: плотник Кулаев, дядя Коляпо прозвищу Капиш с соседнего поселка, который работал на пилораме лесозавода, высокий мощный старик Бурницкий, эвакуированный оперный певец из Ленинграда, работавший сторожем на том же заводе и лесник Дмитрий Кузьмич. Они ужинали, выпивали малость. Для рабочих всегда варили картофельное пюре, овощи составлялись, вилки квашенной капусты были в почете. Естественно, рыба всегда – река-то рядом. Да и рыбаки-промысловики отца уважали. Помню с осложнением после ангины я попал в больницу. Она у нас в райцентре Горелое находилась, откуда и отец, и дед родом были. И вот когда меня отец вез из больницы, рыбаков мы и повстречали.

Вернее, они нас зазвали и угостили свежим судаком – целое ведро высыпали в коляску. Тогда я впервые попробовал уху из судака.

Ну а после ужина отец с мужиками пел.. Эх, как они пели! Отец обладал высоким сильным тенором, дядя Коля басом, Бурницкий чистым баритоном. И когда заводили русскую народную песню о бродяге с Сахалина или русский романс, вы не поверите... До села Куксово по прямой через речку расстояние было километра три, а до лесхоза вверх по реке – все семь. И что вы думаете? И там, и там слышали деревенские их песни.

Сейчас вот много говорят о сталинских репрессиях. Я знаю лишь об одном случае, когда мой отец столкнулся в те годы с НКВД. У него был хороший друг – главный лесничий Тамбовского лесхоза Болдин Иван Матвеевич, у которого он работал лесничим еще в 1938 году. И вот Болдина арестовывают. Тогда отец отправляется в Тамбов в органы, а через два дня возвращается вместе с Иваном Матвеевичем, которого сразу же восстановили на работе. И больше я не слышал ни о каких репрессиях у нас.

Уже после войны Болдин приезжал к нам на охоту в Хмельнинское лесничество. Здесь было красивейшее место Тархан – плес, уток много, я там шалаш для них соорудил. А на лужке стояла всегда запряженная в дрожки лошадь. Иногда запрягал Варяга, когда Балагана. На случай, если Болдину надо будет срочно по вызову уехать.

Отец-то был росточка небольшого, чуть больше 160 сантиметров, а Болдин под два метра, здоровый, с таким мощным загривком, какого я больше ни у кого за всю жизнь не видел. Залпом двухлитровый графин воды выпивал. И к делу относился с полной ответственностью, не перекадывая ее ни на кого, потому, наверное, и оказался в НКВД... Сволочей тоже хватало.

И вот вспоминая те годы, отца своего, мать неродную-родную Александру Дмитриевну, которую мы недавно похоронили, я вдруг подумал о том, что полностью характер отца никто из нас, его сыновей, почему-то не вобрал в себя. Как и его песенный талант! Его доброту, принци-

альность, честность по отношению к своим друзьям, товарищам, вообще к жизни. Неужели мы хуже своих отцов? Вернее, слабее, боимся как бы потерять что-то из личного благополучия, отстаивая нечто большее. Или уже не отстаиваем?..»

IV

Сейчас, сидя в машине рядом с веселым Володей Холодиным, Ослопову все это вспомнилось совершенно по другой причине. В отличие от шофера его мысли были отнюдь не радужные. Ведь чтобы бороться с незаконными рубками и, в конце концов, искоренить это уже повсеместное явление, сделать его хотя бы единичным, нужно ликвидировать те условия, которые порождают черных рубщиков. И вот здесь-то все оказывалось гораздо сложнее. Они за незаконную рубку, то есть за считанные часы, имеют хорошую месячную зарплату. Это как минимум. Да и риск небольшой, если у хозяев их все кругом схвачено, как говорится. К тому же безработица, когда средств на жизнь из-за отсутствия производства, рабочих мест, заработать просто негде. Выходит, обстоятельства толкают людей на воровство, система?

К тому же, лесная охрана не должна работать почти на энтузиазме, за мизерную зарплату, да и средства передвижения, связи иметь хотя бы такие же, какими обладают преступники. И даже если кого лесники и уличают в незаконных деяниях, а суд признает их виновными, то орудия труда, с помощью которых они рубили лес, у них остаются. Почему? Иной раз при задержании отберешь бензопилу у черного рубщика, а милиция ему возвращает.

Аркадий Александрович вздохнул и невидящим взглядом уставился в лобовое стекло машины. Нет, если действительно заниматься охраной леса, борьбой с организованной преступностью, то она обязана находиться под контролем областного Главного управления природных ресурсов. Служба государственного контроля должна и координировать работу всей лесной охраны в области по пресечению деятельности лесных бандитов. Делать это лесхозам, выходить один на один с во-

оруженными преступниками, просто не под силу. А власть либо бездействует, либо в сговоре с ними на уровне каких-то продажных своих чиновников.

Но улучшение работы лесной охраны, как и ее материального обеспечения, возможно лишь в условиях комплексного ведения лесного хозяйства. Особенно в лесостепной зоне. Это прежде всего учет лесного фонда, охрана его, лесопользование, отвод лесосек, рубка, пересчет, материально-денежная оценка, выписка лесорубочных билетов, выдача делянок лесозаготовителям... Ну а рубки ухода всегда осуществлялись собственными силами, как и вывозку древесины, реализацию ее в круглом виде и переработанную. В Тамбовском лесхозе действуют четыре цеха по переработке мелкотоварной древесины. Именно производство и дает ежегодных доход лесхозу порядка 6 миллионов рублей. Но и их далеко не хватает. Нужно и технику обновлять, и питомническое хозяйство содержать, часть средств идет на подготовку почвы, на посадку леса, уход за насаждениями, организацию противопожарной безопасности, тушение пожаров, на защиту леса от вредителей... Короче говоря, на всю производственную деятельность, которая и осуществляет финансовую поддержку комплексного ведения лесного хозяйства.

Но самый страшный бич тамбовских лесов – заросли осинника. Залесхозом сейчас числится 35 тысяч гектаров лесных насаждений, из которых 54% – хвойные породы деревьев. Однако более 10 тысяч гектаров заняты зарослями осинника. И если с ним не бороться, заменяя сильными твердыми породами, продуктивность лесов из года в год будет катастрофически снижаться.

Аркадий Александрович вспомнил, как его старший брат приходил домой весь чумазый, грязный, умывался и сердито повторял: «Ух, эта химия, мать ее...» Раньше осинник сначала шкурили, потом обмазывали ядовитым гербицидом, уничтожая его на корню. Да только вместе с осинной погибали все соседние растения, ягодники, муравейники, а то и зайцы. Работая главным лесничим Горельского лесхоза, Ослопов проводил корчевание зарослей осинника сначала полосами, а затем и сплошное. Нокорчевали уже срубленный осинник,

когда пни деревьев ослаблены, загнивают – лет пять на это уходило. И тогда уже бульдозерами эти пни просто сгребают в сторону, получается некий коридор метров 5–10 шириной. Через 50 метров зарослей осинника – еще один такой коридор сооружается. Они и засаживаются сосной. Причем, молодая поросль осины там уже не идет, травяного покрова практически нет – почва-то песчаная, бедная.

Именно такой метод борьбы с осинником Аркадий Александрович применил и в Тамбовском лесхозе. Здесь уже освоено более 200 гектаров зарослей осинника, на месте которого растет первосортная сосна. А саженцы из собственного питомника.

Но главное в том, что эта дорогостоящая, отнимающая немало сил и здоровья лесников борьба с осинником – работа не плановая, а проводимая по инициативе лесхоза и осуществляемая на собственные средства. Работа для общего блага, на государство, а оно даже не может вернуть лесхозам налоговые льготы, которые они имели раньше – на НДС, на землю, на прибыль... Разве разумно облагать налогом прибыль, получаемую не от производственной, а от бюджетной деятельности? Да и несправедливо!

Или, скажем, вопрос взимания штрафов. Раньше в Тамбовском лесхозе их получали около 120 тысяч рублей в год. Половину из них отчисляли Федеральной лесной службе, в местный бюджет, а 50% оставляли себе. Причем, имели право половину этих средств тратить на поощрение работников лесной охраны. Теперь вот этот материальный стимул государство у лесной охраны отобрало – у тех, кто и днем, и ночью с угрозой для здоровья, а то и жизни, защищает от преступников лесное богатство. Почему их лишили заслуженного?

– Аркадий Александрович, – прервал размышления директора лесхоза Олег, – мы уже свернули к обкомовским дачам, скоро на месте будем...

– Ну, считай, довез в целости и сохранности, – усмехнулся Ослопов. – Остановишься на дороге, до делянки сам дойду...

В 53 квартал Пригородного лесничества на одной из делянок закончилась рубка, и Аркадий Александрович хотел проследить, как шла подготовка почвы для высадки культур, все ли дрова вывезли. И когда, отпустив машину, он лесом шел к

делянке, откуда раздавались громкие голоса лесника Ильина, которого за пенсионный возраст уважительно величали Михалычем, и рабочих, слух его уловил рокот двигателя трактора. Он уже был в нескольких шагах от грузовика, на который рабочие грузили древесные отходы, тут и показался на дороге между деревьями трактор с прицепом, груженным лесом. Но откуда он мог здесь взяться, если нигде поблизости рубка леса не производилась?

Подойдя к машине, Аркадий Александрович поздоровался с мужиками и, отозвав лесника в сторону, спросил:

– Михалыч, не знаешь, откуда лес трактор везет? Здесь он раньше не проезжал?

– Нет, не было...

– Тогда пойдем выяснять...

Они направились к дороге, которая напротив делянки делала петлю, так что тракторист их видеть не мог. И вышли прямо перед железной грохочущей громадиной, махая вверх поднятыми руками, чтобы он остановился.

– Директор Тамбовского лесхоза, – представился Ослопов, – когда тракторист, заглушив машину, прыгнул на землю. – Документы на лес есть?

– Нет, никто ничего не выдавал, – с хмурой настороженностью признался невысокого роста мужик в замасленной спецовке.

– А откуда лес?

– С Горельского лесхоза...

Вот те на, подумал Ослопов, переглянувшись с Михалычем. Горельский лесхоз находился по другую сторону шоссе, и получалось, что он ехал в противоположном направлении.

– И куда везешь лес?

– В СПТУ, там пилорама, на распиловку и везу...

– Ну и какой рубки этот лес? – почувствовав неладное, Аркадий Александрович решил все выяснить до конца. – Сплошной или выборочной? Как фамилия лесника, который тебе лес отпускал? У кого все документы?

– Так у хозяина, – явно ошарашенный таким натиском лесного начальства, пожал плечами тракторист, – он меня на вывоз лишь нанял... А рубка вроде сплошная была, точно не знаю...

Да Ослопов и не ждал от него вразумительного ответа. То, что лес этот был ворованным, он уже не сомневался, как и в том, что тракторист благополучно заблудился. Объяснив ему, как добраться до окружной дороги, до которой всего с километр и было, а по ней и до поста ГАИ, Аркадий Александрович предупредил его, чтобы у милицейского поста дожидался, пока он сам не подъедет. А чтобы второй раз не заблудился и не проехал мимо ГАИ, в кабину к нему сядет лесник. Михальчу же директор лесхоза дал строгий наказ не отпускать трактор, кто бы этого ни потребовал.

А он, мол, скоро подъедет на ЗИЛе, как только закончат погрузку дров.

Однако получилось так, что Ослопов на грузовике добрался до поста ГАИ быстрее, чем докатил трактор. С дежурным лейтенантом он договорился, что пока из районного отделения милиции не подъедет «лесной участковый» Шарапов, кто бы не приехал на пост и какие бы документы не предъявлял, трактор не отпускать. Сам снова сел в кабину ЗИЛа и отправился в контору.

Где-то на полпути у обочины шоссе Ослопов вдруг увидел «мерседес» вызывающего красного цвета, за рулем которого сидел импозантный мужчина в рубиновом плаще с белым шелковым шарфиком на шее. Аркадий Александрович аж присвистнул от удивления, признав в нем бывшего плотника, работавшего некогда в лесхозе.

Анатолий Шишкин! Слухи о нем ходили разные, но большинство утверждали, что он приторговывает ворованным лесом. Правда, за руку его еще никто не ловил. А ведь Шишкин был отличным плотником, столяром...

И тут Ослопова словно осенило – уж не он ли ждет на дороге трактор с лесом? Эта мысль его не покидала вплоть до того момента, как он вошел в кабинет. Позвонил Шарапову и, объяснив ситуацию, высказал и это свое предположение насчет Шишкина.

На следующий день «лесной участковый» порадовал директора лесхоза – догадка Аркадия Александровича подтвердилась. Дело было доведено до суда, Шишкин был признан виновным, имущество конфисковано вместе с «мерседесом».

Однако, как это ни покажется странным, осужденный преступник вскоре снова разъезжал на своей красной иномарке.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ А.А. ОСЛОПОВА:

«Мы жили в небольшом поселке, в лесничестве, и в школу я ходил ежедневно за пять километров. Три километра топал полем, потом через реку, мимо яра, где на самом верху стоял дом известного тогда писателя Николая Евгеньевича Верты, автора таких книг, как «Одиночество», «Вечерний звон». Так вот, мимо его дома я еще два километра до школы шел. А представляла она из себя две комнатки всего, где проходили занятия в две смены. Но была еще и третья смена, когда вечером учитель Владимир Николаевич собирал мужиков и проводил с ними беседы – о Гражданской войне, о восстании Антонова в Тамбове... Вид у учителя был представительный: сталинские усы, белая фуражка – он в 70 лет вступил в партию ВКП(б) по идейным соображениям. Владимир Николаевич читал вслух мужикам и ребятам книгу Верты «Одиночество». По несколько часов без перерыва. А когда уставал, вернее, устраивал себе перекур, его заменял старшеклассник Женя Калмыков. Правда, это уже было не то.

И вот когда чтение книги было закончено, Владимир Николаевич пригласил в школу самого писателя Верту. Николаю Евгеньевичу в ту пору было уже около шестидесяти. Это в 1952–53 году. Тогда ведь у нас не было ни радио, ни электричества. У отца, правда, приемник «Родина» работал на батарейках. Вот почему чтение книг, встречи и беседы с известными людьми и учителями для нас всегда были значительным событием.

Верту спрашивали, почему он построил себе здесь дом, когда жил-то в Москве, книги писал, и жена у него артистка Большого театра. На что Николай Евгеньевич со смущенной улыбкой отвечал, что его отец, священник, в здешних местах имел приход, и умирая завещал ему заложить здесь камень. Мужики только удивленно пожимали плечами – церковного прихода в том месте никто не помнил.

Река Цна образует здесь как бы петлю, огибая небольшое плато с обрывистым берегом высотой до сорока метров. Там действительно церковь стояла, мимо которой проходила дорога в село, образуя пологий спуск к переправе. А рядом огромный яр и поляна у церкви, на которой Верта себе дом и поставил. И я помню, что когда копали яму под фундамент, то рабочие находили немало черепов человеческих, хотя никакого кладбища там никогда не было, расстился цветущий луг.

С этого берега наши Лучки смотрелись прекрасно – через пойму на опушке леса дома стояли. А между яром и рекой громоздятся возвышенности, называемые Высотками. На самом деле это был песчаный бугор, на котором совершенно ничего не росло. И тогда отец вместе с рабочими лесничества и сельчанами посадил в этом месте лес – сосновый бор. Сейчас ему около шестидесяти лет...»

V

За окном весна, будоражащая птичьими трелями и ни с чем не сравнимыми запахами прошлогодней прели и первых цветов.

Аркадий Александрович оторвался от окна и со вздохом снова принялся за составление справки по результатам работы мобильной группы в борьбе с незаконными рубками. И который уж раз Ослопов ловил себя на мысли, что лесной воздух снова напоен горечью осины. И это несмотря на успех – наконец-то совместными действиями работников лесхоза и сотрудниками ГАИ при вывозке ворованной древесины была задержана самая дерзкая и злостная преступная группа во главе с Эдуардом Викторовичем Колласом. Суд признал его виновным и осудил на один год условно с выплатой штрафа в 143 тысячи 361 рубль. Хотя было известно, что он набирал черных рубщиков из граждан Казахстана еще в 1995 году, когда по заказу из Москвы они незаконно вырубали и вывозили элитные деревья. Их не раз задерживали, но Коллас всегда уваливал от ответственности. И вот благодаря мобильной группе, куда входили лесник Новолядинского лесничества Александр Иванович Тепляков,

мастер леса Пригородного лесничества Николай Александрович Щербаков и Олег Милосердов, лесной разбойник осужден. Правда, условно.

Однако директор лесхоза уже ничему не удивлялся. За 2002 год Тамбовскому лесхозу, а иначе говоря – государству, был нанесен ущерб от незаконных рубок в размере почти 5 миллионов рублей. Половина приходится на Рассказовский район и около того – на Тамбовский. Лесной охраной было составлено 15 протоколов, и все они были направлены в органы внутренних дел для возбуждения уголовного дела и проведения расследования. Но все они были приостановлены. Как указывалось в официальных документах, в связи с отсутствием преступления, не установлением виновников и из-за малозначимости принесенного ущерба.

Аркадию Александровичу припомнилось вдруг дело Николая Борисовича Ефимова, задержанного на месте преступления при вывозе 19 стволов сосны объемом 27,4 кубометра. Сумма ущерба составила 200,5 тысячи рублей. Рассказовский районный суд оправдан преступника в связи «с отсутствием состава преступления». Обращение руководства Тамбовского лесхоза сначала в районную, а потом и в областную прокуратуру результатов не дало.

Сейчас Ослопов задумчиво перебирал официальные документы, полученные им из правоохранительных органов и подписанные следователем следственного отдела Рассказовского РОВД Емельяновой В.А., оперуполномоченным ОУР Горрай-отдела внутренних дел г. Рассказово Медведевым А.В., заместителем прокурора Рассказовского района Стрелковым А.А., которые по неизвестным причинам освобождали от ответственности даже тех, кто был застигнут на месте преступления и по всем действующим законам должен был сидеть в тюрьме. Получалось, что с организованной преступностью в лесу борются все, но только не те, кому государство это доверило?

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ А.А. ОСЛОПОВА:

«А тут 5 мая прошлого 2002 года, как раз в мой день рождения по паспорту ко мне в лесхоз нагрянул целый десант из высших должностных лиц области. И глава администра-

ции со своим первым замом, и прокурор, и начальник УВД, и ГИБДД...

Даже Полномочный представитель Президента России, а с ним пресса и телевидение. Причина? Вроде как увидели где-то делянку, которая якобы незаконно вырубается. Приезжал разбираться и руководитель Главного управления природных ресурсов по Тамбовской области Пономарев. Разобрались – все по закону, лесорубочные билеты в порядке, никакого криминала. Тогда областные власти взяли под сомнение законность всей деятельности Тамбовского лесхоза, и в течение четырех месяцев спецы из областного Контрольно-ревизионного управления вместе с прокуратурой и ОБЭП трясли лесхоз. Глава администрации Олег Иванович Петин лично участвовал во всем этом, грозя вывести на чистую воду нарушителей закона.

А я спал спокойно, потому как знаю, что в лесничествах никаких нарушений не может быть. Тем более, что такой гвалт был поднят по совершенно иным причинам. В тех местах живет мать Представителя Президента России Владимира Михайловича Пуснина, и для своего друга ему надо было освободить должность – то есть облить грязью человека и уволить его. И вы думаете он извинился за причиненный моральный ущерб людям?

После этой вакханалии я встретил Пуснина на вечере, посвященном Дню лесника. Он часто повторял, что отец у него тоже был лесником. Торжественное заседание у нас проходило в зале гостиницы «Турист». Так получилось, что мы приехали туда несколько раньше, и он подошел ко мне и говорит: «Знаешь, а я ведь еще одно место знаю, где у тебя наверняка творятся безобразия. Так что еще будет дело...» Как же так, Владимир Михайлович, говорю ему, увидели безобразия в лесхозе и молчите. А ведь мы могли бы с вашей помощью и порядок навести в лесном хозяйстве. Какую же цель вы тогда преследуете? А тут народ кругом, прислушиваются, он стушевался и сразу забормотал, что, мол, там видно будет.

Вот такие люди сегодня стоят у власти. Значит, они кому-то нужны?»

И снова память директора Тамбовского лесхоза вынесла из своих глубин эпизод далекой юности. Это был 1956 год, когда от болезни умер отец. А незадолго до этого они однажды вечером сидели на крыльце дома и, глядя на кроваво-красный закат, отец тихо произнес: «Да, сын, все смертны, но не это самое страшное. Человек кончается тогда, когда начинает думать о личной выгоде...». Аркадий Александрович рывком придвинул отрывной календарь, замахнулся было оторвать лист, но рука его замерла, а взгляд уперся в верхние цифры – 199... «Господи, – обессиленно выдохнул он, – закончатся ли когда-нибудь эти беспросветные девяностые...» Ослопов был почему-то уверен, что новый грядущий век смоеет всю скверну предыдущего столетия, хотя и наперекор своему жизненному опыту. Но невидимые миазмы двадцатого века уже поражали тонкую скорлупу еще не родившегося XXI-го через грешные души людские.

А вокруг витал стойкий запах горечи осины.

Пожар

— ... *А* меня учили так: охранять природу – значит, любить и охранять свою Родину, – директор Тарногского гослесхоза Горчаков колюче взглянул на меня поверх очков. Мол, можете смеяться, сейчас ведь модно антипатриотические чувства напоказ выставлять, критиканством заниматься, ревизией недавнего прошлого. Однако эти возвышенные вроде бы слова Александра Анатольевича не вызвали у меня даже улыбки. Я знал, что для него они вовсе не были высокопарными, скорее наоборот – будничными, потому как именно таким смыслом изо дня в день наполнялась вся его сознательная жизнь. Дела Тарногского гослесхоза Вологодского управления лесами МПР России говорили сами за себя. И если нынешним летом дым от нескончаемых лесных пожаров застилал небо и не давал дышать жителям почти всей Центральной России, то в Тарногском районе, где леса занимают территорию в 325 тыс. гектаров, за все лето возникло всего четыре очага возгораний – пожаром было охвачено менее 11 гектаров лесных угодий, которые быстро ликвидировались. Более того, Горчаков отправил мобильную группу из трех человек на пожарной машине с помпой в Череповецкий район, где складывалась серьезная обстановка с лесными пожарами. Да, я знал, что Александр Анатольевич – решительный человек, упорства и настойчивости ему не занимать, он профессионал своего дела и отчаянный патриот...

I

Звонок из Железнодорожного лесничества был для Горчакова полной неожиданностью. Лесничий Шамохов сообщал, что в Устьянском районе Архангельской области, граничащим с Тарногским районом, бушует лесной пожар на площади более 120 гектаров. Такую силу он набрал буквально за двое суток.

– Упустили устьянские лесники пожар, упустили, – кричал встревоженно в трубку Петр Константинович. – С Устьянского района огонь вскоре может перекинуться и к нам. Что будем делать?

– Ветер сильный?

– Да, и в нашу сторону. Если не переменится, то через пару дней и наши леса запылают.

– Ладно, жди...

Для директора Тарногского гослесхоза пограничные лесные районы Архангельской области в этот год оказались немалой головной болью. Буквально лишь неделю назад тот же Шамохов вот также по телефону известил его об угрожающей опасности со стороны Устьянского района – там были охвачены огнем три гектара леса, но пожар быстро распространялся. Тогда Горчаков срочно выехал в Укшенское лесничество, чтобы оттуда двумя тракторами двинуться по просекам к месту пожара. За ночь они преодолели более 30 километров. Там уже работала техника Костылевского леспромхоза. Помощь оказалась своевременной. Общими усилиями они окружили горящий участок леса минполосой, локализовав пожар и выполнив свою основную задачу – не допустили распространение огня на леса Вологодской области. Наблюдать за очагом возгорания остались два устьянских лесника. Но они обязанности свои, получалось, не выполнили...

Горчаков попросил секретаря срочно разыскать Мельцова, главного лесничего, и когда тот появился, вкратце обрисовал ему создавшуюся пожароопасную для них ситуацию на границе с Архангельской областью.

– Так что, Василий Николаевич, оставляю лесхоз на тебя. Готовь два трактора, пожарную машину, людей с ранцеопрыскивателями и отправляй в Устьянский район. Я следом выеду на вездеходе. Патрульной пожарной машиной у тебя будет ЗИЛ-130, водовозка. Сколько я там пробуду – неизвестно, дело серьезное, видать, но обязательно позвоню...

Александр Анатольевич и не предполагал, что звонить Мельцову обстоятельства заставят его сразу же, как только он доберется до конторы Костылевского леспромхоза. В оценке ситуации с пожаром Горчаков не ошибся, и понял это задолго

до прибытия на место. С каждым километром проселочной дороги, едва они пресекли невидимую линию границы с Устьянским районом, дымовая завеса в воздухе все густела, а запах гари вскоре уже царапал легкие. Лишь пару раз лес по обеим сторонам просеки внезапно светлел, зелень как бы очищалась от примеси сизой дымки, и тогда Александр Анатольевич отмечал про себя, что ветер менял направление.

К радости Горчакова, в кабинете директора Костылевского леспромхоза, кроме хозяина, Николая Ивановича Тарасова, он увидел и директора Устьянского гослесхоза Александра Филоновича Веселова. По их удрученным и озабоченным лицам можно было догадаться, что пожарная ситуация явно ухудшается. Едва поздоровались, как директор леспромхоза молча выложил на стол перед Александром Анатольевичем мобилизационный план и нервно произнес:

– Бери и действуй. Могу дать тебе машину ЗИЛ-130, вездеход на гусеничном ходу для перевозки людей... Только предупреждаю – у меня нет ни горючего, ни масла.

Ни капли!

Только теперь Горчаков полностью осознал, в каком бедственном положении находились лесники соседней области, если даже леспромхоз, ежегодно заготавливающий 400 тысяч кубометров древесины, вообще не имеет в наличии горючесмазочных материалов. Так что полностью обвинять устьянских лесников в том, что они упустили пожар, было бы как-то несправедливо. Наверное и лесничему Петру Шамонову об этом тоже стало известно, потому он и предупредил Горчакова, что огонь за пару дней мог запросто дойти до вологодских лесов. И если сейчас же не принять срочных мер для остановки огненной стихии на границе Архангельской области, не локализовать очаг, пожар может стать вообще неуправляемым.

В Тарногском лесхозе имелся запас горючего порядка 30 тонн на случай крупного возгорания. Можно его использовать, только вправе ли он испытывать судьбу? Ведь больше шансов на то, что и в Тарногском районе возможен крупный пожар в такую сушь, нежели на то, что его не случится. Но там всего лишь вероятность, а здесь уже катастрофическая реальность. Недолго думая, Александр Анатольевич позвонил сво-

ему главному лесничему Мельцову и приказал срочно направить в Устьянский район два бензовоза – с горючим и маслом.

– Ну, что ж, – благодарно кивнул Тарасов, сразу повеселев, – тогда тебе, Александр Анатольевич, и карты в руки – командуй. Потом рассчитаемся, не сомневайся. Вот Александр Филонович скажет, по территории какого лесничества придется минполосу прокладывать, кто ответственным будет на этом участке, какая техника ему понадобится...

– Да двух тракторов с отвалами будет достаточно, – сказал Веселов, – Т-130 и Т-170

Это выдержанная техника, надежная. Ранцевых опрыскивателей, думаю, у нас хватит, как и другого инвентаря. Лесничим там у меня Воробьева, вот ей данный участок и поручим, справится...

Директор Устьянского гослесхоза поднялся из-за стола и, протянув руку Горчакову, неожиданно с чувством произнес:

– Спасибо, Александр Анатольевич, за помощь, – затем не удержался и с хитрым прищуром добавил: – Я, грешным делом, уверен был, что ты ругаться станешь – упустили, мол, пожар устьянские лесники! И, честно говоря, стерпел бы любые твои упреки. Хулителей нам и среди начальства хватает, помощи действенной вот только никак не дождешься от них...

Горчаков лишь усмехнулся в ответ, да тяжело вздохнул. Знали бы они, как приходилось ему изворачиваться, чтобы за счет собственных средств и технику кое-какую обновить, и запас ГСМ иметь, и питомник для выращивания посадочного материала содержать. А ведь за три года они получили с питомника 4,5 млн штук посадочного материала. Снабжают саженцами не только себя, но и лесхозы в Нюксенице, Тотьме, Устюге, Кадникове, Верхолазье... Ну, а что касалось реальной государственной поддержки, то он и запаха-то ее давным-давно забыл, как, впрочем, и все. И непонятное безразличие Правительства страны к нуждам и бедам лесного хозяйства России действовало на Горчакова, как эта вот гарь от пожарища – и дышать трудно, и действия их ограничены, и в средствах стеснены, а бороться с огнем надо, иначе одни головешки останутся, пепелище. Потому и изворачиваться приходилось, чтобы лесхоз сохранить – охранную лесную службу в районе, людей без работы

не оставить, а лес без хозяина. Ведь есть немало охотников поживиться за счет народного добра. До недавнего времени Александр Анатольевич иного мнения не имел и не признавал. И когда с полгода назад участились вдруг незаконные рубки на границе с той же Архангельской областью, Горчаков поднял на ноги и милицию, и свою лесную службу, и местное население.

Граница Вологодской области находилась от райцентра Тарнога всего в 40 километрах. Соседи свои леса давно пустили на продажу, можно сказать, вычистили, вот и стали архангельские мужички залетать в вологодские леса. А так как дороги там хорошие, лес вывезти легко, то и контроль тех участков Железнодорожного лесничества проводился постоянно и лесником Евгением Тамеловским, и лесничим Александром Чамелем, да и местные жители помогали. За 2001 год было обнаружено 5 безбилетных рубок – лес был распилен, сложен и приготовлен к вывозу. Но вот поймать самих рубщиков все никак не удавалось. Им ведь и надо-то было пару часов всего, чтобы осуществить валку деревьев в нужном объеме, на машину, которой под утро лес, очевидно, и вывозился. Разве уследишь, когда обходы лесников довольно большие, а дороги плохие или их нет вовсе?

Горчакову вскоре стало известно, что организует незаконные рубки в лесах Тарногского района некий азербайджанец Рахим, который для этого нанимает архангельских лесорубов, а потом и вывозит лес. И вполне возможно, что эта игра в прятки с браконьерами продолжалось бы еще долго, если бы с ними однажды не столкнулся сам Горчаков. Как-то ранним воскресным утром, посадив в старенькие «Жигули» неизменного спутника Пирата, Александр Анатольевич отправился на рыбалку. Проезжая Хавденицы услышал вдруг в лесу звук работающей бензопилы, затем другой. И хотя этот сосновый бор принадлежал колхозу «Заря», все же решил проверить – по воскресеньям и в колхозах теперь не работали. Остановился, позвал Пирата и пошел в ту сторону, где явно трудились лесозаготовители. Их оказалось четверо – крепко сбитых мужиков, двое из которых орудовали бензопилами, остальные топорами. Появление Горчакова, а он был в форме, паники у них не вызвало. Да и кого могли бояться пришлые мужики с топорами в глухом лесу? Очевидно, они так и думали, потому как сразу

же предложили Александру Анатольевичу не шуметь и мирно разойтись, даже готовы заплатить за беспокойство. Директор лесхоза сделал вид, что колеблется, а сам стал потихоньку выяснять, кто их хозяин и где он сейчас находится, сколько им платит. Вот на такой душевный разговор Горчаков их и попытался вызвать. И оказалось, что архангельским браконьерам жизнь уже по всякому руки выкручивала, и столько внутри у них от долготерпения накопилось, что они готовы были любому выплеснуть о всех своих бедах и невзгодах, только слушай. Хотя историю рассказали в общем-то заурядную. В районе у них леспромхозы развалились, предприятия почти все позакрывались, зато предпринимателей хватает. Да вот беда – платят мало и на работу к себе официально не оформляют. Один из них на эту рубку их и нанял, Рахим, он их хозяин, платит по 60 рублей за кубометр заготовленной и, главное, вывезенной древесины. Сегодня им, видимо, не повезло, трудились даром, а так получили бы рублей по 700 на брата. Дома у каждого семья, дети и жить как-то надо...

Александр Анатольевич слушал их, курил и только головой покачивал. В Тарногском районе такая же картина – предприниматель оформляет к себе на работу два-три человека, а неофициально на него трудятся в поте лица не меньше пятнадцати. Сколько хочет, столько им и платит, и никто не жалуется, еще довольны, иначе единственного источника дохода лишись. Другие ведь и этого не имеют.

Горчакову припомнился разговор с Василием Николаевичем Безвытным, который работал у него в лесхозе инженером лесного хозяйства. Его Александр Анатольевич уважал – умный был мужик и честный, специалист отличный, лучший в области компьютерщик, а зарплата у него со всеми накрутками 2000 рублей в месяц. И любит свою профессию, но вынужден вот уволиться из лесхоза – на такие деньги содержать семью – жена, двое детей – просто невозможно. Уходит к предпринимателям, которые давно приглашали его. Когда Безвытный пришел к директору подписывать заявление, он, не глядя на Горчакова, глухо произнес:

– Я вот все время думаю: почему честных людей у нас государство наказывает маленькой зарплатой? Может, пытается

искоренить из их сознания эту блажь? Сначала нас учили: кто не работает, тот не ест. Теперь стараются доказать, что нужно уметь, не работая, много иметь, и тогда будешь уважаемым человеком. Может, для кого-то и уважаемым, только человеком ли?..

Александр Анатольевич понимал – от отчаяния такое настроение у Безвытного, ведь жизнь у него вроде замкнутого круга обозначилась: куда не кинь – всюду клин!

Но сейчас, глядя в потные, потемневшие лица архангельских браконьеров, Горчакову стало ясно, что ему никогда не разделаться с основным виновником безбилетных рубок Рахимом, если он не задержит этих рубщиков. Только их показания могли обезвредить «хозяина», а значит, и прекратить незаконные рубки леса здесь. А это еще и означало, что Рахим в ближайшем будущем не сможет наживаться на горе и трудностях людей.

Именно это Александр Анатольевич и попытался втолковать лесорубам. Один из них, самый молодой, схватился было за топор, но не учел серьезности намерений собаки директора лесхоза. Вскоре топоры и бензопилы лежали в багажнике машины, а мужики теснились на заднем сиденье – переднее по праву занимал Пират, не сводивший умных глаз с нарушителей.

Спустя полчаса они уже находились в кабинете лесничего Межколхозного лесхоза Бориса Савельевича Коптяева. Пока он составлял протокол, Александр Анатольевич из медпункта позвонил в Тарногское РОВД. Вскоре прибыла и оперативная группа...

– Это все исполнители, – читая протокол о незаконной рубке, со вздохом произнес следователь райотдела Курбатов, – наемная рабочая сила, так сказать. Нам же нужен сам «пастух»...

– Да знаю я их хозяина, Иван Александрович, – начал объяснять Горчаков, – это Рахим, азербайджанец. Когда я нарушителей вез, заметил его у дороги – очевидно, лесовоз ждал. Местные жители видели – он на вишневой «девятке» ездит.

– Нам бы только номер его машины узнать.

– Зачем, я вам самого «пастуха» сейчас привезу, – сгоряча вырвалось у директора лесхоза, – пока он не обнаружил исчезновение своих работников...

Курбатов лишь с сомнением качнул головой, но протестовать не стал. И правильно сделал. Когда Горчаков вернулся на

место незаконной рубки, на лесной дороге он увидел вишневую «девятку». При задержании Рахим не сопротивлялся, сразу сообразив, что именно директор Тарногского гослесхоза и «окучил» его работяг. Горчакова он знал заочно и, естественно, много был о нем наслышан.

Позже следствие установило, что за последний месяц организованная Рахимом браконьерская группа около 10 раз вывозила лес в Архангельскую область. По сумме нанесенного ущерба и в соответствии со ст. 175 УК РФ, «хозяину» светил срок до 5 лет лишения свободы. Зато незаконные рубки в данном районе сразу же прекратились.

II

Даже в ста метрах от бушующего пламени, где трактора с корчевателями прокладывали минполосу среди лесных зарослей, дым разъедал глаза, затруднял дыхание, сушил горло. Иногда верхний огонь набирал такую силу, что взвихривал над лесом, выстреливая горящими головешками. Ветер разбрасывал их по лесу, и рабочим с ранцеопрыскивателями приходилось бежать к пламенеющим в траве на месте падения обуглившимся кускам дерева. Упустишь такой уголек, не залешь водой – и огонь моментально охватит сухостой, побежит по кустарнику, смолистым елям, не успеешь и оглянуться, как вокруг уже стена огня.

За те несколько дней, которые Горчаков провел на лесном пожаре, мотаясь на вездеходе вокруг горевшего леса и пытаясь определить его мощь и дальнейшее поведение, Александр Анатольевич понял одно – площадь возгорания быстро увеличивалась с подветренной стороны. И хотя ветер нередко менялся, все же лесопункт в поселке Тарнога Костылевского леспромхоза, находившийся в 12 километрах, решено было закрыть, а рабочих мобилизовать. На тушении пожара уже было задействовано почти 150 человек, 8 тракторов, две пожарные машины, три водовозки, бортовые машины. Снабжением горюче-смазочными материалами, водой занимался начальник лесопункта Алексей Степанович Бутов. Питание рабочих обеспечивалось сухим пайком.

Все прекрасно понимали – необходимо как можно быстрее проложить минполосу вокруг горевшего леса, закольцевать его, не дать огню возможности распространяться дальше. И хотя трактора работали фактически без перерыва, эту задачу решить пока не удавалось – слишком большой был объем работ, да и работа в задымленном лесу выматывала людей. Не забывал Горчаков и о том, как важно было не допустить расширение пожара на леса Вологодской области, ради чего, собственно, он сюда и приехал. И хотя минполоса до 30 метров шириной прокладывалась на всем протяжении вдоль границы с Тарногским районом, поменявшийся внезапно ветер заставил Александра Анатольевича действовать более решительно. Огонь стремительно двигался по направлению к границе, набирая силу, и задержать его продвижение можно было лишь с помощью отжига. Да дело это непростое, здесь чутье надо иметь и терпение – выждать, когда огонь подберется к краю минполосы, а ветер потянет в сторону пожара. И не пропустить этот момент. Вот тогда и даешь команду рабочим, и они поджигают разом сваленные по краю полосы деревья. Поднявшаяся стена огня под напором ветра начинает двигаться в сторону пожара. Но когда эти две огненные стихии сойдутся, пламя с хлопком оседает и останавливается, потеряв свою силу – ведь встречный огонь съел все топливо впереди, подпитывать себя ему уже нечем.

И в течение суток Горчаков провел такой отжиг, остановил распространение пожара в сторону Вологодской области...

Смена рабочим прибыла через две недели. Передавая списки Горчакову, начальник лесопункта Бутов заметил:

– В основном народ хороший. Фамилии непьющих и не злоупотребляющих спиртными напитками я отметил галочкой, как ты и просил. Ну и тех, кто работает в должности мастера или бригадира...

– Хорошо, сейчас займемся вновь прибывшими, – кивнул Александр Анатольевич, – только разгрузусь. В леспромхозе был, звонил в свою контору, узнавал, как там дела.

– Им там не так жарко, как нам тут?

– Нет, у меня справляются, пока все нормально...

Уточнять Горчаков не стал, хотя за этими его словами скрывалось многое. Главный лесник Тарногского лесхоза Мельцов со-

обшил директору, что в районе оперативно ликвидировано семь возгораний. Небольших, каждое площадью в несколько соток, так что обошлись собственными силами, ситуация контролируется, большую помощь в этом оказывают местные жители...

Однако такому ответу своего заместителя Александр Анатольевич даже не удивился, а принял как должное. За 20 лет работы руководителем в Тарногском гослесхозе в его районе не случилось ни одного крупного пожара, когда огонь охватывает лесную площадь в 25 гектаров. И все потому, что своевременно удавалось ликвидировать очаги возгораний. Оперативность – главное в охране леса, а это значит, что в любую минуту надо быть готовым выехать на тушение лесного пожара любыми средствами. Пусть под рукой лишь водовозка, но бочка всегда обязательно должна быть наполнена водой. Да только все труднее становится бороться с пожарами на свои скудные собственные средства. Все чаще не хватает бензина, нет у лесников радиостанций – пока добежит до поселкового телефона, не один час пройдет. И так уж пожарную машину приобрели за счет собственных средств, водораздатчики – тоже, радиостанцию установили в лесхозе на свои заработанные, даже форму покупали за свои...

Александр Анатольевич вытащил из машины ящик тушенки, которая предназначалась для выдачи рабочим в составе сухого пайка, оставил его у сосны и пошел к людям, толпившимся на просеке, просматривая на ходу пометки Бутова в списках. Тушение лесного пожара – дело серьезное и ответственное, поэтому рабочих Горчаков разбивал на пятерки и назначал старшего, а затем из двух пятерок уже старшего группы. Разброс людей на пожаре большой, за каждым не уследишь, поэтому старшие отвечали за своих людей – вместе обедали, знали, кто куда отлучался и зачем, а в случае каких-либо нарушений или опасных ситуаций сообщали тут же руководству. Вот почему Александр Анатольевич и просил начальника лесопункта узнать, по-возможности, больше о тех, кого направляли на ликвидацию лесного пожара. Сам же он по 5–6 раз в день объезжал на вездеходе очаг пожара...

Закончив разбивку людей на группы и объяснив им их задачи, Горчаков вернулся к машине, и тут обнаружил, что ящик

тушенки исчез. И рядом-то никого, только рабочие в десятке метров. Подошел к ним, спросил, кто старший, и сказал, что буквально полчаса назад пропал ящик тушенки, которую он выписал для сухого пайка. Может, видели, кто забрал? Воровать у своих, да в такое время...

– Найдем, Анатолич, куда отсюда денется...

С досадой махнув рукой, Горчаков пошел искать Бутова – надо было оформить расходные накладные на ГСМ, а потом проверить снабжение водой по участкам. Люди выкладываются полностью, трактористы Костылевского леспромхоза сутками не вылезают из машин, многие рабочие на опасных участках обедают на ходу, лишь бы не пропустить и вовремя погасить вспыхнувшую траву из-за залетного уголька. А тут воровство...

Спустя полчаса, подписав у Бутова накладные и табели на рабочих, Александр Анатольевич уже садился в кабину вездехода, когда в поле зрения его вдруг попала сосна, а под ней знакомый ящик тушенки. С минуту он не мог отвести от него глаз, пока не заметил рядом нетерпеливо топтавшихся рабочих – мрачных и грязных.. Когда Горчаков торопливо к ним подошел, один из них, постарше, хрипло проговорил:

– Мы сами тут во всем разобрались, только тебе придется вычеркнуть из списка одного, – он кивком головы показал куда-то влево. – И чтобы здесь его больше не было..

Александр Анатольевич посмотрел в ту сторону, но не сразу заметил сидящего на траве мужика, спрятавшего лицо в колени.

– Спасибо, – Горчаков пожал им руки и направился к вездеходу.

Стихийное бедствие – всегда общая беда, она объединяет людей, потому как вместе легче преодолеть несчастье, пережить горе. Вот почему на ликвидации лесных пожаров человек очень быстро раскрывается. Здесь сразу вычисляются лодырей и ловкачей, сволочей, болтунов и подонков. Да только не на таких на Земле все держится.

Через два дня усилиями полутора сотен людей прокладка минполосы вокруг очага пожара была завершена и распространение огня в основном остановлено.

Зов потревоженной бездны

*Двадцатый век... еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла
(Еще чернее и огромней
Тень Люциферова крыла).*

А. Блок

14 января 2003 года в 10 час. 47 мин. утра на тамбовском производственном химическом предприятии ОАО «Пигмент» произошел взрыв. Об этом трагическом событии я услышал из сообщения по радио без каких бы то ни было подробностей, однако тревога уже не отпускала. Летом прошлого года я ездил в Тамбов в командировку, где и должен был познакомиться с проблемами, связанными с глубинным захоронением токсичных химических отходов. Именно предприятие «Пигмент» и стало объектом изучения данного вопроса – сложного и противоречивого даже с точки зрения специалистов. Ведь Тамбов использует исключительно подземные водоносные горизонты для снабжения жителей города водой. А тут, получается, под себя же и отраву закачивают. Где логика? Мало ли что может произойти, и тогда химические вещества способны будут загрязнить единственный источник городского водоснабжения – реки здесь почти уже не годятся для такой цели. И вот этот взрыв на «Пигменте»...

Я еще не забыл слова бывшего заместителя руководителя Управления природными ресурсами по Тамбовской области, ответственного за Государственную экологическую службу, кандидата химических наук Валерия Семеновича Балакина: «Проблема не в том, насколько безопасна подземная закачка токсичных химических отходов. Это делают и американцы, и французы... Вопрос у нас в ином – насколько устойчив в геологическом плане тот слой пород, куда мы закачиваем промышленные отходы. Например, не содержит ли он геологических разломов. Ведь изменения, деформации, в пласте пород вполне

могут возникнуть в связи с землетрясением или чем-то еще. И тогда масса токсичных подземных вод станет расплзаться, загрязняя и пресную воду, которую мы качаем для нужд городского населения. Тем более, что проведенные исследования показали – вдоль реки Цны разлом все же проходит...»

Однако, как вскоре выяснилось, данная проблема оказалась и серьезнее, и глубже. Но и решение ее было в руках людей далеко не слабых и профессионально честных.

Следы прошлых побед

Река Цна в городе, в районе промышленной зоны, выделялась своей однобокостью – один берег был высок, крут и обрывист, зеленый от травы и редких деревьев, а другой – низок и лесист, с пойменным разливом, не утяжеленный застройками. Солнце припекало, хотелось искупаться, но вода в реке была ненадежно мутноватой, хотя, вполне возможно, что такой она мне показалась сверху. Но к этому примешивалось и еще одно чувство – странно было как-то осознавать, что где-то там под ногами, на глубине примерно 800 метров, почти в преисподней, плескались 50 миллионов кубометров токсичных химических отходов, полвека уже закачиваемых туда с территории предприятия «Пигмент».

– Вот, в каких-нибудь пятистах метрах от берега и был построен в сорок девятом году анилино-красочный завод, – продолжал Валерий Семенович. – Химическая промышленность в Тамбове в послевоенные годы развивалась бурно. Но если другие химические предприятия отходы свои сбрасывали прямо в реку, то на этом заводе сразу был построен специальный цех для биологической очистки промышленных стоков. Часть отходов спускали в озеро, которое рядом с заводом находилось, а часть в реку. Жители в те времена частенько наблюдали, как разноцветные ручьи бежали в Цну. И с этим надо было что-то делать...

В начале 50-х годов на территории анилино-красочного завода были проведены исследования геологических пород на глубине более 1000 м. На уровне 700–800 м геологи обна-

ружили слой слабо водонаполненных известняков, которые могли бы промышленные сточные воды с растворенными в них токсичными химическими веществами впитывать в достаточном количестве и фильтровать. Экологической опасности, по заключению экспертов, такая закачка токсичных химических отходов не представляла. Известняки образовывали сплошной слой без пустот, пустоты создавали бы высокое давление, способствовавшее возникновению каких-то непредвиденных биологических изменений. Сверху этот слой прикрывал высоко минерализованный водоносный горизонт и слой глин до 120 м толщиной. То есть закачка отходов под давлением должна была производиться в известняковые породы, залегающие на 500 м ниже водоносного слоя. По проекту, подготовка промышленных водных стоков осуществлялась в спеццехе биологической очистки.

Была пробурена сеть наблюдательных скважин – одни ниже известняков, другие – выше. Через эти скважины проводился и контроль отравляющих веществ в слое. Сам участок глубинного сброса был оконтурен скважинами.

На тот период это была передовая технология по глубинному захоронению токсичных химических отходов. И в экологическом, и в экономическом плане. Конечно, специалисты понимали, что сооружать полигон для захоронения химических отходов на территории завода, а тем более, в черте города – вариант не из лучших. В идеале его надо бы расположить где-нибудь за городом, подальше от людских поселений, туда и возить отходы. Но это было крайне невыгодно. Однако, как бы геологи не уверяли в надежности глубинного захоронения отходов на территории «Пигмента», идеальных пород не существует. Дефекты в слое известняков должны быть, тем более, что каждый метр пород не исследуешь. А если так, то промышленные стоки, закачиваемые в известняки под давлением, обязательно эти дефекты рано или поздно обнаружат. Недаром в народе говорится, что вода дырочку найдет. А отыскав, начнет просачиваться, размывая и увеличивая ее. Вопрос только во времени. Ну а дальше что? Очевидно, придется выбирать: экономика или экология? До сих пор правила балом экономика. Иначе как объяснить, что однажды, по рекомен-

дации московских специалистов, решено было съэкономить деньги и ликвидировать специальный цех по биологической очистке промышленных стоков. Взамен был предложен более простой способ – соорудить на территории «Пигмента» каскад прудов. Отходы сливаются сначала в один пруд, там вредные химические вещества взаимодействуют, в результате выпадает твердый осадок. Затем переливаем все это в следующий пруд, там идет окончательное осветление промышленных стоков, после чего их можно закачивать под землю.

С точки зрения логики, решение прекрасное, конечно. По замыслу авторов проекта, каждый из прудов был рассчитан на определенный срок и с определенным коэффициентом фильтрации. Под этими прудами должна была проходить и дренажная система – если вдруг пруды начнут фильтровать, то вода будет в ней собираться, а затем откачиваться насосом. Предполагалось, что такой фильтрованной воды будет не более 0,5 кубометра в сутки. Иначе говоря, промышленные стоки даже в небольших количествах не должны были просачиваться в почву и уходить в грунтовые воды.

Однако на деле все оказалось «не по-писаному». Как вскоре выяснилось, пруды довольно интенсивно фильтруют, чуть ли не по сотне кубометров воды в сутки. То есть отходы химического производства попадают в грунтовые воды. И как следствие – загрязнение подземного водоносного горизонта на глубине 100–120 м. Тогда пробурили скважины на промышленных площадках предприятий «Пигмент», «Тамбовмаш» и «Вниихим-полимер» и через них стали откачивать загрязненную воду и использовать ее на заводах для технических нужд. Затем она проходила через пруды всю технологическую цепочку очистки и закачивалась в подземное хранилище химических отходов.

Но это было не решение проблемы, а снятие «стрессовой» ситуации. Нужно было найти ответ на основной вопрос: как предотвратить дренаж этих самых прудов? И тогда снова были привлечены специалисты из нескольких московских институтов, разработано 17 вариантов дренажной системы, которая позволила бы предотвратить поступление токсичных отходов на водоносные горизонты. Из всех проектов был выбран один – созданный институтом Росгео.

Сейчас на заводе «Пигмент» 9 прудов общей площадью почти 26,5 гектаров. Но рядом еще пруды предприятий «Тамбовмаш», «Внихимполимер»... И все эти десятки гектаров водной поверхности насыщают воздух ароматом тех 150 растворенных химических веществ, которые и содержатся в промышленных стоках.

– Сейчас мы говорим руководству «Пигмента», – продолжал Валерий Семенович, – чтобы оно как-то решило проблему уменьшения площади испарения с поверхности прудов. Возможно, с помощью какого-то материала, которым можно было бы экранировать пруды. Или сократить площадь водной поверхности, покрыв ее плавающими шарами. Сделать это крайне необходимо. И генеральный директор завода Николай Павлович Утробин, как и технический директор Николай Акиндиевич Михин прекрасно это осознают. Да и как не понимать, если только они и способны хоть что-то предпринять... К тому же, альтернативных вариантов нет. И никогда не было.

Выбор

Валерий Семенович ошибался. Однажды, хотя и давно, генеральный директор ОАО «Пигмент» Николай Павлович Утробин оказался на таком распутье, когда принимаемое решение становится той отправной точкой, которая определяет направление развития предприятия. Иначе говоря, его судьбу. Но оказалось, что в это понятие – судьба завода – не все вкладывали одинаковый смысл. Хотя сохранить здравый смысл в тот сумбурный начальный период перестройки удавалось далеко не всякому. И когда на руководство завода, кроме нештучных производственных проблем, упали вдруг разом и экологические, копившиеся десятилетиями, трудно было удержаться от праведного соблазна свалить их решение на государство. Предприятие было государственным, значит, и средства на ликвидацию возникших проблем по загрязнению подземных водоносных слоев из-за дренажа прудов, на мониторинг окружающей среды должны выделяться из бюджета.

А то, что у государства нет денег ни на что, о чем постоянно кричали чиновники, никак уж не должно волновать руководство предприятия ОАО «Пигмент». В принципе, конечно, верно, и можно было бы добиваться исполнения именно этих законных требований, бросить на это все силы. Но...

Николаю Павловичу слишком хорошо была известна проблема глубинных захоронений токсичных химических отходов. Изнутри, как говорится. Раньше-то он работал главным технологом на заводе органического синтеза. Там тоже были проблемы и с водой, и пруды переполнялись отходами. Ему ли, кандидату химических наук Утробину не знать серьезности таких ситуаций, когда идет перелив промышленных стоков в пруды или из депрессивной воронки загрязнение попадет в водоносные слои! Поэтому директор понимал, что дело здесь не только и не столько в самой экологии, вернее в объектах, повинных в загрязнении природной среды, сколько в технологиях самого химического предприятия. Да, конечно, никто не спорит, что необходимо работать над совершенствованием и очистительной системы промышленных стоков, и выпуски бетонировать, и дренажную систему улучшать, и наблюдательные скважины бурить, и барражную откачку вод делать, а пруды – эта основная головная боль всего завода и необходимейшее звено в производственной цепочке – требуют постоянных затрат, и немалых. Все это верно. Однако можно бросить на решение этих проблем миллионы рублей, и решать их в какой-то степени, но ведь результат для экологии будет все равно незначительным. За десятилетия систематического загрязнения природной среды даже ликвидация самих источников ее заражения – прудов совершенно не облегчит положения. Токсичные химические осадки, похороненные вместе с прудами, еще лет сто останутся источниками загрязнения. А без прудов и сам завод перестанет существовать. И тогда уже к экологическим прибавятся и социальные проблемы, если на улицу будут выброшены чуть ли не 3,5 тысячи рабочих. Значит, выход из создавшегося положения именно в том, чтобы завод сохранить, который, развиваясь, мог бы не только решать эти узкие экологические проблемы, но и менять производственные технологии, переходить на более совершен-

ные и экологически чистые. Тем более, что этого требовал и европейский рынок, на который очень хотело выставить свою продукцию и ОАО «Пигмент». И хотя такая перспектива светила заводу пусть в недалеком, но все же будущем, Утробин принял именно этот, как ему казалось, единственно верный путь развития химического производственного предприятия. И первым шагом на этом пути стала замена ядовитого фосгена на анилин.

С этого момента финансирование всех природоохранных мероприятий завод осуществлял на собственные средства, не требуя никакой помощи от государства – это все равно было бы бесполезно. Зато экологический контроль со стороны всех государственных органов постоянно ужесточался. Но это руководство завода не пугало.

Наоборот, по его инициативе было организовано совещание всех заинтересованных природоохранных государственных служб области специально для организации системы экологического мониторинга и охраны природной среды от вредного воздействия полигона закачки АО «Пигмент». Кроме Н.И. Утробина на этом совещании присутствовали представители таких организаций, как областной Комитет по охране природы, Тамбовкомвод, Тамбовское территориальное управление геологии и использования недр, Госгортехнадзор России, Главный государственный врач г. Тамбова. Был разработан подробный план работ, названный впоследствии «семипечатным протоколом». И каждый его пункт заводом был выполнен.

Однако, это видимая часть айсберга, называемого полигоном глубинного захоронения токсичных химических отходов. Но существует и иная, имеющаяся почти у каждой непростой проблемы. А у экологии простых проблем не бывает.

Люциферово крыло преисподней

Академик РАН Никита Моисеев не раз подчеркивал то, как постепенно усложняются взаимосвязи людей и взаимозависимость Человека и окружающей среды, что порождает целый ряд противоречий, которые требуют своего разрешения. В од-

ной из своих работ Н.Н. Моисеев писал: «Трудна и интересна проблема взаимоотношения разумного и стихийного начал. До поры до времени Разум ограничивает сферу своего активного воздействия на окружающий мир лишь «локальными проявлениями разумности», то есть действиями, основанными на оценке (или анализе) их последствий. При этом он мало вмешивается и, следовательно, мало меняет общий стихийный процесс самоорганизации. Но на определенном этапе развития общества и биосферы Человек вынужден начинать формирование коллективного «нелокального Разума». При этом он, наверное, сужает стихийное начало. Вместе с тем он никогда не сможет его исключить полностью. Миллионы и миллиарды человеческих коллективов и отдельных людей, по-разному окружающих окружающую действительность, всегда останутся базой для проявления стихийного начала».

Вот это «проявление стихийного начала» меня и насторожило, когда я услышал сообщение о каком-то взрыве на заводе «Пигмент». Ведь он мог оказаться спусковым крючком именно для этих «стихийных начал», о которых меня предупреждал и Балакин. Но этого не случилось. По телефону Владимир Владимирович Андреев, главный инженер завода по ТБ и охране окружающей среды, мне пояснил, что обрушилась стена пристройки к цеху, в которой четыре вакуумных насоса откачивали бензиновые отходы, но при этом даже загорания не было. Однако обломками рухнувшей стены пристройки придавило рабочего – в больнице он умер.

Прекрасно зная, что я начну задавать ему и вопросы по глубинному захоронению отходов, о состоянии прудов и вообще обо всем, как это и было год назад, Владимир Владимирович заговорил сам:

– Сейчас приступили к очистке главного пруда, он заилен осадками процентов на 80–90. Но главное для нас, конечно, это внедрение новых технологий. Именно благодаря им за год мы в три раза сократили промышленный сток – с трех миллионов до одного миллиона кубометров. И это при росте производства на 20–25 процентов. Отходы со дна пруда мы перебрасываем в другой, который приспособили для захоронения токсичных отходов, и заливаем их глиной...

Правда, Андреев ни словом не обмолвился, что благодаря новым технологиям в прошлом году дирекция завода вывела из эксплуатации пруд-накопитель, тем самым уменьшив количество стоков в грунтовые воды. Пруды-то строились в 80-е годы, и отходы из них проникают в водоносный горизонт на глубину 10–12 м, а оттуда в реку Цну. По расчетам гидрологов МГУ, в сутки таким путем попадает отравленных вод в реку от 100 до 220 кубометров. А мощность городских очистных сооружений всего 110 кубометров в сутки. В геологическом слое были обнаружены и инфильтрационные окна, и сквозь них с поверхности химические отходы могут достигнуть, как утверждается, водоносных слоев. Для дополнительного экологического контроля на промплощадке предприятия «Пигмент» было пробурено 12 скважин.

Однако геологи с таким выводом специалистов МГУ категорически не согласны. И когда я позвонил начальнику отдела промышленной экологии завода Александру Викторовичу Шакину, чтобы как-то прояснить этот вопрос, то услышал, что, по данным геологических исследований, сам слой известняков, куда закачиваются токсичные химические отходы производства, представляет из себя так называемый «платформенный чехол», где нет каналов для проникновения промышленных стоков в водоносные слои. Тем более, что закачка идет на глубину 690–730 м, а водоносный горизонт, который питает Тамбов, находится на глубине 75–250 м так что пока для каких-то конкретных беспокойств по поводу поведения закачанных на глубину промышленных стоков не имеется. Это подтверждено еще и тем, что в январе 2003 г. ОАО «Пигмент» получило лицензию МПР России на закачку химических подземных отходов в подземный полигон. Получалось, что преисподняя крепко держала в себе химического дьявола. Но кто знает наверняка, насколько он окажется коварен?

А если все же подземный гром грянет?

До недавнего времени сейсмологи фактически все свое внимание обращали на катастрофические землетрясения. Да

это и понятно – такие события остаются в памяти, проявляют себя ярко, разрушения оставляют глобальные, а число жертв исчисляется тысячами. Но ведь Тамбовская область, как и вся Центральная Россия, не относится к сейсмически опасным районам. Хотя...

Слагающие Землю горные породы упруги и поэтому могут деформироваться и испытывать колебания при резких давящих нагрузках. При сейсмических колебаниях в них распространяются объемные волны – продольные и поперечные. Так вот продольные волны, проходя в теле Земли, попеременно сжимают и растягивают вещество горных пород в направлении своего движения. И лишь небольшая группа редких и слабых поверхностных толчков может быть отнесена к обвальным – за счет обрушения пустот под землей. Подземные обрушения такого типа скорее случаются в карстовых областях.

Однако и тектонические землетрясения не всегда проявляют себя на поверхности Земли развальными катастрофами. «Земная кора неоднородна, расчленена на блоки различного объема и формы, движение которых может быть автономно в различной степени. Именно эта неоднородность строения и неравномерность движения (в пространстве и во времени) разных частей земной коры и более глубоких оболочек создают условия для перераспределения и периодической концентрации напряжений в определенных объемах горных пород. Наиболее благоприятными для резких изменений напряжений оказываются граничные области неоднородностей и участков, движущихся с разной скоростью. Чаще всего такие границы в земной коре обозначаются как зоны разломов или как отдельные разрывы, масштаб которых может быть совершенно различен».

Например, специалистам хорошо известны так называемые румынские землетрясения с эпицентром во Вранчской зоне на глубине 100–150 км. Она находится в том месте, где дуга Карпатских гор изгибается на юго-запад, выделяясь небольшим горным массивом Вранча. Но все дело в том, что Вранчская зона – единственный в Восточной Европе очаг глубокофокусных землетрясений. А чем глубже находится такой очаг, тем на большее расстояние от него распространяются объемные

продольные волны в частности. И несут они свою разрушительную мощь в северо-восточном направлении. Считается, что причиной тому могут быть особенности строения земной коры под Восточно-Европейской платформой. Поэтому довольно внушительные отголоски таких землетрясений доходят не только до Москвы и Санкт-Петербурга, но и до Киева, Ярославля, Калуги, Козельска, Переяславля, Новгорода, сотрясают земли Ростовской, Суздальской и Владимирской областей. И частота стихийных бедствий увеличивается. С конца XVIII в. промежутки времени между сильными толчками составляли последовательно 12, 27, 8, 70, 32 года. В 1940 г. после относительно слабого толчка 24 июня сильное землетрясение случилось 22 октября, а 11 ноября произошло катастрофическое. Такое же по силе достигло Москвы и 4 марта 1977 г.

По данным сейсмологов, в России выделены три области, где периодически возникают землетрясения – Воронежский массив, Средний Урал и Предуралье. Правда, хотя здесь землетрясения и не редки, но слабые – 4–5 баллов. Однако для подземного захоронения токсичных химических отходов любые колебания, даже неощутимые, геологических глубинных пластов в Тамбовской области могут оказаться спусковым крючком, который, пусть и слегка, потревожит отравленную бездну. И незаметный разрушительный процесс начнется, а часы будущей катастрофы окажутся неумолимо запущенными. Для таких сооружений, как атомные электростанции или глубинные захоронения токсичных химических отходов, даже «тихие» землетрясения в несколько баллов могут привести к глобальной катастрофе впоследствии. Ведь именно авария на одной из американских атомных станций, где причиной стало землетрясение в 4 балла, и послужила сигналом для многих специалистов-сейсмологов у нас и за рубежом пересмотреть свое отношение к слабым и редким землетрясениям в равнинно-платформенных районах как к явлениям малоинтересным и малозначащим.

По утверждению доктора геолого-минералогических наук Андрея Алексеевича Никонова: «Изучение сейсмичности малоактивных территорий становится темой первостепенной важности. И похоже, некоторые равнинные области на новой

карте сейсмического районирования из белых станут розовыми и даже могут покраснеть».

Сегодняшняя активизация опасных природных процессов только подтверждает мудрость ученых: «Катастрофа уходит в прошлое, опасность приближается». Вот почему о плохом надо не забывать за давностью лет, а всеми силами стараться его если уж не избежать, то, по крайней мере, хотя бы уменьшить. Тем более, что жертвами становятся люди. На сегодняшний день на промплощадке предприятия ОАО «Пигмент» полигон глубинного захоронения отходов защищен и контролируется благодаря максимальным усилиям администрации завода. Значит, какой-то запас времени наверняка существует, поэтому, очевидно, пока не поздно стоит начать строительство нового полигона для глубинного захоронения токсичных отходов от всех химических предприятий Тамбова. Где-нибудь в 10–15 км от городской черты, в таком месте, чтобы расползание токсичных отходов под землей, если оно случится, стало не таким опасным.

Недаром в «Экспертном заключении по отчетным материалам обоснования защиты подземных и поверхностных вод от загрязнения в районе ОАО «Пигмент» в г. Тамбове», подписанном Генеральным директором ГИДЭК доктором геолого-минералогических наук, профессором Б.В. Боровским, сказано: «Учитывая крайнюю актуальность вопроса о предотвращении дальнейшего загрязнения подземных вод в районе г. Тамбова, считаю целесообразным поставить перед МПР РФ вопрос о необходимости организации федерального полигона мониторинга геологической среды в г. Тамбове, включая весь северо-восточный промузел».

Ведь проблема эта усугубляется еще и тем, что многие химические вещества отходов, закачиваемых в глубинные горизонты, способны в той среде разлагаться и взаимодействовать с другими веществами. А значит, и давать иные химические соединения. Но что это за соединения, какие они имеют свойства, предугадать фактически невозможно. А тем более знать, как они себя поведут в дальнейшем в той глубинной среде.

Думается, что и все затраты по сооружению нового полигона для захоронения отходов должно взять на себя государство,

потому как эта проблема давно превратилась из местных в общегосударственную. Можно только констатировать, что своей промышленной деятельностью человек уже затронул земную бездну. И надо быть готовым к ее ответному голосу. Насилия над собой природа не прощает никому.

Надежда и боль державного Амура

Несколько дней подряд, просыпаясь утром в номере гостиницы «Дружба», я подходил к окну и смотрел на полноводный Амур, сдерживаемый бетонной дамбой-набережной. И всегда взгляд мой невольно перескакивал на противоположный берег, где в лучах восходящего солнца сияли чистотой белые здания Хэйхэ – китайского города провинции Хэйлунцзян, пограничного с Благовещенском. До него всего лишь 800 м, так что и без бинокля там можно было наблюдать жизнь. Однако при этом во мне рождались чувства далеко не однозначные. И теперь я все чаще вспоминаю слова начальника отдела использования и восстановления водного фонда КПП по Амурской области МПР России Андрея Валентиновича Макарова.

– Какие проблемы Амура на сегодняшний день существуют? – повторяя мой вопрос, он задумчиво смотрел куда-то в угол кабинета. – Да все те же, пограничные... В первую очередь река – это граница, часть Амурской области. Она завоевана нашими предками и должна оставаться российской территорией. Значит, мы обязаны здесь развивать промышленность, сельское хозяйство, использовать Амур как водную транспортную артерию, как источник возобновляемых рыбных ресурсов, а также в рекреационных целях, поскольку у нас в верховьях Амура места есть довольно живописные и даже нетронутые человеком.

Андрей Валентинович замолчал, а потом неожиданно спросил:

– Вы когда-нибудь бывали в верховьях Амура? А мне несколько лет назад довелось проплыть вверх по реке вместе с пограничниками. Картина, я вам скажу, печальная...

Однако смысл сказанного тогда Макаровым я ощутил в полной мере гораздо позже. В тот момент я лишь начинал понимать, насколько острее воспринимаешь ты себя гражданином

своей страны, оказавшись на ее границе. Здесь это была река Амур, занимавшая среди величайших рек планеты девятое место по длине – 2824 км, из которых 1246 км она граничит с Китаем. Начинается державный Амур в Читинской области от слияния рек Шилки и Аргуни. Именно туда, к истокам Амура, летом 1997 г. и отправился на пограничном катере Андрей Валентинович. На борту вместе с пограничниками находились и геологи. Но у начальника отдела использования и восстановления водного фонда КПр Макарова задача была своя – ознакомиться с состоянием береговых откосов, степенью их размыва рекой, чтобы знать, где в будущем предстоит проводить необходимые работы по берегоукреплению.

На Амуре с российской стороны нет крупных водохранилищ, в границах области река не зарегулирована, но на всем своем протяжении у нее существуют береговые участки, подверженные значительному размыву и обрушению. Связано это с разгулом воды в паводки, особенно летне-осенние. Главной причиной наводнений в Амурской области являются муссонные дожди, которые идут в основном в мае – сентябре, однако большая часть осадков выпадает в июле – августе. И тут уж реки начинают играть. На Верхнем Амуре (участок реки от селения Покровское в Читинской области до порта Благовещенск) уровень воды поднимается до 10–12 м, на Среднем (участок от порта Благовещенск до порта Хабаровск) – до 9–11 м. Тогда заливаются и луга, и пахотные земли, и населенные пункты. Интенсивности наводнений способствуют еще и такие физико-географические условия территории, как густая речная сеть, горный рельеф и вечная мерзлота в северных районах области, а в южных – суглинистые плотные грунты, малая высота берегов в среднем и нижнем течении реки.

За последние сто лет на Верхнем Амуре произошло 60 наводнений, из них 8 – катастрофических; на Среднем Амуре – 48 и 7 катастрофических. Периодичность катастрофических наводнений 10–12 лет. Именно большие колебания уровней воды приводят к разрушению берегов и частичным изменениям русла, и как следствие – к потере сельскохозяйственных земель. В особо дождливые годы на крупных реках затопление поймы длится до ста дней в году.

Жителям Амурской области запомнилось наводнение 1984 г., когда стихией были охвачены фактически все районы региона. На Амуре вода поднялась выше критической отметки на 5–7 м, а пойма оказалась под трехметровым слоем воды, которая накрывала ее почти месяц. Общая площадь затопления составила 18 тыс. кв. км, пострадали от наводнения 28 населенных пунктов, 12 были затоплены полностью. Разрушено и повреждено около 3000 км автодорог, 988 мостов и трубчатых переездов, почти 500 км линий электропередачи и 900 км кабелей и воздушных линий связи, более ста объектов промышленности, транспорта и сельского хозяйства. Общий ущерб составил тогда почти 300 млн. руб. в ценах 2000 г., а это сегодняшний годовой бюджет области...

Это катастрофическое наводнение и стало как бы приметой начала разрушительного перестроечного периода для страны с ее границ – Амурской области, когда проблемами державной реки в 90-х гг. практически перестали заниматься из-за отсутствия финансирования. Естественно, что такое неродное отношение со стороны государства к своим пограничным водным объектам не замедлило сказаться на их состоянии. Как признался Макаров, Амурской области просто повезло, что с 1984 г. не произошло еще одного катастрофического наводнения, о возможных последствиях которого он даже не захотел говорить. Природа пощадила жителей Амурской области.

Возможность заниматься в какой-то мере берегоукрепительными работами на Амуре появилась лишь после принятия в 1998 г. Федерального закона «О плате за пользование водными объектами» и создания территориального фонда по их восстановлению и охране. То есть когда пошли платежи за пользование поверхностными водными объектами и сформировались какие-то источники финансирования для выполнения берегоукрепительных работ, которые понемногу в небольших объемах стали осуществляться в последние два года. Сегодня можно сказать, что в рамках территориальной программы восстановления и охраны водных объектов ведутся берегоукрепительные работы, строится противопаводковая защита, ведется охрана водных ресурсов – то есть реконструкция и ремонт очистных сооружений и их строительство. В основ-

ном сейчас выполняются работы на очистных сооружениях в г. Свободном на Зее в 100 км от устья реки.

Что касается Амура, то в верховьях реки на всем ее протяжении до Благовещенска, на отрезке в 900 км, с российской стороны забора воды практически не ведется. Ни один из населенных пунктов на верхнеамурском побережье не берет воду из реки для хозяйственно-питьевых нужд, там используются для этих целей подземные водные источники. А поскольку крупных поселений на российском берегу нет, численность населения мизерная, то и загрязнять сточными сбросами Амур здесь некому. В этом Макаров убедился лично во время своего плавания по Амуру с пограничниками...

Катер шел вдоль левого берега, а когда миновал Сергеевку, находившуюся не так далеко от Благовещенска, потянулись сплошь безлюдные береговые откосы, дикая тайга. Лишь через сотню километров высокий берег ожил крышами домов села Ушаково. Еще 100 км – село Черняево, потом Толбузи, Албазин с куполами церквушки, чудом сохранившейся за почти 150 лет своего существования, затем села Джалинда, Игнашино. Вот и все береговые амурские поселения в верховьях великой реки на протяжении более 900 км. А между этими населенными пунктами, в коих еще теплилась жизнь, разбросаны во многих местах остовы домов и построек брошенных деревень, полусгнившие, заросшие кустарником и травой. По словам Макарова, еще 15 лет назад все они были обитаемы. Хотя и раньше население прибрежных сел имело ограниченный доступ к Амуру – по всему нашему берегу тянулись заграждения из колючей проволоки. Правда, напротив прибрежных деревень в определенные часы пограничники устраивали для населения проходы к воде – так, с удочкой посидеть...

Теперь на Верхнем Амуре нет ни колючей проволоки, ни деревень, ни рыбаков. На весь 900-километровый участок реки всего один рыбинспектор в селе Черняево – проблемы браконьерства здесь не существует. Естественно, что в силу экономических причин у нашего берега на Амуре рыба совсем непуганая, что весьма привлекает предприимчивых китайских рыбаков. Китайский берег Амура здесь за последние годы оброс десятками небольших поселений, многие дома в которых

крыты еще соломой, но рядом на воде везде рыбацкие лодки. Такое впечатление, что китайцы круглые сутки занимаются рыбной ловлей, достигающей промысловых объемов. По некоторым данным, китайцы активно заселяют со своей стороны прибрежные районы Амура. В верховьях их уже более 5 млн., а всего вдоль китайского берега по Амуру заселено порядка 100 млн. китайцев. Кроме всего прочего, они не просто заняты рыбным промыслом, а вылавливают все, что можно, не связывая себя никакими нормами. Подобное положение сложилось на пограничном Амуре не сегодня и не вчера, а гораздо раньше. Еще первая БСЭ отмечала в 20-е гг.: «Выше Хабаровска, где Амур является пограничной рекой, причем граница с Китаем идет посередине фарватера, всякое нормирование рыбного лова оказывается невозможным; здесь рыболовство носит чисто хищнический характер...»

Но не это сейчас больше волнует российскую сторону, хотя перед предками нашими, освоившими приамурскую землю, должно было бы быть кому-то стыдно. Из года в год ухудшается качество воды в Амуре, и здесь виновником мог быть только правый приток великой реки – Сунгари, вливающий свои воды со стороны Китая. Длина этого притока 1870 км, в его верховьях находятся такие сооружения, как водохранилище Фынмань и ГЭС, а также крупные города Харбин, Цзямусы и Гирин. Все они имеют многомиллионное население и развитую промышленность – электротехническую, транспортное машиностроение, приборостроение, деревообрабатывающую и текстильную промышленность, а также целлюлозно-бумажную и химическую. Эти промышленно-научные центры располагаются непосредственно на реке Сунгари, и, естественно, стоки промышленных отходов спускаются непосредственно в реку. Насчет отсутствия очистных сооружений в этих городах можно не сомневаться – они там, вероятно, и не проектировались. По данным Информационно-исследовательского института Министерства водного хозяйства КНР за прошлый год, «водные объекты Китая подвержены сильному загрязнению, поскольку в них сбрасывается 80% неочищенных промышленных сточных вод». А то, что это касается непосредственно реки Сунгари, правого притока Амура, сомневаться не приходится.

Еще в 1986 г. было подписано Соглашение между СССР и Китаем о совместной работе по составлению схемы комплексного использования водных ресурсов пограничных участков рек Аргуни и Амура. Именно только пограничных участков, хотя советская сторона пыталась поднять вопрос о необходимости заниматься в целом бассейном реки Амур, если договаривающиеся стороны действительно стремились сохранить воды Амура чистыми и пригодными для использования и увеличения в них рыбных запасов ради будущих поколений. Однако китайская сторона категорически отказалась от такого варианта, более того, она согласилась предоставить своим соседям лишь гидрологические характеристики притока Сунгари – то есть информацию о скорости течения, количестве стока, расходе воды... Иначе говоря, познакомила с теми параметрами, которые фактически не меняются из года в год, если не ведется на реке крупное гидротехническое строительство. Все качественные показатели состояния воды в Сунгари китайские власти тщательно скрывают, объясняя это тем, что подобная информация имеет стратегическое значение. Сегодня мы даже не представляем достоверной ситуации по химическому составу воды на реке Сунгари и вообще на всех китайских притоках. О качестве таковой мы можем судить только косвенно, непосредственно наблюдая за качеством воды в Амуре – куда впадает Сунгари. Однако это довольно ориентировочные данные. Но подобная скрытность результатов своей водно-хозяйственной деятельности на пограничных водных объектах КНР свойственна отнюдь не только в отношении России. В 90-х гг. многие страны мира участвовали в разработке «Конвенции о праве несудоходных видов использования международных водотоков» Организации Объединенных Наций. В частности, в рабочей группе были задействованы специалисты как из России, так и из КНР. Но когда зашла речь о том, чтобы в конвенцию включить положение о необходимости делиться на пограничных реках водой со странами-соседями, китайская делегация тут же категорически отказалась даже визировать документы на уровне рабочей группы. А так как иных международных обязательств у КНР нет, то, можно считать, в данном отношении

Китай себя ничем связывать не хочет. Такова его политика на сегодняшний день.

Не идет Китай на контакт с предоставлением информации о состоянии водных объектов, сбросов сточных вод по притокам Амура и на региональном уровне. Более того, власти Амурской области даже представления не имеют, сколько хозяйственно-промышленных отходов и сточных вод сбрасывается в Амур из города Хэйхэ, расположенного напротив Благовещенска. И в то же время эти города провозглашены побратимами. Да только братство здесь получается какое-то односторонне-кривое.

На сегодняшний день специалисты в области охраны и использования водных ресурсов по трансграничным рекам привыкли строить свои прогнозы на будущее большей частью с учетом стабилизации финансового положения в России и крепких дружеских отношений приграничных государств с нашей страной. Это и понятно! Люди всегда хотят надеяться на лучшие времена, даже если реальная обстановка не дает на это значительных перспектив. Такова наша психология – всегда с открытой душой идти к соседу, предполагая, что и он тебя не обманет. Для честных людей это норма поведения. Однако иногда полезно прикинуть последствия и иного варианта в межгосударственных отношениях. Например, что ждет Амурскую область, если Китай и дальше будет засекречивать данные о загрязнении собственных речных стоков, которые несут свои воды в Амур? Ответ здесь может оказаться не такой простой, как кажется. По официальным источникам, в 1990 г. в Китае обрабатывалась всего лишь «1/5 промышленных стоков и около 30% промышленных твердых отходов...». Благодаря принятым мерам, как считают в КНР, в стране удалось в целом стабилизировать экологическую обстановку на уровне 1980 г., до 22% возросла доля очищаемых производственных стоков. Но можно ли подобные заявления принимать на веру? И если нет официальных данных по загрязнению поверхностных вод в Китае, посмотрим, что происходит в КНР с воздухом. Суточная концентрация взвешенных частиц в среднем в расчете на метр кубический в воздушном бассейне 32 городов на севере страны (сюда входит Автономный район Внутренней Монголии и провинция Хэйлуцзян, пограничная с Амурской

областью) составляет 860 мг. Хотя норма, разработанная ВОЗ, равна 90 мг, китайский же национальный стандарт – 500 мг. Думается, что и в отношении норм загрязнения поверхностных вод КНР картина такая же.

Однако это еще не все. Как уже было сказано, с нашей стороны Амур никакими гидротехническими сооружениями не зарегулирован. В то же время, по признанию Макарова и после его личных встреч с пограничниками, выяснилось, что, по их наблюдениям, на реке Амур выше Благовещенска китайцы начинают строительство второго водозабора. В соответствии с международными законами пограничные государства в подобных случаях извещают своего соседа о строительстве водохозяйственного сооружения с указанием всех его параметров. Это необходимо в чисто практическом плане. Любые сооружения на водных объектах в какой-то мере сразу или спустя определенное время частично могут изменить режим стока реки или повлиять на само русло. В настоящее время китайской стороной построено почти 265 км противопаводковых дамб, в том числе на Верхнем Амуре более 52 км. Существующие защитные сооружения на отдельных участках китайского правого берега, с одной стороны, обеспечили стабильную защиту своих сельскохозяйственных земель и населенных пунктов, но, с другой стороны, привели к поднятию уровней речного потока, отжатию его к российскому незакрепленному берегу и изменению русловых условия, что усилило размыв больших береговых участков и, как следствие, привело к отторжению материковой левобережной территории с образованием новых островов.

Чаще всего Китай не предоставляет официальной информации по стратегическим соображениям в отношении водных объектов, поэтому приходится пользоваться различными источниками, даже сообщениями частного порядка. Однако дело здесь вовсе не в установлении истины – строят подобное сооружение на Амуре китайцы или нет, – а в использовании такой предполагаемой ситуации для ответа на вопрос: чем может грозить строительство водозабора российской стороне?

Когда я задал этот вопрос Макарову, он сразу сказал, что, не зная проектного объема забора воды из реки, а также как и для какой цели они собираются использовать воду, предполо-

жить что-либо насчет последствий для нашего берега довольно сложно. Если водозабор нужен китайцам для подпитки крупных водохранилищ в связи с возможной переброской стока реки, то чем больше объем забора воды, тем негативнее это скажется на состоянии Амура. А значит, есть вероятность того, что водозабор для снабжения Благовещенска питьевой водой придется реконструировать, то есть значительно заглубить, поскольку уровень воды в реке упадет и произойдет заиливание приемных оголовков.

Однако это довольно крайний случай, до которого вряд ли дойдет дело. Но если снижение уровня воды на Верхнем Амуре произойдет, то уж об ухудшении качества воды спорить не придется. Более того, резко уменьшится рыбопродуктивность реки за счет того, что недостаточно будет заливать речные поймы, куда рыба ходит на нерестилище. А это уже значительная потеря рыбных ресурсов.

Как утверждает Макаров, на сегодняшний день использование Верхнего Амура несколько однобокое. Китайцы заготавливают на своей территории лес и перевозят его по реке аж до самого Хэйхэ. Их речные суда по Амуре постоянно снабжают всем необходимым прибрежные поселения. Они активно занимаются добычей со дна реки гравийно-песчаной смеси, не говоря уже о промысловом вылове амурской рыбы. Даже у наших берегов. Для нас же Верхний Амур уже не является транспортной артерией, потому как, очевидно, нет надобности в этом, раз исчезают прибрежные деревни. Развалились рыбосовхозы и леспромхозы в этом районе... Россия вынуждена отказаться от использования водных ресурсов Верхнего Амура в связи с экономической несостоятельностью. Здесь китайцы уже давно чувствуют себя хозяевами...

Не только ослабление России, но и дипломатия постоянных и необоснованных уступок в международных отношениях, иначе говоря, политика виляния хвостом, уважения нашей стране не прибавит. Это относится не только к Китаю, но и к бывшим советским республикам, пытающимся тоже диктовать свои условия России в надежде на поддержку США. В частности, это проявляется в отношениях с Азербайджаном по вопросу деления водных ресурсов пограничной реки Самур...

Очевидно, державную боль Амура сегодня испытывают и на других российских водных рубежах. Но сквозь эту боль терпеливо пробивается и ручеек надежды на возрождение гордой славы России. За нее ведь русские люди на берегах Амура жизни свои отдавали, кровью платили за водицу амурскую. Поэтому любая граница сначала проходит через сердца людские и лишь потом уже обретает плоть демаркационных линий, что и делает их незыблемыми.

Да только не стали ли мы сегодня забывать об этом?

Свет... и тьма

*Мыслящий человек есть мера всему.
Он есть огромное планетное явление.*

В.И. Вернадский

Известно, что вирусные эпидемии уносят не меньше жизней, чем войны. Вспышки таких заболеваний, как малярия, брюшной тиф, лихорадка, холера, чума, туберкулез в разных районах мира свирепствуют до сих пор, не говоря уже о раке, СПИДе... Но иногда эпидемия страшна не многочисленными жертвами, а ужасающей таинственностью, когда медики обреченно разводят руками, больные остаются один на один с безысходностью, а жители «проклятых мест» бегут от родных домов.

Например, случаи странного заболевания эмигрантов из Таиланда зафиксированы были в Сингапуре и Саудовской Аравии, когда пораженных неизвестным вирусом людей смерть настигает во сне – их погибло около тысячи...

Сотни жизней унесла неизвестная «химическая» болезнь в Приаралье, Черновцах и на Алтае, диагноз врачей – гемолитическая желтуха, поражение центральной нервной системы, анемия... Носитель заболевания – не выявлен...

В Ростовской области и Ставропольском крае зафиксированы вспышки конго-крымской лихорадки, хотя многие ученые считают, что эпидемия вызвана неизвестным вирусом.

В 1957 году эпидемия «испанки» выкосила от 3 до 5 миллионов человек в мире. В 1997 году впервые в Гонконге был зарегистрирован вирус H5N1, вызывающий птичий грипп. По признанию медиков, этот вирус появился вследствие мутации вируса «испанки». В июле 2005 года в Южной Азии была зафиксирована вспышка птичьего гриппа. Сегодня он долетел уже до Сибири. В мире от этого заболевания погибли более 60 человек...

В Московской области выявлены массовые случаи отравления среди любителей грибов. По заключению специалистов,

у некоторых видов съедобных грибов обнаружен яд бледной поганки. Подобное могло произойти только в результате мутаций на генном уровне.

Жертвами загадочного мора у восточного побережья США стали дельфины – более 200 морских млекопитающих погибло меньше чем за месяц. По данным ученых, заболевания вызвали обычные морские бактерии из-за внезапного ослабления иммунной системы морских животных.

Эти печальные события произошли в разное время и в разных районах земного шара, но, как ни странно, есть нечто, которое их все объединяет. Тем более, что о развитии подобной ситуации на планете еще в начале 90-х годов прошлого столетия предупреждали ученые.

Против... СПИДа и птичьего гриппа

Куда исчезли майя

– У меня есть все основания предполагать, что болезни СПИД вообще не существует...

Честно говоря, такая категоричность заведующего лабораторией Российского НИИ сельскохозяйственной метеорологии, доктора технических наук Петра Петровича Федченко меня несколько обескуражила. Если бы не мое предварительное знакомство с его ранними публикациями в сугубо научном и некогда всемирно известном и уважаемом издании «Доклады Академии наук СССР» десять лет назад, которые и привели меня к нему, я бы принял подобное заявление П.П. Федченко, мягко говоря, как научно необоснованное. Но дело было еще и в том, что я держал в руках Патент № 2031945 на изобретение: «Способ инактивации вируса СПИДа», зарегистрированный в Государственном реестре изобретений 27 марта 1995 года. В «Описании изобретения к патенту Российской Федерации» было сказано, что данное изобретение «относится к вирусологии, в частности, к средствам лучевой нейтрализации вируса СПИД. Сущность изобретения состоит в том, что светом, соответствующим длине 636.2 нм, облучают в течение 30–60 ми-

нут материал. В результате этого у вируса СПИДа происходят существенные изменения как в нуклеиновых кислотах, так и в ферменте обратной транскриптазы, что приводит к инактивации вируса». Что это значит, я и пытался выяснить у автора данного открытия П.П. Федченко.

– Поймите, что СПИД это всего лишь сумма признаков, – терпеливо объясняет Петр Петрович, – которые показывают врачу, насколько ослаблена у человека иммунная система, его защита, в связи с чем он может заболеть чем угодно: пусть это будет грипп, воспаление легких – неважно, человека ждет смерть, если не принять необходимых мер. А вот причина такого состояния иммунной системы больного – в ретровирусе. Мы и разработали способ подавления его активности...

– И в чем же его суть?

– Дело в том, что наше изобретение, – усмехнулся Федченко, – в научном плане несколько глубже, чем борьба с вирусом СПИДа, рака и многих других «неизвестных», но смертельных болезней, которыми награждается наш век. Речь идет об открытии закономерностей солнечно-земных связей, на которые обратил свое внимание еще Чижевский, и в той глобальной катастрофе, что настанет непременно, если эти связи нарушатся. Но именно к этому как раз все и идет...

История знает немало примеров повальных эпидемий в период солнечной активности. Можно вспомнить и о таинственном исчезновении в IX веке цивилизации майя – одной из самых ярких цивилизаций Нового Света. Они оставили даже недостроенными архитектурные сооружения. Как считают некоторые исследователи, майя могли погибнуть вследствие эпидемии. Известно, что эта цивилизация делила всю историю жизни на Земле на пять периодов, которые именовали эпохами Первого Солнца, Второго Солнца и так далее. Началом такой эпохи считались сильнейшие вспышки на Солнце, которые были видны с Земли, как говорится, невооруженным взглядом и вызывали многочисленные пожары и мутации на генном уровне среди всего живого на планете. Сами майя, по их утверждению, жили в период Пятого Солнца. И они же в своих документах отмечали, что Шестое Солнце начнется в 1991 году – настанет период активизации солнечной активно-

сти и всевозможных мутационных процессов. Как утверждают ученые сегодня, в первую очередь в таких случаях мутируют микробы и вирусы, что неотвратно повлечет за собой возникновение новых заболеваний и эпидемий. Не грозит ли подобное человечеству от СПИДа или, скажем, птичьего гриппа?

Как отмечали в своем докладе «Эволюция материи – эволюция разума» М. Лерковский и М. Брызгалов на первых Всесоюзных Федоровских чтениях, проходивших в 1988 году в Боровске, «...болезнь сегодняшнего дня, СПИД, которая проникла во все страны мира, – это, по-видимому, не просто эпидемия, а нечто большее. Распространение СПИДа – показатель крайней степени напряженности в сложившихся экологических условиях иммунной системы не только человека, но и высших животных... В целом СПИД – это, пожалуй, уже не Предупреждение, а Наказание Человечеству за те раны, которые оно нанесло Природе, а также за те нравственные язвы, которыми оно разукрасило собственное тело...»

Как показывает жизнь, на своих ошибках Человечество учиться не желает!

Расшифрованные «черные пропасти»

– Как вы думаете, чем отличается, например, человек от «волчьей» ягоды? – Петр Петрович вполне серьезен. – ДНК одинаковые, жиры, белки, углеводы и тому подобное есть и там, и там...

В XIV веке до нашей эры, то есть почти 3,5 тысячи лет назад, египетский фараон Аменофис IV (Аменхотеп), что значит «любезный Амону», вводит для своего народа единое божество – Солнце. Олицетворением его становится диск с гривой лучей вокруг, заканчивающихся человеческими руками. Свое имя фараон меняет на Эхнатон – «угодный Атону», то есть Солнцу, которое дарит свет и жизнь всему живому на Земле. Неважно, чем тогда руководствовался царь Египта, меняя государственную религию, главное, Эхнатон не ошибся, обожествляя наше светило, – ведь благодаря ему на Земле и расцвела во всем своем многообразии жизнь. Но что конкретно держит Солнце в ладонях своих лучей?

Вот таким «простым» вопросом однажды и задался Петр Петрович Федченко в конце 80-х годов прошлого столетия. Возник он, естественно, не на пустом месте. В то время Петр Петрович находился в командировке в Киеве. В Институте ботаники имени Н.Г. Холодного он вместе с биофизиком кандидатом физико-математических наук Валерием Александровичем Каневским занимался определением содержания хлорофилла в растениях по силе отражаемого ими света.

– Опыты несложные, – объясняет Федченко. – Брели лист картофеля или кукурузы и в совершенно темной лаборатории подсвечивали их голубоватым лучом лазера...

Известно, что свет всегда исходит от вещества – рождается в нем и им же поглощается, а если проходит через вещество, то может заставить светиться и его – эффект всем известной люминесценции. Свойственна она и растениям, просто их свечения на Солнце мы не видим. Однако если растение ночью некоторое время освещать лазером или даже лампой, то оно начнет испускать красный свет. И чем больше содержится в растениях хлорофилла, тем он ярче. Правда, такой метод неудобен, да и лазеры – вещь дорогостоящая. Не раз Федченко и Каневский задумывались о том, что хорошо было бы найти способ определения хлорофилла в растениях при свете. И вот вспомнили о так называемых фраунгоферовых линиях, находящихся в спектре Солнца.

Все знают, что если солнечный луч разложить, то мы увидим полосу света с постепенным переходом цветов от темно-красного до фиолетового. Но ежели приглядеться к спектру повнимательней, цветная полоса его окажется вовсе не сплошной, а со множеством пересекающих ее поперек темных линий, которые находятся всегда в строго определенных местах. Фраунгоферовыми они названы по имени открывшего их ученого, а С.И. Вавилов определил так: «Темные пропасти на ярком фоне солнечного спектра». Почему они возникают, не знали до 1659 года, когда немецкие ученые Г. Кирхгоф и Р. Бунзен открыли спектральный анализ и доказали, что фраунгоферовы линии (ФЛ) по своему положению в точности соответствуют тем ярким линиям, которые образуют спектры паров чистых металлов, полученных в лаборатории. Поэтому пары элемен-

тов в солнечной атмосфере, пропуская на Землю сплошной спектр солнечного ядра, оставляют на нем свои следы в виде ФЛ. Впоследствии эти «темные пропасти» в спектре Солнца и «рассказали» о том, что почти все элементы, имеющиеся на Солнце, есть и на Земле. Кстати, для астрономов ФЛ давно служат уникальным источником информации о процессах, происходящих как на нашем светиле, так и на звездах.

– Вот тогда мы и предположили, – продолжает Петр Петрович, – что ФЛ солнечного спектра и их форма имеют какое-то отношение и к живым организмам на Земле...

Как известно, в фотосфере Солнца содержатся десятки металлов. Однако шесть из них: натрий, магний, калий, кальций, медь и железо – составляют аж 95 процентов солнечной атмосферы, два из них – магний и железо – 50 процентов этого состава. Кроме того, только эти два металла образуют в биологически значимой области спектра мощные фраунгоферовы линии. Именно те металлы, атомы которых находятся в клетках живых организмов, в молекулах так называемых металлоферментов, и выполняют важнейшие функции. Более того, магний, кальций и железо определяют и форму молекулы. Были бы другие металлы, организовались бы и другие формы жизни на Земле. Иначе говоря, металлы в клетках живых организмов настроены строго на волну соответствующих фраунгоферовых линий в солнечном спектре.

Не вдаваясь в специфические подробности экспериментов, проведенных П. Федченко и В. Каневским, могу лишь сказать, что результаты их подтвердили предположения исследователей: ФЛ биологически значимой области спектра имеют непосредственное отношение к растительным и животным клеткам. Изменяя солнечный спектр, то есть оптическим методом, разработанным П. Федченко и В. Каневским, вполне можно влиять на развитие растений и животных – ускорять или замедлять его. А это уже имеет практическое значение. Главный же вывод – жизнь на Земле образовалась лишь благодаря определенному и неизменному составу спектра Солнца.

К. Кондратьев, В. Каневский, П. Федченко «Фраунгоферовы линии Солнца и устойчивость геометрической структуры

биологических молекул»: «Включение в состав биологической молекулы атома металла, линии поглощения которого соответствуют фраунгоферовым линиям металлов Солнца, обеспечивает существенное уменьшение вероятности фотовозбуждения химических связей, возникающих между атомом металла и соседними атомами молекулы, что приводит в итоге к повышению стабильности структуры молекулы по отношению к воздействию солнечной радиации. Это является одной из причин соответствия между атомами основных металлов фотосферы Солнца и основными металлами, входящими в состав биологических молекул».

О чем говорят «божьи отметины»

– Теперь, думаю, понятно, чем отличается человек от «волчьей» ягоды? – улыбается Федченко. – Вроде бы незначительным: в крови человека содержится железо, в растениях – магний. Всего лишь два различных металла, а дали они несоизмеримо разные формы жизни. Теперь представьте, что может случиться, если спектр вдруг изменится...

Известно, что первые растения зародились в воде. Они поглощали солнечный свет, размножились, все больше выделяя кислорода в воду и атмосферу. Потом в воздухе появились озон, углекислый газ, окись азота. Но вместе с изменением состава атмосферы постепенно менялся и спектр Солнца. Когда озоновая оболочка закрыла Землю от губительного ультрафиолетового излучения, появились и другие условия для роста растений. Правда, потребовалось время, чтобы им приспособиться к новому спектру Солнца. И снова измениться он может лишь в том случае, если станет другим химический состав воздушной оболочки Земли. Вот с этой стороны опасность существует вполне реальная. Только одного углекислого газа благодаря человеческой деятельности ежегодно выбрасывается в атмосферу около 30 миллиардов тонн. И, вероятнее всего, здесь уже давно нарушена разумно допустимая граница загрязнения, ибо природа начала сигнализировать об этом своеобразным способом.

Из года в год все чаще и повсеместно в летнее время люди вдруг обнаруживают на своем теле странные знаки, непонятно

каким образом появляющиеся на коже. Листики, цветочки, веточки, различные геометрические фигуры и замысловатые крючки – чего только не проявляется на обнаженных телах многочисленных загорающих и купающихся. Происходит все в основном незаметно и безболезненно, но поэтому и нервирует, беспокоит. Подобные «рисунки» с годами у многих бледнеют, деформируются, но бесследно не исчезают. Как заметил один шутник, таинственный художник – это, очевидно, Бог, который решил всех блудниц разом вывести на чистую воду. Увы, подобные жертвы в лице как женщин, так и мужчин, зафиксированы тысячами почти во всех крупных городах. Так кто же все-таки «метит» людей и для какой цели?

Как выяснилось, «рисунки» и всевозможные знаки на теле человека появляются благодаря потоку космических частиц, которые физически связаны с инфракрасным излучением. Они падают, к примеру, на лист дерева и формируют на расстоянии его проекцию на человека, то есть необязательно находящегося рядом. Эти частицы, изменяющие свойства инфракрасного излучения, идут из космоса узким пучком, потоком, попадают на некий предмет, а от него, как от зеркальной поверхности, и идет проекция. Куда попадет отражение, скажем, древесного листа, на том месте он и отпечатывается. Явление это природное, ничего опасного для здоровья людей не несет и в недалеком прошлом довольно редкое. Ведь появление потока подобных частиц связано с изменением состава атмосферы Земли, и загрязнением ее, в частности, углеродистыми соединениями. Именно изменение (загрязнение) состава атмосферы и дало возможность этим частицам в сопровождении инфракрасных лучей проникать на Землю. И участившиеся случаи появления на коже людей подобных проекций, их стабильность уже говорят о том, что в том районе уровень загрязнения атмосферы углеродом катастрофически высок.

Однако подобные отметины появляются не у всех людей, потому что не все люди одинаково чувствительны, кожа у всех индивидуальна: у одних она ярко реагирует на проекции, у других – нет, отпечатки могут получиться бледными, почти незаметными, и вряд ли на такие вообще обращают внимание. В принципе, даже если поток частиц попадет на лист дерева, то

необязательно он отпечатывается на теле человека полностью – на коже могут появиться всего лишь пятна. Это зависит и от ширины пучка, падающего на лист: если он охватывает его весь, то и след будет такой, а если меньше листа – произойдет частичная фиксация. В месте прохождения пучка частиц (луча) в атмосфере и находятся точечные скопления углерода. Короче говоря, сам факт появления таких частиц (а значит, и таинственных отметин) уже дает возможность говорить о сильном атмосферном загрязнении. Так что «божьи отметины» – это тоже показатель состояния экологии, клеймо самой матушки-природы, хотя страдает она не только от углеродистых выбросов в атмосферу.

Не так давно выяснилось, что и хлорсодержащие газы, считавшиеся нетоксичными, в стратосфере под воздействием мощной коротковолновой радиации разлагаются и выделяют свободный хлор. Но один его атом способен разрушить 100 тысяч молекул озона, и также ведут себя фтор, йод и многие другие элементы. Ученые считают их основными виновниками «озоновых дыр». А человечество выбрасывает в атмосферу ежегодно 500 тысяч тонн хлорсодержащих веществ и около 30 миллионов тонн других «пожирателей» озона.

В загрязнении атмосферы «помогают» и вулканы. Один только взрыв Эль-Чичона в Мексике в 1982 году выбросил громадное облако пепла и газов с большим содержанием хлора, которое расплзлось по всему земному шару. А сколько произошло более мелких выбросов, оживших за последние 15 лет вулканов? Такие события меняют состав атмосферы почти на пять лет. Ученые же предсказывают климатические катастрофы либо от глобального потепления на планете, либо от жесткого солнечного излучения вследствие нарушения озонового слоя. Но, оказывается, и это не все – можно ожидать крупных неприятностей и от изменения оптических параметров атмосферы. Экспериментальные исследования П. Федченко и В. Каневского показали, что именно такой процесс последнее время и происходит. К тому же – ускоренными темпами. В спектре Солнца уже появились дополнительные «черные пропасти», связанные с выбросом в атмосферу больших количеств соединений металлов. Значит, возможно и

искажение «оптической матрицы» солнечного света, к которой приспособилось все живое на Земле за длительный период эволюции...

– И что же тогда произойдет?

– Это зависит от того, – чуть помедлив, ответил Федченко, – как и что в спектральном составе Солнца изменится. Например, всем известно, что растения очищают воздух, как бы фильтруют его. В атмосфере содержится большое количество СО – угарного газа, очень вредного для человека, и молекулы которого поглощаются растениями. Определенное изменение спектра – и свет будет вышибать из растений поглощенные ими молекулы СО, то есть природный фильтр перестанет действовать. Увидеть это невозможно, а человечество начнет задыхаться. Предсказать же такие изменения в атмосфере можно лишь по изменению спектра Солнца...

К. Кондратьев, В. Каневский, П. Федченко «Фраунгоферовы линии Солнца и устойчивость геометрической структуры биологических молекул»: «Следует отметить, что изменение газового состава атмосферы за счет антропогенного воздействия может привести к изменениям спектра солнечной радиации в области функционально значимых для растений минимумов интенсивности радиации. Такие изменения могут произойти за счет накопления в атмосфере окислов азота NO₂ и других газов антропогенного происхождения. Поэтому антропогенное воздействие на газовый состав атмосферы может оказать влияние на ход биохимической эволюции в будущем».

Предсказывают дрозифилы

Любопытный эксперимент провели П. Федченко и В. Каневский со спорами грибов. Они облучали их светом, спектр которого соответствовал солнечному лучу, прошедшему через загрязненную атмосферу. Правда, в несколько раз больше ее нынешнего состояния. После такой обработки споры исследовали специалисты и сказали, что из них выросли бы грибы без шляпок, и вполне вероятно, как заметил Петр Петрович, что именно грибы станут первыми жертвами, так сказать,

наглядными свидетелями, критического уровня загрязнения атмосферы.

Неужели нечто подобное может ожидать и людей?

Механику реакции организмов на измененный спектр солнечного света Петр Петрович изложил кратко, но внушительно.

– Дело в том, что в клетках растений есть металлосодержащие пигменты, так называемые транспортные молекулы, передающие энергию. Они работают на определенной волне спектра. Мы эту волну изменили в соответствии с расчетным загрязнением. Естественно, «транспорт» остановился, и для растений наступила, образно говоря, ночь, хотя в этот момент солнце светило ярче обычного. У человека или животного в такой ситуации нарушается обмен веществ, потому как тоже приостанавливается «транспорт» переноса энергии. И человек умирает... от голода, несмотря на то, что он по-прежнему питается три раза в день. Однако такой опасности можно избежать, но для этого необходимо знать, когда, при каком уровне загрязнения атмосферы наступит роковая минута для человечества.

Как выяснилось, именно такие эксперименты прогноза П. Федченко и В. Каневский не так давно провели, и один из них, предварительный, с дрозофилами. Наблюдения за изменениями в их генетическом коде на протяжении 30–100 поколений и показали, что при нынешнем уровне загрязнении атмосферы человечество уже совсем скоро подойдет к той опасной черте, за которой наступит сначала период тяжелых болезней, а потом... Хотя это «потом» может уже наступить менее чем через 50 лет. Но тогда получается, что период тяжелых болезней уже наступил?

– Таким образом, наша гипотеза о функциональном значении фраунгоферовых линий Солнца экспериментально полностью подтвердилась.

Петр Петрович надолго замолчал, потом вдруг со вздохом произнес:

– Но идея о биологической значимости ФЛ имеет самое прямое отношение и к вирусам. Дело в том, что все вирусы в качестве генетического материала содержат или молекулу ДНК, или РНК, которые в своем активном центре имеют атомы магния. Это значит, что подсветка вируса на определенных ФЛ,

соответствующих магнию, может существенно снизить активность того или иного вируса. Мы эту свою идею и проверили на вирусе СПИДа...

– Вы хотите сказать, что нашли эффективное средство от «чумы» нашего века?

– Не только нашли, но и экспериментально доказали высокую эффективность нашего метода, используя для этого штамм ВИЧ-1, полученный из института Пастора в Париже. Впрочем, об этом тоже сказано в Патенте, – пожимает Федченко плечами. – И наши исследования показывают, что иным способом (химическим) ретровирус СПИДа не одолеть. Почему? Во-первых, для ретровирусов характерна высокая частота рекомбинации и способности к захвату чужих генов – клеточных или вирусных. А с ними ретровирус приобретает новые свойства. Вообще он обладает такой изменчивостью, что, вероятнее всего, даже двух абсолютно одинаковых вирусов не существует. По крайней мере, так утверждают медики. Значит, вакцина, эффективная против одного варианта вируса, будет бессильна против другого. А нам достаточно всего лишь изменить длину волны излучаемого света, и вирус теряет свою активность – тихо «засыпает». С таким «спящим» вирусом можно спокойно прожить до глубокой старости. Во-вторых, генетический материал СПИДа надежно защищен двойной оболочкой, образованной слоями липидов и белков. Химическими препаратами ее никогда не пробить. Ну а кислоту пить же не будешь...

Я вспомнил, как в одной из телевизионных передач говорилось о неизвестной и страшной болезни, эпидемия которой вспыхнула где-то в Африке. Вообще, о вспышках вирусных заболеваний, ранее неизвестных, информация приходила и из развитых западных стран. Когда я сказал об этом Федченко, он понимающе кивнул и заметил:

– Вирус Эбола.

– И его тоже можно обезоружить вашим методом? – поспешил я с вопросом.

Вместо ответа Петр Петрович взял со стола папку и молча протянул ее мне. Открыв, я увидел в ней несколько патентов – сверху же лежал Патент № 2079552 на изобретение: «Способ

инактивации вируса Эбола», зарегистрированный в Государственном реестре изобретений 20 мая 1997 года.

– Для нас это теперь несложно, – усмехается Петр Петрович, – если меняется материал, то есть изменяется, мутирует, ретровирус, мы подбираем под него и «свой» свет... Но все это можно назвать любительскими опытами, нужны серьезные научные исследования. Получить патент – полдела, метод необходимо внедрить, совершенствовать его на практике. И я уверен, что практически можно добиться стопроцентного положительного результата в излечении не только СПИДа, но и любого вирусного заболевания, будь то туберкулез, птичий грипп или еще что-то неизвестное, а вернее сказать – мутация известного. Однако для этого у государства как раз денег и не находится, а ведь иные пути спасения от эпидемий XXI века обречены на провал. Даже если какой-то химический препарат и изобретут, то он будет слишком дорогостоящий и неэффективный – ведь ретровирус способен иметь десятки вариантов. Наш же метод и дешевый и доступный по технологии, и перспективный в своем масштабном развитии.

Чижевский решал простую задачу: брал данные интенсивности Солнца по 11-летним циклам и сопоставлял их с числом больных и умерших. Он определил, что мощная солнечная активность рождает и большее число жертв, но механизма этого явления не знал... Мы же впервые в мире как раз и определили механизм явления, нам не надо ждать многолетних циклов, я могу за один день сказать, кто будет подвержен сильному солнечному излучению. И тогда человек может защититься от него, имея такой прогноз по регионам – кому необходимо уехать, кому надо отказаться от появления на открытом солнце и так далее. Мы определяем сам механизм воздействия солнечного излучения...

Странная возникает ситуация. С одной стороны, ученые предсказывают к 2010 году смертность от СПИДа и иных «неизвестных» заболеваний половины населения земного шара; правительствами отчисляются десятки миллиардов долларов на профилактику от СПИДа и помощь зараженным этим беспощадным вирусом. Но с другой стороны – давно существует экспериментально подтвержденный, эффективный и дешевый

метод борьбы с этой «чумой», чего упорно никто не хочет замечать, хотя о нем известно как у нас в стране, так и за рубежом.

Совсем недавно сотрудник научной группы П. Федченко побывал в США и попытался там запатентовать как открытие разработанный в России «способ инактивации» вируса СПИДа. Однако, к его изумлению, российские патенты в Америке не признаются. Несомненно, такое положение создается искусственно, так как в этом случае любой иностранный специалист может, ознакомившись с публикацией на эту тему, заново «открыть» метод П. Федченко и запатентовать его уже как свой. Не по этой ли причине в России ликвидировали Комитет по научным открытиям? А может, «чума» века выгодна, и кому-то совсем не хочется терять государственные субсидии в десятки миллиардов долларов? Недаром последнее время зачастили к П. Федченко таинственные эмиссары из Израиля и США с предложениями купить «технологию по инактивации вируса СПИДа», предлагают хорошие деньги.

Опять нет пророка в своем Отечестве?

Из доклада Всемирной Организации Здравоохранения:

«Сегодня вирус H5N1 действует скрытно: заболевают люди, не имевшие контакта с зараженными или больными птицами. Это изменение, по неизвестной причине повышает риск заболевания среди детей и молодежи. Атаке также подвергается большая часть сельского населения. Истинный масштаб угрозы оценить невозможно, так как эпидемиологический надзор в сельской местности налажен плохо. Возможен резкий скачок числа случаев стремительной неуправляемой передачи вируса от человека к человеку».

Когда мстит сама природа

Многое ли наука знает сегодня о зарождении биологической жизни на Земле? О простейших ее «кирпичиках» – бактериях? И много, и мало!

Сегодня существует концепция рождения метеоритов на планетах Солнечной системы, с которых происходит выброс

обломков пород в космическое пространство. Именно к таким обломкам ученые относят и метеоритные куски, падавшие в 1969 году вблизи австралийского города Мерчисон. Спектральный анализ их состава показал, что они соответствуют спектрам некоторых пород Марса, а значит, и «прибыли» оттуда. К. Маккей, сотрудник Эймсского исследовательского центра НАСА (штат Калифорния), считавший Марс идеальным местом для палеонтологических изысканий, не мог пройти мимо подобного факта. Вместе с группой ученых он исследовал «марсианский» метеорит, и в метеоритном веществе обнаружил некоторые образования, напоминавшие окаменевшие бактерии. К. Маккей опубликовал результаты своих исследований, подкрепив их фотоснимками окаменевших 600 миллионов лет назад бактерий и современных живых. Сходство оказалось поразительным.

Спустя несколько месяцев в журнале Российской Академии наук «Геохимия» появилась статья директора Палеонтологического института РАН члена-корреспондента А.Ю. Розанова, который уже на основании собственных исследований также утверждал о наличии в метеоритных остатках ископаемых бактерий. А чуть позже в США публикуется еще одна статья, Гувера, сотрудника Алабамского исследовательского центра НАСА, который в образцах того же «мерчисонского» метеорита обнаружил окаменелые остатки бактерий, хотя о работе российских ученых в тот момент и представления не имел.

Все это и послужило причиной начала совместных исследований американских и российских ученых. Как предполагает А.Ю. Розанов, сотни тысяч лет, а, возможно, и первые миллионы, бактерии могут находиться в анабиозе. Значит, перенос живого вещества в космическом пространстве – реальность? А ведь до этого лет двадцать в научном мире царило полное неприятие даже мысли о том, что в метеоритах могут находиться ископаемые биологических объектов. Русский ученый В.В. Тимофеев, утверждавший, что обнаружил в метеоритах и выделил с помощью аминокислот образования, которые принципиально ничем не отличались от современных спор и пыльцы, вынужден был опубликовать свою работу в Германии. Однако В.В. Тимофеев совершил здесь обычную психологиче-

скую ошибку – обнаруженным образованиям в метеоритах он сразу дал названия, сравнив их с земными объектами. Естественно, ученый попал под огонь жестокой академической критики. Кстати, и Розанов тоже был в их числе. Правда, не только в России происходило подобное.

Кстати, учеными Палеонтологического института был найден способ обработки ископаемого материала таким образом, что стало возможным выявлять биологические объекты практически во всех осадочных породах. А это было далеко не просто. Нанобактерия (нанометр – 1000-ая доля микрона) размером 10–9 миллиметра, а тут еще она превращается в камень. Однако когда было исследовано метеоритное вещество, собранное в Монголии научной экспедицией Палеонтологического института, то в нем обнаружили образования всего лишь 2–3 микрона толщиной. Оно оказалось остатками нанобактерий, окаменевших 600 миллионов лет назад и блестяще сохранившихся. Именно тогда ученые и убедились в том, что исследовать бактериальный мир в ископаемом состоянии необходимо. В результате группа А.Ю. Розанова стала родоначальником совершенно нового мощнейшего направления в науке – бактериальной палеонтологии. А вскоре и экспериментально было доказано, что окаменение современных бактерий происходит всего лишь за несколько часов. Вот когда стало понятно, почему в ископаемом состоянии бактерии прекрасно сохраняются. В один момент разрушились легенды о том, что окаменение – длительный процесс, вследствие чего бактерии и не могли сохраняться.

В настоящий момент уже хорошо известно, что очень глубоко под землей при достаточно высоких температурах живут и трудятся нанобактерии. Это открытие последних лет в значительной степени переворачивает наши представления о возможной земной глубине реального существования биосферы, условий сохранения нанобактериальной жизни. С помощью бактериальной палеонтологии можно существенно изменить и наши представления о земной биосфере – определить, на какой глубине она существует. По словам А.Ю. Розанова, в ближайшие годы, вероятно, нам придется менять многие представления об окружающем мире.

Неожиданный поворот к Солнцу

Найденные в метеоритах окаменевшие следы древнейших бактерий, как и живых в глубинных слоях Земли, привели ученых к рождению гипотезы о том, что именно планета в своих недрах рождает бактерии, затем «вытаскивает» их на поверхность, где под действием солнечного света, как катализатора химических процессов, происходит дальнейшая организация биологических цепочек вплоть до ДНК. Мощные мутации всего живого на Земле в связи со вспышками на Солнце, когда биосфера Земли делала в своем развитии качественный скачок, случались неоднократно. Это был естественный инструмент эволюционного развития простейших, затем флоры и фауны. Более того, из-за частых природных катастроф в разных районах планеты происходило загрязнение атмосферы и воды и на длительное время они меняли свои оптические свойства. И солнечный свет, проходя сквозь измененную воздушную и водную среду, качественно менялся, что тоже вызывало мутационные процессы живых организмов в тех районах и появления новых видов среди флоры и фауны. Ну а позже и человека, именно его короткий путь в становлении существа разумного и служит веским доказательством роли мутаций как инструмента революционных преобразований в природе на пути эволюционного развития. Что косвенно подтверждает и открытие доктора технических наук П.П. Федченко.

К. Кондратьев, В. Каневский, П. Федченко «Фраунгоферовы линии Солнца и устойчивость геометрической структуры биологических молекул»: «...изменение спектра солнечной радиации вследствие тех или иных антропогенных воздействий на оптические параметры атмосферы и океана может коренным образом нарушить многие биологические процессы в биосфере. В связи с этим особенно актуальной представляется разработка имитационных математических моделей, объединяющих основные идеи статистического моделирования оптических характеристик атмосферы и океана с развивающимися в последнее время математическими моделями в медицине и биологии».

Ведь почему медики так и не распознали вирус конго-крымской лихорадки, вспыхнувшей в Ростовской области? Что сбило с толку ученых? Один только факт: у данного вируса были обнаружены свойства разных вирусов вплоть до СПИДа. А по утверждению П. Федченко, это как раз и свидетельствует об ухудшении экологии, загрязнении атмосферы, проходя сквозь которую, измененный солнечный свет порождает в живых организмах определенные мутации. Тем более, что сейчас очень активное Солнце, и эта активность будет нарастать. Иначе говоря, мутационные процессы среди микробов и вирусов также активизируются. Вот почему бороться со всякими вирусными заболеваниями, вызванными возбудителями, которые быстро и непредсказуемо меняют свои качества и признаки, бороться медицине своими традиционными методами будет крайне сложно, если вообще возможно. Медики просто физически будут не в состоянии изобретать вакцину или иные химические средства против стремительно меняющегося врага-невидимки. Значит, необходимо менять сам подход к решению жизненно важной проблемы. Открытие П. Федченко и разработанная им методика усыпления вируса дает шанс на победу. Но если корыстные корпоративные интересы возьмут верх...

Олег Киселев, академик РАМН:

«Складывается впечатление, что этот психоз с птичьим гриппом создан для того, чтобы решить коммерческие проблемы: завоевание рынка по поставкам продукции, завоевание фармацевтического рынка... Фармацевтические компании очень богатые, поэтому им на самом деле раскрутить серьезную кампанию, от которой мы будем приходиться в себя два года, очень легко. Сегодня западные компании будут добиваться реализации рекомендаций Всемирной организации здравоохранения о закупке сверхдорогих противовирусных препаратов, выпускающих ведущими международными концернами в качестве государственного стратегического запаса, хотя у нас есть свои, дешевые. И большинство специалистов, занимающихся проблемами птичьего гриппа, категориче-

ски против того, чтобы нанести сегодня серьезный урон бюджетной политике Министерства здравоохранения России».

Смех во время эпидемии

Помню, прощаясь с Федченко, я спросил его, какова перспектива развития изобретенной им технологии. Петр Петрович вздохнул и сказал, что применил уже «измененный свет» для приготовления особой вакцины против СПИДа. И сразу усилился иностранный натиск – тайные эмиссары с Востока и с Запада не дают покоя, предлагают большие деньги за «технологию». Но пока они держатся. А вот что касается вакцины, получаемой с помощью «световой» технологии, то в этом плане добились определенного прогресса – получили ряд патентов. Однако работа практически прекращена из-за отсутствия какого бы то ни было финансирования.

Да, это очень напоминало историю с генетикой, когда русские ученые достигли существенных результатов и были уже близки к разгадке структуры ДНК, но руководителям страны сама наука встала поперек горла. И вот Нобелевскую премию получают американец Джеймс Уотсон и англичанин Фрэнсис Крик. Сегодня причины безразличного отношения к ученым у власть имущих в России совсем иные. Но разве так важно, почему губятся научные исследования мирового значения у нас в стране?

– Нам уже известно, – признался Петр Петрович, – что сейчас в США развернуты работы с использованием наших методов, ко мне приезжают консультироваться ученые из Франции, Израиля... Вот поэтому последнее время все мои усилия были направлены на разработку устройства, позволяющего больному СПИДом спокойно жить 10–15 лет. Такой прибор уже существует.

– Подождите, Петр Петрович, вы хотите сказать, что вами изготовлен прибор, который сможет поддерживать иммунную систему на таком уровне, что СПИД не станет прогрессировать?

– Не совсем так. Дело в том, что для лечения иммунной системы в современной медицине имеется целый ряд надежных

и достаточно эффективных препаратов. Они способны в течение длительного периода поддерживать иммунную систему на должном уровне. А во многих случаях и лечить некоторые болезни, вызванные нарушением структуры и функции того или иного звена иммунной системы. Однако иммунодефицит бывает не только приобретенным, но и врожденным, связанный с тяжелыми заболеваниями детей, такими, как пневмония, отит, экзема и т.д. С открытием антибиотиков они хоть как-то, но лечатся. Что же касается вируса СПИД, то подобное лечение лишь оттягивает на незначительное время трагический исход. А вот уменьшить активность вируса, не дать ему, находящемуся уже в клетке, быстро сделать свое черное дело и тем самым сохранить как можно дольше иммунную систему на своем уровне – это вполне возможно. Вот таким вопросом я в последнее время и озадачен.

– И что же, в данном случае, является основой вашего прибора и метода?

– Как известно, в качестве генетического материала в вирусе СПИДа служит РНК, которая имеет пять атомов магния. А магний обеспечивает «нормальную» работу вируса только в том случае, если атом будет находиться в спокойном состоянии. Значит, возбуждая электронную оболочку атома магния, находящегося в вирусе, светом определенной длины волны, мы и нарушаем его работу. Иными словами – нарушаем его активность в молекуле-хозяине, в данном случае, лимфоцита. По-существу, мы не лечим иммунную систему, а только уменьшаем активность самого вируса, иммунная же система остается на прежнем уровне.

– Неужели все так прозаически просто?

– Вы ошибаетесь, подсветка – вопрос довольно непростой. Дело в том, что направленный на определенный участок тела свет должен обязательно быть прерывистым, то есть импульсным, да еще с определенной частотой. Причем, частоту света еще надо определить и направить в строго определенную точку, иначе никакого эффекта не будет. Такая таблица частот изобретена не мной, а разработана и скорректирована целым рядом отечественных и зарубежных ученых. Мы ею воспользовались и заложили эти данные в свой прибор, ко-

торый и воздействует на организм человека на определенной частоте, ответственной за иммунодефицит человека. Эффект оказался даже для нас поразительным. Ведь в соответствии с учением восточной медицины на теле человека находятся биологически активные точки – акупунктуры. И чтобы излечить его от какой-либо болезни, на них и необходимо воздействовать – неважно как: иглоукалыванием, прижиганием или с помощью массажа. Наш прибор такую операцию проводит с помощью света, И достигает максимального лечебного эффекта, потому что производит сразу три действия. Он светит на вирус на определенной длине волны, к тому же импульсами на выверенной частоте, да еще в строго определенную точку тела.

– Но ваш прибор помогает и хроническим, если можно так выразиться, больным СПИДом? Как часто и сколько времени надо себя им облучать, чтобы добиться эффекта «выздоровления», когда симптомы этой страшной болезни перестанут проявляться?

– По показаниям нашего прибора можно судить о состоянии иммунной системы больного на данный момент. Кстати, определив свои параметры по прибору, больной уже сам решает – пользоваться им или нет. Как, скажем, человек измеряет давление, снимает кардиограмму, а потом решает, принимать ему лекарство, улучшающее работу сердца, или нет. Поэтому не надо дожидаться, когда вирус СПИДа уже начнет проявлять свои патологические особенности, и появятся недомогание, одышка, боли в груди, нарастающее похудение, кровохарканье и так далее.

– То есть, насколько я понял, прибор не заменяет существующие методы лечения иммунной системы, а лишь дополняет их?

– Совершенно верно. Он и создан не для лечения иммунной системы в привычном понимании этого слова, а для уменьшения вирусной активности. Сочетание современных методов лечения с работой нашего прибора существенно замедлит и облегчит темпы развития болезни. К тому же воздействие светом не приносит ни малейшего вреда здоровью человека. Наконец, мы светом способны «найти» вирус СПИДа

и «потревожить» его до того, как его обнаружит иммунная система. Все это только доказывает перспективность наших исследований.

– Петр Петрович, а почему вы все время говорите только о СПИДе? Ведь ваш прибор, насколько я понял, фактически может нейтрализовать любой вирус, будь то рак, туберкулез, птичий грипп, наконец?..

– Вы правильно поняли, но возможности нашего прибора гораздо шире. Он, например, может служить незаменимым инструментом для людей, зависимых от наркотиков. И для этого ничего в приборе переделывать не надо, а всего лишь выбрать нужную частоту и в определенные точки тела посветить прибором, чтобы выбрать желаемый эффект.

– Что вы имеете в виду?

– С помощью прибора снимается синдром необходимости принятия наркотика, фактически зависимости от него. Но здесь необходимо пояснить, что прибором в этом случае надо пользоваться не тогда, когда наркотически зависимый человек уже «сорвался», и без принятия наркотиков у него может наступить «ломка», а за определенное время до этого момента. И для такой цели мы разработали специальный датчик в виде шариковой ручки, который носят все время с собой. В определенный момент он и «сообщит» звуковым сигналом больному о необходимости воспользоваться прибором, чтобы снять желание принять наркотики.

– И тем самым спасти еще сотни и тысячи тех же самых подростков от наркотического дурмана. Фактически подарить им свет Солнца.

– Для этого мы и работаем. Но...

Однажды Галилей в послании знаменитому астроному написал: «Посмеемся, Кеплер, великой глупости людей. Что сказать о главных философах здешнего университета, которые с каким-то аспидским упорством, несмотря на тысячекратные приглашения, не хотели даже взглянуть ни на планеты, ни на Луну, ни на телескоп. Поистине, как у аспиды нет ушей, так и у этих ученых глаза закрыты для света истины...»

Когда Федченко услышал от меня эти слова, он даже не улыбнулся, заметив:

– В нашем случае это скорее будет похоже на смех во время эпидемии. Хотя только так и можно расценить поведение власть имущих чиновников...

Уже сегодня ученые Палеонтологического института пришли к некоторым интересным выводам. Например, о том. Что наша биосфера никогда не уничтожалась и не возникала вновь, пережив все мыслимые и немыслимые катаклизмы. Именно человеческая деятельность является для нее страшным возмутителем, и биосфера вынуждена вырабатывать контрмеры в свою защиту. Вот почему вполне возможно появление нового бактериального мира, крайне опасного для людей, который и станет инструментом противодействия биосферы человеческой глупости. И вероятнее всего, бактериальная атака начнется с размороженных анабиозных залежей в заполярных широтах Арктики и Антарктиды, откуда хлынут ожившие тучи различных бактерий. Ведь последствия всяческих крупномасштабных экспериментов, проводимых по отношению к природе, будь то сплошная вырубка лесов, уничтожение пахотных площадей, грабительская добыча полезных ископаемых, глобальное загрязнение атмосферы и океана, не считая культивации зла и насилия – на самом деле пока никто просчитать не в состоянии. Проблема настолько серьезна и глобальна, что НАСА решила организовать Международный институт астрофизики для продолжения данных исследований общими усилиями. Вопрос сохранения планетарной жизни сегодня перевешивает любые другие интересы. Однако, как замечает А.Ю. Розанов, в этом отношении предупреждения ученых никому, выходит, не нужны – их никто не слушает. Вот почему совсем не исключено, что в относительно далеком будущем кто-то, изучая ископаемые земные породы, и про Землю может сказать: «На этом планете жизнь... была»...

Именно об этом я с горечью и думал, когда, распрощавшись с Петром Петровичем, ехал домой. Вот тогда-то до меня и дошло, какой смысл вкладывал ученый в обескуражившую меня фразу, с которой, по сути дела, и начался наш разговор: «У меня есть все основания предполагать, что болезни СПИД вообще не существует». Очевидно, он имел в виду, что дело

вовсе не в болезни: СПИДе, раке, холере или птичьим гриппе и иных других, известных своими страшными последствиями или еще только грядущих, чтобы поразить человечество. В конечном итоге они все будут излечимы, для каждой надо ли найти «свой» свет, а это как раз и по силам П. Федченко. Дело, как говорится, за малым – предоставить им такую возможность. Однако в данном случае Петр Петрович, вероятно, осознает эту проблему неизмеримо глобальнее, потому и трактует смысл прочитанных им знаков на Солнце конкретно и всеобъемлюще: Жизнь или Смерть? Этот вопрос – крик загубленной Природы и обреченного Человечества. А кто возьмет на себя ответственность за те миллионы уже приговоренных к гибели людей от СПИДа или рака, от остановки процесса обмена веществ или от удушья?

Микко Виенонен, специальный представитель Всемирной организации здравоохранения в России:

«Я хочу подчеркнуть, что птичий грипп – это не конец света, это не черная смерть. Люди с этим уже сталкивались. И наш организм, и наша система здравоохранения намного лучше подготовлены к преодолению данной проблемы, чем люди в начале XX века после первой мировой войны. Это угроза, которую нужно бояться, но которую не нужно переоценивать. Мы должны пропустить это через себя, мы должны подготовиться к этому и сделать нашу систему противодействия очень быстрой. Момент, когда мы получим вакцину и начнем вакцинацию людей, это и будет моментом, когда мы сможем преодолеть эпидемию».

Корпоративные интересы сегодня, видимо, не хотят считаться даже с тысячами загубленных жизней. Китайский философ Конфуций утверждал: «Три пути ведут к знанию: путь размышления – путь самый благородный, путь подражания – это самый легкий путь и путь опыта – это путь самый горький».

Судя по своей последней статье «Несколько слов о ноосфере», В.И. Вернадский убежденно считал, что человечество как единое целое может смотреть на наше будущее уверенно. Это

будущее находится в наших руках и мы не должны выпускать его из своих рук. Такие слова с полным правом мог бы повторить и Петр Петрович Федченко.

Шумерские жрецы были убеждены в том, что будущее запечатлено тайными письменами в событиях, происходящих вокруг нас в настоящем. Если так, то это обнадеживает.

Над Самуром урагана не будет

А белесом, будто выгоревшем от палящего солнца небе четко вырисовывались дальние темно-серые складки голых гор. При первом взгляде на них создавалось впечатление, что горизонт на западе от дагестанского селения Магарамкент весь покрыт засохшими почерневшими рубцами. Картина довольно странная, особенно когда вокруг виноградники и сады и сухой жаркий воздух насыщен медовым ароматом груш, пьянящим запахом вина и пряностей...

Макаренцев вздохнул и, уже не оглядываясь, пошел к машине. Следом за ним поспешили и остальные члены российской делегации. Эту очередную встречу делегаций России и Азербайджана по переговорам о распределении воды Самура специально проводили рядом с гидроузлом-вододелителем, через который и идет вода из реки на дагестанские и азербайджанские поля. На месте-то оно вроде бы видней. Однако переговоры о предлагаемом Россией равном делении стока пограничного Самура успехов не принесли. Правда, решено было создать совместную рабочую комиссию, которая могла бы наблюдать за нормами распределения воды, установленными еще в советское время, почти 50 лет назад, – они тоже нарушались. Но... Оттого, наверное, и виделось вокруг все мрачным...

Честно говоря, заместитель председателя Роскомвода Макаренцев иного результата и не ожидал. Даже неожиданный для всех участников встречи сход населения Магарамкентского района, где в основном проживают лезгины, представителей районной администрации и старейшин дальних селений, собравшихся стихийно здесь, чтобы выразить свой протест совершенно необъяснимым действиям азербайджанских властей в отношении соседей, не повлиял на ситуацию переговоров. А она оказалась накаленной, под стать засушливому климату данной местности, для которой единственная надежда на выживание – вода реки, что столетиями питала здешние поля по обеим берегам. Ответ представителей Азербайджана рассеял

все надежды и иллюзии собравшихся – мол, скажите спасибо, что получаете столько, сколько даем вам воды. Правда, сказано такое было не в открытую, намеками, но в смысле услышанного никто не усомнился. И хотя крик делу не помощник, Владимир Иванович прекрасно понимал – то был вопль отчаяния местного приграничного населения. Время-то тяжелое, безработица, что называется, массовая, реальная возможность выжить на южной дагестанской земле – это ее обрабатывать, сажать овощи, разводить сады и хоть чем-то себя обеспечивать. Да только вот воды для орошения не хватает, хотя рядом течет Самур, и по территории Дагестана, а не где-нибудь. Да вот словно злая сила вдруг перекрыла воду, заставив земледельцев на этой трудной земле обливаться потом впусую. Но даже и Макаренцев в полной мере не представлял себе, что за проклятие нависло над Южным Дагестаном. А главное, в чем люди-то виноваты? За какие такие грехи и кто решил трудолюбивых лезгин так жестоко наказать? Заложниками чьих страстей и интриг они стали?

Лет десять назад известный русский писатель Валентин Распутин написал предисловие к книге шведского ученого Рудольфа Эдберга «Капли воды – капли времени», которое назвал «Воды наши – грехи наши». И из года в год все острее и жестче осознаем мы, насколько он был прав. Грехи властей обернулись властью грехов, довлеющих над Россией. Проблема пограничного Самура сегодня – тому подтверждение.

Эта река рождается на склонах горы Гутон Главного Кавказского хребта и 213 км привольно течет по территории Дагестана, за исключением 38 км, граничащих с Азербайджаном, и впадает в Каспийское море. То есть 96% речного стока и водосборная площадь, как говорят специалисты, находятся в Дагестане. И лишь 4% воды собирает Самур на азербайджанской территории. В советское время, в 50-е гг., в 32 км от устья реки и был построен Самур-Апшеронский гидроузел, представляющий собой подпорную плотину и делитель с головными сооружениями Самур-Апшеронского канала, несущего свои воды для орошения земель в Азербайджане и водоснабжения городов, включая Баку и Дербент, и Самур-Дербентского – для дагестанских полей.

Приграничные районы той и другой стороны здесь в климатическом отношении равны, и там и тут десятки тысяч гектаров орошаемых сельскохозяйственных земель, поэтому в распределении воды никаких вопросов не возникало – поровну за вычетом экологических сбросов. Однако такое справедливое соотношение водораздела вскоре было неожиданно нарушено. С приходом к власти Л.И. Брежнева внутренняя политика развития народного хозяйства дала крен в сторону регионов, по принципу – все для окраин, то есть республик, но не России. И в соответствии с новым политическим веянием, которое, вероятнее всего, родилось как дань тем конъюнктурщикам от политики, которые и сделали Брежнева генсеком, Минводхоз СССР своим решением от 7 октября 1967 г. распределяет годовой сток Самура объемом 1,75 куб. км в таких пропорциях: 0,89 куб. км (51%) – Азербайджану, 0,3 куб. км (17%) – Дагестану, а экологический сброс соответственно составил 0,56 куб. км (32%). Объяснили, что подобное решение связано с приоритетным развитием орошаемого земледелия в Азербайджане. Естественно, в тот момент никто и не думал о развале великой страны. И явные перекосы в политике и хозяйственной деятельности в СССР в то время не выпирали нарывами, потому как в огромном едином государстве всегда можно найти способ компенсировать потери или хотя бы их сгладить. И совсем другое дело, когда Советский Союз безжалостно был рассечен по-живому, невзирая на вопли и крики людей. Нечто подобное и произошло на пограничном Самуре – там, словно тень отца Гамлета, из развороченного могильника советских министерств неожиданно материализовался Минводхоз, приняв форму протокола от 7 октября 1967 г., согласно которому Азербайджану отпускалось 75% речного стока Самура, а Дагестану – 25%. И вот здесь-то один нарыв стал вскрываться за другим...

Гидроузел-вододелитель стоит на русле реки Самур, и в соответствии с принятыми в мировой практике законами о государственных границах, в том числе российскими и азербайджанскими, если имеется сооружение на пограничной реке, то граница должна проходить по оси данного сооружения. Но именно этого Азербайджан признавать как раз и не хочет, утверждая,

что гидроузел находится на их территории. И свидетельством, мол, тому служит Акт пятидесятилетней давности, где черным по белому сказано, что Правительство Дагестанской ССР отводит Азербайджанской ССР определенную часть своей территории во временное пользование для последующего строительства на ней гидроузла-вододелителя. Но и здесь в действительности не все соответствовало закону. Ведь для того, чтобы часть территории передать другой республике или области в Советском Союзе в вечное пользование с последующим изменением административной границы, советские законы предусматривали обязательное утверждение подобного Акта о передаче земель Президиумом Верховного Совета СССР.

Почти аналогичная ситуация у нас и с Казахстаном. Есть две небольшие речки в Саратовской области – Большой Узень и Малый Узень, которые половину своего пути текут по Казахстану. Они никуда не впадают, потому как исчезающие. Общий сток у них меньше одного куб. км в год. Но тот же Минводхоз СССР своим «знаменитым» решением 55% его отдал казахам, хотя сельское хозяйство Саратовской области само задыхается без воды – и посевы гибнут, и скот поить нечем... Вот ведь и закон на нашей стороне, и люди страдают, а кто ответит за народные беды, к тому же незаслуженные и несправедливые? Получается, что грехи в прошлом порождают еще большие грехи в будущем. Да только грешат одни, а расплачиваются за их деяния почему-то другие.

Сегодня, имея ключи от воды и чувствуя негласную поддержку Запада, Азербайджан уже давно перестал соблюдать и те, ущемляющие права дагестанских народов нормы, которые были определены Минводхозом СССР от 7 октября 1967 г. Кстати сказать, данный протокол не имеет юридической силы международного документа, о чем прекрасно известно властям Азербайджана.

По данным Правительства Республики Дагестан, за последние пять лет среднегодовой фактический забор воды Азербайджаном из реки Самур составил 1,1 куб. км вместо 0,89 куб. км. Более того, власти Азербайджана вовсе не скрывают, что в настоящее время ведут реконструкцию Самур-Апшеронского канала, чтобы значительно увеличить его про-

пускную способность. В связи с этим ведется строительство дополнительной насосной станции для увеличения подачи воды из канала в Баку.

О каком тогда перспективном развитии Дагестана может идти речь? На левом берегу Самура ждут орошения почти 156 тыс. га земли, а фактически отпускаемой воды хватает лишь для полива 58 тыс. га, то есть 37%. Тогда как в Азербайджане орошается 60% земель в прилегающих к Самуру районах. Правда, беззастенчиво украденной водой...

Но разве сложившаяся ситуация на пограничной реке не доказательство нарушения Азербайджаном суверенитета России в отношении использования водных ресурсов? Статья 9 Конституции Российской Федерации гласит: «Природные ресурсы, находящиеся на данной территории, являются собственностью того народа, который проживает на этой территории». Более того, в международном праве записано – если страна не может сегодня использовать свою долю воды, то с расчетом на будущие поколения она не обязана отдавать ее другой стране. Но тогда получается, что Азербайджан действует в нарушение всех международных законов, не боясь даже осуждения со стороны мировой общественности? Да и законного негодования российского руководства, у которого ведь терпение тоже не безгранично. И все же Россия старается не раздувать конфликт, а решить его благоразумными методами, надеясь, очевидно, на здравый смысл своего заносчивого соседа, пытаясь найти мирный выход из создавшегося положения.

12 октября 1995 г. Правительство Российской Федерации принимает Постановление за № 1000 «О неотложных мерах по стабилизации социально-политической ситуации и экономического положения в южных пограничных районах Российской Федерации в пределах Республики Дагестан». Тогда же Роскомвод совместно с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти и Правительства Республики Дагестан готовит проект российско-азербайджанского Соглашения о сотрудничестве в области рационального использования и охраны водных ресурсов пограничной реки Самур. В основу этого Соглашения ложится принятый в международной практике принцип водodelения на пограничных реках, согласно

которому каждая сторона имеет право на 50% стока за вычетом экологических попусков.

Честно говоря, каких-либо официальных международных законов по данной проблеме не существует, поэтому как все природные ресурсы, находящиеся на территории любого государства, принадлежат только данному государству и проживающему на его территории народу. Однако, не желая, видимо, обострять свои отношения с Азербайджаном или в надежде на то, что все-таки, может, заговорит совесть у бывшей советской республики, тем более что строилась и развивалась она усилиями всего советского народа, Россия решила, что распределение своего речного стока поровну с соседом станет тем актом проявления добрососедских отношений, который поможет быстрее устранить досадные пограничные распри. Ведь при таком водораспределении доля России увеличится на 196 млн. куб. м воды в год, что уже позволит дополнительно оросить 28 тыс. га дагестанских земель и получить от реализации сельхозпродукции еще на 100 млн. руб. в год (в ценах 1991 г.), а также создать около 5 тыс. рабочих мест. Но главное – улучшить санитарно-эпидемиологическую обстановку в южных районах Дагестана.

В феврале 1996 г. проект данного Соглашения вместе с предложением сразу же начать переговоры был отправлен по дипломатическим каналам в Азербайджан. Впереди лето, и иссохшие десятки тысяч гектаров дагестанской земли наконец-то получают воду. Да только ожидания оказались тщетными. Азербайджанская сторона ответила лишь спустя полтора года – своим вариантом проекта Соглашения, в котором не только все сохранялось по-старому, но и предусматривалось дальнейшее увеличение безвозвратного забора Азербайджаном воды из Самура. Более того, их проект Соглашения о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве между Правительством Азербайджанской Республики и Правительством Республики Дагестан содержал статью 13, которой они как бы «законно» закрепляли существующее вододеление по протоколу Минводхоза СССР от 7 октября 1967 г. Как будто Азербайджану не было прекрасно известно, что в компетенцию Республики Дагестан как субъекта Российской Федерации это не входит.

Чем же объяснить такое бесстрашие Азербайджана в нарушении международных законов? Ведь с Дагестаном он всегда жил дружно... Догадаться, конечно, несложно – дагестанские земледельцы, вероятнее всего, оказались заложниками нефтяных компаний, которые наперегонки устремились к бакинской нефти. Еще бы! Руководство Азербайджана во всеуслышанье заявило своему народу и всему миру, что гигантские запасы нефтяных месторождений вскоре позволят им стать чуть ли не новым Кувейтом. Лишь бы не прогадать в выборе иностранных инвесторов. И этот дутый шарик до сих пор порхает над Азербайджаном.

Однако на сей счет существует и иное компетентное мнение. Известно, что впервые из скважины нефть на Апшеронском полуострове была получена еще в 1848 г. С тех пор добыто около 1,5 млн. т нефти, что составляет более 80% разведанных запасов. Но это в прошлом, а что в настоящем?

По данным Григория Аркадьевича Габриэлянца, лауреата Государственной премии СССР, доктора геолого-минералогических наук, академика РАЕН, последнего Министра геологии СССР, а ныне президента научно-консультационной фирмы «Геосервис», в 1998 г. «группа высококвалифицированных азербайджанских нефтяников, опираясь на все известные геологические материалы, подсчитала прогнозные ресурсы Азербайджана, которые после углубленной экспертизы были утверждены по шельфу в объеме 1611 млн. т углеводородов. В прогнозных ресурсах нефть составляет около 47% и примерно 70% ее залегает на глубинах более 5 км при глубине моря в большинстве случаев до 500 м.

Прогнозная оценка всегда и во всем мире использовалась и используется для определения направлений поисковых работ и ни в коей мере не может служить основанием для расчетов реальных уровней добычи. Что же касается политики вокруг азербайджанской нефти, то она строится на искусственном увеличении прогнозных ресурсов нефти до 3–5 млрд. т, создании впечатления, что они приравниваются к реальным запасам, и создании ажиотажа вокруг якобы гигантских уровней добычи нефти, сопоставимых с Персидским заливом».

Но какой резон Азербайджану идти на такой международный обман? Ведь когда-нибудь этот дутый шарик лопнет или азербай-

джанские власти действуют по принципу Ходжи Насреддина – к тому времени, мол, либо ишак сдохнет, либо эмир помрет?

Цель этой многослойной дутой политики прекрасно обозначил Григорий Габриэлянц: «Азербайджан, продав почти 90% будущей нефти и получив словесную политическую поддержку зарубежных стран, пытается поставить в зависимость своих соседей, обещая, если они будут хорошо себя вести, проложить нефтепровод через их территорию, и тем самым создает видимость своей экономической независимости от России».

Вот ведь как иногда бывает. В погоне за нефтью люди стали уничтожать живую природу, которая тысячелетия создавала им среду для обитания, выживания, познания мира, служила людям и колыбелью, и надежной защитой – растила их в надежде на ответную доброту. Вроде наступила пора зрелости, разума – и что же?

В устье реки Самур, вдоль ее берегов, но в основном в Дагестане, растет реликтовый лиановый лес. На этих широтах – единственный в мире. Более 50 видов животных, обитающих в нем, занесены в Красную книгу. Но последнее время состоянием реликтового леса здорово озабочены специалисты Дагестана и России – он вдруг начал чахнуть на корню. Вскоре обнаружили и причину. В этом же районе, но уже по правому берегу Самура, то есть в Азербайджане, неподалеку находится водозабор подземных вод. Бесконтрольная откачка их грозит не только существованию реликтового лианового леса. Ведь подземные воды непосредственно связаны и с поверхностными, они их подпитывают. Но здесь выявлено резкое понижение горизонта грунтовых вод, что несомненно скажется и на нерестилище в низовьях реки редких видов рыб, таких, как осетр, кутум... К тому же вокруг около 3 тыс. га сельскохозяйственных дагестанских земель. Что будет с ними?

Когда-то Адам Смит, «отец политической экономии», сказал: «Как это получается, что вода, столь нужная, что без нее была бы невозможна жизнь, ценится так низко, тогда как алмазы, не приносящие никакой пользы, ценятся так высоко?» Однако, думается, здесь Адам Смит лукаво предрекает, что в скором будущем чистая вода по стоимости сравнится с драгоценными камнями. И восточное «звание» воды – драгоценная

влага приобретет реальный смысл. Не нефть, а вода является основой жизни на Земле. И не из-за нефти западные футурологи пророчат к 2025 г. начало жестоких войн, а именно из-за воды. Хотя на Ближнем Востоке, как известно, они уже вспыхивают. Так что время, когда польется кровь людская за водицу, не за горами.

Вот чтобы избежать этого или хотя бы отсрочить, МПР России, убедившись, что Азербайджан не собирается добровольно исправлять незаконные свои действия на приграничной реке Самур, разработало технико-экономическое обоснование «Первоочередные мероприятия по улучшению водохозяйственной и экологической обстановки, комплексному использованию и охране водных и других природных ресурсов рек Самур и Гюльгерычай». За этими сухими канцелярскими словами скрыт спасительный для южных районов Дагестана смысл. Именно в этом документе и содержится решение вопроса о строительстве собственных водозаборов на территории Дагестана выше существующего злополучного гидроузла по течению реки Самур. Сейчас ведется их проектирование, ну а реализация проекта...

Теперь, очевидно, от Правительства Российской Федерации и МПР России зависит, как скоро у Дагестана появится реальная возможность напоить свои жаждущие влаги поля, улучшить свою жизнь и не испытывать унижений. И это единственно правильный путь решения пограничных и межгосударственных проблем с теми, кто привык полагаться только на силу. Ей Россия противопоставила разум, возможно, тем самым действительно отодвинув день, когда, как сказано в Апокалипсисе Иоанна Богослова, те, кто «имеют власть над водами», будут «превращать их в кровь и поражать землю всякою язвою...». А если это кому-то не нравится, то пусть вспомнит, что ответил Сергей Радонежский святителю Алексию и монаху, когда те пришли к нему и спросили, что им делать. Тогда преподобный Сергей им и сказал: «Спасем землю русскую». Так, может, действительно прав Сергей Радонежский – если спасется Россия, то спасется и весь мир, потому как Россия всегда спасается для всех?

«Льстил себя будущим...»

БУРЕНКОВ Эдуард Константинович родился 2 августа 1934 г. в Кинешемском районе Ивановской обл., закончил Московский институт цветных металлов и золота; кандидат геолого-минералогических наук, Заслуженный геолог России, лауреат премий Совета Министров СССР и Правительства Российской Федерации; член-корреспондент РАЕН, академик Международной академии минеральных ресурсов, член-корреспондент Канадской Академии наук.

Награжден орденами «Знак Почета» и «За заслуги перед Отечеством» IV степени.

I

Последняя моя встреча с директором Института минералогии, геохимии и кристаллохимии редких элементов (ИМГРЭ) Эдуардом Константиновичем Буренковым неожиданно сорвалась. Секретарша, виновато пожав плечами, коротко пояснила: – Срочно вызвали в министерство...

О дальнейшем расспрашивать было бесполезно. Директора мог ли задержать там на час-два, а то и на целый день. В раздумьях – что же теперь делать – я вышел в коридор. О самом Буренкове я знал немало, однако о сегодняшних делах института, его научных проблемах только в общих чертах, отдельными, так сказать, штрихами, которые на полную ясную картину явно не тянули. Правда, больше всего меня интересовала личность Эдуарда Константиновича как организатора работ по тем научным направлениям, которые смогли сохранить институт, даже пройдя между жерновами перестройки и экономических реформ. А тот, кто сумел преодолеть горловину между Сциллой и Харибдой, кто спасал не столько себя, сколько научную и промышленную базу для будущего, кто, вопреки всем скептическим прогнозам, одолел период безвременья, при этом не потеряв способности рождать и двигать научные

идеи в «новых условиях» – о подобных людях в науке надо бы судить не по количеству личных открытий и изобретений, а оценивать по факту существования этого очага науки. Вот почему меня больше интересовал сам Буренков, истоки его надежной стойкости и терпения в преодолении всех трудностей, на которые судьба была к нему довольно щедрой...

Характер

Больше всего он любил и ценил вольницу. Эта сторона его характера проявилась с раннего детства, которое выпало на лихие военные годы. Вернее, стала следствием той тяжелой поры, которая больнее всего и затронула детские души. В 1941 г., когда Эдуарду исполнилось 6 лет, не стало отца. Мать с утра уходила на работу, возвращалась поздно вечером! Фактически парень был предоставлен самому себе, и решал все свои проблемы сам. Шел второй год войны, время голодное, поэтому пацаны иногда пытались разжиться морковью, огурцами или кочаном капусты с проезжавшей мимо машины или на овощной базе, стараясь отвлечь чем-то сторожей. В таких случаях они устраивали у себя во дворе на Шаболовской улице настоящий пир.

В один из прохладных уже сентябрьских дней Эдуард и его друг Толик по прозвищу Морковка гоняли по двору тряпичный мяч, когда увидели вдруг направлявшегося к ним хромоногого дядьку. Он был в пиджаке, одетом поверх гимнастерки, перехваченной широким солдатским ремнем. Лицо доброе, улыбочливое. Подойдя, поздоровался и устало опустился на асфальт рядом, выгнув негнущуюся ногу перед собой.

– Вы живете здесь? Что ж давайте знакомиться. Меня зовут Александр Герасимович. Я директор школы, правда, недавно. Вот, – кивнул он на неподвижную ногу, – после госпиталя вернулся, сразу директором и назначили. Отвоевался, значит. А вы учиться хотите в школе? Лет-то вам сколько?

– Восемь...

Эдуард и Толик с интересом смотрели на незнакомца, который буквально подкупал ребят своей откровенностью, да и

разговаривал с ними на равных. А тот уже начал рассказывать о разных странах, о диковинных землях, где живут совсем другие люди, обитают невиданные звери, что в некоторых странах не бывает зимы, а в иных лета, и там не растет даже трава, но кругом до самого горизонта снег и льды. Друзья даже рот раскрыли от удивления, слушая директора. Тот вдруг резко оборвал себя, подмигнул ребятам и, тяжело поднявшись, уже деловым тоном спросил:

– Ну, так как, решили? Учиться пойдете? Тогда запишу ваши фамилии и адреса...

Эдуард и Толик лишь переглянулись и дружно закивали головами. Александр Герасимович записал их в свой блокнот и сказал, чтобы через два дня они пришли в школу № 584, тут совсем недалеко.

Вечером, когда с работы вернулась мать, Эдуард поставил на стол подогретую картошку и признался:

– Мам, а я записался в школу.

Она подняла на него запавшие глаза и, прижав голову сына к себе, почему-то со вздохом проговорила:

– Ты правильно сделала сыночек.

Что ж, раз сам решил пойти учиться, значит, и относиться к этому делу надо серьезно, тем более, что помощи ждать было неоткуда. Да и непривычно как-то расписываться в собственной слабости, когда вокруг всем нелегко приходилось. Вот и старался Эдуард Буренков, доказывал, что он не глупее других, да и мать чтоб не огорчать...

Что касалось будущего Эдуарда, то оно определялось и моделировалось его родными, особенно теткой Людмилой Федоровной Шинкаревой. Она была доктором медицинских наук, профессором, работала в больнице имени Склифосовского и преподавала в Первом медицинском институте. Как и ее муж. Их сын тоже пошел по стопам родителей, так что было с кого брать пример. Тем более что более гуманную и почетную профессию в послевоенные годы трудно было и придумать. Поэтому все разом так и решили, а Эдуард не сопротивлялся, потому как иного варианта жизненного выбора он не имел.

В их районе по неизвестной причине расформировали одну из школ, и часть учащихся перевели в 584-ю школу.

Несколько ребят попали в класс, в котором учился Эдуард Буренков. С одним из них, Сашей Волковым, он и подружился. Свела их вместе и спаяла крепкой дружбой все та же любовь к вольнице, иначе говоря, самостоятельность и независимость в характерах.

Как-то Волков пригласил Эдуарда к себе домой и познакомил со своим отцом Спиридоном Архиповичем, геологом, преподававшим в Московском геологоразведочном институте. Как вскоре выяснилось, он объездил с геологическими партиями Урал и Сибирь, Алтай. В тот вечер, с увлечением рассказывая ребятам о таежных красотах, поющей лесной тишине, когда хочется лечь на траву, закрыть глаза и слушать этот великий живой и разумный организм – тайгу, Спиридон Архипович вдруг задумчиво произнес:

– Если вы, ребята, хотите узнать, на что вы способны, по-настоящему горите желанием понять, что главное в человеке, ради чего он живет на земле, для чего преобразует ее, добывая уголь или руду; если хотите узнать себе цену – в этом случае только геология поможет расставить вам точки над «i». Не для кого-то, а для себя лично, для собственной ориентации в этой непростой жизни. – Он усмехнулся и пояснил: – Да, геологам приходится много работать, но это самые свободные люди. Что это значит? А то, что они острее чувствуют ответственность за свое дело...

Эти слова Спиридона Архиповича затронули какую-то невидимую струну в душе Буренкова. Они как бы упали на подготовленную почву воспитанного уличной вольницей Эдуарда, и не могли не дать всходов.

Именно после этой встречи Буренков стал почему-то более серьезно относиться к учебе, интересоваться физикой, химией. Это получилось как бы само собой и ничего фактически не меняло в его жизни. Понял он цену приобретенным знаниям; когда подал документы в Московский институт цветных металлов и золота. В те времена абитуриенты перед вступительными экзаменами обязаны были по каждому предмету посещать подготовительные занятия. Первым оказался немецкий язык. Их собрали в самой большой аудитории, и преподаватель, написав на доске фразу на немецком языке, поинтересовалась,

кто из присутствующих может разобрать это предложение. Желающих почти не оказалось. Тогда поднялся Буренков и на хорошем немецком языке сказал, что он в состоянии детально разобрать предложение, что тут же и сделал. Преподаватель спросила по-немецки, откуда он так хорошо знает иностранный язык. Буренков ответил, что благодаря учительнице в школе, очень строгой, настоящей немке. Поэтому ее ученики к десятому классу за один урок свободно писали на немецком языке сочинение объемом в несколько тетрадных страниц.

– Когда вы будете сдавать вступительные экзамены, – сказала преподаватель, – постарайтесь попасть ко мне. Я учту, что вы прекрасно знаете этот предмет...

Дома, уверенные, что для Эдуарда ничего не существует, кроме безоблачного будущего в медицине, лишь поинтересовались, сдал ли он документы, но в какой институт даже не спросили. А он не привык отвечать на вопросы, которых ему не задают.

И когда Буренков увидел свою фамилию в списках студентов Цветмета, то дома на молчаливые взгляды родственников тоже коротко произнес:

– Приняли...

На победный клич тети: «Нашего полку прибыло...» – Буренков слегка побледнел и сказал:

– Я буду учиться на геолога в Институте цветных металлов.

Он привык все решать и оценивать самостоятельно, постоянно взвешивая свои возможности, испытывая себя на прочность и утверждаясь в жизни. Та стихия, которая в нем заключалась, оформилась в мощную движущую силу благодаря именно знакомству с Волковым и Воздвиженским.

II

Дверь лифта открылась, и я увидел ученого секретаря института Николая Константиновича Дмитриенко, с которым у меня состоялся довольно долгий разговор в первый мой приезд. Подоровавшись, он поинтересовался, почему я гуляю по коридору, а узнав в чем дело, пригласил к себе. Я невольно вспомнил, с какой гордостью Николай Константинович рассказывал мне

о том, как Буренков, еще будучи начальником Московской геолого-геохимической экспедиции, взял на себя строительство институтского здания, в котором они сейчас и находились. Переселились сотрудники сюда годом позже, когда Буренкова назначили директором ИМГРЭ. На мой недоуменный вопрос, почему начальник экспедиции вдруг становится директором института, Дмитриенко ответил коротко:

– Бывший директор член-корреспондент АН СССР Лев Николаевич Овчинников ходатайствовал об этом. А потом и начальник Управления науки Мингео СССР Анатолий Иванович Кривцов. Это о чем-то вам говорит?

Тогда я как-то мало обратил внимания на слова ученого секретаря, фактически для меня мало что значащие, и лишь сейчас почему-то вспомнил о них. Но теперь они приобретали несколько иной смысл.

Как-то в середине 70-х в Московскую экспедицию на Малую Филевскую улицу нагрянул директор института и попросил показать результаты их работы за последние годы. В тот период начальником одной из партий экспедиции был Буренков, который вместе со своим старшим геологом Юрием Ефимовичем Саетом объездил несколько осадочных месторождений фосфоритов – в Каратау (Казахстан), на Шанторских островах, в подмосковном Егорьевске; исследовал месторождения бора в Тетюхе (Приморье) и серы в Туркмении. То есть показать было что. Ознакомившись с их материалами, Овчинников хмуро взглянул на Буренкова и недовольно произнес:

– В чем же дело? Почему не защищаетесь? Чтобы кандидатские диссертации были...

Жесткий характер директора института им уже был хорошо известен. Не в плане грубости или непримиримости в отношениях между людьми, а в смысле обязательности и ответственности в работе, в выполнении задач, которые государство ставило перед их институтом. В то время требовали развивать прикладную геохимию для поиска месторождений полезных ископаемых. Именно по этой теме вскоре защитил диссертацию и Буренков. Проблема редких элементов, новых технологий для промышленности перестала быть актуальной, хотя наиболее дальновидные ученые не переставали доказы-

вать на всех уровнях, что редкие элементы – это витамины промышленности. Однако новые технологии на производстве не внедрялись – предприятия боролись за снижение выпускаемой продукции и увеличение планов ее выпуска. Применение редких элементов не способствовало ни тому, ни другому. И никто не хотел прислушаться к голосу разума, постепенно затухающего, хрипящего крика ученых о том, что игнорирование применения редких элементов снижает срок службы продукции в 2–3 раза. Но страна тогда жила одним днем. Впрочем, как и сейчас...

Однако, когда Буренков принимал дела от Овчинникова, Лев Николаевич ему мрачно заметил:

– Будущее в геологии за геохимией, поэтому исследования в этой области надо обязательно двигать вперед, как бы судьба не повернула. Геохимия приведет и к новым технологиям добычи редких элементов. Правда, у нас главное не открыть, а доказать нужность этого...

Полностью смысл раздраженных слов бывшего директора института Буренков осознал гораздо позже. А вот методы его работы перенял и принял сразу же. В первые же дни Эдуард Константинович пошел по отделам института, чтобы лично выяснить, что сделано сотрудниками за последние три года, какие идеи имелись на перспективу. В результате некоторых сотрудников пришлось уволить, а иным были снижены оклады. Последующие жалобы уволенных и «обиженных» в высшие инстанции ни к чему не привели, даже по суду никто из подавших иски не были восстановлен – действия директора признали законными и правомерными. Правда, тогда перед директором стоял гамлетовский вопрос: «Быть или не быть?». Но и сейчас об этом своем вынужденном шаге Эдуард Константинович говорит с нескрываемым сожалением.

А чуть позже Буренков собрал всех работников института и сказал буквально следующее:

– Я человек незлопамятный, поэтому при обсуждении любых спорных вопросов буду выслушивать любые ваши суждения. Однако сразу договоримся – решение я принимаю один и несую за него полную ответственность. Так что, если таковое

будет принято, его надо выполнять, а прения прекратить. Единственное, что я могу вам твердо обещать – это принимать разумные решения...

Возможно, кое-кому сегодня действия Буренкова покажутся слишком крутыми, необоснованными и не совсем гуманными. Однако здесь надо учитывать неоднозначность и даже некоторую трагичность начальных лет перестройки. Я, например, и сейчас уверен в правильности действий Буренкова, потому как цель его преобразований заключалась не в личной выгоде, а для сохранения того научного и производственного потенциала института, за который он теперь отвечал и о чем его предупреждал Лев Николаевич Овчинников. Но Буренков наверняка руководствовался еще при этом и своим жизненным опытом.

Закономерные случайности

Профессор Лаврушин (фамилия изменена) долго листал материалы к будущему дипломному проекту студента Буренкова, изредка бросал на него снисходительные взгляды, морщился, чему-то усмехался, потом снял очки и, потирая переносицу, произнес:

– С такими материалами, молодой человек, я вас даже допустить до дипломного проекта, увы, не смогу...

Эдуард даже сначала не понял смысла сказанного профессором, руководителем его дипломного проекта. А когда все же дошло, Буренков вдруг побледнел. Что же он сделал не так? Это была единственная мысль, застрявшая, как инородное тело, в голове. Ведь если специалист-геолог утверждает, что в профессиональном отношении выполненная дипломником работа никуда не годится, значит, ему нечего делать в геологии. Выходит, он зря два года подряд ездил в Казахстан на Восточный Коунрад, где и находилось молибдено-вольфрамовое месторождение? Ведь Буренков честно отработал коллектором в отряде от Института геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии АН СССР. Руководителем экспедиции был профессор МГУ Коптев-Дворников. Эдуард об-

лазил все подземные выработки, исследовал отвалы на поверхности, сам материалы обрабатывал, все задокументировал. Буренкова в экспедиции уже хорошо знали, более того, даже приглашали работать к себе после защиты диплома научным сотрудником. И такой поворот...

– Конечно, вы вправе писать дипломную работу, но не знаю, – колючий взгляд Лаврушина уплыл куда-то в сторону, голос стал мягче, участливее. – Очевидно, придется все-таки отложить защиту диплома еще на год. Это в ваших же интересах. Поехать на другое месторождение и посерьезней отнестись к сбору материалов, молодой человек...

Буренков вышел из кабинета оглушенный, потерянный, вряд ли до конца осознающий, что произошло. Когда его обступили толпившиеся в коридоре однокурсники, Эдуард едва смог внятно объяснить, в какой ситуации он отказался.

– Сам виноват, – услышал он чей-то голос и вздрогнул. – Если бы не твои дурацкие вопросы Лаврушину на политзанятиях, ничего бы этого не произошло. Думать надо было, умник.

Буренков даже не оглянулся на говорившего, буквально пораженный этими словами. В душе у него все закипело. Теперь он понимал истинную причину такого несправедливого отношения к нему профессора Лаврушина. И вдруг обрадовался – тогда ведь с материалами для дипломного проекта у него все нормально! Да, но что это ему дает, кому жаловаться?

– А ты сходи к завкафедрой Крейтеру, – разом как-то загомонили вокруг, – покажи материалы. И если уж он скажет, что никуда не годится, тогда...

Владимир Михайлович Крейтер, завкафедрой поиска и разведки месторождений полезных ископаемых, в институте был личностью легендарной. В 1937 г. он был арестован НКВД и отправлен в ссылку на Колыму. Освободился лишь после смерти Сталина и был полностью реабилитирован. Ему сразу предложили преподавать в МГУ, однако Владимир Михайлович наотрез отказался:

– Меня забрали из Цветмета, где я заведовал кафедрой. И для меня это дело чести – вернуться на прежнее место работы.

Тем самым он ставил как бы вне закона все то, что с ним произошло. Для него возвращение в Цветмет стало своего рода

реабилитацией души. Но здоровье Крейтера к этому моменту уже здорово пошатнулось, хотя преподавательскую деятельность он и продолжал. Правда, студентов-дипломников Владимир Михайлович никогда не вел.

Буренков вошел в кабинет завкафедрой, даже забыв постучаться, нагруженный разными картами, схемами геологических разрезов и расчетами. Сбивчиво рассказал Крейтеру, потупив глаза и вдруг оробев, какое мнение руководителя его дипломного проекта о собранном им материале в Восточном Коунраде, что его не допускают к защите диплома, и он вообще не представляет, что ему теперь делать.

Владимир Михайлович внимательно выслушал его, затем подозвал к столу и сказал:

– Показывайте, что у вас там...

Завкафедрой долго и тщательно ознакомился с его расчетами и схемами, особенно с чертежами разрезов и картами, затем поднялся из-за стола и, подойдя, негромко произнес:

– Вот что, Эдуард Константинович! Если вы не возражаете, я готов быть вашим научным руководителем.

Буренков вдруг четко ощутил, как предательски загорелись мочки его ушей. Знаменитый профессор, мировая научная величина в геологии обращался к студенту по имени-отчеству! Было от чего придти в замешательство, хотя в следующую минуту сердце Эдуарда уже затрепетало от радости.

В последующие дни Буренков буквально выложился, готовя дипломный проект, и не жалел себя; лишь бы только не подвести профессора Крейтера. И оправдал его надежды – защита прошла на «отлично»!

Однако на этом полоса везения для Буренкова неожиданно закончилась. В экспедиции ИГЕМа, в составе которой он проходил преддипломную практику и куда его приглашали работать младшим научным сотрудником, такой свободной должности в штате не оказалось, а устраиваться коллектором у них Эдуард не собирался.. Правда, он не отчаивался, так как по предварительному распределению в институте Буренков должен был ехать в Норильск работать геологом. Однако именно в тот день, когда Эдуард готовился предстать перед комиссией по распределению для окончательного ут-

верждения его направления на работу в Норильск, Эдуарда неожиданно вызвали в деканат. Секретарь декана торопливо объяснила ему, что в Норильск поедет его однокурсник, который женился на выпускнице металлургического факультета с распределением ее в Норильск. А по закону семью разбивать нельзя.

Возникшая неопределенность выбила Эдуарда из равновесия. На комиссию по распределению он явился мрачнее тучи. И когда ректор института Дмитрий Тимофеевич Глек поинтересовался, куда молодой специалист хотел бы поехать работать, Буренков с вызовом ответил:

– В Норильск.

– Разве вас не предупредили, – вскинул голову декан факультета Щеголев, – что это место пришлось отдать семейной паре?

– Тогда, Дмитрий Иванович, я хотел бы остаться в Москве.

Буренков заметил, что все члены комиссии на него смотрели уже с раздраженным изумлением.

– Молодой человек, это невозможно.

– Тогда – в Норильск.

Умом Эдуард понимал, что его вызывающее поведение может привести к плачевному результату. И трудно сказать, чем бы все это закончилось, если бы ситуацию не разрядил декан факультета. Повернувшись к ректору института, Дмитрий Иванович с усмешкой сказал:

– Вот видите, что это за тип. Знаете, Дмитрий Тимофеевич, давайте-ка этому упрямцу отмерим три дня. Если за этот срок он сумеет сам устроиться в Москве, пусть здесь и остается. Если же нет, то поедет туда, куда мы его направим. Ну как, – ласково взглянул он на Буренкова, – ты согласен?

– Согласен.

До сих пор Эдуард Константинович никак не может уразуметь, почему он тогда согласился на это, прямо скажем, провокационное предложение. Свою обреченность он осознал почти сразу, едва оказался в коридоре. Отмахнувшись от ребят, Буренков пошел в буфет, чтобы выпить стакан газировки и обдумать свое непростое положение. По его расстроенному виду, очевидно, и буфетчица поняла, что с парнем случилась беда. Ее участливый вопрос: что произошло? – был как нельзя для

Буренкова кстати. И Эдуард выложил все, что у него на душе за это время накопилось; какой он неудачник в жизни – одна сплошная неопределенность...

– Вот оно что, – покачала головой пожилая женщина. – Значит, три дня у тебя всего? Знаешь что? У меня ведь зять работает начальником геологической экспедиции в Москве. Если хочешь, я с ним поговорю насчет тебя – вдруг что получится? Ты завтра подойди ко мне.

Буренков лишь молча кивнул этой доброй незнакомой женщине, даже имени которой не знал. Однако не зря говорили древние мудрецы, что ничего случайного в жизни не происходит. И на следующий день Буренков уже ехал на Брюсовский переулок, где в подвале одного из домов располагалась экспедиция. Начальник ее, Семен Исаакович Коган, и не скрывал, что он набирает специалистов для ведения полевых работ. А спустя какое-то время официальный запрос с просьбой направить выпускника Цветмета Буренкова Эдуарда Константиновича на работу геологом в Центральную поисково-ревизионную экспедицию Геологоразведочного треста № 1 уже лежал в деканате. В этот же день направление из института было в экспедиции. Однако по существующему тогда законодательству диплом студентам выдавали лишь после отбытия военных сборов, так как в Цветмете была военная кафедра. И на два месяца Буренков отправился в Гороховецкие лагеря. Вернувшись оттуда, он вышел на работу в экспедицию, но вместе геолога уже коллектором. На этот раз выбора у него просто не было.

– Поедешь в Западно-Сибирскую партию, там кое-чему научишься...

III

– Понимаете, – задумчиво проговорил Дмитриенко, – институт наш оказался в те годы в сложном положении. Впрочем, как и любой другой в то время, каждый выживал, как мог. Большинство институтов освобождались от своих филиалов, экспедиций, кто-то сдавал в аренду фирмам имеющиеся площади. Подобные проблемы, естественно, стояли и перед нами.

И не раз кто-то из дирекции ИМГРЭ, и я в том числе, приходил к Буренкову и советовал избавиться от наших экспедиций. Но всякий раз он их отстаивал. Тут время, как говорится, высветило, что директор оказался дальновиднее других. Правда, – улыбнулся Николай Константинович, – институт мог лишиться экспедиций, еще когда Буренков был начальником одной из них. И, можно сказать, он и тогда спас их.

В начале 90-х столичные власти решили перевести из Москвы в область или близлежащие регионы экспедиции НИИ геологов, геофизиков, гидрологов... Буренков добился приема у председателя Мосгорисполкома В.Ф. Промыслова, и тот распорядился экспедиции ИМГРЭ оставить в Москве. Видимо, члену КПСС Эдуард Константинович здорово запомнился, если спустя год после их первой встречи пошел на подобные уступки «в виде исключения». А ведь в первый раз их свели действительно обстоятельства исключительные. Тогда еще Буренков был начальником партии, а старшим геологом у него работал Юлий Ефимович Сает – еще в 1976 г. их не оставляли идеи применения геохимических методов при экологических исследованиях. Директор ИМГРЭ Овчинников, который не мог не понимать важности и перспективности таких работ, эти начинания одобрил. Вот тогда-то Буренков и Сает и пошли в наступление на столицу, отбирая геохимические пробы снега, почвы, водостоков, растительности, воздуха. В экспедициях их в шутку вскоре стали называть «помоечниками», хотя в этом содержалась немалая доля и истины.

На основании проведенных исследований в 1979 г. была составлена карта экологического состояния Москвы по районам загрязнения. И в Мингео СССР ей оказали должное внимание. Тогда же, с подачи Начальника Управления науки Министерства Николая Павловича Лаверова, решено было ознакомить с этой картой председателя Мосгорисполкома В.Ф. Промыслова. Но как это сделать? По своим каналам Буренков вышел на завотдела по науке Моссовета Михаила Баса. Увидев все выкладки геохимиков, он восхищенно воскликнул:

– Эта ваша работа – сплошной восторг! – и пообещал доложить Промыслову. Буквально через несколько дней председатель Мосгорисполкома принял у себя Лаверова, Буренкова и

Саета. Первое впечатление Промыслова после их доклада – неподдельное изумление проделанной работой сотрудниками ИМГРЭ. И как вывод:

– Вот что, молодцы! Эту карту придется закрыть. Ведь если о ней все узнают, начнется такой отток народа из одних районов в другие, что с этим невозможно будет справиться. Однако для пользы дела необходимо обязательно обеспечить такими картами ГлавАПУ, НИИ Госплана, Госстрой, Моссовет и другие организации, которые занимаются жилищным и промышленным строительством...

И действительно, результаты экологических исследований ИМГРЭ стали сразу использовать при планировании застройки жилых кварталов и промзон, но особенно детских учреждений и больниц. А спустя где-то год по представлению Мингео СССР группа ученых ИМГРЭ, занимавшаяся разработкой экологической карты Москвы, получила премию Совета Министров СССР. В результате столичные власти стали выделять деньги институту на производство определенных работ, а на совещаниях всех уровней начали интересоваться их исследованиями. Правда, экологическую карту теперь уже демонстрировали фрагментами.

Однако Буренков тогда и не предполагал, что в скором времени ему придется второй раз отстаивать экспедиции. Но теперь уже от сослуживцев... Мне припомнилось, как во время нашей беседы с Эдуардом Константиновичем я тоже поинтересовался у него, какие же доводы он приводил своим подчиненным, не позволяя расправиться с экспедициями.

– Да вот как-то удержался от соблазна, – рассмеялся Буренков, но сразу посерьезнел. – Без производственной базы в будущем наша наука осталась бы чистой теорией – специалисты бы ушли, и мы годами не смогли бы наверстать того, чего лишились бы в одночасье. Ведь когда-нибудь нам бы все равно пришлось работать в полную силу, а создавать производственную базу заново очень сложно. И потому сколько на моем веку происходило разного: то деньги выделяют на науку и ни копейки на производство, и тогда нам приходилось поддерживать производство за счет науки. То вдруг в государстве возникает нужда в уране или рении – редких металлах, и финансируется

только производство, а наука существует за его счет. Поэтому не надо большого ума, чтобы сделать вывод – все в этой жизни развивается циклами. Значит, если мы сохраним свою производственную базу, она может стать в будущем подспорьем в выживании института! Если нет, то все равно мы выигрываем, потому как у нас теория без практики мертва. Аксиома! Так что оба варианта мы имели беспроигрышных, ибо нас всегда бросает в крайности...

Однако, чтобы сохранить не только экспедиции, а целиком институт, необходимо было найти источники финансирования. А это возможно, если определиться в тех направлениях, которые можно было бы результативно развивать в «новых экономических условиях».

Эдуард Константинович и сейчас убежден, что лет 15–20 назад геохимические методы поиска месторождений полезных ископаемых были дискредитированы профанами. Несмотря на мировой опыт, многие научные авторитеты у нас в стране до сих пор считают, что открыть месторождение чистой геохимией невозможно. Но эти утверждения основываются на собственных ошибках производственников. Буренков сталкивался с подобными фактами, работая начальником партии, а потом и экспедиции. Ведь геохимические аномалии возникают в силу целого ряда причин разных почвообразующих процессов, многообразия растительности, ландшафтов и т.д. И надо быть очень грамотным геохимиком, чтобы уметь отделить истинные аномалии, связанные с рудообразованием, от ложных. При проведении геохимической съемки фиксируется масса аномалий, которые еще надо верно интерпретировать, а затем и правильно оценить. Но приходили геологи, бурили, – и ничего не обнаруживали. А виноваты, конечно, геохимики, по данным которых и работала геологоразведка. На совещаниях только и слышалось, что «геохимия не работает» и нечего ее использовать. А когда доходило до проверки материалов, выяснялось, что геологи вообще не там бурили. Однако опровергнуть заблуждения всегда сложнее, тем более что вступить за геохимию официально было некому – ни управления, ни даже отдела геохимических методов ведения прогнозно-поисковых работ в министерстве не было.

Оббивать пороги министерств и ведомств и доказывать эффективность геохимических методов часто приходилось Эдуарду Константиновичу Буренкову. Имея результаты практических опытно-методических работ, он утверждал, что каждое рудное месторождение окружает ореол рассеяния химических элементов, по которым вполне возможен поиск, в том числе и глубоко залегающих месторождений. Имеют свои ореолы и рудное поле, и рудный узел... Правда, ко всем этим выводам в Министерстве относились с прохладцей, но в ИМГРЭ продолжали работать. И вот, анализируя полученные результаты при исследовании рудных ореолов, в институте поняли, что методом многоцелевого геохимического картирования больших геологических площадей вполне можно определять перспективные или неперспективные в отношении рудных залежей районы, которые затем фиксировать на прогнозных картах. Более того, наличие своеобразных ореолов вокруг рудных тел натолкнуло специалистов ИМГРЭ на мысль, что подобное химическое окружение должно сопутствовать и производственному предприятию, и лесному массиву – то есть применимо уже в плане экологическом. И эти два новых направления, рожденные в недрах ИМГРЭ, стали приоритетными в его деятельности и должны были разрабатываться вместе. Именно такое решение принял Эдуард Константинович Буренков после мучительных размышлений о том, как вывести институт из прорыва и сохранить костяк его научного потенциала.

Первым итогом многоцелевого картирования и комплексного картографирования стал комплект из 12 карт территории страны в масштабе 1 : 5 000 000. В них содержалась не только информация о закономерностях размещения реальных и потенциальных металлогенических зон, позволяющая оценить минерагенический потенциал территории России, но и обширные данные об экологическом состоянии ее геологической среды.

Однако разработкой программы геохимического картирования геологических перспективных площадей России для прогноза и дальнейших поисков месторождений полезных ископаемых закладывался фундамент будущих геологораз-

ведочных работ по регионам. Программа получила название «Геохимическая карта России» и была одобрена Министерством. Чутье ученого и здесь не подвело Буренкова. Уже с участием других научных и производственных организаций в ИМГРЭ создается технология нового вида региональных работ многоцелевого геохимического картирования в масштабе 1 : 1 000 000 (МГХК-1000). Одновременно осуществляется и программа «Геоэкология России». Фактически обе они представляли собой единую федеральную программу как часть международных проектов IGCP-259/360 по международному геохимическому картированию и глобальным изменениям окружающей среды. Технология МГХК-1000 испытывалась на шести полигонах – Кольском, Московском, Алтайском, Байкальском, Восточно-Забайкальском и Приморском, которые и были выбраны именно потому, что отражали разнообразные геолого-тектонические, металлогенические, ландшафтно-геохимические и хозяйственные условия страны. В дальнейшем такие работы позволяли решать в едином технологическом цикле целый комплекс задач. Но главное, давали прогнозную оценку минерально-сырьевого потенциала территорий с обоснованием ее перспектив на выявление новых полезных ископаемых, в том числе и нетрадиционного сырья.

Однако своим сотрудникам в институте Буренков заявил, что программы многоцелевого геохимического картирования России он считает всего лишь стартовыми, а отнюдь не вечными. Надо было показать, в первую очередь, на что способны интеллектуальные силы ИМГРЭ, но главное – что может геохимия в плане поиска месторождений полезных ископаемых. Эдуард Константинович был убежден: чем глубже залегали месторождения, тем эффективнее срабатывали геохимические методы для их прогноза и поиска. К тому же, Буренков надеялся, что все-таки настанет момент, когда сохраненный им для пользы государства научно-производственный потенциал будет востребован полностью. И, можно считать, он дождался...

В тот осенний день Первый заместитель Министра природных ресурсов РФ Валерий Анатольевич Пак собрал у себя директоров ведущих НИИ отрасли. Вопросы за «круглым столом» обсуждались простые и в то же время жизненно важные: состо-

яние промышленно-сырьевой базы России и открытие новых месторождений полезных ископаемых. По справке, подготовленной Институтом минерального сырья специально по поручению Министерства, выходило, что на данный момент все имеющиеся у нас в стране мало-мальски значимые месторождения лицензированы, однако разработка полезных ископаемых там пока идет плохо, поэтому и потребность в сырье по-прежнему велика. А раз так, то необходимы новые перспективные площади месторождений, которые в ближайшем будущем можно было бы подвести под лицензии. Кое-какие перспективы по общегеологическим признакам были намечены, однако надо было выявить реальные месторождения или хотя бы довести прогнозно-поисковые работы до рудного поля. А вот как это сделать – мнения разделились.

После выполнения программ ИМГРЭ институт выдал целую серию карт, на которых уже на основании геохимических критериев давалась новая геологическая оценка каждого региона. На карте прогноза выделялись наиболее перспективные площади, отдельно отмечались и те, которые геохимики определяли как неперспективные на ближайшие 20–25 лет, пока не изменится технология добычи полезных ископаемых и не появятся новые экономические оценки, когда возможно будет вести промышленные разработки более бедных руд. На каждой такой карте перспективными оказывалось не более 20% всех площадей. Именно на них геохимики ИМГРЭ и рекомендовали геофизикам и геологам сосредоточить поиски месторождений полезных ископаемых.

Среди карт была и ландшафтно-геохимическая с районированием площадей по условиям ландшафта. Почему специалисты ИМГРЭ посчитали это нужным и важным? Дело в том, что даже почвы формируются в зависимости от того, в какой части ландшафта они находятся, например, на водоразделе или в низине. Везде идут свои геохимические процессы, а значит, и присутствуют аномалии. Но как отделить аномалии, связанные с ландшафтно-геохимическими условиями, от тех, которые связаны с процессами рудообразования? Ведь именно неумение отделить одни аномалии от других и были долгое время основной причиной обвинения геохимии в том, что она «не

работает». Теперь ландшафтно-геохимическая карта позволяла правильно подойти к этому вопросу.

Более того, эта карта дает возможность при составлении проекта геохимических работ грамотно выбрать наиболее рациональный геохимический метод исследования для данной территории: опробование почвы, коренных пород, подземных или поверхностных вод, донных осадков или газовые съемки, затем уже вести работы в самом оптимальном режиме.

К этому времени институты, как и Министерство, уже имели прогнозные карты миллионного картирования шести полигонов России, выполненные ИМГРЭ. Используя их, к поисковым работам могли уже приступить и геологи, и геофизики в масштабах 1 : 200 000 и 1 : 50 000, но вместе с применением геохимических методов, доказавших свою состоятельность и результативность.

Вскоре совместными усилиями институтов и производственных организаций такая технологическая цепочка прогнозно-поисковых работ была выработана. Для ее осуществления ИМГРЭ был полностью готов, его экспедиции могли сразу же организовать 15–20 поисковых партий...

Помню, как в конце нашей беседы Эдуард Константинович сказал:

– Каждому месторождению присущ свой комплекс элементов. Мы анализируем в этих ореолах сегодня до 40 элементов, и на основании таких анализов можем уже определить, какое залегает в глубине месторождение – медно-молибденовое, медно-порфировое или полиметаллическое, золоторудное. На основании целого ряда соотношений этих элементов мы можем теперь довольно точно сказать и насколько эродированное это месторождение. По сильной и ярко выраженной аномалии можем определить, что этот сигнал идет от корней месторождения, и там уже искать нечего. И наоборот, перехватить слабую аномалию и понять, что это показатель целого месторождения, которое «сидит» на глубине в сто и более метров. Все эти методики разработаны в нашем институте.

Буренков немного помолчал и уже совсем тихо закончил:

– Мы обязательно должны держать руку на пульсе собственных идей. Надо уметь честно оценивать – топчешься ты на

месте или все же двигаешься вперед. Но тут еще надо суметь правильно определить, в каком направлении развиваться, потому как это уже 50 процентов успеха. Иначе говоря, чуточку проявить научную дальновидность. Правда, такое под силу только команде, так что самое главное, выходит, правильно ее подобрать, – и он рассмеялся.

IV

... – И вот наконец-то наши прогнозные карты всерьез заинтересовали Министерство, – продолжал Дмитриенко. – На проверку наших прогнозов выделено пять миллионов рублей. И мы уверены, что на 80 процентов они оправдаются.

Резко зазвонил телефон.. Николай Константинович поднял трубку и с минуту молча слушал, потом покосился на меня и с сожалением произнес:

– Буренкова сегодня не будет. А завтра утром он срочно вылетает в командировку. Секретарша сейчас сообщила.

– Жаль, – вырвалось у меня. Я действительно испытывал некоторое разочарование от того, что директор института так и не смог подробно рассказать мне о планах возрождения исследований в области новых технологий по добыче редких элементов. Значение их для промышленности неопределимо – ведь здесь речь уже идет о стратегическом сырье, значительную часть которого нам приходится закупать за рубежом. Рений, например, необходимый в ракетно- и самолетостроении, Россия раньше получала из Казахстана и Узбекистана, а теперь ведет переговоры о поставках из Чили. Поэтому сначала я отнес к шутке замечание Буренкова, когда он вскользь как-то обронил, что скоро они догонят и перегонят Чили по количеству добываемого рения в год. Однако вскоре убедился, что директор говорил серьезно. Как выяснилось, идея заключалась в том, чтобы научиться извлекать рений из высокотемпературных вулканических газов, работая непосредственно на кратере вулкана. Методика получения рения уже разработана и запатентована заместителем директора института по науке Александром Александровичем Кремнецким и заведующим лабораторией Феликсом Исааковичем

Шадерманом. Она успешно прошла лабораторные испытания, после чего Кременецкий сделал специальный доклад на Коллегии Министерства экономики России. Было вынесено решение выйти в Правительство РФ с предложением о финансировании данных исследований. Ноу-хау ИМГРЭ позволит добывать от 2 до 20 тонн рения в год.

В настоящее время на вулкане Кудрявый на южно-курильском острове Итуруп технологическая партия во главе с Шадерманом налаживает полупромышленную установку для добычи рения. Кроме того, разработанная в ИМГРЭ технология позволяет попутно добывать индий, висмут, германий, а также серебро и золото.

Не так давно специалисты института проводили работы по очистке от тяжелых металлов акваторию Советского порта в Приморье. Для этой цели использовались «придуманные» и производимые ИМГРЭ в промышленных масштабах композиционные сорбенты на базе природного торфа и цеолита. Они гораздо дешевле зарубежных препаратов. Испытания проводились также и в Одесском порту и тоже показали превосходные результаты. Однако все эти перспективы зависят от того, насколько государство наше окажется дальновидным в своей экономической политике и по-настоящему радеющим не только за отечественную науку, но и за промышленность. А в конечном итоге за величие и экономическую самостоятельность России...

Я уезжал из института со сложным чувством. Чем лучше я узнавал Эдуарда Константиновича Буренкова, тем больше мне хотелось задать ему вопросов. Была мыслишка спросить его, почему он все-таки не защитил докторскую диссертацию, многократно отказывался даже тогда, когда к нему приходили уважаемые люди и убеждали, что это позор – директор института и не доктор наук. А он не хотел! Может, позором-то считал совершенно иное? Или прекрасно сознавал, что вытягивать из прорыва целый институт – лицо геохимической службы страны гораздо важнее, чем собственная карьера ученого? Это если к делу относиться с полной ответственностью и отдачей сил. Но чем больше я размышлял об этом, тем почему-то чаще мне вспоминался русский горняк с Урала, первооткрыватель рос-

сыпных месторождений золота в 1814 г. Лев Иванович Брусницын, который в истории так и остался едва известным и почти не был отмечен властями при жизни. В своих воспоминаниях он писал: «Я донине, и в особенности теперь, видя такое развитие золотого промысла, источники которого доставляют государству нашему огромное богатство, не могу вспомнить об открытии без особенного восторга. Надобно сказать, что ощущать такой восторг целую жизнь доводится немногим».

Брусницын словно предугадывал, что обязательно найдутся люди, которые наверняка зададутся завистливым вопросом: да уж правда ли, что без собственной выгоды золотишко искал? Может, своя тайная корысть была у него?

Была! Брусницын объясняет свое увлечение поиском россыпного золота тем, что имел «к тому какое-то непостижимое влечение, может быть и потому, что льстил себя будущим, что если я открою первый, то какую окажу отечеству моему заслугу».

Мне думается, что вслед за Брусницыным не только Буренков мог бы тоже сказать, что делал все в жизни так, а не иначе, лишь потому, что «льстил себя будущим», но и Волков, и Крейтер, и еще тысячи людей, для которых служить отечеству и есть та самая национальная идея, которую сегодня все ищет власть. Да только ведь любая власть преходяща, а вот Россия – вечна!

Земные беды космической геологии

Где собака зарыта

Зарывать истину как можно глубже начали не сегодня и не вчера. Одни открывали, другие зарывали. К первым относят великого русского ученого Михаила Васильевича Ломоносова, который еще в XVIII в. прогнозировал наличие алмазов в Сибири. «Рассуждается вообще, – писал он, – что полуночные земли не могут быть так минералами богаты, как южные, ради слабого солнечного проникновения в землю; но оное опровергнуто в слове моем о пользе Химии. По многим доказательствам заключаю, что и в северных земных недрах пространно и богато царствует натура. А что не так много находят дорогих минералов и камней, тому не стужа, но следующие причины препятствуют, натуральные и политические...» Прозорливость Ломоносова не удивляет, больше поражает тот факт, что с момента его откровений мало что изменилось. Ведь именно по его прогнозам на Северной Двине вблизи Орлецов был найден крупный алмаз. Что они могут находиться в недрах Орлецких гор, утверждал и Ломоносов. А спустя почти два века в окрестностях Холмогор действительно было открыто месторождение алмазов. О гениальном предвидении русского ученого просто забыли, но подобное забвение имеет определенную цену – сумму наносимого стране ущерба.

Через двести лет другой выдающийся русский ученый В.И. Вернадский с уверенностью заявит в 1927 г.: «Нахождение серьезных месторождений алмазов в пределах России очень вероятно, но задача их открытия до сих пор поставлена не была». И здесь невозможно не вспомнить жителя Вилюйска, геолога-самородка П. Староватова, о котором с такой любовью и уважением упоминает в своей книге «Российские алмазы:

были и небылицы» доктор геолого-минералогических наук Василий Елисеев. О наличии алмазов в бассейне Вилюя тот писал еще в 1939 г. В те годы у одного из жителей верховьев Тунга обнаружили при описании имущества алмазы, которые, как явствовало из его слов, он намыл на реке. Староватов в своих записках указывал и на то, что в некоторых местах на реке Мархе он видел синюю глину, которая, как он считал, в Капской провинции содержит алмазы. С этой работой Староватова познакомился и главный геолог геологоразведочного управления Наркомцвета СССР Амирасланов. Он и рекомендовал сотрудникам Комитета по делам геологии проверить эти данные на месте. Однако такая информация тогда никого не заинтересовала. А зря! В 1953 г. на реке Тунге была открыта алмазная россыпь. Подобные случаи в истории открытия алмазных месторождений на Русском Севере повторялись неоднократно с завидной последовательностью.

Еще в 30-е гг. прошлого столетия известным российским геологом А.П. Буровым было подмечено, что многие месторождения алмазов за рубежом находятся в пределах древних платформ: Африканской, Индийской и др. Но ведь в России тоже имеются платформы – Русская (Восточно-Европейская) и Сибирская, расположенная между Леной и Енисеем. Буров был убежден, что поиск алмазов надо начинать на Сибирской платформе, где в ее юго-западной части он сам нашел алмаз в 1937 г. Тогда же геолог В.С. Соболев, изучая горные породы из коллекции Н.Н. Урванцева – крупнейшего исследователя Арктики, обнаружил вулканическую породу, родственную мелилитовым базальтам Южной Африки, и сообщил об этом Бурову. Тогда-то и родилась у А.П. Букова идея изучить зарубежные месторождения алмазов и сопоставить их с районами Сибирской платформы. Однако проведению работ помешала война.

В 1947 г. поиски алмазов в Сибири возобновились, десятки и сотни геологов работали в разных районах, и уже через год в бассейнах Нижней и Подкаменной Тунгуски был найден первый алмаз, а в 1949 г. несколько кристаллов было отмыто в среднем течении Вилюя, на косе Соколиная. Еще несколько лет напряженной работы ушло на проверку различных гипотез об источниках сибирских алмазов и совершенствование

методов поисков. В 1953 г. геологом Л.А. Попугаевой с помощью пироповой съемки был обнаружен первый кимберлит – алмазоносная трубка «Зарница». В 1955 г. по этому методу и с помощью магнитной съемки были открыты многие кимберлитовые трубки Якутии, в том числе «Мир» и «Удачная», которые и стали основой алмазодобывочной промышленности страны. В 1960 г. было обнаружено крупное месторождение «Айхал», а в 1975 г. – трубка «Юбилейная». Однако к концу 70-х гг. фонд легко открываемых алмазоносных кимберлитов был исчерпан и затраты на прогнозные и поисковые работы стали стремительно возрастать, а отдача снижаться. Требовались новые технологии, позволяющие систематизировать уже полученные данные, выделить рудоконтролирующие факторы, локализовать перспективные площади для концентрации поисковых работ. С очевидностью на первый план выдвигались вопросы изучения структурного контроля кимберлитового магматизма, что требовало огромных затрат при опоре на традиционные виды получения исходного материала – площадные геофизические съемки, сейсмическое зондирование. И здесь методы космического зондирования могли бы стать приоритетными, так как позволяют с минимальными затратами «организовать» уже имеющуюся разрозненную информацию, а также выявить новую, недоступную наземным методам, что было доказано в работах известных российских геологов на примере металлических рудных месторождений (В.А. Баскина, А.Д. Щеглов, И.Н. Томсон, Н.Т. Кочнева, М.А. Фаворская и многие другие).

Пионерами использования аэро- и космической информации при прогнозе и поисках алмазов в Сибири стали геологи треста «Аэрогеология», изучавшие отражение в этих материалах кимберлитовых тел, а также связь их с разломами. Региональные дистанционные исследования проводили московские ученые (М.З. Глуховских, В.М. Моралев, Е.Б. Павловский), которые предложили оригинальные схемы строения этой территории, а также якутские геологи (В.А. Ян-Жин-Шин и др.), создавшие космогеологическую карту Якутии.

Однако в начале 90-х гг. прошлого века относительно хорошо отлаженный механизм геологического изучения страны

стал давать сбои и региональные и тематические исследования оказались невостребованными государством. Только не зря говорят, что все новое пробивается через «дантовы круги ада». Иногда диаметр такого круга не ахти какой и большой, а порой от края его и до края не одна человеческая жизнь теряется. Вполне вероятно, что это зависит и от того, насколько глубоко истину зарывают, иначе говоря – предадут забвению. И с какой целью: по глупости, по невежеству или здесь чьи-то корыстные цели примешаны? Хотя в таких делах без корыстолюбивых интересов никогда не обходится. Прав был умница Ломоносов, утверждая, что не стужа сибирская виновата, когда «дорогих минералов и камней» не находят, а препятствуют тому причины политические.

Алмазная эпопея

Самолет круто лег на крыло и пошел на посадку. В иллюминаторе облака взмыли вверх, а на открывшейся внизу земле замелькали многоэтажные белые здания города Мирного и огромная глубокая воронка за городской чертой – карьер разрабатываемой алмазной трубки «Мир». «Центр алмазного края», – подумал Ю.Н. Серокуров и невольно вздохнул – да, действительно, неизвестность хуже всего. Ведь когда Юрию Николаевичу позвонил главный геолог акционерной компании «Алмазы России – Саха» Владимир Миронович Зуев и предложил навестить к ним денька на три, стало ясно, что есть какие-то новости. Хорошие или плохие – по голосу главного геолога понять было невозможно, да предположения интересовали мало, проку от них не было никакого. Вот потому сейчас и волновался, хотя внешне оставался спокойным, даже безразличным. Правда, это давалось ему нелегко. Но, как говорится, жизнь сейчас такая, да и дело того требовало.

Что ж, уже более 20 лет, как страна стремительно «вошла» в космическую геологию, бурно развивая вначале методы геологического картирования, затем все более приближаясь к самой главной своей задаче – прогнозу и поискам необходимых полезных ископаемых. С начала 80-х гг. группа Юрия

Николаевича работала в Центральной экспедиции Первого Главного управления Мингео СССР и специализировалась в области прогнозирования и поисков урановых месторождений с использованием космической информации. В те времена и «народно-хозяйственных» спутников запускалось много, результаты их работы были доступны геологам, существовала возможность проверять их в полевых условиях. Результаты исследований были обнадеживающими. Разрабатывались оригинальные методы обработки информации, формировались прогнозно-поисковые модели, позволяющие минимизировать перспективные для локализации руд площади, вырисовывались контуры новых технологий. Но грянули вначале всеобщие политические, а затем и экономические реформы. Сокращение финансирования на себе почувствовал прежде всего самый мощный и организованный Первый главк Министерства, так как кто-то решил, что уран стране больше не нужен. Та же судьба ждала и другие крупные геологические производственные и научные организации, где в первую очередь ликвидировались группы, занимающиеся оригинальными разработками. Для десятков и сотен специалистов подобный поворот оказался роковым, так как они практически лишились работы.

Казалось, что чиновники живут одним днем, и будущее страны волнует их настолько, насколько надежно будет обеспечено их существование. А тут предлагают какие-то новые методики прогноза и поисков месторождений по космическим снимкам, что больше похоже на мистику, чем на науку. Смех да и только.

Лишь немногие потерявшие работу геологи пытались «перестроиться», поверив, что наступают новые времена и инициатива и профессионализм будут востребованы. Так, из большого (около 40 человек) отдела Юрия Николаевича, занимавшегося адаптацией космической информации в интересах урановой промышленности, в новую жизнь шагнули лишь несколько влюбленных в свое дело, пытаясь сохранить накопленные знания и опыт, так как надеялись, что они принесут еще пользу стране. Правда, это их благое пожелание зависело от одного – сумеют ли выжить среди дикости базарной экономики,

разбойничьего беспредела и беззакония или нет? Вот на это и брошены были все силы.

Видать, не все еще прогнило в государстве за перестроечный период, не все оказались зараженными чумным вирусом купли-продажи, накопительства и стяжательства любыми средствами, кое-кто вопреки очевидному не терял надежды на лучшие времена для Российского государства. Среди таких оказался и главный геолог НПО «Якуталмаз» Владимир Миронович Зуев, сыгравший определяющую роль в сохранении группы и проводимых ею исследований.

Юрий Николаевич вдруг вспомнил, как произошло это знакомство. В 1990 г. в Иркутске, на базе Сосновской экспедиции, которая входила в систему Первого главка (что и определило возможность посетить это мероприятие), проводилось Всесоюзное совещание геологов-алмазников страны, где рассматривались различные вопросы отрасли, в том числе прогноза и поисков месторождений алмазов. Он понял, что это один из немногих шансов, когда можно предложить развитие разрабатываемых методик на практике.

Результативность подобных методов доказать было вовсе не просто, хотя раньше он даже не подозревал, что придется доказывать столь очевидные вещи. Ведь десятилетиями у нас в стране геологические исследования велись по определенной, вполне логичной схеме: сначала региональная геологическая съемка больших территорий, затем более детальные исследования на наиболее интересных участках, которые и приводили к открытию месторождений. Процесс этот занимал десятилетия, так как предусматривал широкий комплекс геологических, геофизических, геохимических исследований. И стоили они миллиарды и миллиарды рублей. Наверное, в тех условиях это было правильно – и деньги у государства были, и специалисты, и возможности... Но сейчас-то у России ничего уже нет в нужном количестве, хотя неосвоенных в геологическом плане территорий предостаточно. А раз нет денег на проведение дорогостоящих геофизических съемок, то надо развивать более дешевые методы прогноза и поисков. И предпосылки для этого обнаружены при анализе космических снимков поверхности Земли. То есть можно совершенствовать процессы прогнози-

рования, определяя позицию части критериев и признаков рудоносности по вполне доступному ныне материалу.

В Иркутске ждало разочарование. Пробриться к трибуне и рассказать представительной аудитории о характере предлагаемых методик прогнозирования алмазоносных районов так и не удалось. Организационный комитет самодеятельности в таком деле не терпел – доклады выступающих заранее расписаны по времени, и поэтому «окна» какого-либо не предвиделось. К тому же «варяги», не известные в достаточно узких околоалмазных кругах, здесь не приветствовались.

В заседании был объявлен перерыв, и его участники рассыпались по широким коридорам и вестибюлю с буфетами и всевозможными киосками. Юрий Николаевич не в лучшем настроении прохаживался по коридору, когда увидел идущего навстречу В.М. Зуева. Трудно сказать, на что он надеялся, когда шагнул наперерез, представился и попросил уделить несколько минут внимания. Владимир Миронович пожал плечами, посмотрел на часы и пригласил в какую-то комнату, оказавшуюся пустой. Беседа затянулась на час и окончилась договоренностью, что группа по контракту с НПО «Якуталмаз» выполнит пилотную работу по изучению проявленности известных алмазоносных районов в материалах космических съемок.

Единственной формой организации в этот период было создание собственной фирмы. Только те, кто пробовал заниматься в нашей стране собственным делом (тем более не торговым, а научным), могут понять, как это трудно. Незначительный объем финансирования (наука в нашей стране стоит дешево), постоянные задержки с платежами, гигантский объем всевозможных налогов, масса отчетов в инспекции, соцстрахи и медстрахи, фонды занятости и т.д. А затем банкротства банков, дефолты... Крайним же является тот, кто решил что-то делать.

Небольшая группа специалистов, душой которой был Виктор Дмитриевич Калмыков, постоянный соавтор всех исследований на протяжении уже более двадцати лет, начала изучение особенностей локализации алмазных месторождений с Южной Африки, где они известны давно и хорошо изучены. Именно космические снимки дают геологам такую возможность, так как не признают границ и ведомственных ограничений. И эта

их уникальная особенность может использоваться для изучения всех площадей проявления полезных ископаемых в любой точке планеты.

Работа принесла результаты, удалось установить набор выявленных в процессе анализа снимков признаков, по сумме которых известные алмазоносные площади были оконтурены. Эти прогнозно-поисковые модели затем были применены в Восточной Сибири, где выделены похожие по тем же признакам на африканские участки. Известные к тому времени здесь алмазоносные площади рассматривались в качестве объектов-экзаменов и оказались в пределах этих участков, что подтвердило надежность построения. К тому же было выделено еще несколько участков, где кимберлитовых тел не было. Все полученные материалы были отправлены в Мирный в 1992 г. И вот этот звонок и странное приглашение...

Владимир Миронович его ждал, а на его рабочем столе лежала раскрытая папка с документами, которую Юрий Николаевич сразу узнал.

– Данные ваших прогнозов вроде как подтвердились, – сразу же заговорил о деле Зуев. – На одном из обозначенных вами участков бурильщики обнаружили алмазную трубку.

Казалось бы, разум победил, и теперь развитие дешевых космических методов при прогнозе и поисках рудоносных районов в России должно быть поставлено в ранг государственных задач. Ведь ежегодно на геологоразведочные работы компания «АЛРОСА», например, тратит более 1 200 млн. руб. И львиную долю таких прогнозных исследований могли бы выполнять космическими методами, сократив таким образом расходы в десятки раз. Ничуть не бывало! Если наука что-то и доказала, то это вовсе не значит, что государственный разум осознал необходимость этого. Да только и здесь чиновники по-своему правы, ибо их ум – жесткий реалист. А реальность этого дела на сегодня такова: если выделенные государством деньги на поиск и разведку месторождений в полной мере освоены не будут, то на следующий год их выделяют гораздо меньше. Иначе говоря, экономить не рекомендуется, хотя экономика сегодня и рыночная, но чиновники – представители соцреализма, с которым они соединены пуповиной, и разорвать ее, выходит,

не так-то просто. А может, для них и смертельно опасно – кому они тогда будут нужны?

В своей книге «Минерально-сырьевые проблемы России накануне XXI века», вышедшей в 1999 г., известный российский геолог академик Е.А. Козловский пишет: «Интенсивная эксплуатация богатых по содержанию алмазов кимберлитовых трубок Якутии привела к отработке большей части запасов, пригодной для открытой разработки, что определяет снижение добычи из них в перспективе. Строящиеся ГОКи на базе трубок «Интернациональная» и «Юбилейная» обеспечены разведанными запасами по проектной мощности соответственно на 20 и 26 лет, прииска «Анабарский» на базе россыпей – на 28 лет.

Освоение этих месторождений не компенсирует снижения добычи на ныне действующих предприятиях...

В связи с этим перед геологической службой стоят важные задачи по укреплению сырьевой базы алмазов за счет:

- проведения геологоразведочных работ в районах действующих предприятий с известными промышленными месторождениями в алмазоносных районах Республики Саха (Якутия), Архангельской и Пермской областях;
- проведения поисков коренных месторождений в Анабарском и Приленском районах Якутии, коренных и россыпных месторождений на перспективных территориях Красноярского края и Иркутской области;
- интенсивного изучения алмазоносности Русской платформы, в пределах которой, по оценкам специалистов, сосредоточено около 30% прогнозных ресурсов алмазов России;
- оценки перспектив выявления промышленных месторождений лампроитового типа; напомним, что открытие и ввод в промышленное освоение уникального месторождения этого типа «Аргайл» в Австралии позволили этой стране в короткие сроки выйти на первое место в мире по добыче алмазов».

А в то же самое время и сейчас приходится доказывать чиновникам, что космические методы могут приносить экономическую пользу стране ежегодно в сотни миллионов долларов при сравнительно небольших затратах на их развитие. И пока

самой разумной и дальновидной в государстве Российском оказалась лишь компания «АЛРОСА», которая пытается подержать и сохранить эти исследования. Но на сегодняшний день это и есть реальная забота о будущем государства. Ибо не всегда же у власти в России будут стоять те, кто живет только сегодняшним днем и личными интересами. А что это именно так в геологии, доказывать уже не надо.

Однако не надо забывать, что исследования подобного рода требуют предварительных затрат ума, энергии и средств на создание технологий и методик, воспитание кадров, что является общегосударственной задачей.

Прежде чем создать систему прогнозно-поисковых моделей для конкретных видов полезных ископаемых (будь то алмазы, нефть, газ, золото и т.д.), необходимо изучить их эталонные образы, позицию в региональной структуре, отражение в геофизических полях, то есть провести фундаментальные исследования. А это сфера интересов государства, и если это не будет понято, надеяться на прогресс вряд ли возможно.

Для проведения исследований необходим доступ специалистов хотя бы к старому банку космических снимков, который был заложен в прошлые десятилетия. К сожалению, современных (многозональных, радарных и др.) съемок Россия сейчас не проводит и для исследований приходится приобретать иностранные (американские, французские, индийские) снимки, стоимость которых достигает 2–4 тыс. долл. США за кадр размером 60х60 км.

Отсутствует в России и государственная программа космических исследований в области геологии. Оставшиеся еще энтузиасты этой отрасли науки на 90% заняты поисками средств для существования и лишь 10% остается на творчество и эксперимент.

Есть ли будущее у космической геологии?

Наша страна является обладательницей гигантских запасов полезных ископаемых, и нельзя закрывать глаза на то, что это и есть ее будущее. Ведь все равно придется восстанавливать

геологию, так как именно ее трудами пока мы существуем и существовать будем. Чем скорее это будет осознано в верхних эшелонах власти, тем больше надежд, что связь поколений не прервется.

К сожалению, уникальный и перспективный опыт останется невостребованным, и чтобы как-то сохранить его, а по возможности и совершенствовать, Ю.Н. Серокуров вместе с академиком РАЕН, проректором по науке Московского государственного геологоразведочного университета, профессором А.К. Соколовским стремятся организовать при МГГРУ Научно-учебный центр «Дистанционное зондирование недр», где можно было бы обучать и воспитывать студентов и аспирантов. Есть и темы, и идеи, которые уже сегодня можно предложить для практической реализации. Среди них и создание банков прогнозно-поисковых моделей разного ранга для наиболее интересных и нужных государству видов полезных ископаемых, и экологический мониторинг районов горной добычи. Не секрет, что в их пределах со страшной интенсивностью буквально взламывается природный ландшафт. В этом «виноваты» и геологи, и рудодобытчики, и строители... Многие густонаселенные районы России сплошь покрыты подобными язвами. И наиболее действенный и менее затратный способ наладить контроль за состоянием экологической ситуации в таких горнорудных районах – это периодическая космическая съемка, которая позволяет фиксировать все изменения и оценивать динамику развития процессов. А на этой основе уже возможен и прогноз развития экологической ситуации в районах и регионе, когда можно будет отслеживать все неблагоприятные моменты в деятельности тех или иных предприятий, на основании чего штрафовать их или подвергать иным санкциям в соответствии с существующим законодательством.

Естественно, что здесь объявится масса противников внедрения подобной системы слежения со стороны пользователей природными ресурсами. Так ведь не у них на поводу должно идти государство, которое просто обязано способствовать реализации таких проектов. Только конкретным и действенным контролем в геологической отрасли можно навести порядок,

который реально будет способствовать оздоровлению природной среды.

Хотя источники финансирования государство могло бы найти, если каким-то образом воздействовало бы на природопользователей. Предположим, обязать тех, кто пользуется недрами, отчислять минимальный процент на работы, связанные с мониторингом экологического состояния данного района и созданием банка данных. Тогда в любой момент можно будет узнать о состоянии экологии на рудоносном узле в любом регионе страны. А это уже позволит применить оперативное взимание штрафов с нерадивых недропользователей, которые окупят все затраты на организацию подобной службы.

Даже если только по этим двум направлениям развернуть работы, выгода для государства очевидная. Но заявка на организацию Центра по дистанционным методам прогноза и поисков месторождений полезных ископаемых в МГГРУ давно лежит в МПР России и ждет высочайшей резолюции.

Почему же космическая геология до сих пор не востребована государством в должной мере? Ведь если не помогать таким направлениям, на которых держится могущество страны, то космическая геология вскоре не выдержит столь тяжелого и гибельного для нее «земного притяжения».

А о горнорудных компаниях и говорить пока не приходится. Небольшие работают только ради прибыли любыми средствами, чтобы потом разбежаться, и таких большинство. О будущем заботиться способны лишь крупные компании, которые намерены развивать в стране добычу полезных ископаемых, а значит, и вести разведку их на десятки и сотни лет вперед. Но их в стране одна-две и все. Так ведь геологическую оценку регионов никто, кроме государства, делать не будет.

И оно должно быть заинтересовано в охране своих недр. Иначе будущего не будет ни у российской геологии, ни у Российского государства. Хотя по-прежнему у нас достаточно умов и идей, чтобы вывести геологию, а значит, и страну снова в мировые лидеры. Да только не все, видимо, этого хотят. И не поэтому ли наша космическая геология терпит у российских властей поражение за поражением?

В свое время академик В.И. Вернадский сказал: «Ждать нельзя. Надо спешить. Необходимо энергичными, быстрыми мерами поднять государственную силу России, задавленную случайными условиями государственного управления. Большое несчастье требует решительных и быстрых средств исцеления».

Если не помогать таким направлениям, на которых держится могущество страны, то они вскоре не выдержат тяжелого и губельного «земного притяжения».

И это все о нем

(Жизнь и Смерть творческого семинара
Виля Липатова)

I

... От бани через огород Виль и Колян пробирались осторожно. И не потому, что могли заметить их с ружьем, которое Виля стянул у дядьки. Ружье было заряжено крупной дробью – ее они нарубили из проволоки и целый час обкатывали меж сковородок в бане. И пороха не пожалели. Не дай Бог, невзначай стрельнет, всполошит всю деревню.

За ветхой редкой изгородью на задах вилась неясная тропка к лесу, который по верхам золотило утреннее солнце, туда-то и стремились закадычные друзья. Протолкнув меж сухих палок ружье, Виль ужом пролез следом и вдруг одновременно с криком Коляна: «Вилька, беги!..» – что-то затмило слепящее солнце, и голова Виля уперлась в толстый столб. Не понимая, откуда здесь мог взяться этот гладкий столб, похожий на обтесанный ствол старого кедрача, Виль вскинул недоуменные глаза и увидел необъемный живот сельского участкового Анискина. Он был перетянут широким ремнем парусиновых брюк, над которым застыли по рачьи выпуклые немигающие глаза. Живот колыхнулся, кругляки глаз резко приблизились, и Виль ощутил, как невидимая рука поднимает его с земли и ставит на ноги. В другой руке участковый держал злополучное ружье и внимательно разглядывал его, игрушкой вертя перед собой.

– От, видишь, Липатов, не зря меня в одночасье к реке потянуло, – довольно просипел Анискин. – Я хоть и не рыбак, но иногда на крючок мелочь попадается. А ты, выходит, охотник у нас. От, не знал... Да и дядька твой тоже, видать, об этом не подозревает?

– Отпусти, дядя Анискин, – обреченно захныкал Виль, держа и пробуя на прочность хватку участкового. И безнадежно затаих.

– Так оно еще и заряжено, – насутился Анискин и с явным любопытством взглянул на Виля. – Как же я тебя, пострела, отпущу, ежели ты по селу с заряженным ружьем шастаешь? Придется протокол составлять...

Это злое слово «протокол» вконец напугало Виля, он дернулся, пытаясь вырваться, но лишь осложнил свое положение.

– Ершист, – просипел Анискин и, сгребя парня в охапку, как нашкодившего котенка, неторопливо зашагал по тропке. – Мать-то у тебя учительша, – негромко и отрешенно как-то продолжал участковый, словно разговаривал сам с собой, – ее в селе у нас уважают, а ты, от, до воровства дошел. Придется с твоей матерью разговор серьезный иметь, неровен час, ты своим баловством искалечишь себя, а то, ить, и до смерти... Ты-то, Липатов, о смерти, конечно, пока не думаешь, это и правильно. Тогда мать бы пожалел, ей твою смерть не пережить... Не пережить... Не пережить...

Картина эта вдруг затуманилась, растворилась сероватой дымкой, которая стала темнеть, набухать, проявляясь черно-красными полосами, на которых в траурной рамке обозначился портрет Виля Владимировича Липатова – совсем молодого, с высоким чубом. В уши ворвались заунывные звуки похоронной мелодии, которые сразу заставили меня очнуться, вернули в Малый зал Центрального дома литераторов, где стоял гроб с телом писателя. Вдоль стен, обтянутых черными и красными полотнищами, стояли десятки венков – от Союзов писателей СССР и РСФСР, Московской писательской организации, Томского обкома партии, ЦК ВЛКСМ, МВД СССР и от различных издательств, редакций газет и журналов. В ногах у гроба стояла единственная корзина с цветами, перевязанная ярко-красной лентой с надписью: «Вилю Владимировичу Липатову от студентов его семинара».

Я никак не мог понять, почему вдруг, оказавшись в этом траурном зале, у меня неожиданно зрительно возникла картина

рассказа Липатова о том, откуда появился главный персонаж его «Деревенского детектива» участкового уполномоченного Анискина. Это был реальный человек, сельский участковый, который запомнился Вилю Владимировичу по инциденту, случившемуся с ним в детстве. О нем Виль Владимирович рассказал нам на одном из занятий семинара, в которых мы участвовали на протяжении пяти лет. Потом до меня дошло – во всем виноват, очевидно, большой портрет писателя в траурной рамке на черно-красных полотнищах. На нем Виль Владимирович выглядел совсем молодо, наверное, как тогда, в 1974 году, когда мы стали студентами и его учениками.

Мне запомнился первый наш семинар – знакомство со знаменитым писателем. Виль Липатов стремительно вошел в аудиторию, сел за стол, на ходу здороваясь со всеми, выложил на стол сигареты «Новость» с фильтром, зажег, сел и закурил. Обвел всех усталым взглядом и, заикаясь, негромко заговорил:

– То, что вы поступили в Литературный институт, еще ничего не значит. Научиться писать невозможно, и я тоже не смогу вас этому научить. Писатель – это состояние, которое определяет и работоспособность, и, в какой-то степени, даже талант. Это когда что-то так тебя взволнует, так заденет струны души, станет твоей истиной, что ты уже не можешь держать ее в себе, потому как то, что стало истиной для тебя, пропущенное через твое сердце и твои нервы, становится истиной и для всех. И ты просто должен поделиться ею с читателями. Это процесс творческого рождения и смерти, переживаемый писателем постоянно вместе со своими героями, а потом и читателями. И запомните, прежде, чем написать рассказ, повесть или роман, подумайте и уясните себе, о чем вы хотите написать, и главное – для кого вы пишете. И только когда здесь вы сами четко определитесь и уясните себе до тонкости, только тогда рассказ или повесть у вас получатся...

К сожалению, многое сказанное Вилем Липатовым мы пропускали мимо ушей. Мы были молодыми и обязательно талантливыми – Ольга Татарина, Лина Серебрякова, Наталья Борисенкова, Наталья Савенкова, Валерий Шашин, Михаил Ишков, Александр Гадалов, Владимир Егошкин... Это состояние особенности каждого первокурсника Виль Владимирович

прекрасно понимал. И поддерживал, если за этим крылись серьезные намерения.

Помню, на первых наших семинарских занятиях, когда мы познакомились со старшекурсниками – Анатолием Кривоносовым, Виктором Пшеничниковым, Юрием Пересунько, Николаем Студеникиным – Виль Владимирович сказал:

– У Толи Кривоносова в «Новом мире» вышла повесть «Простая вода». Советую всем прочитать. Издательство «Советский писатель» выпускает повесть отдельной книгой, и сегодня Толя получил сигнальный экземпляр. Она и станет его дипломной работой, чего и вам желаю. Более того, Толя будет защищать диплом уже будучи членом Союза писателей СССР. Вот такой результат...

Мы это восприняли как призыв к творческим дерзаниям. Но тогда мы не совсем понимали, что это значит – работать, учиться и писать. Да только очень скоро жизнь окунула нас в свою реальность..

II

В зал медленно входили родные и близкие Липатова. Жена писателя Александра Владимировна и его дочь Таня вели под руки обессиленную от горя мать Виля Владимировича. Все в черных платках. Их усадили на приготовленные стулья справа от гроба. Началось прощание с телом покойного. В почетном карауле, попеременно меняясь, вставали члены правления СП СССР, секретари ЦК ВЛКСМ, представители МВД, обкомов и горкомов партии, сотрудники издательств, газет и журналов.

Почитателей творчества Виля Липатова оказалось немало, их поток все увеличивался, а в час дня должна была начаться гражданская панихида.

Я смотрел на лежавшего в гробу Виля Владимировича, выглядевшего гораздо свежее, чем в последний год жизни, и все острее осознавал, кого мы потеряли в его лице – не просто руководителя семинара, учителя словесности, но человека, от которого зависела и наша судьба. Это чувство роковой для нас потери проявилось здесь особенно остро. До этого момента весть о смерти Липатова воспринималась нами на уровне

слухов. О смерти Виля Владимировича мне сообщила по телефону Наташа Борисенкова, сказала, что прочитала в «Правде» заметку «Памяти товарища» и никак не может придти в себя.

– Неужели это правда? – все спрашивала она, не желая верить в случившееся.

Я тоже не хотел верить. До этого Виль Владимирович долго болел, потом мы узнали, что ему сделали операцию на аорте. И вдруг новость – Липатов лежит в реанимации. Нам дали нового руководителя дипломных работ – Томашевского. Сказали, что это временно, потому как Виль Владимирович поправляется, уже встает, ходит. Потом опять поползли слухи, что Липатов после второй операции снова лежит в реанимации. И вот на тебе – 1 мая в час дня он умер.

В тот же день мы встретились с Валерой Шашиным, который выглядел очень расстроенным.

– Пойдем, помянем...

Мы с ним зашли в кафе. Посетителей было немного, но внутреннее праздничное убранство к дню Победы никак не соответствовало нашему состоянию. Молча, не чокаясь, выпили, после чего Шашин тоскливо заметил:

– Надо ехать домой, в Астрахань, и работать по-серьезному. И пока не напишу книгу, не вернусь... Только, – он с непонятным удивлением взглянул на меня, – кому я эту рукопись покажу? До нас ведь теперь никому нет дела...

Но всей глубины и незащитности своего сиротства мы тогда еще не понимали. Мы не осознавали даже, какую неопределимую помощь мы до сих пор получали от Липатова, чего она ему самому стоила и что наш эгоцентризм ударит по нас самим. И, наверное, я это ощутил в первую очередь.

Где-то за год до трагических событий Виль Владимирович появился на семинаре чуть позже обычного, но не прошел по привычке к столу, а позвал меня в учебную часть. Там я увидел пожилого высокого человека с рядами орденских планок на лацкане пиджака. Он сидел у стола, а рядом – Ольга Татарина.

– Познакомься, – говорит мне Липатов, указывая на пожилого человека, – это полковник в отставке Федор Максимович Еровой. Ты сможешь по его запискам написать роман о войне?

Для меня это было полной неожиданностью. Где-то с месяц назад Виль Владимирович объявил на семинаре, что есть работа – по запискам отставного полковника, участника Великой Отечественной войны написать роман о войне и прилично заработать. Первой изъявила желание Ольга Татарина – тогда она нигде не работала, и заработок ей был просто необходим. Потом, спустя какое-то время я спрашивал у Шашина, который тоже вроде бы читал записки полковника, двигается ли дело у Ольги. Сама она появлялась редко. На что Валера категорично заявил: «Из этой писанины ничего не получится!» Что из этой, неизвестной мне рукописи надо было сделать, я тогда вообще не знал. И вдруг это странное предложение Липатова.

– Но ведь Татарина взялась переделать рукопись? – с недоумением произнес я.

Ольга поднялась со стула и быстро проговорила:

– Понимаешь, я совершенно не знаю ни войны, ни армии, поэтому вряд ли чем могу помочь, – и ушла.

– Саша, ты за дело возьмешься?

– Не знаю, Виль Владимирович, – пожимаю я плечами, – надо хотя бы с рукописью ознакомиться...

– Все материалы тебе передаст Федор Максимович. И письма фронтовиков, и фотографии, и свои уже изданные воспоминания о фронтовых событиях. Посмотришь рукопись, позвони мне, скажешь свое мнение. Нужна будет помощь – пожалуйста...

Уже подходя к аудитории, Липатов остановился и спросил:

– Слушай, а как у тебя обстоят дела с «Советской милицией»? Мне тут звонил главный редактор журнала, просил кое-что написать для них, мол, ваш студент скоро будет работать у нас... Ну, чтобы я не отказал ему, – Виль Владимирович засмеялся. – Так тебя берут туда?

– Документы в МВД я сдал, а кандидатом в члены КПСС должен стать где-то через месяц-другой. Беспартийных туда не берут...

В тот момент я и не предполагал, как может это дело затянуться. Естественно, не по моей вине. На бесконечных собеседованиях в различных кабинетах МВД, отвечая на множество вопросов, не имеющих никакого отношения к литературе или журнали-

стике, рекомендация Виля Липатова срабатывала мгновенно. Кадровики-полковники даже не вспоминали о том, что я никогда не работал в газетах или журналах. Вскоре меня предупредили, чтобы я готовился к последнему разговору с заместителем министра Юрием Михайловичем Чурбановым, зятем Леонида Ильича Брежнева, Генерального Секретаря ЦК КПСС. Когда состоится это собеседование – никто толком не знал. Полковник Кукушкин из Управления кадров МВД только предупредил, чтобы я был готов, мол, генерал-лейтенант человек начитанный и может задавать довольно-таки неожиданные вопросы.

Как водится, звонок из МВД СССР прозвучал тогда, когда я его уже и ждать перестал. Утром следующего дня я был в Управлении кадров министерства. Там находились два подполковника милиции, капитан, лейтенант в штатском и четверо или пятеро гражданских вроде меня – все на прием к Чурбанову. Полковник Кукушкин проинструктировал нас, как нужно представляться заместителю министра. Не доходя трех шагов до стола генерал-лейтенанта, встать по стойке «смирно» и четко доложить: «Такой-то прибыл для получения назначения (или служебного разговора), здоровья желаю, товарищ генерал».

К 12.00 часам нас пригласили в приемную зам. Министра Чурбанова Ю.М. Представлял всех генерал-лейтенанту полковник Гуров. Вызывали по одному. Я вошел в кабинет предпоследним. Взгляд мгновенно выхватил сидящего за столом худощавого, с узкими плечами генерала, которому на вид было лет сорок. Позже выяснилось, что ему исполнился 41 год. Пройдя двухстворчатые двойные двери, я от волнения никак не мог их закрыть. Смотрю, генерал резво выскакивает из-за стола и почти мгновенно оказывается рядом. Протягивает обе руки, здороваясь и пожимая мою руку, а я еле успеваю пробормотать: «Здоровья желаю...» О представлении, как учил Кукушкин, я начисто забыл из-за проклятой двери.

Чурбанов, широко улыбаясь и кивая на стул, приглашает садиться. Сажусь, а Гуров стал зачитывать «объективку» – мои биографические данные, довольно подробные.

– С какими газетами или журналами вы сотрудничаете? – спросил генерал, когда Гуров закончил.

– Я рецензент в «Искателе»...

– И давно?

– Почти два года.

– Сколько же тебе нужно времени, чтобы написать рецензию? – поинтересовался Чурбанов, с лукавым прищуром глядя на меня.

– Часа два-три, – пожал я плечами, все больше удивляясь никчемности его вопросов.

– И какой навар от этого?

– Не понял... – я чувствовал себя довольно неловко. А генерал явно веселился, видя мое замешательство.

– Сейчас где работаете? Или на вольных хлебах?

Я сразу насторожился, хотя и чувствовал себя не лучшим образом. Это был явно провокационный вопрос. Ведь в моей «объективке», зачитанной Гуровым, ясно было сказано, что в настоящий момент я работаю в тресте Горнопроходческих работ. На плохо оплачиваемые нерегулярные рецензии не проживешь, это и дураку понятно, не то что генералу. О том, что я на днях уволился из треста, в МВД знать не должны. Хотя...

– Я работаю инженером производственно-технического отдела, – с безысходностью в голосе произнес я, со страхом ожидая следующих «профессиональных» вопросов. Однако больше он меня ни о чем не спрашивал. С мягкой улыбкой Чурбанов объявил, что это был предварительный разговор, а о своем решении мы, мол, вам сообщим дополнительно.

Я вздохнул с облегчением.

Спустя месяца два, когда Виль Владимирович уже был болен, мне сообщили из редакции журнала «Советская милиция», что Управление кадров министерства их ходатайства не поддержало, и мне отказано.

Но от судьбы, как говорится, не уйдешь. Спустя два года после смерти Виля Липатова, мне неожиданно предложили работать редактором в «Библиотечке» – только что организованном литературном приложении к журналу «Советская милиция». И уже работая в этом издании, я все время с благодарностью вспоминал те уроки Липатова, которые стали для меня основными не только в творчестве, но и в организации Всесоюзных совещаний молодых писателей, пишущих на милицейскую тематику, которые мы проводили совместно с Союзом писателей

СССР. Я словно чувствовал невидимую и негласную поддержку Виля Владимировича. Вот и не верь тут в мистику...

III

Люди шли проститься с любимым писателем широким потоком. Гроб утопал в цветах. Мы стояли чуть в стороне, по очереди бегая на улицу курить. Неожиданно к нам подошел декан по заочному обучению Литинститута Таран.

– Вы вот что, товарищи, – негромко проговорил Павел Васильевич. – Вам бы тоже надо встать в почетный караул, как студентам, ученикам Липатова. Три минуты по четыре человека. Повязки вам сейчас дадут...

Первыми у гроба встали Анатолий Кривоносов, Юрий Пересунько, Михаил Ишков и Валерий Шашин. Я вдруг вспомнил, что сегодня вторник, день семинарских занятий. И мы опять с Липатовым. Роковое совпадение? Знак свыше? Но о чем?

Со смертью Виля Владимировича закончился и мой «роман» с полковником Еровым. Две сотни страниц было отработано и одобрено Липатовым и полковником. Но дальше работать над романом становилось бессмысленно. Федор Максимович понимал это лучше меня. Забирая свои материалы, он горько заметил:

– Без Виля Владимировича книгу издать не удастся...

Это понимал и я, но пока еще не соображал, что данное утверждение относится ко всем нам. И случилось то, что должно было, очевидно, произойти. Те рассказы, которые мы с Валерием Шашиным отдали в журналы и которые, по мнению редакторов, имели полную возможность быть опубликованными, нам вернули без всяких объяснений...

Подошел Юра Пересунько, отдал мне траурную нарукавную повязку, сказав, что я иду в следующей четверке. Юра окончил институт три года назад, но мы с ним связи не теряли. Он работал в редакции «Искателя», и когда я однажды приехал к нему за очередными рукописями на рецензию, Пересунько подарил мне номер, где был опубликован его рассказ «Австрия, Лихтенштейн и половина Швейцарии». Мы его обсуждали на семинаре. Помню, Липатов еще тогда сказал:

– Здесь потребуется небольшая редактура, и можно публиковать. Ты, Юра, не тяни, а то получится, как и с твоим рассказом «Пашка умер»...

Мне думается, что Виль Владимирович вспомнил тогда историю с обсуждением рассказа Пересунько «Пашка умер» совсем неспроста. Написан он был мастерски и всем понравился. Однако в конце обсуждения Липатов спокойно заметил, что автор с этим рассказом опоздал лет на десять, его надо было печатать в хрущевские времена. Но Шашин и Ишков категорически с ним не согласились, высказав общую точку зрения, что хорошо написанный рассказ имеет право на существование в литературе. Да только правы ли мы были? Своевременная публикация произведения, в котором затрагиваются проблемные вопросы, присущие определенному периоду в жизни общества, способствует осмыслению описываемых событий «по горячим следам» и самим обществом. Хирургия событий режет по-живому людей, способствуя либо их объединению, либо разъединению. Вот почему важна позиция писателя. По прошествии времени подобный, уже ставший историческим, материал требует более углубленного изучения, исследования, значительных характеристик героев. Очевидно, Юра Пересунько понял это гораздо быстрее, чем мы – рассказ так и остался неопубликованным. Он не просто верил Липатову, Юра по праву считал и считает до сих пор, что все, чего он добился в жизни, он смог сделать только благодаря Вилю Владимировичу. За этими, казалось бы, высокими словами скрывалась самая что ни на есть проза жизни...

Юра родом с Колымы, и до попытки поступления в Литинститут в 1970 году, он уже имел публикации в «Колымской правде», писал рассказы и очерки. Но попытка пробиться в студенты оказалась неудачной – Пересунько завалил экзамен по английскому языку. Преподавание иностранного языка в школах северной глубинки – вещь относительная, тем более что жизнь легко ему не давалась, она, наоборот, заставляла Юру знать языки тех немногочисленных народов, которые населяли север, но уж никак не европейские. Пользы от знания местных наречий было больше.

Однако рассказы Юры Пересунько, которые он представил на творческий конкурс, привлекли внимание Виля Липатова.

И когда с институтом ничего не получилось, Виль Владимирович разрешил ему посещать творческий семинар вольным слушателем. Но, как оказалось, для Пересунько участие в творческих семинарах Липатова вольницей никак назвать было нельзя. Однажды на обсуждении Виль Владимирович, очевидно, присматривавшийся к Пересунько довольно серьезно, заметил:

– Юра, ты вообще не владеешь диалогом. Так вот, к следующему вторнику напиши новеллу на полторы-две страницы. Установка такая: управдом – участник Великой Отечественной войны, без правой руки, прихрамывает, но по долгу службы обходит квартиры тех, кто не платит за электроэнергию. Однако ни слова описания в новелле не должно быть, только диалог.

В те годы Пересунько с семьей жил в коммуналке, втроем в двенадцатиметровой комнате. Двухгодовалая дочь требовала внимания. И Юра ночами писал заданную Липатовым новеллу, выстраивал диалоги. Дочь часто просыпалась и кричала, и тогда одной рукой Юра качал коляску, а другой писал. Это были очень трудные годы вообще, однако, по словам Пересунько, они его вымуштровали, дисциплинировали, научили ценить время и серьезно относиться к писательскому труду.

Правда, так «мучил» своими заданиями Липатов далеко не каждого студента.

Как-то на одном из семинаров Виль Владимирович подзывает Пересунько и спрашивает:

– Юра, у тебя рассказы для публикации есть?

– Кое-что найдется...

Пересунько принес несколько рассказов, и Липатов отобрал два – «Лунная соната» и «Васятка». Пробежал глазами первый, буркнул как бы про себя: «Ну, тут править нечего», забрал их, а чуть позже пригласил его в деканат института. Попросил Юру подождать, а сам стал звонить по телефону ответственному секретарю газеты «Известия» Дмитрию Федоровичу Мамлееву.

– Дима, ты просил у меня подходящего кадра в штат, так я тебе его пришлю вместе с рассказами. Посмотри на предмет публикации, тебе они как раз подойдут...

На следующий день Юра летит в редакцию «Известий», робко стучит в кабинет ответственного секретаря, страшась,

что эта сказка вот-вот кончится, и ему дадут от ворот поворот. Однако Мамлеев оказывается не таким уж и страшным. С улыбкой берет рассказы, глядя на Юру с лукавым прищуром, быстро пробегает их глазами и снимает телефонную трубку:

– Лена, поднимись ко мне, здесь есть тема...

И когда в кабинет вошла молодая женщина, Мамлеев и говорит:

– Знакомьтесь – это зав. Отделом литературы Медведева Елена Сергеевна, а это Юрий Пересунько.

– Очень приятно, – заулыбалась Елена Сергеевна, протягивая Пересунько руку, – ты такой, как тебя описывал Липатов – большой и добродушный, да еще с Колымы.

– Вот его рассказы, рекомендует Виль Владимирович, ты их посмотри, думаю, они пойдут...

А Юра буквально оторопел от такого к нему отношения – кто он и кто ответственный секретарь газеты «Известия» или зав. Отделом литературы! Но оба его рассказа появляются на страницах «Известий». Это было просто неслыханно для человека с Колымы, провалившегося на экзаменах в институт. Но уже маячили на горизонте следующие...

И на этот раз вступительные экзамены Пересунько сдавал хорошо, пока не подошла очередь иностранного языка. Юра шел на экзамен по английскому языку, как на голгофу, прекрасно понимая, что этот «последний и решительный» явно будет не в его пользу. От отчаянности и обреченности он уже мало что соображал, и то, что знал, буквально вылетело из головы, едва он оказался у стола экзаменатора. Экзамен принимал преподаватель из МГУ, эдакий рафинированный мужичонка лет сорока, в дорогом шевиотовом костюме, ласково-высокомерный, с глазами проголодавшейся кобры.

Взяв билет, Пересунько недолго готовился к ответу, перевести текст из учебника ему все равно было не по силам. И он пошел сдаваться. Английский текст начинался со слова «Baby». Обливаясь потом от волнения и забыв совершенно все, Юра, заикаясь, прочел:

– Бабу...

– Что, что? – вытаращил на него в подозрительном изумлении глаза преподаватель.

– Бабу, – повторил Пересунько, чувствуя, как по спине ручьем катит пот.

Очевидно, преподаватель и сам не совсем понимал, что происходит – уж не насмеются ли над ним. Но потом и до него начинает доходить, что в данном случае студенту явно не до смеха. И тихим свистящим голосом в бессильной злобе он произносит:

– Я бы вам даже кол не поставил, а просто выгнал бы вас отсюда. Да, к моему величайшему сожалению, я вам даже двойку не вправе поставить...

Эту загадочную фразу Юра понял чуть позже, когда совершенно случайно увидел в экзаменационной ведомости против своей фамилии три точки – это означало, что преподаватель не может ставить абитуриенту «неуд», потому как он прошел все три отборочных тура, имея высшие балы.

Впоследствии, вспоминая этот эпизод своей студенческой жизни, Пересунько сказал: «Я до конца жизни не забуду, каким взглядом смотрел на меня этот лощеный интеллигент из МГУ». Однако, невзирая на таинственные и обнадеживающие знаки в ведомости, своей фамилии в списках поступивших в Литинститут Юра так и не нашел. Совершенно убитый свершившимся фактом и понимая, что вряд ли что теперь можно исправить, он звонит Липатову. Виль Владимирович тогда уже был Секретарем Правления Союза писателей СССР. Коротко объяснил ему ситуацию и услышал в ответ:

– Приезжай...

Спустя полчаса Юра уже входил в кабинет Липатова. Очевидно, вид у него был неважный, потому как, взглянув на Пересунько, Виль Владимирович улыбнулся и сказал:

– Юра, ты не расстраивайся, – и вызвав молоденькую секретаршу, попросил: – Соедини меня с ректором Литинститута Пименовым и скажи, что с ним будет говорить Секретарь Правления Союза писателей Липатов...

Только потом до Пересунько дошло, что тем самым Виль Владимирович сразу определил официальный тон разговора. И действительно, взяв трубку, Липатов сказал:

– Борис Федорович, у меня вот в кабинете стоит многообещающий абитуриент, который никак не может уже второй

год поступить в институт – заваливается на экзамене по иностранному языку. Однако для него это скорее беда, чем вина. Сам он с Колымы, трудное детство, тяжелая жизнь, к тому же, сами знаете, как учат иностранному языку в школах Крайнего Севера. Но мне он нужен как студент Литинститута. Можете вы его взять, посмотреть с полгодика, как он будет учиться, а потом и решить вопрос о зачислении? Договорились, спасибо, – и положив трубку, говорит секретарше: – Нужно отпечатать письмо-ходатайство от Союза писателей в Литинститут на имя Пименова. Я подпишу, и сегодня же отправьте...

А когда секретарша вышла, Липатов заметил спокойно:

– Я думаю, все обойдется, примут. А ты, Юра, во вторник чтобы уже был на семинаре...

И когда Пересунько заявляется на семинар, Липатов приводит в аудиторию Пименова и говорит, кивая на Юру:

– Вот тот самый колымчанин, за которого я вас просил. У него уже два рассказа в «Известиях» опубликованы. Познакомьтесь...

– Нам такие нужны, – пожимая Пересуньке руку, заметил Пименов.

– И у меня на него большие надежды, – сказал Липатов.

А вскоре Юрий Пересунько стал студентом Литературного института, даже не сдав экзамен по иностранному языку.

IV

Гражданская панихида затянулась, выступающих было много. Столько хороших слов о себе Липатов вряд ли слышал за всю свою творческую жизнь. Правда, больше говорили о достоинствах его книг, знании жизни, проблем сибирского села, называли писателем-деревенщиком...

Как-то на одном семинаре Виль Владимирович заметил, что главное в литературе – это сюжет, но русская литература бессюжетна, она философична. В ней – размышления о жизни и человеке, больше содержится внутреннего движения, чем сопутствующих ему внешних действий. Сейчас время сюжетной литературы, однако философия жизни должна в ней присутствовать – философия созидания, добра и человечности...

– Ведь и в жизни главное – действия, а не пустые разглагольствования, – подводя как бы итог, сказал Виль Владимирович, – но действия во имя чего-то...

Однажды мы обсуждали чей-то рассказ. Помню лишь, что разбили его в пух и в прах и по сюжету, и по героям, и по стилю. Особенно усердствовала Ольга Татарина, камня на камне не оставив от надуманной, как она считала, ситуации, искусственно созданной автором, в которой жизнью и не пахнет, поэтому, мол, и герои смешно похожи друг на друга. А ведь можно было бы сделать хорошую вещь..

Виль Владимирович долго молчал, затем, прикуривая очередную сигарету, произнес:

– Конечно, вы правы, можно было бы изложить придуманную автором историю и по-другому. Но зачем подменять автора? Вы все сейчас говорили, как бы вы сами написали рассказ на эту тему. Но тогда это был бы ваш рассказ, ваш взгляд на обстоятельства и их оценка, породившие подобную ситуацию и героев, их поведение в данных условиях. Однако у автора рассказа свое видение решения возникших у героев проблем, и к нему надо относиться с пониманием. Он предлагает читателю такую историю, исходя из тех творческих задач, которые он перед собой поставил. А вы этих задач просто не увидели, потому и захотели переписать по-своему. Здесь беда автора, может быть, лишь в том, что он недостаточно убедительно сделал это, не дал развиваться героям рассказа самостоятельно в данной ситуации в соответствии с их характерами. Иначе говоря, автор просто своих героев не знает и, можно сказать, не совсем понимает. Потому и старается их заменить собой. В этом его ошибка.

Липатов вдруг оживился, заулыбался и, лукаво поглядывая на нас, сказал:

– Я вот, приступая к работе над романом, например, «И это все о нем», в первую очередь составляю картотеку своих героев – кто когда и где родился, когда, где учился, кто родители. Если работал в колхозе, то что из себя представлял председатель или бригадир, в бригаде которого мой герой и вкалывал, хотя, возможно, этот бригадир один раз вскользь по сюжету и проходит. Или вообще его не будет. Смысл в том, что писатель должен о каждом своем герое знать гораздо больше,

чем написано о нем. Знать человека – это, значит, логично и обоснованно предугадать, как он себя поведет в той или иной ситуации. Вот почему иногда герои книг выходят из-под контроля автора – они живут самостоятельной жизнью в соответствии со своим характером, полученным воспитанием и образованием. Тогда и роман получается жизненным, потому как его персонажи не отходят от жизненных принципов. Роден однажды прекрасно сказал: «Искусство возникает там, где есть внутренняя правда».

Чуть помолчав, Липатов, покусывая ус, неожиданно, с непонятной внутренней задумчивостью, заметил совсем «не по теме»:

– Вы просто не представляете еще пока, насколько важно писателю найти своего редактора. Настоящий редактор – это редкость, здесь тоже особый талант нужно иметь. Редактор ведь нужен вовсе не для того, чтобы поправить стилистические ошибки, уточнить фразы или свежим взглядом убрать какие-то смысловые повторы в тексте... Редактор для писателя – это литератор-единомышленник, который понимает и принимает идею произведения, его героев, стилистический почерк, свойственное только автору видение предмета и разделяет его убеждения. Настоящий редактор – в некоторой степени даже соавтор. И не надо бояться такого утверждения. По большому счету – это родственные литературные души. Возможно, что и из вас некоторые не станут писателями, будут редакторами. Что ж, есть вероятность, что и на этом поприще вы проявите свой талант ради литературы, а не чего-то другого...

Липатов загасил окурок в пепельнице и сказал:

– У французского скульптора Огюста Родена есть прекрасное высказывание. Дословно не помню, но смысл его такой: писатель, жаждущий похвал своему стилю, напоминает солдата, который щеголяет своим мундиром, но боится, отказывается идти в бой, или крестьянина, который начищает до блеска свой плуг и любит им, вместо того, чтобы пахать землю. Это не камешек в чьей-то огород, упаси Бог. Я просто хочу, чтобы вы утвердились в мысли: все в романе или повести должно работать ради той цели, для которой они и написаны, а не присутствовать в качестве, пусть и хорошего, но пустого украшения...

Шопенгауэр говорил, что большинство людей выдает слова за мысли, а большинство писателей мыслит только ради писания. Подобный порок не коснулся писателя Виля Липатова, его книги играли роль действенного инструмента для преобразования общества и человека. И власть его использовала, что само по себе является уникальностью. Первым «сработал» «Деревенский детектив» – сначала книга, а затем и фильм, получивший широкое признание зрителя.

А начинался «Деревенский детектив» с рассказа «Панка Волошина». Работая в газете, Липатов часто ездил по командировкам. В одной из них он и встретил женщину, которая ему запомнилась по одной фразе: «Мужчина для меня – икона. Я молюсь на мужчин». Она не жалела для Липатова ни водки, ни закуски – угощала от всей души. Для женщины с такой «философией» в деревне жизнь не легкая. И рассказ у него начинался так: «Панку Волошину бабы били дважды: года три назад на Первомай, а летошний год оттаскали за волосы просто так, без всякого праздника». Ну, а раз били, значит, нужен милиционер. А что Липатов знал в то время о милиции? Вот тогда-то ему и вспомнился случай из детства, когда ему от роду было всего-то лет десять. Он стащил ружье у дяди своего, и они с приятелем пошли на охоту. По дороге их сельский участковый и застукал. На селе его все звали дядька Анискин, а Вилю он запомнился большим и толстым.

Рассказ «Панка Волошина» был опубликован, но в редакции Липатову предложили продолжить этот рассказ. Думая, что заинтересовала всех Панка, он все же спросил: о ком? – и с удивлением услышал: «Конечно, о милиционере, твоя Панка уже выписана...» Тогда Виль Владимирович и начал писать Анискина, вдруг уяснив себе, что здесь нужна сатира.

И чутье писателя не подвело.

После опубликования повести о деревенском участковом Анискине, пошел поток писем. В основном, конечно, от милиционеров, чиновников из органов внутренних дел. В них высказывалось недоумение по поводу незнания писателем специфики работы участковых, потому как им вести следствие не положено, а Анискин, мол, только этим и занимается. Липатов категорически возразил, мотивируя тем, что деревенский

уклад жизни, традиции на селе, свой устоявшийся мир отношений между людьми, которые знают друг друга с детства и из поколения в поколение, наоборот, способствуют эффективной работе участкового именно в части предварительного следствия. И надо отдать должное руководителям милицейского ведомства – эти доводы писателя были выдвинуты для обсуждения на Всесоюзном совещании участковых уполномоченных. Решение его было однозначным – участковые могут и должны проводить предварительное расследование преступлений, раз его так хорошо проводит Анискин.

А.М. Горький однажды заметил: «Мало на свете хорошего! Самое хорошее – искусство, а в искусстве самое лучшее и самое благородное – искусство выдумывать хорошее».

V

Вынос гроба с телом Виля Владимировича Липатова под оглушающие звуки похоронной мелодии заставил меня вздрогнуть с опустошающей мыслью: «Вот и закончился наш последний семинар с Вилем Липатовым. Что дальше?..» Этот вопрос просто зримо повис в гнетущей атмосфере прощания, отразился скорбью на лицах тех, кто посещал творческие семинары Виля Владимировича долгие счастливые годы. И тогда нам казалось, что большое сердце нашего Учителя будет биться вечно и его хватит на всех нас – в этом никто не сомневался. Теперь вот у Центрального Дома литераторов мы грузили венки на бортовую машину, чтобы вслед за похоронным автобусом отправиться на Кунцевское кладбище и похоронить наши надежды и мечты. Время как будто остановилось, и там, за окнами автобуса, размеренная городская жизнь казалась нереальной, неестественной, театром теней перед тайной загробного мира.

Виль Владимирович часто говорил: потерянный рай – это потерянный человек!

Мне почему-то не нравится повторяемое столь часто и, по моему, совершенно бездумно утверждение, что писатель – это инженер человеческих душ. Инженер – чистый технар, здесь запах металла, инструмента, насилия над человеком, что-то вроде хирургии. Слышится в каждом слове скрежет ножа по

стеклу, аж озноб по спине, мурашки по коже. Так и хочется со злой иронией продолжить: а может, писатель уж и хирург душ человеческих? Но тут недалеко и до патологоанатома, а там и до мясника тонких душевных структур человека. Что, кстати, сегодня в литературе эпохи перестройки и происходит...

На кладбище снова разобрали венки, и печальная процессия извивающегося людского потока медленно поползла к вырытой могиле. По иронии судьбы я с Михаилом Ишковым нес венки от МВД СССР. Несколько прощальных слов, и гроб попадает в руки могильщиков. Удары молотка по последнему гвоздю в крышку гроба звонко разносятся в весеннем воздухе. Трое рабочих поднимают гроб, но один с торца не удержал его и уронил – глухой стук, оторвавшаяся крышка съезжает набок, испуганный вскрик родных и шелест растерянных голосов. В груди у меня что-то скрежетнуло – может, тоже какая примета?

Возвращались мы в ЦДЛ на поминки, ехали долго и молча. И лишь в конце почти пути со мной неожиданно разговорился мрачного вида человек, назвавшийся Борисом Костюковским. Представился просто – друг Виля Липатова. Узнав, что я студент Литинститута и ученик Виля Владимировича, неожиданно произнес со злым вздохом:

– Говорил я ему, не ложись на операцию в эту спецбольницу, там не врачи, а биографии. Давай устрой в областную...

Он рассказал, что 31 апреля был у Липатова в больнице. По словам врачей, они опасались одного – а вдруг придется отнять ногу! О возможной смерти вообще никто не думал, хотя Липатов перенес две операции, страдая лейкоцитозом. Давление у Виля Владимировича было нормальное и он ненадолго пришел в сознание. Рядом как раз сидела его жена. Липатов открыл глаза и молча слабо пожал ей руку – видимо, он уже прощался с нею. А утром 1 мая неожиданно упало артериальное давление, и Виль Владимирович умер, не приходя в сознание. При вскрытии оказалось, что у него начинался цирроз печени и поражены легкие – курил он нещадно.

Сейчас, вспоминая Липатова, мне приходят на память слова главного редактора «Роман-газеты Дмитрия Жукова, которые он сказал в своем прощальном слове: «Когда я собирался на похороны, моя дочь, шестиклассница, ни разу в жизни не

видевшая Липатова, спросила: «Ты идешь хоронить Женю Столетова?» И я ответил – да!»

Фенимор Купер, которого так любил цитировать Виль Липатов, как-то сказал: «Страшно, когда твой путь пересекает Судьба». Но Судьба писателя пересекла не только его жизненный путь, она разодрала по живому и жизненные пути студентов его творческого семинара, его учеников – наши писательские пути. И кое у кого они действительно оборвались. Но и утвердилось на профессиональном писательском поприще не так уж и мало. Членами Союза писателей стали: Юрий Пересунько, издавший уже более тридцати книг, Валерий Шашин, впоследствии ставший директором издательства «Знаменитая Книга» (ЗнаК), драматург, автор многих пьес и киносценариев; Михаил Ишков, выпустивший в свет не менее двух десятков исторических романов и романов-фэнтези... Стали профессиональными писательницами и женщины нашего семинара – Ольга Татарина, самозабвенно, до самой своей безвременной кончины, работавшая как в поэзии, так и в прозе. В поэтической студии, можно сказать, литературном мини-институте, ею бережно возвращено и воспитано не одно поколение молодых дарований. Успехов в книжных и журнальных публикациях достигла Лина Серебрякова. В свое время увидели свет повести и рассказы Александра Гадалова, невесть куда пропавшего, давно уже не отзывающегося. О других семинаристах, к сожалению, я просто ничего не знаю. Но как бы там ни было, как бы не разметала нас судьба, уроки Виля Владимировича ни для кого из нас не прошли даром. Это уж стопроцентно. И думаю, о нашем учителе вполне можно сказать словами Огюста Родена: «Понять лучшее в человеке – в этом смысл и радость моей жизни». Виль Владимирович Липатов преуспевал в этом как никто другой!

Содержание

От автора	5
Не растратившие огонь	12
Геология совести	93
Отставка	126
Двойной портрет на фоне дикой природы	197
Золото под ногами	214
Горький привкус осины	232
Пожар	256
Зов потревоженной бездны	267
Надежда и боль державного Амура	280
Свет... и тьма	290
Над Самуром урагана не будет	315
«Льстил себя будущим...»	324
Земные беды космической геологии	346
И это все о нем	359

Литературно-художественное издание

Глазунов Александр Константинович

*Когда
обнажаются
корни*

Издано в авторской редакции

Рисунок на обложке Игоря Андрианова

Компьютерная верстка – Ульяна Иващенко

Подписано в печать 01.11.2021

Бумага офсетная. Печать офсетная. Формат 60х90/₁₆

Гарнитура «CharterITC». Усл. печ. л. 23,8

Тираж 50 экз. Заказ № 2215

ISBN 978-5-00170-454-6

9 785001 704546 >

Издательство «У Никитских ворот»

121069, г. Москва, ул. Большая Никитская, д. 50 а/5, стр. 1

тел.: +7 (495) 690-67-19

www.uniki.ru